

Александр Пуятин

ОГНЕИ И ЖЕЧОИ

РОССИЯ МЕЖДУ «ПОЛЬСКИМ ОРЛОМ»
И «ШВЕДСКИМ ЛЬВОМ»

1512 – 1634 гг.

ОТ РУСИ К ИМПЕРИИ

ОГНЕИ И ЖЕЧОИ. РОССИЯ МЕЖДУ «ПОЛЬСКИМ ОРЛОМ»
И «ШВЕДСКИМ ЛЬВОМ». 1512–1634 гг.

Александр Пуятин

АЛЕКСАНДР ПУТЯТИН

ОГНЕМ И МЕЧОМ
РОССИЯ МЕЖДУ «ПОЛЬСКИМ
ОРЛОМ» И «ШВЕДСКИМ ЛЬВОМ»
1512—1634 гг.

Москва
ВЕЧЕ

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)44
П90

Путятин, А.Ю.

П90 Огнем и мечом. Россия между «польским орлом» и «шведским львом». 1512–1634 гг. / Александр Путятин. — М.: Вече, 2014. — 384 с. : ил. — (От Руси к империи).
ISBN 978-5-4444-2128-4

Знак информационной продукции 12+

В книге «Огнем и мечом. Россия между “польским орлом” и “шведским львом”. 1512–1634 гг.» Александр Путятин описывает события судьбоносного для нашей страны периода, который на века определил ее место в мировой истории.

Смоленские походы Василия III, Ливонская война Ивана Грозного, борьба русского народа против польско-литовских оккупантов во времена Смуты, неудачный поход Михаила Шеина — предстают перед читателями в форме единого вооруженного конфликта, длившегося более века великой войны, в которой Россия отстояла свою независимость и навсегда покончила с мечтами польско-литовского союза о гегемонии в Восточной Европе.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)44**

ISBN 978-5-4444-2128-4

© Путятин А.Ю., 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

ВВЕДЕНИЕ

Нам трудно себе это представить, но Наполеон Бонапарт никогда не слышал о Столетней войне 1337—1453 годов. В то время, когда он жил, о ней не знали даже профессиональные историки. Это кажется странным только на первый взгляд. Правило «лицом к лицу — лица не увидеть...» действует всякий раз, когда люди сталкиваются с по-настоящему масштабными вещами, фактами или действиями. А потому важнейшие исторические явления, как правило, проходят мимо их современников. Даже потомкам требуются целые столетия, чтобы осознать истинное значение некоторых военных и политических событий. Людям нужно время, чтобы вылезти из груды мелких фактов и, поднявшись над ними, увидеть переломные участки исторического ландшафта, подобно тому как горную гряду нам бывает легче рассмотреть из окна самолета, чем с любой из точек на ее поверхности.

До публикации в 1955 году «Истории Франции» Анри Мартена вековой англо-французский конфликт изучался по обе стороны Ла-Манша как серия из четырех отдельных войн. Первая из них датировалась 1337—1360 годами и носила название Эдвардианской. Вторая охватывала период с 1369 по 1389 год и именовалась Каролингской. Третья, Ланкастерская война, длилась с 1415 по 1428 год и была отмечена максимальными успехами английского оружия. Дальше шел Освободительный поход 1429—1453 годов. За

это время французы отвоевали у англичан все спорные территории, кроме порта Кале*.

Если строго подходить к терминологии, то Эдвардианскую войну и боевые действия, которые шли между Англией и Францией после 1369 года, нельзя считать единым военным конфликтом. В 1360—1369 годах между странами действовал мирный договор, подписанный в Бретиньи английским королем Эдуардом III и дофином Франции**. Объективности ради нужно заметить, что и 1453 год не был юридической датой окончания боевых действий. Ведь, прекратив сражаться, стороны в тот момент не смогли договориться о мире. Тридцать девять лет короткие вспышки военной активности сменялись длительными перемириями. И лишь 3 ноября 1492 года представители Англии и Франции подписали, наконец, Этапльский договор.

Так почему же во второй половине XIX века большинство европейских историков согласилось с тем, чтобы свести воедино несколько этапов многовекового англо-французского противостояния? И в чем причина выбора именно этих (1337—1453 годы) временных рамок Столетней войны? С давних пор жизнь племен, населявших территории современных Англии и Франции, текла по единому галло-римскому руслу. А после завоевания в 1066 году Английского королевства норманнским герцогом Вильгельмом эти страны сблизились еще больше. Таким образом, в период между 1066 и 1337 годами скорее можно говорить о единой англо-французской истории, чем об истории двух различных стран. К 1337 году на территории этого политического конгломерата образовалась пара королевских доменов, в каждом из которых установилось прямое монархическое правление. В Англии и Иль-де-Франс рыцари приносили присягу не только вышестоящему феодалу, но и верховному сюзерену — королю. И в первую очередь они обязались хранить верность государю, а уже потом — синьору. В остальных же граф-

* Он оставался под властью Англии вплоть до 1558 года.

** Будущим ее королем Карлом V.

ствах и герцогствах продолжало действовать старое феодальное правило: «Вассал моего вассала — не мой вассал».

А поскольку эта «спорная» территория формально принадлежала французскому королю, то начавшаяся централизация поставила его английского соперника перед выбором: уступить коллеге все свои континентальные владения или предъявить претензии на французскую корону. Но первый вариант означал потерю громадных пространств, приносящих в казну больше половины доходов. Естественно, идти на такие жертвы властители Англии не хотели. В то же время сюзерены Франции не имели возможности подчинить своей власти земли полусамостоятельных графов и герцогов до тех пор, пока на территории страны существовал «второй центр притяжения» — владения, тяготеющие к английской короне.

Именно такое положение, при котором оба правящих дома претендуют на один и тот же титул и титул этот не является для них пустым звуком, а означает право контроля над огромными территориями, привело к столь длительному и напряженному конфликту. Подобная политическая ситуация препятствовала заключению сколько-нибудь прочного мира до тех пор, пока спорная корона ни будет фактически закреплена за одним из правящих домов. Таким образом, в течение всего периода 1337—1453 годов юридические претензии английских королей на французский трон, а равно и французские посягательства на владение Аквитанией и прочими землями, управляемыми из Лондона, делали невозможным достижение компромисса.

Британские власти раньше французских начали переход от феодального ополчения к профессиональной армии. Английские полководцы лучше своих континентальных коллег умели использовать сильные стороны войск «нового строя» и современных систем вооружения в условиях непрерывно идущей войны. Неудивительно, что они долгое время побеждали армии противника и занимали одно графство за другим.

И только когда французы почувствовали в англичанах ненавистных чужаков, а война превратилась из феодальной в нацио-

нально-освободительную, счастье отвернулось от Британии... Народная армия под руководством Жанны д'Арк начала отвоевывать захваченные оккупантами графства. В 1429 году ее войска сняли осаду Орлеана. После этого французские полководцы отбивали у врага город за городом, провинцию за провинцией, пока в 1453 году не капитулировал последний из крупных английских отрядов — гарнизон крепости Бордо. С этого момента усилия французской короны сосредоточились на борьбе с герцогами Бургундскими и другими «суверенными принцами» страны. Именно поэтому боевые действия после 1453 года английские и французские историки исключают из состава Столетней войны.

Итак, подведем итоги...

Принятие в 1337 году английским монархом Эдуардом III титула короля Франции ознаменовало кардинальную перемену в отношениях между двумя странами. Исчезли условия для политических компромиссов. Плантагенеты не оставили выбора династии Валуа. Теперь у Филиппа VI и его наследников имелись лишь два достойных выхода: добиться, чтобы британская сторона отказалась от присвоенного титула, либо захватить все принадлежащие Англии французские земли. Отнять континентальные владения Плантагенетов удалось лишь Карлу VII после тяжелой 116-летней войны. К 1453 году от обширных прежде французских территорий у английской короны остался лишь порт Кале. Столетняя война на этом завершилась. Титул же «короля Франции» британские монархи продолжали носить вплоть до Амьенского мирного договора 1802 года.

Как и все жители СССР, историю Столетней войны 1337—1453 годов я «проходил» в школе и запомнил из нее только Жаке-рию да подвиги Жанны д'Арк. Когда же в зрелом возрасте взялся за подробное изучение этого англо-французского конфликта, голову постоянно буровила мысль: «Где-то мне уже встречалось что-то похожее!»

Через некоторое время необходимость копаться в зарубежной истории отпала, и я вновь переключился на отечественную. Но

неясное предчувствие нет-нет да напоминало о себе, не оставляло в покое... И вот однажды в книге Костомарова, там, где речь шла о Поляновском мире, взгляд наткнулся на интересную фразу: «Этот мир был в свое время событием чрезвычайно важным, потому что собственно мира у Москвы с Польшей не было со времени Ивана III...»*

Беглая проверка показала, что один из величайших отечественных историков чуть-чуть неточен в деталях — в годы правления Василия III был четырехлетний период «вечного мира» с Литвой (договор, заключенный 8 октября 1508 года, действовал до самой осени 1512 года). А с Польшей при Иване III и Василии III у России вообще не было контактов. Ни военных, ни политических. До самого образования Речи Посполитой Московское государство воевало лишь с Великим княжеством Литовским, с ним же и вело переговоры. Однако в главном Костомаров не ошибся — все московские правители от Василия III и до Михаила Романова с 1512 по 1634 год участвовали в непрерывной 122-летней войне вначале с Литвой, а затем и с объединенной Речью Посполитой. В этом было нетрудно убедиться, проследив историю боев и перемирий XVI—XVII веков.

Естественно, я сразу принялся искать в русско-литовском вековом конфликте те же признаки, что заставили французских и английских историков второй половины XIX века объединить четыре следующих друг за другом войны в единую — Столетнюю. И вскоре выяснилось, что все они характерны для восточноевропейского противостояния 1512—1634 годов в той же степени, что и для англо-французской войны 1337—1453 годов.

Подобно галло-римскому котлу, длительное время «сплавлявшему» в единый культурно-политический конгломерат территории современных Англии и Франции, на востоке Европы многие столетия работал его славянский аналог. Народы Московского государства, Великого княжества Литовского и Польского королевства

* *Костомаров Н.И.* Старый спор. Последние годы Речи Посполитой. М., 1994. С. 11.

по языку, обычаям и культуре были даже ближе друг к другу, чем жители английских и французских графств.

Подобно западноевропейскому, русско-литовский конфликт начался как феодально-династический. И если новый титул Ивана III, впервые назвавшего себя «государем всея Руси», литовская сторона худо-бедно терпела, то при Василии III Сигизмунду I стало ясно, что Москва всерьез претендует на земли древней Киевской державы. Перед королем Польским и великим князем Литовским встала задача, очень похожая на ту, что подвигла английских монархов на бескомпромиссную борьбу против их французских коллег. Ведь, согласившись признать за Василием III титул «государя всея Руси», польский король тем самым косвенно подтверждал законность московских посягательств на «киевское наследство».

Подобно британцам, польские власти раньше русских начали переход от феодального ополчения к профессиональной армии. У королевских полководцев долгое время лучше получалось использовать в боях войска «нового строя» и современные системы вооружения. Россия же, подобно Франции XIV—XV веков, на втором и третьем этапах борьбы по части военно-технического прогресса выступала в роли догоняющей стороны. Армии Речи Посполитой одерживали в «поле» одну победу за другой до тех пор, пока Скопин и Пожарский не освоили новые принципы ведения боя.

Справедливости ради следует заметить, что между двумя вековыми войнами имеются и некоторые различия. Так, из ключевой пары вопросов — спорные территории и спорный титул — Франция за время войны решила первый, а Россия второй. По Поляновскому миру 1634 года Речь Посполитая сохранила за собой ту часть Киевской державы, которая входила перед войной в состав Литвы. Однако Россия выдержала многолетний западный натиск, сохранила государственную самостоятельность и закрепила за своим монархом право называться «государем всея Руси».

Просматриваются между двумя войнами некоторые несовпадения и по продолжительности боевых действий. В англо-фран-

цуской войне 1337—1453 годов стороны находились в состоянии мира или перемирия меньше 36 лет, а свыше 80 лет вели боевые действия. Участники же русско-литовского противостояния формально воевали меньше 45 лет, а все остальное время между ними действовали договоры о перемирии. Однако не следует забывать, что как Великое княжество Литовское, так и его правопреемник, Речь Посполитая, были государствами децентрализованными. В этих странах магнаты, а позже и отдельные группы шляхтичей по закону имели право вести собственные военные кампании против зарубежных соседей. В борьбе с Россией противник активно использовал эти возможности.

Из «магнатских» войн наиболее известны три: борьба Мнишека, Ружинского и прочих против московского правительства на стороне двух первых Лжедмитриев в 1604—1611 годах, боевые действия гетмана Сапеги против Ивана Грозного в 1577—1578 годах в Ливонии и конфликт Адама Вишневецкого с Борисом Годуновым на Северной Украине в начале XVII века — его точная датировка затруднительна, поскольку князь Адам много раз объявлял о прекращении войны, а потом снова выяснялось, что «воровские» малороссийские казаки действуют не сами по себе, а находятся у него на жалованье. Во всех трех случаях против России выступали частные армии численностью от нескольких тысяч до двух-трех десятков тысяч ратников. И бои с ними московские войска вынуждены были вести в годы межгосударственных перемирий. Рейды же более мелких отрядов шляхты в русские земли стали настолько привычным делом для «перемирных» лет, что о них историки упоминают лишь вскользь, когда речь заходит об уровне боевой подготовки дворян из пограничных с Литвой и Польшей уездов.

И при этом во многие из «военных» лет англо-французского конфликта противостояние между вражескими армиями носило характер «боев местного значения». К примеру, одним из крупнейших сражений 1351 года принято считать «битву тридцати». 26 марта отряд из тридцати английских рыцарей и сквайров одержал победу над тридцатью французскими рыцарями и оруженосцами. Понятно, что

такое «великое сражение», случись оно где-нибудь под Смоленском или Новгородом-Северским даже во время самого спокойного из перемирий, никогда не попало бы на страницы учебника.

К числу наиболее значимых совпадений двух межгосударственных столкновений относится тот факт, что Франция и Россия дошли до критической точки примерно в одно и то же время, если считать от даты окончания каждой из войн: в 1428 году, за 25 лет до капитуляции Бордо, англичане осадили Орлеан; в 1610 году, за 24 года до заключения Поляновского мира, армия Жолкевского вошла в Москву.

В самый тяжелый для России и Франции момент народы наших стран выдвинули из своей среды «смешанные» пары вождей, аристократа и простолюдина. Они создали и возглавили освободительные армии, переломившие ход каждой из войн. Во Франции это были крестьянская девушка Жанна д'Арк и барон Жиль де Рэ, в России — посадский житель Кузьма Минин и князь Дмитрий Пожарский. Интересно и то, что вывели свои страны из кризиса они практически синхронно: 1429 году, за 24 года до конца англо-французского противостояния, войска Жанны д'Арк прорвали блокаду Орлеана, и в 1612 году, за 22 года до завершения русско-литовского конфликта, армия Пожарского освободила от поляков Москву.

Коронация Карла прошла в Реймсе в 1429 году, за 24 года до окончания Столетней войны. Михаил Романов вступил на трон в 1613 году, за 21 год до заключения Поляновского мира. Зато освобождения своей столицы французам пришлось ждать дольше нашего — Париж перешел под их контроль лишь в 1435 году, за 18 лет до конца конфликта, у нас же Москва освободилась от поляков за 22 года до наступления мира.

Таким образом, ключевые события, оказавшие максимальное влияние на исход двух вековых столкновений, уложились в обоих случаях в семилетний промежуток: 18—25 лет до окончания каждой из войн. Все это вместе со схожей периодизацией и совпадениями в наиболее важных деталях позволяет утверждать, что в англо-французском конфликте и его восточноевропейском аналоге просматривается намного больше общих черт, чем различий. И наверное, будет справедливо, если описываемую в этой книге русско-литовскую войну мы тоже станем называть «столетней».

Глава 1

СМОЛЕНСКИЕ ПОХОДЫ ВАСИЛИЯ III

Война началась осенью 1512 года. Польский король и великий князь Литовский Сигизмунд I получил «грамоты разметные» от своего восточного соседа. В них Василий III упрекал литовского порубежника в стараниях поднять против Москвы крымскую орду Менгли-Гирея, в результате чего в мае 1512 года «двое сыновей Менгли Гиреевых с многочисленными толпами напали на Украину, на Белев, Одоев, Воротынск, Алексин, повоевали, взяли пленных»*. Таким образом, заключенный в 1508 году «вечный мир» между двумя государствами — претендентами на «наследство» Киевской Руси — продержался всего четыре года.

Осенью войну русские начали не случайно. Воеводы планировали завершить литовскую кампанию за одну зиму, чтобы исключить возможность нападения на южные рубежи крымских татар. Главной целью для московских полков стал находившийся в руках Сигизмунда город Смоленск. Передовые русские войска выступили в поход 14 ноября. Из Вязьмы в литовские земли двинулся отряд князя Репня-Оболенского и конюшего Челяднина. Из Великих Лук вышли полки князей Одоевского и Курбского, одновременно с ними в поход отправились новгородские и псковские пищальники князя Василия Шуйского.

Передовые отряды должны были очистить от противника окрестности Смоленска, а потом прикрыть с запада главные силы русской армии от возможного встречного удара короля Сигизмунда. 19 декабря следом за ними из Москвы двинулись великокняжеские полки во главе с самим Василием III. Оперативное руководство боевыми действиями осуществлял опытный воевода Даниил Васильевич Щеня.

* *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. III. Том 5. Гл. 2.

28 декабря главная русская армия прибыла в Можайск, где к ней присоединились рати из Дмитрова, Волоколамска и Городца. В начале января 1513 года московские войска взяли Смоленск в кольцо. Одновременно передовые русские полки совершили рейды в районы Орши, Друцка и Борисова. Отдельные легкоконные отряды доходили даже до Минска и Витебска. В это же время северские полки во главе с князем Василием Шемякичем совершили отвлекающий набег на Киев, где пограбили и сожгли городские посады.

Дальние рейды призваны были оттянуть литовские войска от основной цели похода и дать возможность главным русским силам сосредоточиться на взятии Смоленска. Однако предпринятый Щеней ночной штурм города закончился неудачей. Пищальники из Пскова, Новгорода и других городов бились почти сутки, много их полегло от огня городского наряда (пушек Смоленского гарнизона), и все без толку. Взять первоклассную крепость с наскока русской рати не удалось. Спустя шесть недель Василий III повелел снять осаду Смоленска. В начале марта основная часть войска возвратилась в Москву. В Вязьме, на литовской границе, остался лишь «большой полк» во главе с Даниилом Щеней.

Первый поход на Смоленск ясно показал Василию III, что для успеха предприятия нужно усилить осадную артиллерию. Военные действия лучше перенести на летнее время (когда легче находить корм многочисленным лошадям), а для того предварительно оградить южные рубежи от вторжения крымских татар. Решение о втором походе на Смоленск приняли на заседании Думы сразу после возвращения в столицу.

В соответствии с этим планом 14 июня 1513 года Василий III повел свою армию в Боровск. Но наступление пришлось отложить. С юга поступили сведения, что отряды крымских войск под командованием царевича Мухаммад-Гирея прощупывают оборону русских границ. Начались столкновения со степняками под Брян-

ском, Путивлем и Стародубом. Татар с трудом удалось отогнать. Но еще весь июль на «крымской Украине» продолжались небольшие стычки... Пять русских полков дежурили до осени в районе Тулы, и столько же на реке Угре. «Посошные люди» и «дети боярские» охраняли броды и «перелазы» через Оку. В землях Стародубского княжества, еще одного из возможных направлений ордынской атаки, тоже были сосредоточены крупные силы. Лишь в начале сентября степняки ушли восвояси...

И сразу же русские войска ворвались в Литовскую землю. Великокняжеская армия в основном придерживалась прошлогоднего сценария. Легкоконные полки сожгли смоленские посады и двинулись дальше, а следом за ними 5 сентября вышли из Боровска главные русские силы. Под Смоленск Василий III прибыл 22 сентября с 80-тысячным войском. От трети до половины этой огромной армии составляли «посошные люди», призванные вести земляные работы и обслуживать артиллерийский парк. Русские воеводы учли уроки первого похода — для штурма города в войске имелось около двух тысяч «больших пищалей». По тогдашнему времени — весьма солидный «артиллерийский кулак». Таким можно было «постучать» в стены любой цитадели...

Однако и задача пушкарям предстояла нелегкая: Смоленск заслуженно считался первоклассной крепостью и гарнизон имел немаленький. А между тем время поджимало. Русские ядра пробивали стены, артиллерийским огнем была разбита одна из башен — Крыношевская. Но то, что разрушалось при свете дня, смоляне успевали восстановить ночью. Больше месяца русские войска безрезультатно пытались взять крепость. Приближалась зима. Снова, как и в прошлом году, начались проблемы с фуражом. А тут еще пришла весть, что для деблокады Смоленска король собрал 30-тысячную армию.

Василию III пришлось отступить. 21 ноября он вернулся в Москву. Но уже в феврале следующего года Дума приняла решение

о третьем походе. Русское правительство учло уроки двух первых кампаний. Теперь было решено: не ждать окончания лета, а сразу, как высохнет весенняя грязь, идти с главной армией к Смоленску. Против крымцев планировали выставить сильный заслон под Тулой. Большую надежду Василий III возлагал на заключенный недавно договор со Священной Римской империей. Московский князь рассчитывал, что под влиянием империи Турция, союзник и покровитель Крыма, перенацелит Менгли-Гирея на польско-литовские «украины».

Король Сигизмунд I попытался замирился с Москвой на условиях статус-кво, но Василий III отказался. 30 мая 1514 года он выдвинул передовые полки к Дорогобужу. Основные же русские силы во главе с самим великим князем выступили из Москвы 8 июня. Практически одновременно с этим к Орше направились новгородские войска. Таким образом, уже в начале лета под Смоленском собрались примерно те же русские силы, что и прошлой осенью. Только времени для обстрелов и штурмов у них теперь было вдоволь. 29 июня заговорили «пушки великие». Первый же выстрел попал в цель, уничтожив одно из мощнейших крепостных орудий. При взрыве пороха погибли все, кто находился в башне.

Дальнейший обстрел показал, что первый успех не случаен. Новый московский «наряд» (по разным данным, от 140 до 300 пушек) сокрушал стены и башни. Часть орудий стреляла «ядрами мелкими, окованными свинцом» (скорее всего, речь идет о картечи). Уже через несколько часов после начала обстрела над воротной башней города появился белый флаг: смоленский наместник Юрий Сологуб и епископ Варсонофий попросили московского князя об однодневном перемирии. В ответ Василий III потребовал немедленно сдать город, а получив отказ, тут же возобновил бомбардировку. Под давлением «черных людей» Смоленска, не желавших больше сражаться с русскими, власти города согласились на капитуляцию.

Московский князь проявил великодушие: условия сдачи были очень мягкими. Новый хозяин города обязался управлять им «по

старине», «не вступаться» в вотчины бояр и монастырей. Великий князь запрещал своей властью принимать в «закладчики» мещан и «черных людей». Со смолян не дозволялось взимать подводы под великокняжеских гонцов*. Кроме того, Василий III обязался принять на русскую службу всех желающих и выдать каждому по два рубля и по куску английского сукна. Он обязался платить государеву жалованье всем, кто останется служить в Смоленске, и при этом сохранить за ними поместья и вотчины; обещал выдать деньги «на подъем» тем ратникам, кто пожелает перебраться в Москву; гарантировал свободный выезд в Литву любому, кто не хочет оставаться в России.

Такая щедрость имела свои резоны. Василию III важно было добиться капитуляции Смоленска до подхода главных литовских сил. Учитывал он и опасность, исходящую от крымского ханства. Кроме того, московский князь хотел, чтобы Смоленск послужил примером для всех жителей Литвы, кто подумывает о переходе в русское подданство. А потому, вдобавок к прочим милостям, Василий III освободил смолян от некоторых «старых» налогов. Известие об этом городские послы приняли с благодарностью.

На следующий день, 30 июля, московские дьяки переписали горожан, а воевода Щеня привел их к присяге. 1 августа 1514 года Василий III в сопровождении епископа Варсонофия торжественно вступил в Смоленск. Народ, прослышавший о «московских милостях», встречал его радостными криками. Наместником Смоленска великий князь назначил боярина Василия Шуйского. Юрий Сологуб, пожелавший вернуться к королю, был отпущен на все четыре стороны. Однако Сигизмунд I не оценил его преданности: за сдачу Смоленска Сологуба обвинили в измене и отрубили голову.

Впрочем, совсем уж без предательства в этом походе не обошлось. Князь Михаил Львович Глинский обиделся, что на-

* Очень важное послабление для города, который лежит на пути у дипломатических миссий и воинских отрядов, движущихся из Москвы в Вильно и обратно.

местником Смоленска назначили не его. Бывший литовский «перелет» задумал вернуться и вступил для этого в переговоры с Сигизмундом I. Тот переслал князю охранную грамоту, которую Глинский должен был показывать литовским отрядам по дороге в Оршу. Однако оставлять перебежчиков «без догляда» было, как видно, не в московских обычаях. Один из слуг Глинского доложил князю Михаилу Голице о бегстве господина и даже указал дорогу, по которой он двинулся в Литву. В ту же ночь Глинского догнали и схватили. А изъятая у него Сигизмундова грамота из охранного документа превратилась в неопровержимую улику.

Но поймавшие Глинского воеводы, князь Михаил Голица и боярин Иван Челядин, обладали, похоже, только сыскными талантами. Получив под свою команду большую армию, они проиграли генеральное сражение при Орше. 8 сентября 1514 года у слияния реки Крапивна с Днепром 30-тысячное литовское войско под командованием князя Константина Острожского разгромило их наголову. После этого на сторону Сигизмунда переметнулись города Дубровны, Мстиславль и Каючев. Правда, русских гарнизонов там не было. Местные феодалы, недавно перебежавшие на сторону «москвитов», вернулись к королю, как только удача снова повернулась к нему лицом.

В Смоленске сторонники Сигизмунда устроили заговор, во главе которого встал, как ни странно, епископ Варсонофий. Он отправил к королю племянника с переметным письмом. Однако московский сыск и здесь сработал на «отлично». Кто-то из смолян донес на заговорщиков Василию Шуйскому. Наместник велел схватить изменников и доложил о них великому князю. Судя по тому, что Сигизмунд смог послать к хорошо укрепленному Смоленску лишь шеститысячный отряд, оршанская победа досталась литовцам недешево. Руководившего этим рейдом Острожского город встретил запертыми воротами и свежими трупами, «украшившими» крепостные стены. По свидетельству летописца, Шуйский

велел повесить заговорщиков* так, что «...который из них получил от великого князя шубу, тот был повешен в самой шубе; который получил ковш серебряный или чару, тому на шею привязали эти подарки...»**.

Тщетно Острожский посылал смолянам «прелестные» грамоты, королевских сторонников среди них больше не осталось. Предпринятый вскоре штурм показал, что остальные жители Смоленска не только хранят верность присяге, но и бьются крепко. А когда Острожский снял осаду, смоляне и московские ратники преследовали его отряд, отбив в дороге почти весь литовский обоз. Таким образом, Оршанская победа мало что дала Сигизмунду. Смоленск остался за «москвитами». Не последнюю роль здесь сыграло то, что православные шляхтичи, как русского, так и литовского происхождения, не обнаруживали большого желания воевать против Василия III. Имеются много свидетельств, что в те годы они массово уклонялись от «господарской службы». Особенно это касается южных районов, страдающих от татарских набегов.

Надо сказать, что «южный фактор» на протяжении всех 122 лет войны имел важнейшее значение: тот, кому удавалось перетянуть на свою сторону крымского хана, получал большое преимущество. А потому сразу же началось то, что историки позже назовут «бахчисарайским аукционом»: московские и литовские послы наперебой стали предлагать владыке Крыма подарки и условия союза один другому лучше... Хан же, периодически «меняя фронт», старался в одинаковой степени ослабить обе стороны.

Так летом 1517 года, заметив, что чаша весов начала клониться на сторону Василия III, Мухаммад-Гирей отправил под Тулу 20-тысячную армию. Однако отвечавшие за этот участок «засечной черты» воеводы Василий Семенович Одоевский и Иван Михайлович Воротынский успели хорошо подготовиться к обороне. Их

* Исключение сделали только для одного Варсонофия как для духовного лица.

** *Широкопад А.Б.* Русь и Литва. М., 2004. С. 267.

пешие рати встретили татар пищальным и орудийным огнем в за-секах, измотали боями... А затем русская конница догнала в степи отступающих ордынцев. Обратно в Крым возвратились немногие.

В сентябре 1517 года Сигизмунд, предварительно уладив отношения с императором Максимилианом, отправил в Москву послов с мирными предложениями. Одновременно с этим армия гетмана Острожского двинулась к псковскому пригороду Опочке. Похоже, король решил навязать «московитам» мир с позиции силы. Этой цели должна была послужить очередная, после Орши, блестящая победа. Однако предпринятый 6 октября штурм провалился. Литовские войска понесли большие потери. Острожский не стал упорствовать. Оставив часть сил у Опочки, он распустил отряды для нападения на Воронач, Вилье и Красный. Очевидно, это был не самый удачный ход... Вскоре прибывшие к Опочке московские полки разбили литовцев по частям. А чуть позже воевода Иван Ляцкий наголову разгромил отряд, присланный Сигизмундом на помощь Острожскому, и захватил при этом все пушки и пищали.

24 октября в Москве получили известие об этой победе, а уже 29-го числа Василий III в присутствии имперского представителя Сигизмунда Герберштейна принимал во дворце литовских послов Щита и Богуша. Ход этих переговоров стоит расписать подробно, так как в них отразились все те внутренние и внешние факторы, благодаря которым война эта, то разгораясь жарким пламенем, то чуть пригасая, длилась более столетия...

Московские бояре потребовали от Литвы возвращения всех русских земель: Киева, Полоцка, Витебска и других. С их точки зрения, эти территории, исконно входившие в состав Древнерусского государства, по праву принадлежали «государю всея Руси», титул которого принял еще Иван III. Такая позиция «московитов», впервые открыто прозвучавшая на этих переговорах с Литвой, будет воспроизводиться затем многократно. Как писал по этому поводу С.М.Соловьев, «...в Москве считали необходимым всякий раз наперед предъявлять права великого князя или царя, потомка св. Владимира, на все русские земли, принадлежавшие последне-

му, опасаясь умолчанием об этих правах дать повод думать, что московский государь позабыл о них, отказывается от них»*.

Однако права Сигизмунда I, признанного Европой «короля польского, великого князя Литовского и Русского», на эти земли были с точки зрения феодального общества ничуть не меньшими. На что не замедлили указать московским боярам королевские послы. И тут же потребовали от Василия III возвратить Смоленск. Герберштейн поддержал литовцев, сославшись на то, что его государь в схожей ситуации отдал венецианцам Верону. Ответ Василия III был категоричен: «Говорил ты, что брат наш Максимилиан Верону город венецианцам отдал: брат наш сам знает, каким обычаем он венецианцам Верону отдал, а мы того в обычае не имеем и вперед иметь не хотим, чтобы нам свои отчины отдавать»**. Таким образом, миссия Герберштейна закончилась безрезультатно. Но она тоже была типичной для всего дальнейшего хода войны: европейские союзники Москвы, как правило, не считали необходимым держать слово, данное «проклятым схизматикам», и легко шли на сепаратные соглашения с общим польско-литовским врагом.

Итак, империя вышла из войны. Тевтонский орден, как показали новые переговоры с его представителями в марте 1518 года, к новой кампании оказался не готов. Однако, получив от Москвы субсидию для найма лишней тысячи солдат, великий магистр Альбрехт летом все-таки начал боевые действия. Тем не менее Василию III пришлось полагаться в основном на собственные силы. Князья Василий и Иван Шуйские с псковскими и новгородскими полками выступили в поход к Полоцку. Подойдя к городу, войска поставили туры и принялись обстреливать стены из пушек. Вскоре к ним присоединился московский отряд под командованием Михаила Кислицы. Однако гарнизон Полоцка отбил русские атаки. Подошедшие к нему на помощь литовские отряды активно

* *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. III. С. 256–257.

** *Широкоград А.Б.* Русь и Литва. М., 2004. С. 268–269.

препятствовали фуражировке. В русском лагере начался голод. Шуйскому пришлось снять осаду.

Ситуация улучшилась лишь в 1519 году. Весной крымское посольство привезло Василию III долгожданную грамоту Мухаммад-Гирея о союзе против Сигизмунда I и «Ахматовых детей». Даже слабый намек на возрождение в нижнем Поволжье Большой Орды оказался для Крыма серьезным фактором беспокойства. И хан сразу же вспомнил, что в борьбе с этим врагом ему способна помочь только Москва. Лето 1519 года стало для короля Сигизмунда сплошным кошмаром. 40-тысячная крымская орда Богатыр-Салтана напала на Волинь, опустошила Люблянский и Львовский районы. 2 августа под Соколом, у реки Буг, татары наголову разбили 20-тысячное польское войско.

Одновременно с этим в литовские земли вторглись русские отряды. Князь Михаил Кислица с новгородцами и псковичами совершил рейд от Смоленска к Молодечно, отряды князей Василия Шуйского, Михаила Горбатого и Семена Курбского ходили к Орше, Могилеву и Минску. Другие московские воеводы — к Вильно, Витебску и Полоцку. Взяв большой полон, русские в сентябре вернулись в Вязьму. Ободренный успехами Москвы и Крыма, в ноябре 1519 года в войну с Польшей вступил Тевтонский орден.

В этот трудный для короля момент Василий III предложил возобновить переговоры. Он ждал, и не без оснований, резкого ухудшения дел на востоке и спешил замирииться с западным соседом. Сигизмунд I ответил согласием. Король понимал, что не сможет долго воевать на три фронта: с Россией, Крымом и Орденом. В этом раунде обе стороны выступили с тех же принципиальных позиций, что и три года назад, но объективно и Литве, и России нужна была передышка. Переговоры шли долго и трудно. Стороны ждали, чем закончатся бои, идущие на севере между Польшей и Орденом. Лишь 2 сентября 1520 года, когда стало ясно, что чаша весов там склонилась на сторону Сигизмунда, Россия и Литва заключили перемирие на условиях статус-кво и договорились продолжить переговоры в феврале 1521 года.

Как показали дальнейшие события, Василий III беспокоился не зря. Весной 1521 года казанская знать прогнала с престола ставленника России Шигалея. За три года, прошедшие после смерти отца, Мухаммад-Эмина, Шигалей показал себя бездарным и злым правителем. Но Василию III он вполне устраивал: Шигалей происходил из династии Ордухидов*, а эта семья традиционно враждовала с правителями Крыма. Сменивший Шигалея Сагиб-Гирей Василию III, естественно, не нравился. И в первую очередь своей крымско-турецкой ориентацией. Упускать из рук «прирученную» при Иване III Казань московский князь не собирался.

У Мухаммад-Гирея тоже накопились претензии к Москве. Во-первых, хан был крайне недоволен тем, что Василий III без согласования с ним заключил перемирие с Литвой. Во-вторых, крымский правитель узнал, что московские дипломаты пытаются через его голову напрямую договориться о союзе с турецким султаном. Однако публично озвучивать свое возмущение политикой Москвы правитель Крыма не стал. Вместо этого 20 июня 1521 года его армия форсировала Оку. Мухаммад-Гирей выступил в поход не один: крымские отряды пополнились «всей Ордой Заволжскою» и «ногами». Есть сведения, что в набеге участвовали казанские татары. Общую численность наступавших войск историки оценивают в 100 тысяч человек — сила по тем временам огромная.

Несмотря на большие размеры и разнородность армии, Мухаммад-Гирею удалось обеспечить внезапность нападения. Когда татары форсировали Оку, главные силы Василия III находились еще в районе Серпухова и Каширы. Заставы на засеках не смогли сдержать натиск превосходящих сил врага и были практически полностью истреблены. Из воевод тяжелораненным попал в плен Лопата-Оболенский, а все прочие погибли. Прорыв орды в глубь России сопровождался страшными погромами и пожарами. Среди населения началась паника. Многие жители сел и деревень бежали в Москву. Василий III с братьями Юрием и Андреем укрылся от

* Родоначальником этой династии был золотоордынский хан Темур-Кутлу.

татар в Волоколамске. Две недели столица находилась на осадном положении. Только 12 августа, узнав, что с севера подходят новгородские и псковские полки, Мухаммад-Гирей отступил от стен Москвы. Крымцы уходили в степь с большим полоном. На обратном пути ханские войска пытались штурмовать Рязань. Горожане во главе с Иваном Хабаром оборонялись стойко и умело. Однако часть рязанского золота степняки все-таки увезли: князь Хабар выкупил у них еле живого Лопату-Оболенского.

Быстрое отступление хана от Москвы объяснялось просто. Его мобильные отряды идеально подходили для лихих рейдов, но в сражениях проигрывали русским войскам. Впрочем, вред и так был немалый. Мухаммад-Гирей опустошил окрестности Коломны, Каширы, Боровска и Владимира. Серьезно пострадали столичные пригороды. Были сожжены и обезлюдели многие села и деревни. 24 августа Василий III вернулся в Москву. Теперь уже он, а не Сигизмунд I нуждался в скорейшем урегулировании русско-литовских отношений. С опасностью, которую представляли Крым и Казань, спаянные крепким союзом, московскому князю приходилось считаться всерьез. Еще большую тревогу вызвала у него угроза объединения под властью Гиреев бывших земель Большой Орды. Но теперь уже королевские послы принялись выжимать из ситуации максимум. Переговоры затягивались. Наконец, 14 сентября 1522 года Россия и Литва подписали перемирие на пять лет.

Во многих вопросах Василию III пришлось пойти на уступки, но Смоленск он удержал за собой. В договорной грамоте этот город был включен в число земель, на которые распространялась власть России. 1 марта 1523 года Сигизмунд I ратифицировал соглашение. В состав Русского государства вошла территория в 23 тысячи квадратных километров с населением около 100 тысяч человек.

Следующая встреча между Василием III и представителями Сигизмунда I состоялась в октябре 1526 года в Можайске. На этот раз в переговорах участвовали папские и имперские послы. Как неременное условие «вечного мира» литовская делегация выдвинула требование о возврате Смоленска. Русская сторона отвергла эти притязания, и поэтому переговоры закончились заключением

еще одного временного соглашения. 28 февраля 1527 года король Сигизмунд ратифицировал новый договор о перемирии*, и он вступил в силу. С одной стороны, результаты Можайского соглашения можно считать победой русской дипломатии, так как Смоленск снова остался за Москвой. С другой — действия папских и имперских послов в очередной раз показали, что любое европейское посредничество, даже если посредник этот формально считается союзником России, лишь усиливает позицию Литвы.

Прошло еще пять лет. 17 марта 1532 года в Московском Кремле начались новые переговоры. И снова стороны, как ни старались, не смогли договориться о мире. Даже условия перемирия каждый видел по-своему. Сигизмунд соглашался продлить договор на пять лет лишь в том случае, если ему уступят Чернигов и Гомель. Василий III категорически отверг литовские притязания. В конце концов, перемирие продлили на год — до 25 декабря 1533 года. Обе стороны возлагали надежды на следующий раунд переговоров. Но ему не суждено было состояться...

В конце сентября 1533 года Василий III тяжело заболел. Было ему в это время уже 54 года, по тем меркам — возраст преклонный. Через два месяца, в ночь с 3 на 4 декабря, великий князь умер, оставив трон трехлетнему сыну Ивану.

Глава 2

ДЕТСКИЕ ГОДЫ ИВАНА IV. ВОЙНА ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ. БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Чтобы понять, какие страсти разгорелись в кремлевских палатах в конце 1533 — начале 1534 годов, придется вернуться на несколько лет назад. История второго брака Василия III необходима для

* На этот раз на шесть лет — с 25 декабря 1526 по 25 декабря 1532 года.

понимания того, в какой опасной ситуации оказались после его смерти вдова Елена и наследник Иван, получивший к концу жизни прозвище Грозного.

В 1525 году Василию III исполнилось 46 лет, а детей у него все еще не было. И сам государь московский, и его жена Соломония Сабурова сильно переживали по этому поводу. Дошло до того, что отчаявшаяся женщина обратилась за помощью к знахарям и ворожеям. Бояре с митрополитом давно пытались убедить Василия III в необходимости развода и повторной женитьбы. Естественно, они настояли на «розыске о колдовстве» великой княгини. Вскоре Василию III представили доказательства достаточные, чтобы предать Соломонию церковному суду как ведьму. В просвещенной Европе ее могли бы отправить на костер, но «дикие москвиты» в таких делах старались обходиться без крайностей.

29 ноября великий князь приказал увезти жену в девичий Рождественский монастырь на Трубе, где прошел обряд пострижения. Чуть позже новую инокиню Софью выслали из столицы в Покровский монастырь Суздаля. А тем временем бояре уже подыскали великому князю невесту — Елену Глинскую. Ходили слухи, что в этом выборе решающее слово сказали советники Василия III: Захарьины и Шуйские. Резонов для того, чтобы предпочесть Елену, у бояр было сразу несколько. Во-первых, эта невеста никак не угрожала их положению великокняжеских любимцев — юная девушка, отец в могиле, дядя в тюрьме, братья еще слишком малы для дворцовых интриг. Во-вторых, род Глинских был очень популярен и влиятелен в Литве. Ее дядя Михаил бежал в Россию после того, как проиграл Сигизмунду I борьбу за литовскую корону. К тому же род Глинских напрямую происходил от одного из ханов Большой Орды, родственника династии Ордухидов. Так что будущий сын «нищей сироты» мог при удобном случае претендовать еще и на казанский престол.

Таким образом, 21 января 1526 года, через два месяца после пострижения Соломонии, Василий III вступил в брак с племянницей Михаила Глинского, на тот момент еще сидевшего в тюрьме. Юная

красавица оказалась далеко не так проста, как думали Захарьины и Шуйские. Она быстро очаровала 47-летнего мужа... По желанию жены Василий III отступил от дедовских обычаев и (первым из московских правителей) сбрил бороду. Стремясь угодить Елене, советники стали засыпать государя просьбами: освободить из тюрьмы великокняжеского тестя под их поручительство. В случае побега Михаила Глинского Горбатые, Захарьины и Шуйские обязались внести в казну пять тысяч рублей, огромную по тем временам сумму. Василий III, естественно, согласился.

Но после свадьбы прошел год, за ним — второй... А детей у Елены все не было. И даже признаков беременности не наблюдалось. Великокняжеская чета горячо молилась о наследнике, делала богатые вклады в монастыри. Не помогало. По Москве меж тем ползли слухи, будто прежняя жена Василия, Соломония, родила в Суздале сына Георгия. Там он якобы вскоре и упокоился в тайной усыпальнице Покровского монастыря. А потому, когда 25 августа 1530 года Глинская наконец-то подарила мужу наследника Ивана, далеко не все восприняли это как результат помощи свыше, ниспосланной в ответ на «благочестивые» усилия. По городу пошли разговоры о слишком уж близком знакомстве государыни с Иваном Федоровичем Овчиной-Телепневым-Оболенским. Если верить этим слухам, с отчаявшейся забеременеть Еленой его свела сестра молодого воеводы, Аграфена Челяднина.

Трудно сказать, сколько правды в этой истории, но не прошло и сорока дней после смерти Василия III, как вся Москва заговорила о фаворите вдовой государыни. Некоторых историков до сих пор интересует вопрос: был ли Иван Грозный законным сыном великого князя? Думаю, точного ответа мы не узнаем никогда. Однако трудно представить, чтобы скованная этикетом молодая женщина могла обмануть московский сыск. Ведь он без труда раскрывал заговоры таких мудрых и изворотливых политиков, как Михаил Глинский и епископ Варсонофий. И в то же время легко понять, как сильно старались раздуть эти слухи младшие братья Василия, с каким усердием повторяли сплетню все, кто считал себя обой-

денным в наградах и назначениях. А недовольные властью были и в те времена.

Завещание Василия III в архивах не сохранилось. Если судить по дошедшим до нас документам, суть его состояла в следующем: наследником престола становился трехлетний Иван, его ближайшими советниками назначались Дмитрий Бельский и Михаил Глинский, великая княгиня Елена Васильевна объявлялась опекуной сына до его возмужания. Младший брат наследника, Юрий, получал в удел Углич, а младший брат Василия III, Андрей Старицкий, — в качестве «прибавки» — Волоколамск.

Нетрудно заметить, что в числе ближайших друзей и родственников, получивших назначения и «дачи», отсутствует старший из братьев Василия III, Юрий Дмитровский. Для него это было фактическим объявлением опалы. Надо признать, Юрий Иванович вполне ее заслужил. В свое время он демонстративно проигнорировал церемонию крещения наследника Ивана. Очевидно, рождение старшего племянника стало сильным ударом для честолюбивых планов Юрия. Неудивительно, что его заключили под стражу уже через восемь дней после смерти Василия III. Детали ареста ясно указывали, что из тюрьмы Юрию Дмитровскому уже не выйти. Во-первых, его демонстративно поместили в «ту самую палату», где закончил свои дни внук Ивана III, Дмитрий Иванович. А во-вторых, вместе с Юрием арестовали всех его бояр. В те времена это было вернейшим признаком серьезных намерений правительства. Так же решительно Елена действовала и дальше: очень скоро в тюрьме оказался Михаил Глинский. Правительница обвинила дядю в попытке захватить престол, повелела заковать в кандалы и ослепить. Меньше чем через год он умер.

Следом за Глинским в темницу отправились князья Иван Бельский и Андрей Шуйский. Таким образом, из тех, кому Василий III доверил опеку наследника, у трона осталась лишь сама Елена. Зато резко пошел в гору фаворит вдовой государыни Иван Овчина. Уже в 1534 году он получил чин боярина, а вслед за этим и московские полки под начало. Из тех, кто мог оспорить права Елены на регент-

ство, дольше всех продержался на воле слабохарактерный Андрей Старицкий. Вел он себя «тише воды, ниже травы», практически не выезжал из своего удела, в дела управления страной не лез. Впрочем, до 1537 года Елену от младшего деверя отвлекали бои на западных границах России...

В тот момент, когда умер Василий III, у России действовало кратковременное перемирие с Литвой. Причем срок договора истекал уже через 22 дня. Для обсуждения вопросов войны и мира Сигизмунд I отправил в Москву своего посланника Клиновского, но тот уже не застал Василия III в живых. Некоторое время дерущимся за власть боярам было не до переговоров. Король относился к этому с пониманием. Но месяц шел за месяцем, и уже через полгода положение «ни мира, ни войны» литовскую сторону устраивать перестало.

Летом 1534 года гетман Юрий Радзивилл с помощью союзных татарских войск опустошил окрестности Чернигова и Брянска. Затем осенью в Северскую землю вторглись литовские отряды Андрея Немировича и Василия Чижя. Они взяли и сожгли Радогощ, но потерпели поражение под Стародубом и Черниговом. Армия Александра Вишневецкого, посланная королем к Смоленску, вернулась в Литву несолоно хлебавши. В то время как гарнизоны русских городов отбивали атаки врага, главные московские силы недвижимо стояли под Серпуховом. Во-первых, сбора войск сильно мешали внутренние распри и смуты. А во-вторых, беспокойно было на южной границе. И набегов из Крыма воеводы в это время боялись больше, чем ударов со стороны Литвы.

Сигизмунд поначалу старался действовать малыми силами, чтобы не мешать «русским усобицам». До него доходили слухи, будто московские бояре так сильно конфликтуют друг с другом, что временами у них доходит до поножовщины. Следом за этими новостями в Литву явились и первые беглецы — князья Семен Бельский и Иван Ляцкий. Король их щедро наградил. Он ждал

массового исхода из Москвы аристократов и детей боярских*. Однако эти надежды не оправдались. И вместо новых перебежчиков к концу октября 1534 года в Литву двинулась вся московская рать. Передовым полком командовал фаворит государыни Иван Овчина. Большой полк вели князь Михаил Горбатый и Никита Оболенский. С севера на соединение с главными силами шли новгородские отряды во главе с князем Борисом Горбатым. Но если летом «в поле» не было московских войск, то теперь от генерального сражения уклонился Сигизмунд I. Русские полки опустошили литовские области чуть ли не до самого Вильно. Так и не встретив за все это время королевскую армию, воеводы с богатой добычей ушли восвояси.

На следующий год русские снова попытались вызвать противника на «прямой» бой. Заблаговременно узнав о подготовке королевских отрядов к походу, навстречу им отправилась главная московская рать. Большой полк на сей раз вел в бой князь Василий Шуйский. А передовой снова возглавил Иван Овчина. Этой армии поручили взять Мстиславль, в то время как псковские и новгородские ратники должны были построить город на литовской территории у озера Себеж.

Однако королевские воеводы, как и в 1534 году, рисковать не стали. Пройдя южнее Мстиславля, армия Сигизмунда I нанесла удар в район Гомеля, Почепа и Стародуба. Гомель сдался без боя, а гарнизон Стародуба во главе с князем Федором Овчиной сопротивлялся отчаянно. Однако немецким инженерам удалось незаметно подвести подкопы. Когда взорвались фугасы, в стене образовался широкий пролом. Ворвавшись в город, литовские отряды перебили не только ратников, но и многих мирных жителей. Из военных в плен взяли одного воеводу, понадеявшись на богатый

* Дети боярские — разряд мелких феодалов, появившийся на Руси в XV веке, они несли обязательную службу, получая за это от князей, бояр или церкви земельные участки — поместья, за что их позднее стали называть «помещиками»; в отличие от вотчинников помещики не имели права «отъезда» со службы.

выкуп. Городок Почеп, не надеясь его удержать, русские покинули и сожгли до прихода литовцев. Осмотрев пепелище, королевское войско повернуло назад.

А в это время главная русская армия безуспешно пыталась взять Мстиславль. Посад захватили быстро, но цитадель последовательно отбивала атаки. Через несколько недель, опустошив окрестности, московская рать ушла восвояси. К этому времени новгородцы и псковичи под руководством дворецкого Бутурлина успели построить укрепленный город, получивший то же название, что и озеро, на берегу которого его возвели, — Себеж.

Сигизмунду I, естественно, не понравилось появление на его землях русской крепости. И уже в феврале 1536 года к себежским стенам подошли отряды воеводы Андрея Немировича. По зимнему пути литовцы легко подвезли осадную артиллерию. Однако их пушки не смогли разрушить крепостные укрепления. Немирович приказал увеличить пороховые заряды, но это привело лишь к разрыву нескольких орудийных стволов. А вскоре русский гарнизон сам перешел в атаку. Литовцы бежали через озеро. Лед под ними провалился, и вода поглотила часть отступающих в беспорядке воинов.

Весной и летом того же года последовал ответный удар. Московская армия вторглась в литовские земли. Русские воеводы разорили множество сел и деревень, разграбили и сожгли посады Витебска и окрестности Любеча. Домой они вернулись с богатой добычей. В то же самое время вторая русская рать, вдохновленная прошлогодним успехом под Себежем, построила в литовских пределах еще две крепости: Велиж в Торопецком уезде и Заволочье в Ржевском. Кроме того, были восстановлены покинутые литовцами Почеп и Стародуб.

Успехи русских полков ясно показали Сигизмунду I, что московские неурядицы подошли к концу. А значит, с надеждой на легкую победу пора прощаться. И пусть воеводам Ивана IV не удалось навязать королю генерального сражения, чаша весов с каждым месяцем все явственней клонилась в сторону России.

В июле 1536 года с мирными предложениями в Москву прибыл кревский наместник Никодим Техановский. Переговоры шли долго и непросто. Только 18 февраля 1537 года сторонам удалось прийти к соглашению. Договор об очередном перемирии подписали на пять лет, начиная с 25 марта 1537 года. По нему Гомель остался за Сигизмундом I, зато русские получили контроль над спорными городами по левой стороне Днепра: Кричевом, Рославлем, Мстиславлем и Черниговом. Новопостроенные крепости Себеж и Заволочье тоже остались в руках Москвы.

Устранив угрозу со стороны Литвы, Елена вернулась к вопросам внутренней политики. Когда 26 августа 1536 года умер в заточении Юрий Дмитровский, последним живым дядей шестилетнего Ивана IV остался Андрей Старицкий. Вел он себя достаточно тихо, но как-то неопределенно: то смиренно бил челом Елене и просил прибавки к уделу, то публично оплакивал судьбу брата Юрия и неосторожно хулил правительницу.

Конец этим метаниям наступил в начале 1537 года, когда Елена пригласила деверя приехать в Москву на совет. Андрей Иванович, естественно, заподозрил недоброе и принялся отговариваться болезнью. Поступивший следом категорический приказ — ехать немедленно — лишь усилил подозрения удельного князя. Прихватив жену и сына, он двинулся из Старицы в Новгород. По дороге Андрей рассылал «мятежные грамоты» к горожанам и детям боярским. «Великий князь — младенец! — писал он. — Вы служите всего лишь боярам! Идите ко мне — я буду вас жаловать!» Адресаты вели себя по-разному. Кто-то согласился помочь Андрею Старицкому в борьбе за престол. Но многие просто переслали его грамоты в Москву.

Правительство Елены действовало быстро и решительно. Иван Овчина с московской ратью настиг мятежников около Старой Руссы. Андрей Иванович вел себя как обычно: трусливо, бесхребетно и глупо. Сначала он согласился на переговоры, потом поверил клятве Овчины, что если они вместе поедут в Москву, то там ни один волос не упадет с головы Старицкого-князя. Оче-

видно, Елена очень любила своего фаворита, потому что она не допустила нарушения клятвы. Более того, выполнила ее условия буквально: когда князя Андрея заковали в цепи, на голову ему надели «тяжелую шляпу железную», предшественницу знаменитой «железной маски» времен Людовика XIV. Через полгода Андрей Иванович умер в темнице, так и не уронив на каменный пол не единого волоса со своей мятежной головы. В отношении его бояр, советников и слуг Иван Овчина обещаний не давал, а потому их пытали и казнили без церемоний. К примеру, тех детей боярских, что явились на зов Андрея Старицкого, повесили как изменников на Новгородской дороге.

Рассказывая о том времени, Н.М.Карамзин писал: «Таким образом в четыре года Еленина правления именем юного Великого Князя умертвили двух единоутробных братьев его отца и дядю матери... Елена предавалась в одно время и нежностям беззаконной любви, и свирепству кровожадной злобы!»* Расправы матери-регентши с ближней родней Ивана IV не устранили угрозы ее власти. Просто кандидатов на престол сменили претенденты на регентство. На авансцену беспринципной борьбы выдвинулись ведущие кланы московских бояр, в первую очередь — князья Шуйские и Бельские.

3 апреля 1538 года Елена Глинская внезапно умерла. Немецкий барон Герберштейн, живший в те годы в Москве, утверждал в своих записках, что ее отравили. Версия эта кажется вполне обоснованной: мать Ивана IV была еще довольно молодой женщиной и никогда не жаловалась на здоровье. Зато своими непродуманными действиями она разрушила сложившуюся при Иване III систему взаимного сдерживания боярских родов. Результаты не замедлили последовать — ее семилетний сын Иван IV не только остался круглым сиротой, но и попал в самую гущу ожесточенной борьбы за власть. В жизни мальчика отныне не было материнской любви и ласки, заботливых сюсюканий нянюшек и воспитательниц. Зато

* Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. II. Т. VIII. Гл. I. С. 12.

в нее пришел ад дворцовых интриг, где все враждовали со всеми, где ежедневно и ежечасно предавали и подличали, где не было ничего постоянного, кроме звериной злобы, распрей, предательств, пыток и смерти.

Первыми власть над государством захватили Шуйские, старшие из потомков суздальско-нижегородских князей, возглавлявшие «клан потомков Рюрика». Уже на седьмой день после смерти Елены по приказу Василия Шуйского арестовали двух самых близких ей людей: Ивана Овчину и Аграфену Челяднину. Бывшего фаворита заковали в «железо» и уморили голодом в темнице, а Челяднину отвезли на постриг в Каргопольский монастырь. Одновременно отправился в тюрьму и князь Иван Бельский, возглавлявший боярский «клан потомков Гедимины». Реальных конкурентов у нового регента не осталось...

Однако торжество Шуйских оказалось хоть и полным, но кратковременным. После смерти Василия на роль правителя заступил его младший брат Иван. Он не обладал ни умом, ни прозорливостью старшего. А главное, не умел строить отношения с помощниками и союзниками. Довольно быстро Иван Шуйский рассорился с думскими боярами и митрополитом. Конечно, бояр он приструнил, а митрополита Даниила отрешил от власти, поставив на его место троицкого игумена Иоасафа. Однако добился этим лишь того, что недовольные перешли от громкого ропота к тихим заговорам. Иоасаф вскоре покинул лагерь Шуйского и поддержал его врагов. В результате в 1540 году власть захватил вышедший из тюрьмы Иван Бельский. Шуйский вынужден был уехать во Владимир. Спустя два года он вернулся в Москву с вооруженным отрядом верных людей. Иван Бельский отправился в заточение на Белоозеро, где вскоре был задушен. Его сторонников разогнали по ссылкам. Иоасаф лишился сана, а на метрополию Шуйские возвели новгородского владыку Макария.

Вся эта ожесточенная борьба за власть протекала на глазах у малолетнего Ивана IV. Историки расходятся в оценках: насколько сильно повлияла она на формирование характера первого русского

царя. Кто-то считает, что большинство переворотов никак не задевало детскую душу, поскольку мальчик не мог понимать, что именно вокруг него происходит. Однако многие сходятся на том, что ни одна из безобразных историй не прошла даром для психики юного государя. И с этим трудно не согласиться. Если кровавых сцен времен «восцарения» Елены юный Иван мог и не видеть, то после смерти Глинской он лишился мамки-воспитательницы, Аграфены Челядниной, с которой до того практически не разлучался. Из дворца исчезло все окружение правительницы Елены, и восьмилетний ребенок не мог этого не заметить...

Как большинство одаренных детей, Иван IV был очень впечатлительным. По свидетельству современников, он легко переходил от радости к гневу, от веселья к глухой тоске и все принимал близко к сердцу. За таким ребенком нужно было смотреть заботливо и внимательно, вовремя сдерживая его горячий и крутой нрав. Но захватившие власть бояре заботились лишь о сиюминутных выгодах для себя и своих родов. Ворвавшись во дворец, очередная группа заговорщиков хватала, избивала, а иногда даже убивала людей, близких юному государю, несмотря на его просьбы пощадить того или иного боярина. В присутствии Ивана временщики оскорбляли память его покойных родителей, присваивали себе вещи великокняжеской семьи. Все это порождало в сердце ребенка досаду, гнев, скрытую злобу, вызывало стремление уединиться от бояр, уйти от этой мерзкой жизни в иной, более совершенный мир. Иван рано начал читать, и вскоре книги стали для него настоящей страстью... Неумная жажда знаний в сочетании с выдающимися природными способностями позже сделали государя Ивана Васильевича одним из самых образованных правителей своего века...

А тем временем наступила пора новых переговоров с Литвой. Срок пятилетнего перемирия, заключенного в 1537 году, подходил к концу. Обе стороны все это время строго его соблюдали. Россия была занята внутренними проблемами, а кроме того, ее часто беспокоили дела соседней Казани. Литва и Польша сильно страдали от крымских набегов, к тому же Сигизмунд I был стар и болен. Он

устал от походов и боев. Паны повоевать были не прочь, но собирать деньги на армию категорически отказывались.

В итоге ровно день в день по истечении срока договора, 25 марта 1542 года, королевские послы подписали в Москве соглашение о продлении перемирия на семь лет. Ивану IV в то время шел уже двенадцатый год. И он, естественно, присутствовал на официальных церемониях. Наблюдательный подросток не мог не заметить, как преобразаются в это время ненавистные временщики. Их публичная покорность наводила Ивана IV на мысль, что власть по праву принадлежит ему, а не боярам, что они незаконно присвоили себе право распоряжаться ею, воспользовавшись юным возрастом великого князя.

К этому времени он уже успел привыкнуть к сценам насилия и произвола. Мстительность и злоба окружающих больше не пугали Ивана, как раньше. Выросший в гуще интриг юноша стал равнодушен к чужой боли. Сначала он мучил кошек и собак. Чуть позже начал развлекаться тем, что давил конем встречных прохожих, забавляясь их страхом и криками. Недалекие и корыстные воспитатели не удерживали юношу от подобных «забав». Наоборот, восхваляли его за «храбрость» и «мужество». Очень похоже, что бояре специально «натаскивали» своего юного государя, разжигали в нем низменные инстинкты. Детскую жестокость Ивана они хотели использовать как оружие против своих личных врагов.

Результаты «воспитания» не замедлили сказаться. Свой первый в жизни смертный приговор Иван IV вынес, когда ему только-только исполнилось 13 лет. Увлеченные борьбой с «кланом потомков Гедимины» Шуйские совсем забыли о притихших на время Глинских. А те спокойно ждали своего часа. И дождались! В конце 1543 года по наущению родственников матери Иван IV приказал схватить Андрея Шуйского и отдать на растерзание псарям. Временщик, если уж быть честным, вполне заслужил такую участь: еще не прошло и полугода, как он со своими сторонниками (прямо в Думе и на глазах у великого князя) точно так же пытался

расправиться с боярином Воронцовым*. Но не стоит думать, что после этого убийства закончилось боярское правление. Совсем нет. Просто Шуйских у руля государства сменили Глинские.

В результате стало только хуже. При дворе еще больше расцвели раболепие и беззаконие. Злоупотребления властью достигли невиданных размеров. В народе тем временем росло недовольство боярскими интригами и распрями. Крестьяне и горожане все чаще спасались от произвола бегством на окраины. В центре и на местах резко выросло число «татевных» и «разбойных» дел. В управлении страной царили бестолковщина и некомпетентность. Особенно ярко они проявились в последние дни правления Глинских, во время пожара Москвы 1547 года, самого разрушительного за всю историю ее существования.

Что же касается Ивана IV, то после убийства Шуйского он выехал на богомолье в Калязин монастырь. А вслед за этим четырнадцатилетний монарх отправился в большое путешествие по наиболее почитаемым обителям страны: вначале в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда через Ростов и Ярославль — в Кирилло-Белозерский, Феропонтов, Корнильев-Комельский и Павлов-Обнорский монастыри. Путешествие продолжалось несколько месяцев.

Можно ли утверждать, что Иваном двигало только желание замолить невольный (а даже самые ярые недоброжелатели признавали, что приказ убить Шуйского подросток отдал «по боярскому наущению») грех? В какой-то мере это бесспорно так — люди XVI века были очень религиозны. Но имелись у дальнего выезда и другие причины. В дороге юный монарх мог отдохнуть от дворцовых интриг и опостылевших церемоний. Переезжая от одного монастыря к другому, он тешился медвежьей охотой и ловлей зверя.

Надо заметить, что монахи, принимавшие у себя государя, не особо чинились со знатными гостями. Так, в Кириллов монастырь Иван и его свита прибыли к ночи. К этому времени иноки уже закончили трапезу, а припасы снесли в погреб. «Государя боюся,

* *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 29.

а Бога надобе больше того бояться!» — нравоучительно заявил подкеларник и отказал в ужине московским гостям, сославшись на строгость монастырского устава.

Глава 3

ЮНОСТЬ ГОСУДАРЯ. ПАДЕНИЕ ГЛИНСКИХ. ПОЯВЛЕНИЕ ИЗБРАННОЙ РАДЫ

В XVI веке совершеннолетие наступало к 15 годам. В это время дети боярские поступали «новиками» на военную службу, а представители знатных родов получали низшие придворные должности. По замыслу Василия III опекуны должны были к 15 годам подготовить Ивана IV к управлению страной. Но назначенные отцом-государем люди давно уже сошли с политической сцены. А временщикам было не до воспитания...

Вот так и получилось, что начиная с лета 1545 года в отношениях Ивана с Думой возникли серьезные разногласия. Молодой монарх хотел избавиться от боярской опеки и править самостоятельно. Дума энергично сопротивлялась. Кто-то боролся с государем из корысти, но большинство просто понимало, что Ивану — такому, как он есть сейчас, — в одиночку власть не удержать.

Осенью 1545 года конфликт достиг апогея. Когда государь «за невежливые слова» велел резать язык Афанасию Бутурлину, Дума выразила свое коллективное неудовольствие. Иван IV ответил массовыми опалами. В немилости одновременно оказались князя Кубенский, Шуйский, Воронцов, Горбатый и Палецкий. Иван Кубенский в то время был дворецким и фактически возглавлял Думу. Остальные четверо занимали в ней видное положение. Таким образом, великий князь наложил опалу на все думское руководство. Ситуация разрешилась лишь благодаря

митрополиту Макарию. Он постепенно уладил конфликт, и в декабре опалы с бояр были сняты.

А молодой государь меж тем продолжал чудить. В 1546 году Иван IV лично возглавил поход на южную границу. Прибыв со своим полком в Коломну, он расположился лагерем под Голутвинным монастырем. Поскольку враг не появлялся, скучающий юноша развлекался как мог — «пашню пахал вешнюю и з бояры сеял гречиху и инны потехи, на ходулях ходил и в саван наряжался». Пока игры носили невинный характер, придворные безропотно в них участвовали. Но потеха с саваном, т.е. с мнимыми похоронами, была по сути своей богохульным развлечением. Одного из участников — если верить летописцу, им был сам Иван IV — обряжали в саван и укладывали в гроб. Как принято на настоящих похоронах, гроб ставили посреди избы. Заупокойную молитву «на церемонии» заменяла отборная брань. А под конец согнанных в избу девок заставляли целовать «покойника» в уста.

Надругательств над религиозными таинствами не было в обычаях православной Руси. Скорее всего, юношу подучили и раззадорили литовские родственники. Расчет строился на том, что московские бояре не стерпят, начнут протестовать. И тогда Глинские, с помощью новых казней и опал, еще сильнее укрепят свои позиции при дворе. Так все и получилось. Князь Иван Кубенский, на правах старшего родственника*, попытался урезонить государя. Похоже, лидер Думы действовал не в одиночку, потому что Иван IV приказал схватить не только Кубенского, но и его ближайших сторонников: Федора и Ивана Воронцовых. Всем троим государь повелел отсечь головы «у своего стану перед своими шатры». В тот же день был арестован и конюший Иван Федоров-Челяднин. Но он, в отличие от прочих, «против государя встречь не говорил, а во всем ся виноват чинил» и потому отделался ссылкой.

* Он был женат на одной из сестер Василия III и приходился Ивану IV дядей.

Вскоре Глинские руками юного государя нанесли еще один удар по давним врагам. Вернувшись в Москву, Иван IV приказал казнить двух своих сверстников: Федора Овчину и Ивана Дорогобужского. Первого из них посадили на кол, второго — обезглавили. Федор был сыном того самого Ивана Овчины, которого клан Глинских винил во всех своих бедах. Дорогобужский приходился покойному Овчине племянником.

Черeda убийств не столько укрепила влияние Глинских, сколько сплотила их врагов. Прежде в Московском княжестве никогда не казнили бояр без сыска и суда. Иван, с подачи родственников матери, нарушил эту традицию. Начав самостоятельное правление с репрессий, государь подорвал репутацию власти в глазах общества. Глинские поняли, что нужно отвлечь внимание от казней и упрочить авторитет монарха. Этим целям должны были послужить коронация Ивана IV и его женитьба.

Оба события планировали на начало 1547 года. Летописи представляют дело так, будто решения исходили от самого государя. Он-де изъявил свою державную волю, а митрополит с боярами поддержали. Такой вариант маловероятен. Юный Иван весь 1546 год продолжал путать управление государством с детскими забавами, и он по-прежнему был игрушкой в руках приближенных. К примеру, явившись в декабре 1546 года в Псков, великий князь «все гонял на ямских», от чего псковичам было «много протор и волокит», а в результате так и «не управил в своей вотчине ничего». Жители города надеялись, что государь рассмотрит их жалобы на воеводу Ивана Турунтая Пронского. Но Иван IV уехал в Москву, так и не приняв челобитчиков. Очень скоро он поймет, что народное недовольство нельзя игнорировать. А пока молодой государь спешил на пышную коронацию.

Московские правители давно уже именовали себя «великими князьями всея Руси». Однако лишь Иван III смог сбросить ордынское иго и стать по-настоящему самостоятельным властителем. Когда он короновал шапкой Мономаха внука Дмитрия и даровал сыну Василию титул великого князя Новгородского, в Москве

появилось сразу три великих князя. Старшинство Ивана III подчеркивалось добавлением слова «самодержец», что было простым переводом титула «автократор», который носил старший из византийских императоров. В последние годы Иван III начал именовать себя «царем всея Руси», но он воздержался от официального принятия нового титула, понимая, что соседние государства его не признают. Тем не менее Иван III иногда использовал царское звание в международной переписке — например, в сношениях с Ливонским орденом и некоторыми князьями Священной Римской империи.

Внук, решивший пойти в этом вопросе дальше деда, не спешил извещать о новшестве иностранные государства. Польские послы, к примеру, только через два года узнали, что Иван IV венчался именно на царство, а не на великое княжение. Выслушав это важное заявление, они немедленно потребовали письменных доказательств. Московские бояре отказали. Очевидно, чтобы не давать лишних поводов к оспариванию прав Ивана IV на новый титул.

Церемония прошла 16 января 1547 года в главном московском соборе — храме Успения Богородицы в Кремле. Митрополит Макарий торжественно возложил на голову великого князя шапку Мономаха и провозгласил Ивана Васильевича первым в русской истории «боговенчанным царем». Как писал позже по этому поводу Н.М. Карамзин, «с сего времени Российские Монархи начали уже не только в сношениях с иными Державами, но и внутри Государства, во всех делах и бумагах именоваться Царями, сохраняя и титул Великих Князей, освященный древностью... Достоинно примечания, что Константинопольский Патриарх Иосаф, в знак своего усердия к Венценосцу России, в 1561 году Соборною грамотою утвердил его в сане Царском... Сия грамота подписана тридцатью шестью Митрополитами и Епископами Греческими»*.

Надо сказать, что люди XVI века представляли политическую систему в виде строгой иерархии. Со времен Киевской Руси цен-

* Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. II. Т. VIII. Гл. III. С. 57–58.

тром вселенной считалась Византийская империя, воспринявшая наследие Древнего Рима. И долгое время только ее правителей русские именовали царями. После установления власти Золотой Орды Владимирская Русь вошла в состав Монгольской империи, владевшей на тот момент половиной мира. И князья, получавшие «ярлык» от ордынских ханов, стали называть «царями» своих татарских владык.

Однако во второй половине XV века эта стройная система рухнула. Сначала в 1453 году погибла Византийская империя, а затем в 1480 году исчезла власть Золотой Орды. Ситуация в Восточной Европе изменилась. Вместо слабых и раздробленных обломков Киевской Руси появилось мощное Московское государство. Русское политическое сознание еще при Василии III откликнулось на это новой идеологической доктриной «Москва — Третий Рим». Теперь же правящая верхушка перешла от слов к делу. И как верно отметили А.А.Зимин и А.Л. Хорошкевич, «дополнение короткого слова «царь» в и без того уже пышном титуле великого князя... Делало его носителя равным по чину императору “Священной Римской империи”, ставило выше европейских королей — датского, английского, французского и многих иных, в том числе и ближайших соседей и соперников — польского и шведского, уравнивало с восточными соседями — казанским, астраханским ханами — наследниками Золотой Орды, недавними повелителями Руси... Столица государства, Москва, отныне украсилась новым титулом — она стала “царствующим градом”, а русская земля — Российским царством»*.

Если провозглашенный царем Иван IV предстал перед подданными в роли преемника римских кесарей и помазанника Божьего на земле, то его жадная родня обрела ощутимые материальные выгоды. Бабке Анне Глинской и ее потомству государь даровал обширные земельные владения на правах удельного княжества.

* *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 9–10.

Князь Михаил Глинский получил в день коронации чин конюшего, его брат Юрий стал боярином.

Не остался внакладе и владыка Макарий. К чести митрополита нужно заметить, что выгод он искал не для себя, а для всей Русской церкви. Расчеты эти полностью оправдались. Получение царем короны из рук митрополита подчеркнуло особую роль православия в государстве. Церковь выступила в роли «духовной матери» царской власти и стала, таким образом, ее гарантом. Государство в ответ приняло на себя заботу о сохранении прав и привилегий церкви. После церемонии довольные друг другом царь и митрополит занялись каждый своим делом. Иван IV принялся готовиться к свадьбе, а Макарий — к давно назревшей церковной реформе.

Первоначально планировалось охватить поисками невесты все государство. По городам и уездам страны отправились бояре и окольные, чтобы организовать осмотры на местах. Каждому дворянину, имевшему дочерей 12 лет и старше, велено было без промедления везти их к наместнику. Понятно, что при русском бездорожье процедура грозила затянуться на много месяцев. Между тем ближние бояре, не дожидаясь съезда провинциальных невест, свезли во дворец своих дочерей и племянниц. На этих узкоколейных смотринах Иван выбрал в жены красавицу Анастасию, дочь покойного окольного Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. Глинские одобрили кандидатуру. Худородную родню невесты, Захарьиных, они не опасались, а зря. Уже через полгода многие из временщиков потеряют не только должности, но и жизнь. Пока же на царской свадьбе 3 февраля Глинские играли самые видные, после молодоженов, роли.

Ситуацию в Кремле кардинально изменили московские пожары 1547 года, ставшие для жителей столицы истинным бедствием. «Летописи Москвы часто говорили о пожарах, называя их *великими*, — писал об этом событии Н.М. Карамзин, — но никогда огонь не свирепствовал в ней так ужасно, как в 1547 году. 12 апреля сгорели лавки в Китае с богатыми товарами, гостиные казенные дворы, обитель Божоявленская и множество домов от Ильинских ворот до

Кремля и Москвы-реки. Высокая башня, где лежал порох, влетела на воздух с частью городской стены, пала в реку и запрудила оную кирпичами. 20 апреля обратились в пепел за Яузой все улицы, где жили гончары и кожевники; а 24 июня, около полудня, в страшную бурю, начался пожар на Неглинной, на Арбатской улице, в церкви Воздвижения; огонь лился рекой и вскоре вспыхнул Кремль, Китай, Большой посад. Вся Москва представляла зрелище огромного пылающего костра под тучами густого дыма»*. Из описания хорошо видно, что речь идет о двух отдельных пожарах, между которыми был достаточно большой перерыв.

Рассмотрим события хронологически. Когда в апреле произошел первый московский пожар, государь никак на него не отреагировал. Глинские остались у власти. Иван IV выехал на отдых в село Остров в Подмосковье. Там его посетила депутация жителей Пскова, тех самых, что пытались в декабре прошлого года пожаловаться на своего наместника — князя Пронского, ставленника Глинских. Почему такая представительная делегация (70 человек) не обратилась с этим к царю во время свадебных торжеств, когда он раздавал пожалования и милости, а тянула дело до июня, не очень понятно. Теперь же жалобщики явилась некстати. Государь был не в настроении их слушать. Иван «...опалился на псковичь, сих бесчинствовал, обливаючи вином горячим, палил бороды и свечю зажигал и повеле их покласти нагих на землю»**. Спасло несчастных лишь известие о новом пожаре в Москве. Царь срочно умчался в столицу.

А там дела уже шли хуже некуда. Выгорел Кремль. Огонь уничтожил множество домов и церквей в центре и на окраинах. Обрушилась часть городских укреплений. В пламени пожара погибло более 1700 человек. Митрополит чудом спасся из горящего Кремля, но получил сильные ушибы, когда его на веревках спустили с

* Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. II. Т. VIII. С. 60.

** Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2001. С. 32.

крепостной стены. Иван IV поспешил навестить Макария. Царя в поездке сопровождали боярин Иван Федоров, вернувшийся из ссылки, и князь Федор Скопин-Шуйский. В присутствии митрополита Федоров сообщил о том, что московский люд на площадях толкует о чьем-то намеренном поджоге («яко волхованием... вся Москва погоре»). О том, что молва винит в пожаре Глинских, боярин умолчал. На данном этапе ему важно было получить царский приказ на начало розыска.

За четыре дня, пока шло расследование, волнения в столице продолжали усиливаться. И это неудивительно. Глинских к тому времени возненавидели все. Твердо надеясь на приязнь к ним Ивана, временщики шли к своим целям напролом и не гнушались никакими средствами. Их сторонники и слуги вели себя в русской столице как в завоеванном городе. Теперь наступил час расплаты...

Оставшиеся без крова люди под звон уцелевших колоколов вышли на улицы и площади столицы. Начался мятеж. Для объяснения к бунтовщикам из Кремля отправились бояре Федоров и Скопин. С ними на площадь выехали Юрий Темкин и Григорий Романов. «Они “начаша выпрашати: кто зажигал Москву?” — пишет об этом эпизоде Р. Скрынников. — Вопрос был рискованным, но бояре вовсе не собирались щадить своих недругов. Они знали, о чем толковала толпа, и, надо полагать, сами способствовали распространению зловещих слухов»*. Естественно, в ответ тут же прозвучали имена «волховы» Анны Глинской и ее детей, которые, по мнению посадских жителей, «попалили колдовством Москву».

Позже Иван IV в приписках на полях официальной летописи прямо указывал, что бояре этими вопросами спровоцировали народ на расправу с временщиками. С царем трудно не согласиться. Вооруженная толпа, состоящая явно не из одних москвичей, быстро разгромила дворы временщиков и перебила их воинских слуг. Дядю царя Юрия Глинского силой выволокли из Успенского собора и забили камнями насмерть. Бабке царя Анне и ее второму сыну Ми-

* Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2001. С. 37.

хаилу в тот момент удалось скрыться. Но вскоре они окончательно потеряли влияние при дворе: Михаил Глинский после неудачной попытки бежать в Литву лишился звания конюшего.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении поход псковских челобитчиков и серия московских пожаров 1547 года в совокупности своей очень похожи на согласованные действия некоей закулисной группы, которая вознамерилась сменить Глинских у руля государственной власти. Сначала они попытались в Пскове жаловаться на временщиков Ивану IV. Тот челобитчиков не принял. Затем в Москве произошел апрельский пожар — Глинские остались у власти. Тогда следует еще один тур жалоб — государь снова принимает сторону родственников. Он бьет и пытается ходоков. Возникает опасность, что псковичи не выдержат, назовут соучастников и организаторов... И тут в Москве начинается второй пожар, еще более страшный и разрушительный, чем первый! Однако Иван IV продолжает держаться за Глинских, не удаляет их от себя. В ход идет последний козырь — бунт горожан-погорельцев. Восставшие безжалостно расправляются с временщиками и их слугами. Иван IV при всем желании не может защитить Глинских от народного гнева.

Налицо прекрасно организованный государственный переворот! Но тогда возникает вопрос: кто были эти заговорщики и чего они добивались? Первое подозрение естественным образом падает на тех, кто пришел на смену правительству Глинских. Князь Курбский в письме к Ивану Грозному позже назовет их на польский манер Избранной радой. Однако не все так просто! Признанным лидером нового правительства стал митрополит Макарий, который чудом спасся во время июньского пожара. В случае его гибели у «радовцев» не было ни единого шанса закрепиться у власти. Да что власть?! Организуй они подобный огненный ужас, без митрополита даже голову от плахи никому уберечь не удалось бы...

Скорее на роль заговорщиков подходят те, кого Глинские упорно и настойчиво отодвигали от государственной кормушки, — старинные боярские кланы Рюриковичей и Гедиминовичей. Свергая

временщиков, лидеры Думы рассчитывали восстановить власть высшей аристократии. Но Иван IV, опираясь на помощь митрополита, сформировал правительство без их участия. В России наступил период бурного расцвета: эпоха дворянских публицистов и представительных сословных совещаний (Земских соборов), время военных побед, преобразовательных идей и смелых реформ.

Собственно, самая первая из них — церковная — стартовала еще зимой. За два дня до царской свадьбы, 1 февраля 1547 года в Москве собрался Священный собор, рассмотревший вопрос о канонизации русских подвижников. В период феодальной раздробленности церкви отдельных княжеств развивались самостоятельно. Каждая земля имела своих собственных, почитаемых только в ее пределах чудотворцев. Централизованному государству нужен был единый список русских святых.

Инициатор реформы Макарий много лет провел на севере страны и свыкся с местным пантеоном. Поэтому среди канонизированных общерусских чудотворцев преобладали новгородские подвижники. Влияние Ивана IV на решения Собора было минимальным. Это видно по тому, что церковные иерархи не причислили к лику святых ни одного из московских князей — предков царя. Зато этой чести удостоился их злейший враг — Михаил Тверской, — убитый в Орде по наущению Юрия Московского. В список не попал Дмитрий Донской, защитивший страну и веру на поле Куликовом, зато был канонизирован новгородский князь Всеволод Мстиславич, почитавшийся святым в Пскове.

Сейчас проведенная Макарием реформа может показаться незначительным новшеством. Однако для своего времени она была явлением революционным. На Соборе 1547 года Русская церковь обрела больше святых, чем за пять предыдущих веков. По замыслу митрополита это должно было показать, что «солнце благочестия», померкшее в Риме и Царьграде, готово с прежней силой воссиять в новом центре православия — Москве. К бесспорным достоинствам реформы можно отнести и тот факт, что она не породила оппозиций или расколов ни в церковных кругах, ни в обществе, как это

случилось позднее с реформой патриарха Никона. Здесь сказался беспспорный дипломатический талант Макария, его умение всегда и во всем найти взаимовыгодное решение, пусть и не идеальное, но приемлемое для всех участвующих в его выработке сторон.

Еще одним важным качеством духовного лидера нового правительства было умение делиться властью и влиянием. Понятно, что распространялось эта политическая щедрость лишь на тех, кого Макарий считал людьми честными, знающими и достойными. К их числу относились три самых влиятельных деятеля Избранной рады: дьяк посольского приказа Иван Висковатый, представитель провинциального дворянства Алексей Адашев и священник Благовещенского собора Сильвестр.

Состав Избранной рады не был ни постоянным, ни официально оформленным. Наряду с лицами незначительного происхождения в нее входили князья и бояре: Курбский, Курлятев, Воротынский, Одоевский, Серебряный, Горбатый-Шуйский и Шереметев. Лидеры Рады вовсе не были теми всесильными временщиками, какими они предстают в письмах Курбского. Одновременно в государстве действовал еще один близкий к царю орган, в отличие от Рады официально оформленный, — так называемая Ближняя дума. В ней ведущие посты занимали Захарьины и Старицкие, родственники царя и царицы. Лидеры Рады нередко конфликтовали как с руководством Ближней думы, так и друг с другом. Зачастую — публично. В этом случае споры разрешал сам Иван IV.

К примеру, на знаменитом Стоглавом церковном соборе 1551 года митрополит Макарий по большинству вопросов поддерживал иосифлян, а любимец царя Сильвестр — нестяжателей. В 1553 году в присутствии царя глава Посольского приказа Висковатый обвинил Сильвестра в пособничестве еретикам. Но тут за священника вступился Макарий, взявший Сильвестра под защиту. Так что влияние Избранной рады держались не на сплоченности рядов и узурпации власти, а на эффективной работе. На той пользе, которую их действия приносили стране и государю. Образно говоря, Рада была «широкой обоймой» проверенных в

деле эффективных управленцев, которых царь Иван IV направлял на самые ответственные участки работы.

А важных и секретных поручений у царя в то время было много. Москва завершила объединение русских земель в конце XV — начале XVI века. Управлять обширным государством с помощью архаичных учреждений, сложившихся в мелких княжествах в период феодальной раздробленности, с каждым годом становилось все труднее. Требовалась коренная перестройка государственных институтов. Нужно было упорядочить законы и структуры управления, расширить источники поступления доходов в казну. При этом интересы наиболее активных слоев населения — боярства, дворянства, купечества и духовенства — зачастую противоречили друг другу, а значит, нужно было лавировать, идти на компромиссы, находить оригинальные решения встающих перед страной задач...

Но сначала комплекс проблем попытались разрешить старым дедовским способом: с помощью быстрой и победоносной войны. В последние годы правления Ивана III Казанское ханство на какое-то время перешло под протекторат Москвы, однако дальше оно стало лавировать между Россией и Крымом — в зависимости от того, кто из претендентов занимал ханский престол. В 1546 году к власти в Казани пришел союзный Крыму Сафа-Гирей. И набеги на русские земли тут же возобновились. Подвижные отряды казанцев разоряли пограничные уезды, доходили до Владимира, Костромы и даже Вологды.

Конфликт на востоке пришелся кстати. Среди малоземельных дворян планы завоевания «подрайской» Казанской земли были очень популярны. Дети боярские надеялись, что война принесет им богатую добычу и обширные поместья. Церковные иерархи приветствовали священную борьбу с неверными «агарянами». Все знали, что Казанское ханство сильно ослаблено многолетними смутами, а покоренные татарами народы Поволжья: чуваша, мордва, мари, удмурты, башкиры — ждут только случая, чтобы избавиться от ханского диктата.

20 декабря 1547 года царь лично повел армию на восток. Однако легкой победы не получилось. Ранняя оттепель помешала перевезти через Волгу артиллерию. На переправе много пушек и пищалей ушло под лед. И хотя полевую армию хана разгромил у стен Казани передовой полк, дальше татары отошли в крепость, штурмовать которую без «наряда» — нечего было и думать. После семидневной осады русская рать отступила. Иван вернулся в Москву 7 марта 1548 года. Неудача первого в его жизни настоящего похода сильно огорчила царя. Особенно обидно было сознавать, что о возобновлении казанской войны придется надолго забыть. Меньше чем через год заканчивалось перемирие с Литвой. А воевать на два фронта страна не могла.

Глава 4

РЕФОРМЫ ИВАНА IV. ПОКОРЕНИЕ КАЗАНИ И АСТРАХАНИ

В 1548 году Сигизмунда I Старого сменил на польском и литовском престоле его сын Сигизмунд II Август. Королевские послы Станислав Кошка и Ян Камаевский знали о казанской неудаче и ждали от Ивана IV возвращения Смоленска. Московские дьяки выдвигали встречные требования: они настаивали, чтобы Литва отдала России не только недавно захваченный Гомель, но и Полоцк с Витебском. На такие огромные уступки царь, конечно же, не рассчитывал. «За королем наша вотчина извечная, — объяснял он свою позицию боярам. — Киев, Волынская земля, Полоцк, Витебск и многие другие города русские, а Гомель отец его взял у нас во время нашего малолетства: так пригоже ли с королем теперь вечный мир заключать? Если теперь заключить мир вечный, то вперед уже через крестное целование своих вотчин искать нельзя, потому что крестного целования никак нигде нарушать не хочу»*.

* *Широкопад А.Б.* Русь и Литва. М., 2004. С. 287.

В конце концов стороны договорились продлить действующее перемирие. Но тут возникло затруднение с титулом Ивана IV, который в составленной дьяками грамоте был указан царем. Сигизмундовы послы отказались брать подписанную российской стороной бумагу, заявив, что «прежде такого не бывало»... Московские бояре ответили: да, не бывало, но лишь потому, что государь тогда еще не короновался. Теперь же Иван Васильевич «царем и венчался по примеру прародителя своего Мономаха и то имя он не чужое взял»*.

Но королевских послов эти слова не убедили. Они наотрез отказались подписывать договор в таком виде и пригрозили покинуть Москву. Царю Ивану новую грамоту, без царского титула, составлять не хотелось. Бояре убеждали его, что при угрозе с востока и юга** про новый титул можно на время забыть. После долгих совещаний русская сторона приняла соломоново решение: «Написать полный титул в своей грамоте, потому что эта грамота будет у короля за его печатью. А в другой грамоте, которая будет писаться от имени короля и останется у государя в Москве, написать титул по старине, без царского имени. Надобно так сделать потому, что теперь крымский царь в большой недружбе и казанский также: если с королем разорвать из-за одного слова в титуле, то против троих недругов стоять будет истомно, и если кровь христианская прольется за одно имя, а не за землю, то не было бы греха перед богом. А начнет бог миловать, с крымским дело поделается и с Казанью государь переведется, то вперед за царский титул крепко стоять и без него с королем дела никакого не делать»***.

От литовских послов это решение держали в секрете до последнего. Те уже распрощались с московскими переговорщиками, собрались в дорогу, сели в сани... И лишь тогда русские бояре их

* *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 37.

** В том, что крымские Гирейи поддержат казанских родственников, можно было не сомневаться.

*** *Широкоград А.Б.* Русь и Литва. М., 2004. С. 288.

вернули и позволили написать королевскую грамоту без царского титула. 13 февраля 1549 года все бумаги были составлены и подписаны. Но Иван на этом не успокоился. Выехавший с послами в Литву боярин Михаил Морозов попытался добиться признания за Иваном IV царского титула непосредственно от Сигизмунда II. Король ответил, что «...прежде ни Иван, ни отец его, ни дед этого титула не употребляли, а что касается Владимира Мономаха, то, во-первых, это дела давние, а во-вторых, киевский престол сейчас находится в руках короля, и тогда уж король, а не великий князь московский имеет право называться царем киевским. Но так как титул этот ни славы, ни выгоды королю не обещает, то он его и не употребляет, тем более что все христианские государи называют царем только римско-германского императора. Если же король и великий князь московский называют царями крымского хана и других татарских и поганых господарей, то это ведется из старины, давно их на славянских языках стали так называть, а сами они себя так не величают»*.

Первые неудачи не обескуражили Ивана IV. Энергия в нем продолжала бить через край. А поскольку с наступлением на Казань нужно было ждать до следующей зимы, восемнадцатилетний царь с головой окунулся в реформаторскую деятельность. 27 февраля 1549 года Иван Васильевич выступил с «программной» речью на первом в истории страны Земском соборе. Впрочем, Земским собором его тогда еще не называли, в ходу были другие обозначения этого представительного сословного совещания: «великая земская дума» и «собор примирения». На мероприятии присутствовали члены Боярской думы в полном составе, весь Освященный собор во главе с митрополитом Макарием, высшее военное и административное руководство страны: дворецкие, казначеи и воеводы, а также выборные представители от детей боярских, дворян и жителей посада.

* *Широкопад А.Б.* Русь и Литва. М., 2004. С. 288—289.

Все они на Лобном месте слушали речь царя «о примирении», в которой тот подвел итоги боярского правления времен своего малолетства. Иван IV резко осудил в ней бояр-кормленщиков, притеснявших детей боярских и «христиан», обижавших посадских и служивых людей. О нестроениях и бунтах предшествующего периода царь сказал так: «... нельзя исправить минувшего зла; могу только спасти вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет! Оставьте ненависть, вражду; соединимся все любовью христианскою. Отныне я судья ваш и защитник»*.

Эти слова не были пустой риторикой. Собор принял важные решения по расширению прав дворянства и ограничению полномочий наместников. В их ведении остался суд над детьми боярскими только по таким важнейшим уголовным преступлениям, как убийство, кража и разбой с поличным. Все остальные судебные дела в отношении служилых людей перешли в ведение царской администрации. А для того чтобы государевы чиновники не злоупотребляли несовершенством законов, Собор принял решение в кратчайшие сроки исправить действующий Судебник. Приказы тут же приступили к работе, и уже к июлю следующего года она была закончена. Судебник 1550 года упорядочил принятие новых законов, ограничил действие устаревших средневековых норм, урезал власть и полномочия бояр. В наместническом суде теперь предусматривалось непременно участие представителей выборной власти — земских старост из местного служилого люда, а также «целовальников»** из числа крестьян и жителей посада.

* Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. Популярный очерк IX – середина XVIII в. М., 1992. С. 287

** Целовальники – выборные из «черного люда», аналог европейских «присяжных заседателей»; люди, которые давали присягу (целовали крест), что будут судить «по правде».

Очень важными пунктами нового Судебника были: отмена торговых привилегии феодалов и передача права на сбор тамги* от наместников в руки царской администрации. Это облегчало и упорядочивало нагрузку на купцов и ремесленников, одновременно увеличивая доходы государства. Той же фискальной цели служила и отмена податных льгот монастырям. Положение крестьян практически не изменилось: норма о Юрьевом дне осталась в том же виде, что и в Судебнике 1497 года.

«Собор примирения» стал первым в истории современной России сословно-представительным учреждением, чем-то наподобие французских Генеральных штатов. Разница лишь в том, что Земские соборы не ограничивали власть монарха, их деятельность носила, как правило, совещательный характер. Однако со своей основной функцией — помогать верховной власти лавировать между интересами боярской аристократии, церковных иерархов, верхушки городского посада и служилого дворянства — Соборы справлялись ничуть не хуже западноевропейских аналогов.

В 1550 году началась военная реформа, призванная укрепить вооруженные силы страны. Ее проводили сразу по нескольким направлениям. Во-первых, на время военных действий сильно ограничивалось местничество (споры при назначениях руководителей воинских соединений и подразделений). Во-вторых, для создания в непосредственной близости от столицы постоянного кадрового резерва было решено «испоместить» в Московском уезде «избранную тысячу», т.е. из лучших представителей дворянства создать ядро мобильной армии, способное по первому зову царя исполнить любые срочные распоряжения. В-третьих, для служилого люда устанавливались две формы, два порядка прохождения воинской службы: «по отечеству» и «по прибору».

Службу «по отечеству» проходили дворяне и дети боярские. Начинаясь она с 15 лет, когда из «недоросля» юноша становился «новиком», продолжалась до самой смерти и переходила по на-

* Тамга — торговая пошлина.

следству. Эта категория служилых людей составляла основную ударную часть вооруженных сил — конное ополчение. Воинских слуг «по отечеству» обеспечивали жалованьем (от 4 до 7 рублей в год) и землей — «поместными дачами» (от 150 до 450 десятин земли в трех полях). Зачастую эти оклады значились только на бумаге: фактически у государства не хватало то денег, то земель, а то и обоих видов обеспечения сразу...

Службу «по прибору» в основном проходили стрельцы. Созданные в 1550 году стрелецкие войска имели на вооружении огнестрельное (пищали) и холодное (бердыши за спиной и сабли на боку) оружие. Организационно они были сведены в «приказы» по 500 человек. Первоначально все три тысячи стрельцов составляли личную охрану царя. Но к концу XVI века в стрелецких войсках было уже более 25 тысяч человек, и служили они не только в Москве, но и во всех крупных городах страны.

На службу «по прибору» мог поступить любой свободный человек. Казаки, пушкари, воротники, казенные кузнецы и другие государственные ремесленники «военных специальностей» также приравнивались к «приборным людям». Неся службу по разным городам и на границах государства, «приборные люди» селились особыми слободами. Государство обеспечивало их (по возможности) коллективными земельными «дачами». Из этих общих «дач» затем нарезались участки для личного пользования. Безземельные «приборные люди» получали хлебное и денежное жалованье. Но поступало оно нерегулярно, а потому им разрешалось подрабатывать ремеслом и торговлей. Естественно, это отвлекало «приборных людей» от службы и снижало боеспособность войск.

В военное время служилые землевладельцы приводили в войско «сборных и посошных людей», которые выставлялись с тяглых дворов города и деревни. Вливались в войско также вольные казаки, жившие на Дону. Благодаря проведенной реформе, общая численность российской армии во второй половине XVI века превысила 100 тысяч человек.

В декабре 1549 года возобновилась война с Казанью. И здесь погода снова подвела царя Ивана: ранняя распутица не позволила русским войскам продвинуться дальше устья Свияги. Опять, как и в случае со Смоленском, Россия уперлась в «сезонную» проблему: для гарантированного успеха предприятия нужно было перенести военные действия на лето, но тогда требовалось решить сложную проблему с доставкой под стены Казани тяжелой артиллерии. А еще нужно было как-то нейтрализовать на это время южную угрозу...

Задачу с концентрацией артиллерийского кулака решили просто и оригинально: весной 1551 года царские плотники срубили под Угличем, а потом разобрали и сплавляли вниз по Волге полноразмерную деревянную крепость. Второй раз ее собрали на правом берегу Волги, в 20 верстах от Казани. Так Россия получила опорный пункт для организации военных действий против неприятельской столицы. Артиллерию и припасы можно было теперь заранее подвезти водным путем и хранить в непосредственной близости от театра военных действий. А вскоре был окончательно решен и вопрос с коммуникациями — все перевозки по Волге, Каме и Вятке оказались под контролем царских войск, так как «горные черемисы»* добровольно перешли в российское подданство.

Активные подготовительные действия вблизи Казани вызвали ожидаемую реакцию Крымского ханства. Даулат-Гирей нанес удар с юга. 22 июня его армия подошла к Туле и начала штурм города. Однако русские воеводы предвидели такое развитие событий. Основные силы они расположили в районе Каширы и Коломны. Уже через два дня эти войска подошли к месту сражения. Ввязываться в бой с «большими полками» не входило в планы крымского хана. Сняв осаду крепости, он ушел восвояси.

Да и какой смысл был Даулат-Гирею упорствовать? Ведь до этого борьба за Казань между Москвой и Крымом велась только в «династической» плоскости: победитель усаживал на престол «сво-

* Горные черемисы — чуваша.

его» хана и на этом успокаивался. Вот и сейчас казанские мурзы привычно согласились впустить в город российского ставленника Шигалея. В августе 1551 года новый хан въехал в Казанский кремль в сопровождении боярина Ивана Хабарова и дьяка Ивана Выродкова. С ними прибыла русская охрана из 200 стрельцов. Вот только на этот раз московское правительство не собиралось ограничиваться призрачным контролем...

Получая престол из рук царя, Шигалей обязался «лихих людей побити, а иных казанцев вывести, а пушки и пищали перепортити, и зелие не оставити»*. Иными словами, подручный казанский хан призван был исполнить незавидную роль «троянского коня»: подготовить все для будущего захвата своей столицы русскими войсками. Естественно, он нуждался в контроле и наставлениях опытных мастеров «тайной войны». Основным «московским куратором» Шигалея был Алексей Адашев, дважды посещавший Казань с важными и тайными миссиями. В короткий срок эти двое перетянули на сторону Москвы большинство татарских вельмож.

Осечка произошла в тот момент, когда Шигалей уже передавал власть московскому воеводе князю Семену Микулинскому, которого Иван IV назначил наместником Казани. Жители татарской столицы, выпустив из кремля хана Шигалея со стрелецкой охраной, перебили оставшихся в крепости детей боярских, а воеводу с его людьми в город не пустили.

Судя по тому, как быстро после этого под стенами Казани появилась более чем 100-тысячная русская армия со 150 осадными орудиями и всеми необходимыми для штурма припасами, такое развитие событий не застало врасплох Ивана IV. Но и казанцы, даже в этой трудной ситуации, вовсе не выглядели «мальчиками для битья». Возглавивший восстание Ядигер-Мухаммад действовал быстро и решительно: за считанные дни гарнизон столицы был доведен до 30 тысяч татарских ратников и трех тысяч союзных ногаев. Фактически в строй встал каждый горожанин, способный

* *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 64.

носить оружие. Еще не меньше 30 тысяч опытных воинов составляла полевая армия ханства — орда. В любой момент к ней на помощь могли подойти из степей союзные сибирские, ногайские или крымские отряды.

Однако согласовать свои действия гарнизон и орда не смогли. К тому времени, как городские ратники пошли на вылазку, полевая армия уже ничем не могла им помочь. Несколькими днями ранее князь Александр Горбатый разгромил ее в битве на Арском поле. Возведя осадные укрепления, русские войска 29 августа 1552 года начали планомерный обстрел Казани. Особенно убийственным был огонь орудий с 13-метровой трехъярусной башни, установленной прямо напротив главных, Царевых, ворот города. С ее высоты вся Казань была у русских пушкарей, как на ладони.

Царские розмыслы* успешно вели минные подкопы. Сначала они прорыли подземный ход к тайному источнику, из которого осажденные брали питьевую воду, и взорвали в нем 11 бочек пороха. Казанцам остался только небольшой смрадный проток. Вода в нем была гнилая, многие жители города от нее болели и умирали.

Осадные работы затянулись больше чем на месяц. Только 30 сентября большой полк начал штурм внешней стены. Захватив Арскую башню, передовые отряды ворвались на городские улицы. Воевода Михаил Воротынский посылал гонцов в ставку царя, прося подкреплений и настаивая на общем штурме. Однако остальные полки оказались не готовы к тому, чтобы развить успех. Казанцы быстро перебросили подкрепления с неатакованных участков, и ратникам Воротынского пришлось отступить из города. Но Арскую башню они удержали за собой.

Следующий штурм должен был стать последним и решающим. Наступать собирались сразу со всех сторон, чтобы гарнизон не мог, как 30 сентября, маневрировать силами. Под крепостные стены за-

* Розмыслы — военные инженеры в Русском государстве XVI–XVII веков, руководившие строительством укреплений и подкопов, а также изготовлением артиллерийских орудий.

ранее подвели несколько тайных ходов. Правда, не все их удалось закончить. В ночь с 1 на 2 октября 1552 года разведчики доложили Воротынскому, что казанцы узнали о подкопах. Воевода понял: это грозит провалом всего плана. Он потребовал начать атаку немедленно. За два часа до рассвета русские полки со всех сторон двинулись к крепости.

Оглушительные взрывы раскололи рассветную тишину. Это в нескольких подкопах сразу взорвались 48 бочек пороху. Обрушился участок стены недалеко от Арской башни. Одновременно с этим огненный смерч разметал в щепу Ногайские ворота. Русские войска через проломы прорвались в город. Начался решительный штурм. Гарнизон сражался до последнего, каждый дом давался с боем. Особенно упорно оборонялись отряды в ханском дворце и соборной мечети. Но удержать город было невозможно. После ожесточенного уличного сражения Казань пала. Хана Ядигера-Мухаммада взяли в плен. Примерно шесть тысяч человек, пытаясь вырваться из окружения, спустились с городской стены к речке Казанке, но русские ратники встретили их пушечным огнем с противоположного берега. Уцелевших татар вскоре окружили и обезоружили.

Так закончилась история Казанского ханства, но борьба с остатками орды продолжалась еще пять лет. Налеты отдельных отрядов, нашедших приют у астраханских ханов и ногайцев, тревожили русские гарнизоны. Эти быстрые рейды часто сопровождалась восстаниями горожан и жителей сельских округов. Зато крестьяне и посадский люд восточных и северо-восточных областей России могли вздохнуть свободно. Набеги на эти земли прекратились. А когда в 1556 году московские воеводы взяли Астрахань, ситуация на востоке окончательно прояснилась. Почти сразу после этого в состав России добровольно вошли Удмуртия и Башкирия. В 1557 году русскому государю присягнул на верность правитель Большой Ногайской Орды мурза Исмаил. Таким образом, река Волга оказалось в полном распоряжении русских купцов. Международный торговый путь «из варяг в персы» пре-

вратился во внутрироссийский. «Каспийские ворота»* оказались закрыты для крымско-турецкой экспансии. Это резко изменило расстановку сил не только в Восточной Европе, но и на всем Евразийском континенте.

И в первую очередь превратило крымского хана Даулат-Гирея, до того времени лавировавшего между Польско-литовским союзом и Москвой, в непримиримого врага России. Если во времена Ивана III Москва с Крымом выступали единым фронтом против союза хана Ахмата (и его наследников) с Литвой и Польшей, то после падения Казани в Восточной Европе остались лишь два претендента на «Батыево наследство»: Россия и Крым.

А что же происходило в это время на западной русской границе? Несколько лет после заключения перемирия в 1549 году Иван IV и Сигизмунд II продолжали препираться по поводу титулов. Польский и литовский правитель не признавал Ивана царем, а тот в свою очередь перестал именовать Сигизмунда королем, мотивируя это изменение тем, что общается лишь с великим князем Литовским, а с Польским королевством у России никаких дел нет.

Затем, вдоволь наигравшись во взаимное непризнание, 12 сентября 1552 года стороны продлили на два года действующее между ними перемирие (со вступлением нового договора в силу с 25 марта 1554 года). После этого 7 февраля 1556 года правители России и Литвы подписали очередное соглашение, по которому перемирие устанавливалось еще на семь лет (до 25 марта 1563 года). При этом вопрос о царском титуле Ивана IV они так и не решили. Русским дипломатам не помогли ни ссылки на (естественно, липового) «прародителя» русского царя — римского императора Августа, ни доводы Ивана Васильевича о том, что «Казанского и Астраханского государства титулы царские бог на нас положил»**.

* «Каспийские ворота» — равнинный участок между южными отрогами Уральских гор и северным берегом Каспийского моря.

** *Широкорад А.Б.* Русь и Литва. М., 2004. С. 290.

Что интересно, именно в 1556 году у русской стороны появилась возможность в вопросах о землях и титуле очень многого добиться от Сигизмунда. Дело в том, что к этому времени власть короля ослабела настолько, что во многих вопросах превратилась в призрак. Южные районы страны, постоянно страдающие от крымских набегов, с надеждой и симпатией смотрели в сторону усиливающейся России.

В марте 1556 года Иван IV, не дожидаясь очередного вторжения крымских татар, послал отряд дьяка Ржевского в дальний рейд на юг. Русские ратники на чайках* спустились по реке Псел и вышли в Днепр. Здесь к ним присоединились 300 черкасских** казаков под командованием атаманов Млынского и Есковича. Черкас в помощь «московитам» прислал каневский староста*** Дмитрий Вишневецкий. Отряд доплыл до турецкой крепости Очаков в устье Днепра и штурмом овладел ею. На обратном пути Ржевскому пришлось выдержать шестидневный бой с нагнавшими его у порогов конными отрядами татар. С боем пройдя пороги, русские ратники вернулись в Москву.

Летом 1556 года Вишневецкий построил мощную крепость на острове Хортица, там, где позже будет располагаться Запорожская Сечь. А в сентябре отправил в Москву атамана Михаила Есковича с грамотой, в которой «бьет челом» и просит, чтобы «его Государь пожаловал и велел себе служить»****. Нужно заметить, что к этому времени под контролем у Вишневецкого, потомка участвовавшего в битве на Куликовом поле северского князя Дмитрия Корнбута, была вся польская «украина» от Киева до Дикой степи. Под его знаменами в походы против Крыма поднимались тысячи казаков.

К тому же Вишневецкий был потомком великого князя Литовского Ольгерда, а следовательно, по представлениям польских

* Чайки – малые гребные суда, пригодные как для речного, так и для прибрежного морского плавания.

** Черкасами в то время называли малороссийских казаков.

*** Каневский староста – правитель города и его округа.

**** *Широкопад А.Б.* Русь и Литва. М., 2004. С. 291.

и литовских панов, имел право «отъехать» к другому государю вместе со своими землями. Чем выгодно отличался от безродного шляхтича Хмельницкого. Да и территорию предлагал присоединить большую, чем Переяславская рада в 1654 году. Конечно, согласие с предложением Вишневецкого означало для Ивана IV войну с Польшей. А вполне возможно, что и с Крымом. Но это столкновение проходило бы в несколько иных условиях, чем печально знаменитая Ливонская война. На юге русские полки, даже сражаясь на два фронта, имели бы преимущество коротких внутренних коммуникаций. В глазах Европы они бы предстали в роли основного противника Турции и Крыма, лишив этого имиджа польско-литовский альянс.

Однако Иван IV не оценил всех выгод предложения князя Дмитрия. Договарившись о мире с Крымом, Иван Васильевич приказал Вишневецкому сдать Канев, Черкассы и все прочие контролируемые им города и территории польскому королю, а самому ехать в Москву. Там Вишневецкий получил 10 тысяч рублей «на подъем», а также город Белев и несколько сел под Москвой «в кормление».

Логика русского царя проста и понятна. Назревает кризис в Прибалтике, скоро там начнется Ливонская война. Крымское ханство, с которым Иван планировал замирился на то время, пока его войска будут заняты на севере, жило не за счет сельского хозяйства, промышленности и торговли, как большинство прочих стран. Львиную долю доходов татарские мурзы получали от ежегодных набегов на земли соседей. На этом строилась вся экономика Крыма. Степные феодалы просто физически не могли обходиться без грабежа.

Переманив на свою сторону Вишневецкого и его ратных людей, русский царь не только серьезно усилил оборону собственных рубежей, но и сделал более привлекательными для крымчаков польские «украины», лишившиеся главного защитника. Иван IV считал, что этими действиями обеспечил себе лояльность крымского хана. Однако будущее показало, что царь заблуждался. Даулат-Гирей не простил Москве захвата Казани и не собирался мириться с тем,

что Волга стала «русской рекой» до самого Каспия. Крымский хан мечтал о реванше и ждал только благоприятной возможности для сокрушительного удара...

Чтобы закончить с периодом, предшествующим Ливонской войне, нужно отметить, что начатые перед Казанскими походами прогрессивные преобразования успешно продолжались и в последующие годы. Так, к 1556 году в рамках военной реформы было подготовлено Уложение о службе. В нем определялись все тонкости прохождения дворянами и детьми боярским службы «по отечеству», регламентировалось количество боевых холопов, которое каждый из них должен вести с собой в поход, в зависимости от количества четвертей поместной земли. Вотчинники теперь получали право на поместья наряду с прочими служилыми людьми, вследствие чего принцип обязательности службы был распространен на все категории землевладельцев. Таким образом, поместная система нового Уложения уравнила все феодальное сословие России в отношении службы.

Особого внимания удостоились в этом документе лица, сравнительно недавно появившиеся в военной системе государства, — боевые холопы. Еще со времен Древней Руси удельные князья и богатые бояре содержали собственные дружины. К началу XVI века эти вооруженные отряды стали комплектоваться уже не только из вольных бойцов (отроков), но и из несвободных людей — боевых холопов. В отличие от страдников (пашенных холопов), которые работали в поле, боевые холопы несли вместе с землевладельцем военную службу. От господина своего они получали перед походом все необходимое на войну: боевого коня, вооружение и запас продовольствия. При этом слуга, поступавший на службу впервые, давал долговую расписку (кабалу) на сумму, в которую оценивалось стоимость предоставленного ему имущества. Такие холопы назывались «кабальными». В случае же, если снаряжаемый хозяином воин еще и до этого был несвободен, он считался «старинным», или «полным», холопом.

К середине XVI века ускорился процесс разорения мелкопоместного дворянства. И богатые землевладельцы были не прочь включить этих опытных воинов в свою вооруженную свиту. Правительство оказалось перед выбором между интересами служилой мелкоты и крупных собственников. Причем второй вариант явно выглядел привлекательнее. Ведь чтобы вернуть оскудевшего дворянина на цареву службу, казне надо было затратить большие средства: обеспечить его поместьем, вооружить, экипировать в поход. Во втором же случае, когда обедневшего ратника ссужал всем необходимым богатый сосед-землевладелец, государство получало то же количество воинов, но без дополнительных затрат.

Поддержание боеспособности дворянского ополчения было в глазах правительства первоочередной задачей, а потому интересами служилой мелкоты решили пренебречь. Завершивший реформу указ 1558 года подтвердил законность всех служилых кабал на дворян (детей боярских) старше 15 лет, не находящихся на царской службе. Таким образом, военная реформа, проводимая при активном участии Адашева, в краткосрочной перспективе существенно упрочила русскую армию. Однако узаконенный ею процесс «охлапления» мелкого дворянства постепенно подготавливал почву для гражданской войны (называемой обычно Смутным временем), которая захлестнула Россию в начале XVII века.

ГЛАВА 5

НАЧАЛО ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ. ПАДЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ИЗБРАННОЙ РАДЫ

Историки до сих пор не пришли к единому мнению по поводу Ливонской войны. Большинство считает ее политической ошибкой. К примеру, Н.И. Костомаров усматривал в этой кампании только излишнее стремление Ивана IV к завоеваниям и ничего больше.

В то время как И.А. Заичкин и И.Н. Почкаев уверены: первый русский царь вынужден был начать ту самую борьбу за «окно в Европу», которую завершил Петр I. Строго говоря, обе позиции небезупречны. Выход к Балтийскому морю у России в середине XVI века был, его потеряли позже. Причем во многом благодаря поражению в Ливонской войне.

В июле 1557 года* дьяк Иван Выродков построил в устье реки Наровы «...город для бусного (корабельного) приходу заморским людем»**. После этого царь Иван IV запретил своим купцам ездить в ливонские порты Нарву и Ревель. Новгородцы и псковичи должны были ждать иностранцев на своей территории. Однако царский указ не изменил торговых маршрутов. Иноземные negociанты по-прежнему швартовались в Ливонии. Естественно, это раздражало царя.

Строить развитое портовое хозяйства и мощные морские укрепления в устье Невы было долго и дорого. Дешевле и проще казалось взять готовое у соседей. Тем более что обжитые гавани на балтийском побережье были совсем не чужие. Эти земли недавно отняли у Псковского и Новгородского княжеств Литва, Ливонский орден и Швеция. Удачно выбрал царь и направление для удара: из троицы обидчиков Ливония имела наиболее обустроенные порты и была самым слабым военным противником. Повод тоже нашли подходящий: орденская казна задолжала России «юрьевскую дань» за много лет. В 1554 году послы магистра пообещали уплатить неустойку через три года, но денег Ливония так и не прислала. Вместо этого ее новый магистр Вельгельм фон Фюрстенберг заключил с Сигизмундом II тайный союз против России.

В общем, к концу 1557 года причин для войны набралось более чем достаточно. И Иван IV решил нанести удар. В январе 1558 года 40-тысячная русская армия перешла ливонскую границу недалеко от Пскова. События развивались строго по намеченному

* То есть за полгода до начала боев в Ливонии.

** *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 102.

плану. Орден терпел одно поражение за другим. Царские войска взяли Нарву и Дерпт. Ливония, в которой еще до войны были сильны центробежные настроения, начала разваливаться на части. Пройдя всю страну, русские отряды весной 1559 года вышли к побережью Балтики, появились на границах Восточной Пруссии и Литвы. Царь ликовал. В Кремлевском дворце, в Большой палате, он устроил грандиозный пир. В разгар праздника Иван IV лично выпил кубок привезенной гонцами морской воды, и то же самое по его требованию сделали ближайшие советники — Сильвестр с Адашевым.

Но вскоре ситуация на фронтах резко изменилась. Причин называют много. Тут и недооценка опасности со стороны Крымского ханства, и завышенные требования Ивана IV к проигравшей борьбе Ливонии, и длительная пауза в военных действиях на севере летом 1559 года. Вот если бы русский царь продолжал слушаться Избранную раду, пишут один за другим в своих книгах историки, если бы не разогнал правительство Сильвестра—Адашева...

На самом деле все не так просто. Реформированная Адашевым русская армия была прекрасным инструментом войны. По соотношению цена/эффективность в Восточной Европе она не знала себе равных. Но на свете нет ничего идеального — имелись у царских войск и слабые места. Так, длительный мир этой армии был категорически противопоказан. Когда рядом с 25—30 тысячами бояр и дворян в той же тяжелой коннице скачут 25 тысяч боевых холопов, прекращение войны лишает половину ратников перспектив на возврат к свободе, богатству и знатности. Иными словами, превращает этих храбрых и опытных воинов из лояльных слуг режима в потенциальных бунтовщиков. Но это еще не все: боярско-дворянская половина конного ополчения, несущая расходы по собственному содержанию и экипировке боевых холопов, заинтересована только в быстрых и победоносных кампаниях. Длительные войны на своей территории, где нельзя разжиться трофеями, грозят ей разорением.

Пока правительству удавалось сохранять оптимальный темп боевых действий, устраивающий обе половины поместной конницы,

военный механизм царской России работал идеально. Но первые же нарушения ритма могли сказаться на его боеспособности не лучшим образом. Вот почему советники Ивана IV еще в начале Ливонской войны пытались притушить его воинский пыл. Царь же, уверовавший после Казани в свои стратегические таланты, пытался достичь всего и сразу.

Так, получив весной сведения о том, что летом 1559 года крымский хан готовит поход на Москву, Иван IV не только заключил полугодовое перемирие с Орденом и направил основную часть армии на юг для защиты «украин». Он послал в дальние речные рейды два больших русских отряда: восьмитысячный окольный Данилы Адашева и пятитысячный князя Дмитрия Вишневецкого. Адашев захватил в устье Днепра два турецких корабля, а затем высадился в западном Крыму, близ современной Евпатории. Его воины разорили несколько татарских улусов, освободили сотни русских рабов и вернулись по Днепру домой. Вишневецкий разбил на Дону крымский отряд, идущий к Астрахани, а затем осадил турецкую крепость Азов. Гарнизон спасло лишь появление султанского флота адмирала Али Рейса. Нетрудно заметить, что оба дальних рейда существенно задели интересы Блистательной Порты. Стоит ли после этого удивляться, что очень скоро в рядах крымских войск на южных границах России появились турецкие пушкари с «нарядом» и отряды янычар?

Огромной политической неудачей обернулись вскоре и победы в Ливонии. После разгрома орденской армии новый магистр Готхард Кетлер обратился за помощью к Сигизмунду II. 31 августа 1559 года Польша и Орден заключили союзническое соглашение в Вильно. Согласно этому договору король обязался защищать владения магистра от притязаний России. В награду за помощь ливонские власти отдавали Сигизмунду под залог девять волостей. Орден сохранял право их выкупить за 700 тысяч польских гульденов.

С известием о договоре в Москву отправился посол короля Мартин Володков. В январе 1560 года он передал дьякам грамоту,

сообщавшую Ивану IV, что Ливония отдалась под королевское покровительство. Посла принял Алексей Адашев, выразивший от имени царя протест по этому поводу. Некоторое время между царем и королем велась оживленная дипломатическая переписка, в которой стороны старались доказать друг другу свои права на Ливонию. Затем монархи попытались совместить прибалтийские дела с «марьяжными»: женить овдовевшего в августе 1560 года Ивана IV на сестре Сигизмунда II Екатерине. Свадьба эта в условиях, когда у короля не было прямых наследников, открывала перед царем светлые династические перспективы. Сестра последнего из Ягеллонов приносила в Москву права сразу на две короны: польскую и литовскую.

Король на этот брак вроде бы согласился. Однако через некоторое время его посол в Москве Шимкович от имени своего монарха заявил, что до начала сватовства нужно прежде заключить мир. Естественно, на выгодных для Литвы условиях. Надо заметить, что к этому времени в борьбу за Ливонию вступили Швеция, аннексировавшая Ревель и Северную Эстонию, и Дания, установившая контроль над островом Эзель. Перед Россией вместо одного разбитого противника стояли три новых, намного более мощных. А с юга усиливал давление крымский хан. Не дождавшийся уступок от Москвы, Сигизмунд посчитал, что в этой ситуации два-три решительных удара вынудят Ивана IV к заключению выгодного для Литвы мира. Войска гетмана Радзивилла нарушили перемирие с Россией и в сентябре 1561 года взяли штурмом Тарвест. Однако затем Радзивилл потерпел от русских воевод поражение под Пернау, и вскоре ситуация вернулась к прежней точке.

Весь 1562 год прошел в опустошительных набегах с обеих сторон. Чтобы выйти из политического тупика, Иван IV решил на время забыть о претензиях к прочим участникам конфликта. Со шведами он в августе 1561 года подписал очередное перемирие на 20 лет, а с датчанами заключил союзный договор. Это позволило России сосредоточить все силы против Сигизмунда. В качестве объекта для решительной атаки Иван IV выбрал старинный город

Полоцк — ключевую пограничную крепость, падение которой открывало царской армии путь на Вильно.

В наступлении, по данным Скрынникова, участвовало свыше 50 тысяч бойцов, в том числе 18 105 дворян (которых сопровождали примерно 20 тысяч боевых холопов), 7210 стрельцов и более шести тысяч служилых татар*. Войско двинулось из Великих Лук в первых числах 1563 года. Неширокая полоцкая дорога с трудом вмещала такую массу людей (с пушкарями и обозными мужиками общая численность их приближалась к 80 тысячам человек), лошадей (в общей сложности не менее 70 тысяч) и артиллерийских орудий (свыше 200 штук). Среди пушек были и уникальные для своего времени экземпляры. Летописи упоминают о том, что в обстреле Полоцка участвовало стенобитное орудие, метавшее 20-пудовые ядра.

Движение армии постоянно стопорилось. Царь с приближенными метался вдоль дороги, самолично «разбирая» людей в заторах. Только 31 января русское войско подошло к Полоцку и занялось осадными работами. Город был построен на высотах в углу, образованном слиянием реки Полоты с Западной Двиной. Укрепления состояли из Большого города (замка) и Острога. Сомкнутая крепостная ограда Острога имела две стены: внешнюю и внутреннюю.

Придвинув артиллерию к стенам полоцкого Острога, воеводы начали интенсивную бомбардировку. 7 февраля через пробоины в стенах русские войска ворвались в Острог. К этому времени были выжжены все предместья, расположенные за рекой Полотой. В руках защитников оставался только замок, в котором уже ощущался недостаток продовольствия. Литовский комендант крепости Станислав Давойны выслал из города всех мирных жителей, примерно 20 тысяч человек. Одновременно в русском лагере появились сведения, что на выручку Полоцка идет 40-тысячная армия Радзивилла с большим количеством пушек.

Однако Иван IV не испугался. Выдвинув против литовского гетмана (все «великое войско» которого на самом деле состояло

* Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2001. С. 114.

из 3500 всадников и 20 орудий) отряд князя Репнина, царь с территории захваченного Острога начал бомбардировку Большого города. Ночью, во время вылазки, гарнизон попытался захватить русские батареи, но с передовой полк под руководством боярина Шереметева и князя Кашина отбил атаку. Через двое суток в Полоцком замке начались пожары. А на рассвете 15 февраля, когда сгорели уже 650 метров деревянной стены Большого города, его гарнизон капитулировал.

18 февраля, после того как были потушены все пожары, царь Иван торжественно въехал в ворота, принял титул князя Полоцкого и выслушал обедню в Софийском соборе. Затем он написал последнему из Избранной рады, кого еще мог считать своим искренним другом, митрополиту Макарию: «Исполнилось пророчество русского угодника, чудотворца Петра митрополита, о городе Москве, что взыдут руки его на плечи врагов: бог несказанную свою милость изливал на нас недостойных, вотчину нашу, город Полоцк, нам в руки дал»*.

Царь очень гордился победой, славу которой ему ни с кем не пришлось делить. К 1563 году вокруг Иван IV не было друзей и соратников, остались только слуги. Первый кризис в отношениях с Избранной радой случился еще в 1553 году, когда после возвращения из Казани Ивана Васильевича уложила в постель тяжелая болезнь. Сознывая, что он вот-вот может умереть, царь составил завещание в пользу только что родившегося сына Дмитрия. Иван IV понимал, что положение «царя-пеленочника» будет весьма шатким. Поэтому он потребовал от всех приближенных принести присягу наследнику. В Ближней думе преобладали родственники царицы Захарьины, которым в случае смерти царя «светило» коллективное регентство. 11 марта 1553 года они охотно принесли присягу. Но когда на следующий день в Переднюю избу из государевых покоев вышли с крестом для клятвы князь Владимир Воротынский и

* *Широкоград А.Б.* Русь и Литва. М., 2004. С. 299.

дьяк Иван Висковатый, произошла неприятная заминка. Старший боярин Думы князь Иван Шуйский отказался от присяги под тем предлогом, что «...им (боярам. — *Авт.*) не перед государем целовати (крест. — *Р.С.*) не мочно; перед кем им целовати, коли государя тут нет?»*

Подошедший к кресту вторым окольниковый Федор Адашев высказался еще яснее: «Ведает бог да ты, государь: тебе, государю, и сыну твоему царевичу Дмитрию крест целуем, а Захарьиным нам Данилу з братией не служивати; сын твой, государь наш, еще в пеленках, а владети нами Захарьиным Данилу з братиею; а мы уже от бояр до твоего возрасту беды видели многие». Позже в этом демарше Федора Адашева Иван IV обвинит его сына, Алексея, который в составе Ближней думы без оговорок целовал крест Дмитрию в первый день присяги. На Сильвестра же царь обиделся якобы из-за того, что тот вступился за Владимира Андреевича Старицкого, когда бояре перестали допускать его к больному царю.

Однако была ли окончательная размолвка 1559 года между Избранной радой и Иваном IV вызвана поведением Сильвестра и Адашева в дни династического кризиса? Ведь от этого времени до первых отставок прошло больше шести лет! Огромный срок для нетерпеливого и взрывного Ивана Васильевича. Еще интереснее проследить, как сказалось поведение ключевых участников кризиса 1553 года на их карьере в ближайшие два-три года. Верноподданнейшие Захарьины вскоре утратили большую часть влияния при дворе: Данилу Романова в 1554 году царь отстранил от руководства Большим дворцом, Василий Юрьев-Захарьин утратил место Тверского дворецкого. Под откос покатались и их сторонники: Иван Головин, родственник Захарьиных, потерял высокую должность в Казенном приказе, с постом печатника расстался ставленник Данилы Романова Фуников. Чуть раньше этого, в ноябре 1553 года, Алексей Адашев стал окольниковым, а не желавший служить Захарьиным Федор Адашев получил чин боярина, в общественном

* *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 69.

мнении не положенный ему по «худородству». Не осталось внакладе и среднее звено Избранной рады: так, в 1554 году в бояре был пожалован князь Андрей Курбский. Но и это еще не все! Благодаря лидерам Избранной рады в 1553 году избежали наказания удельный князь Владимир Старицкий и его мать Евфросинья. А ведь они не только отказывались целовать крест царскому наследнику Дмитрию! Старицкие вызвали в это время в Москву свои войска и демонстративно раздавали ратникам жалованье.

Все факты указывают на то, что именно в 1553—1559 годах влияние Сильвестра и Адашева при дворе достигло максимума. Их споры и «встречи» с царем носили рабочий характер и вполне укладывались в стиль тогдашнего руководства. Первая серьезная размолвка произошла в 1559 году, за месяц до окончания перемирия с Ливонией. Орденские отряды внезапно напали тогда на русские войска под Юрьевом и нанесли им поражение. Царь послал на выручку армию Курбского и Мстиславского. Но из-за начавшейся распутицы русская рать застряла в грязи по дороге в Новгород. А следом в столицу пришли вести о появлении на южной границе больших отрядов татар.

Царская чета в этот момент находилась в Можайске, на богомолье по случаю болезни Анастасии. Военные осложнения, возникшие сразу на севере и на юге, вызвали растерянность в Думе. Сильвестр и Адашев настояли на срочном возвращении царя в Москву. Иван IV двигался к столице со всей возможной скоростью. Понятно, что утомительный переезд по раскисшим от грязи дорогам не лучшим образом сказался на здоровье тяжелобольной царицы.

Когда супруги прибыли в Москву, оказалось, что причин для спешки уже нет: гарнизон Юрьева благополучно отбил атаки ливонцев, а татары отступили в степь без боя. Если кому-то трудно понять, в какую ярость пришел царь Иван, пусть мысленно поставит себя на его место. Почувствует боль заботливого мужа и отца, на руках у которого умирает горячо любимая женщина. Сюда же надо добавить шесть лет постоянных конфликтов между деятелями

Рады и Анастасией (из-за ее братьев Захарьиных). Следует вспомнить и о том, что царица постоянно, изо дня в день, твердила Ивану IV: Сильвестр с Адашевым ее ненавидят и стараются извести. Понятно, что советники не оставались в долгу. Тот же Сильвестр в разговорах с Иваном IV часто сравнивал Анастасию с нечестивой императрицей Евдоксией, гонительницей Иоанна Златоуста.

«Оргвыводы» последовали незамедлительно. После возвращения царя из Можайска один из лидеров Думы и лучший друг Сильвестра князь Дмитрий Курляев отправился на воеводство в Юрьев-Польский. Это было равносильно почетной отставке. Лучший царский полководец князь Александр Горбатый-Суздальский после 1559 года перестал получать военные назначения. Зато в действующую армию отправился Алексей Адашев. Сильвестр пытался уговорить Ивана IV снять опалы с соратников. Но не преуспел в этом. Тогда в конце 1559 года он объявил царю, что намерен уйти на покой. Иван Васильевич не стал удерживать старого наставника и, благословив, отпустил его в Кириллов монастырь. Возможно, на этом опалы бы и закончились, но в 7 августа 1560 года Анастасия умерла.

Иван IV был безутешен. Царь вырос бесприютным сиротой, и любимая жена стала в его жизни первым по-настоящему родным человеком. Ее смерть не только потрясла, но и кардинально изменила Ивана Васильевича. В считанные месяцы из порывистого, но отходчивого правителя он превратился в беспощадного и мстительного деспота. Стал тем Иваном Грозным, которого мы знаем по учебникам истории. Свою роль сыграло, конечно, и новое окружение, но главным было огромное и безутешное горе, потеря той единственной женщины, которую он действительно любил.

Братья умершей царицы, Захарьины, решили использовать эту ситуацию. По Москве с их подачи поползли слухи, что Анастасию «счаровали»* Сильвестр с Адашевым. В непосредственном исполнении колдовских обрядов заподозрили польку Марию Маг-

* То есть извели колдовством.

далыню, одну из приживалок в доме Адашева. А надо заметить, что лидер Избранной рады к комфорту и богатству никогда не стремился, зато не забывал заботиться о душе. И потому его личные покои обилием в них больных (в основном «прокаженных»), юродивых и калик переходящих больше напоминали монастырскую богадельню, чем дворец правителя государства. Из всего тамошнего «контингента» Мария лучше остальных подходила на роль злодейки-колдуньи: во-первых, она явно неспроста носила прозвище Магдалыни; во-вторых, в Россию пришла из враждебной Польши; и в-третьих, из католичества в православную веру ее перекрестили по прямому ходатайству Алексея Адашева. Вскоре несчастная женщина, вся вина которой состояла лишь в желании пожить за чужой счет, заплатила за это не только собственной головой. Вместе с «чаровницей и Алексеевой согласницей»^{*} казнили пятерых ее сыновей.

Адашев входил в состав Ближней думы, был фактическим правителем страны. Лишить такого человека чина и вотчин царь мог только после боярского суда. По свидетельству Курбского, судьба бывшего фаворита обсуждалась Думой в присутствии высшего духовенства. Митрополит Макарий просил допустить в столицу обвиняемого, чтобы дать ему возможность оправдаться. Но Захарьины настояли на заочном разбирательстве. Обвинительный акт, составленный с участием Ивана IV, Дума утвердила немедленно. Адашева взяли под стражу. В 1561 году он умер в темнице от нервной горячки. Точно так же заочно, без возможности оправдаться, церковный собор осудил Сильвестра на заточение в Соловки.

Как только покончили с лидерами Рады, начались массовые казни, отставки и опалы всех, кто был к ним близок. Сторонники Сильвестра, ближние и дальние родственники Адашева, многие князья и бояре, а также их семьи, включая детей-подростков, были либо физически истреблены, либо отправлены в заточение,

^{*} *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 69.

несмотря на их заслуги в недалеком прошлом. Н.М. Карамзин писал об этом времени: «Москва цепенела в страхе. Кровь лилась в темницах, в монастырях стенали жертвы!»* На каждого казненного или отправленного в тюрьму приходилось по десятку и более тех, кто попал в опалу: многие были отосланы в дальние города с понижением либо вовсе отставлены от службы. Так, к примеру, уехал с посольством в Данию «канцлер» Висковатый. Лишь несколькими бывшим «радовцам» удалось избежать преследований. От них потребовали заново присягнуть государю и его детям. Эти могли считать себя счастливыми.

Покончив с ненавистными людьми, Иван IV взялся за обычаи. Все, что считалось хорошим тоном при Сильвестре и Адашеве, подвергалось теперь осмеянию. На смену многочасовым молитвам и унылому постничеству в царские палаты пришли каждодневные пиры и потехи. Иван Васильевич приглашал во дворец бояр и принуждал их пить «чаши великие». Если же кто-то из гостей упирался и отказывался осушить очередной кубок, его начинали корить тем, что сохраняет «дух и обычаи» государевых «недоброхотов» Сильвестра и Адашева. Таким образом, довольно скоро все царские гости упивались до «обумертвия».

Понятно, что даже избежавшие опал и казней бояре старались отмежеваться от этой буйной компании. Вокруг царя сформировался новый круг любимцев. Среди них выделялись будущие герои опричнины: боярин Алексей Басманов, его сын кравчий Федор Басманов, князь Афанасий Вяземский, боярин Василий Грязной и дворянин Григорий Лукьянович Малюта Скуратов-Бельский. Пока эта компания наливается вином на царских обедах, но недалек тот день, когда они зальют кровью всю Россию.

Итак, проверенных людей от управления страной и армией Иван IV отстранил, новых набрал. Теперь требовалось испытать их в деле. Первым важным предприятием эпохи «новой политики»

* Карамзин Н.М. История государства Российского.

оказался Полоцкий поход. За все годы Ливонской войны он получился самым успешным. Эта громкая победа по времени совпала с приходом из Константинополя грамоты патриарха Иосафа о соборном утверждении русского государя в царском звании. Иван IV воспринял двойной успех однозначно: не иначе как сам Бог выбрал его среди прочих монархов для великих свершений, а теперь подерживает своего избранника и направляет его действия!

Отныне царь уже не старается сдерживать эмоции. Все свои действия он считает заранее одобренными на небесах. Любое сопротивление собственной особе Иван IV воспринимает как оскорбление Всевышнего. А неудачи приписывает козням дьявола и его слуг. Что жалкие людишки?! Даже монархов-соседей Иван Васильевич больше не признает за ровню...

Раздраженный тем, что шведы захватили замок Пайда на границе «русской части» Ливонии, царь обращается к королю Эрику XIV с грубым выговором, пишет «...многие бранчливые и подсмеятельные слова на укоризну его безумию»*. Послание это в других обстоятельствах могло бы обернуться для России многими бедами, но дела у шведского короля в тот момент шли из рук вон плохо, и потому он молча проглотил оскорбления. Это еще больше укрепило Ивана в уверенности, что отныне ему позволено все. Через некоторое время, будучи недоволен действиями датчан, русский царь написал грубое письмо и их королю, причем использовал в нем настолько сочные обороты речи, что датский посол так и не решился передать послание Ивана Васильевича по назначению.

Эти письма соседям-монархам, равно как и первые массовые репрессии, стали новой вехой в истории правления Ивана IV. Отныне во внутренней и внешней политике он больше не опирался на трезвый расчет. Русским царем руководило лишь его собственное нетерпение и высокомерие.

* *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 115.

Глава 6

ПОЯВЛЕНИЕ ОПРИЧНИНЫ. ОБРАЗОВАНИЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Узнав, что русские взяли Полоцк, Сигизмунд II отправил в Москву послов с предложением о перемирии. Иван IV согласился прервать боевые действия на девять месяцев, до 6 декабря 1563 года. К концу года стороны собирались выработать приемлемые условия мира. А пока царь занялся восстановлением захваченного города.

Для этого в Полоцке остались воеводами Петр Шуйский и два брата Серебряных-Оболенских, Василий и Петр. Все трое получили строгий приказ: «...укреплять город наспех, не мешкая, чтобы было бесстрашно. Где будет нужно, рвы старые вычистить и новые покопать, чтобы были рвы глубокие и крутые. И в остроге, которое место выгорело, велеть заделать накрепко, стены в три или четыре. Литовских людей в город*, приезжих и тутошних детей боярских, землян и черных людей ни под каким видом не пускать, а в какой-нибудь день торжественный, в великий праздник, попросятся в Софийский собор литовские люди, бурмистры и земские люди, то пустить их в город понемногу, учинивши в это время береженье большое, прибавя во все места голов. И ни под каким видом, без боярского ведома и без приставов, ни один человек, ни шляхтич, ни посадский, в город не входил, в городе должны жить одни попы у церквей с своими семьями, а лишние люди у попов не жили бы»**.

Государев наказ воеводы выполнили в точности: город восстановили. Укрепления острога, в соответствии с указаниями Ивана IV, дополнили третьей стеной. А к этому времени подошел срок переговоров. В декабре 1563 года от Сигизмунда в Москву прибыли послы Ходкевич и Волович. Царь снова потребовал от короля признания своего нового титула, а значит, и законности

* Имеется в виду «в крепость».

** *Широкоград А.Б.* Русь и Литва. М., 2004. С. 299.

притязаний на земли Киевской Руси. Московские бояре в разговоре с литовскими послами опять ссылались на непонятно откуда взявшуюся родословную, производящую Рюрика от римского императора Октавиана Августа.

Юмор ситуации заключался в том, что Август был первым римлянином, официально прибавившим к своему имени слово «божественный». В годы его правления особое значение получил культ Венеры-прародительницы, от которой, согласно легенде, происходил род Юлиев. Конечно, Октавиан (в отличие от его приемного отца Цезаря) был потомком Юлиев только по материнской линии, но зато римляне еще при жизни провозгласили богом самого Августа. В восточных провинциях (Египте, Малой Азии) для молитв ему были построены многочисленные храмы. А в Италии к концу жизни первого императора повсеместно распространился культ Гения Августа, за отправление которого отвечали сакральные коллегии жрецов-августалов. То есть, с какой стороны ни посмотри, мифический прародитель Ивана IV получается языческим богом высокого уровня. А их христианская церковь давно уже объявила бесами.

Сигизмундовы послы, будь они получше образованны (а европейская элита уже не только изучает в университетах римскую историю, но и увлекается древними мифами, знакомится с языческим пантеоном богов), вполне могли повернуть это «родословное оружие» в сторону России, призвать своих европейских соседей к крестовому походу против «потомка дьявола». Однако Ходкевич и Волович увидели в заявлениях московских бояр только то, что лежало на поверхности, — притязания на львиную долю литовских земель. Переговоры закончились безрезультатно.

Как только послы отправились восвояси, Иван IV возобновил военные действия. В январе 1564 года на запад двинулись сразу две русские рати. Князь Петр Серебряный вышел с полками из Вязьмы. А из Полоцка выступило войско Петра Шуйского. Встретились эти армии в районе Орши. И дальше должны были совместно идти через Минск на Вильно. По непонятной причине двигаться русские

воеводы решили порознь, на расстоянии нескольких верст друг от друга. В походе между ними отсутствовала оперативная связь. Впрочем, если согласиться с предположением историков о том, что между Шуйским и Серебряным возник местнический спор, то ненавидеть друг друга после этого они должны были люто. Логичным тогда выглядит и странная в других обстоятельствах беспечность Шуйского: он не высылал передовых дозоров, позволил воинам двигаться налегке, оставив на возах панцири, пищали и прочее вооружение. Похоже, князь так увлекся ссорой с соседом, что и думать забыл о существовании вражеских полков.

Расплата за беспечность не заставила себя ждать. Вечером 23 января на реке Уле возле деревни Иванск армию Шуйского атаковали конники литовского гетмана Николая Радзивилла. Русские были разбиты наголову. Сам Шуйский и два князя Палецких погибли на месте. Двух других воевод, Плещеева и Охлябина, литовцы взяли в плен. Обоз из трех тысяч возов и артиллерия стали добычей победителя.

Однако все еще могло измениться — к месту сражения приближалось многотысячное войско князя Серебряного. Судя по всему, армия Радзивилла была значительно слабее. Но гетман пошел на хитрость. Он послал местному старосте письмо, где в красках описал новое оршанское поражение русских и сообщил, что собирается теперь зайти в тыл второй армии, чтобы отрезать ей дорогу к отступлению. Реальный князь Серебряный оказался не так хорош, как его однофамилец из романа А. Толстого. Он проглотил нехитрую уловку и скорым маршем отошел к Смоленску. Однако сил для развития успеха у Радзивилла не было. Когда он осадил Полоцк, гарнизон во главе с князем Петром Щенятыевым отбил штурм. Литовцы, сняв осаду, отошли к Витебску.

Иван IV, получив сообщение о гибели армии Шуйского, впал в неистовство. Неизвестно почему, но царь заподозрил, что его планы выдали литовцам изменники-бояре. Не утруждаясь проверкой подозрений, Иван Васильевич отдал приказ о немедленной казни князей Репнина и Кашина. Оба были опытными воеводами,

оба отличились при взятии Полоцка. Репнина посланцы Ивана арестовали в церкви во время всенощной и убили, едва выведя на улицу. Кашина лишили жизни прямо на утренней молитве. Бессудные казни ничего хорошего принести не могли. Но объяснить это Ивану IV было уже некому... Последний, кто мог заступиться за опальных, постараться утишить царский гнев, — митрополит Макарий — умер 31 декабря 1563 года. Его преемником стал монах кремлевского Чудового монастыря Афанасий, исполнявший до того роль царского духовника. Новый митрополит беспрекословно выполнял все пожелания царя и ни в чем ему не противоречил.

Убийство без суда и следствия двух героев полоцкого взятия вызвало ожидаемую реакцию. Если раньше за кордон уходили только преследуемые, то 30 апреля 1564 года из крепости Дерпт в Литву бежал воевода Андрей Курбский, один из тех, кого царь считал своим личным другом. Король Сигизмунд II щедро наградил перебежчика. Русский князь получил от нового сюзерена староство Кревское, город Ковель с замком, местечки Вижу и Миляновичи, а также 28 сел. Переход Курбского стал уже вторым подряд, после поражения на Уле, ударом по самолюбию царя. Мало того что князь и бояре из-за местнических споров проигрывают битвы более слабому противнику! Они имеют наглость переходить на сторону врага в то время, когда страна ведет войну не на жизнь, а на смерть!

Потакать подобным безобразиям нельзя, а адекватно наказать — не получается... Остается одно: заменить этих бояр на других, создать иную систему управления страной, вырастить и воспитать истинную элиту государства! Но как это сделать в военное время? Очень просто! Нужно вводить новые порядки не во всей стране сразу, а начать с относительно небольшой, избранной ее части. И затем постепенно расширить этот очищенный от крамолы кусочек до размеров остальной России. Так в царской голове зарождается идея об опричнине.

Но перед началом реформ Ивану IV требовалось отбить очередной вражеский натиск. Осенью 1564 года Сигизмунд II направил к Полоцку большую армию. Царю пришлось срочно стягивать полки

к северо-западным рубежам. А тем временем в южные пределы вторглась Крымская орда. Военные заслоны на Оке не смогли сдержать мощного удара. К счастью, хан Даулат-Гирей в этот раз не решился идти на Москву, а свернул к Рязани. Зная, что гарнизон в городе небольшой и, следовательно, вылазки бояться не стоит, крымские мурзы распустили отряды за полоном и добычей. Случайно в окрестностях города оказался Алексей Басманов, один из новых царских любимцев. Наспех собрав вооруженную свиту, по пути присоединяя к ней группы добровольцев, воевода напал на татарские разъезды. Частично он перебил и разогнал степняков, частично пленил. А затем засел со своим отрядом в Рязани. Все попытки штурма закончились неудачей. Более того, каким-то образом Басманов смог убедить татар, что ждет скорого подхода главных русских сил. Орда поспешно отступила в степи.

Королевская армия, простояв немного под Полоцком, без боя ушла за Двину. Похоже, Сигизмунд изначально планировал свой поход как отвлекающий маневр. Примерно в это же время русские воеводы отбили нападение литовских войск на Чернигов и взяли у врага город Озерище. Таким образом, Россия в очередной раз устояла перед согласованным литовско-крымским наступлением. И решающую роль в успехе сыграл «новый человек», Басманов. Что еще больше укрепило царя в правильности задуманного им «опричного проекта».

В основе плана была изложенная в письме к Курбскому идея самодержавия: власть царя неограниченна, она санкционирована Богом и патриархом, все подданные при любых условиях обязаны беспрекословно подчиняться монарху. Именно на этих принципах Иван IV решил строить новое государство. А чтобы Боярская дума не помешала его планам, царь задумал невиданное ранее лицедейство — притворное отречение от престола.

В начале декабря 1564 года царская семья начала готовиться к отъезду из Москвы. Государь посещал столичные монастыри и церкви, усердно молился в них, а попутно забирал и свозил в Кремль самые почитаемые иконы и святыни. В воскресенье 3 де-

кабря, после богослужения в Успенском соборе, он трогательно простился с митрополитом, боярами, дьяками и всем прочим людом. На площади перед Кремлем уже стояли в готовности сотни повозок. Иван IV с детьми и молодой женой Марией* в сопровождении вооруженной охраны и большого обоза выехал из столицы «неведомо куда бяше». Посетив по дороге село Коломенское и Троице-Сергиев монастырь, царская семья обосновалась в Александровской слободе.

Через месяц Иван IV прислал в Москву гонца Поливанова с двумя грамотами. Первая, «опальная», была адресована митрополиту Афанасию. В ней царь описал беззакония времен своего малолетства, перечислил всевозможные вины бояр, детей боярских и приказных людей, а духовных лиц обвинил в пособничестве боярам. Конечно же, эти старые «вины» были уже не актуальны, и на самом деле Ивана IV беспокоили «свежие» боярские прегрешения. Но концентрация внимания на общепризнанных «изменных делах» давала царю большое преимущество в споре: думцы не могли возражать ему по эпизодам, в которых они ранее уже признавали свою вину.

В то время как бояре и церковные иерархи слушали «гневный» список их прегрешений, дьяки собрали на площади большую толпу и объявили ей об отречении Ивана Васильевича от престола. Глашатаи зачитали горожанам вторую, «слезную», царскую грамоту, в которой Иван IV просил, «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет». Трюк сработал на отлично. Народ на дворцовой площади прибывал час от часу. Его поведение становилось все более угрожающим. Допущенные в митрополичьи покои представители купцов и горожан заявили боярам, что отречения они не признают, а будут просить у царя защиты «от рук сильных» и готовы в любой момент сами «потребить» государевых изменников.

* Мария — крещеная черкешенка Кучена, дочь кабардинского князя Темир-Гуки.

У Думы в тот момент хватало сил для противоборства. Но бояре были разобщены на кланы, и им требовалось хоть какое-то время, чтобы согласовать интересы, договориться о разделе руководящих постов и сфер влияния. Этого-то времени царь им как раз и не оставил. Свой «опричный» проект Иван готовил втайне, и его письмо с отказом от престола стало для аристократии полной неожиданностью. Чуть поколебавшись, Дума присоединилась к мнению московского посада. В Александровскую слободу выехала представительная делегация из духовенства, бояр, дворян, приказных людей, купцов и ремесленников. Выслушав посланцев «всего народа», Иван Грозный согласился вернуться на трон, но на определенных условиях. Он потребовал для себя права «невозбранно казнить изменников опалю, смертью, лишением достоинства без всякого стужения, без всяких претительных докук со стороны духовенства»*. Гневную речь царь завершил словами о том, что изменники его детских лет сами хотели занять царский трон, извели любимую жену, а теперь стремятся уничтожить его самого. И сейчас он обязан принять меры, чтобы предупредить надвигающееся несчастье. Бояре поняли, на что намекает царь. Тогдашние его обидчики, старшие Шуйские, давно уже сошли со сцены. Из этого клана у власти остался лишь лидер Думы князь Александр Горбатый. В малолетство Грозного он был на вторых ролях, зато возвысился при Сильвестре и Адашеве. Решив, что чрезвычайные полномочия царь запросил для борьбы с кланом Шуйских и оставшимися «радовцами», бояре не стали ему перечить.

Введенная 2 февраля 1565 года опричнина была организована по принципу удельного княжества, находящегося в личном распоряжении царя. В основных своих чертах она напоминала французский королевский домен двухвековой давности. Этой частью страны управляла особая опричная Дума. Естественно, государь постарался забрать себе наиболее богатые центры торговли, стратегически

* *Заичкин И.А., Почкаев И.Н.* Русская история. Популярный очерк IX – середина XVIII в. М., 1992. С. 307.

важные форпосты и крепости. Была у нового удела и опричная армия, численностью пять тысяч человек. Каждого воина в нее царь отбирал лично. Вступая в ряды этой «государевой гвардии», будущий опричник клялся больше не знаться с жителями основной части страны, а также повсеместно искоренять «крамолу». Он навсегда отрекался от родных и друзей, обещал отныне служить только царю и никому больше. Та часть России, что осталась за пределами опричнины, называлась земщиной. Текущими делами здесь по-прежнему занималась Боярская дума. Однако верховная власть над земщиной, как и над всей страной в целом, оставалась в руках царя.

4 февраля 1565 года, т.е. уже на второй день после введения опричнины, началась новая полоса жестоких расправ. Огонь террора, то чуть затухая, то вновь разгораясь, полыхал до самой отмены опричнины в 1572 году. Однако Грозный и после этого не оставил в покое идею «царского домена». Уже через три года он возродился под видом «удела», когда Грозный возвел на трон татарского князя Симеона Бекбулатовича, а сам стал «князем Иванцом Московским». Его «удельная» армия походила на упраздненную в 1572 году опричную гвардию, как брат-близнец. Симеон пробыл на московском троне около года, после чего перешел на «великое княжение» в Тверь. Но и тогда Грозный не отказался от «домена». Место упраздненного «удела» практически сразу же занял «двор».

Однако мы не будем останавливаться на эпизодах необъявленной войны, которую по воле Грозного вел с его врагами этот менявший лики «преторианский корпус». Оставим в стороне и массовые «суздальские казни», и знаменитое дело Федорова, и гибель удельного князя Владимира Старицкого, и широко известный «новгородский разгром». Заметим только, что не все заговоры против русского царя были плодом его больного воображения. По крайней мере часть из них — вполне реальна, что, впрочем, ни в коей мере не оправдывает развязанного в стране массового террора. Отныне об опричнине и ее «наследниках» будет говорить лишь

в том случае, если это напрямую коснется хода военных действий русской армии против Литвы и ее союзников.

А бои с внешним врагом не прекращались и в 1565 году. Правда, велись они довольно вяло. Со стороны Литвы наиболее мощным было весеннее наступление 15-тысячной армии князя Курбского на Великие Луки. Города воевода взять не смог, ограничился разграблением окрестностей. С русской стороны в войне с Литвой в боях участвовали еще меньшие силы. Борьба на западе постепенно приобрела позиционный характер. Следующие четыре года стороны чередовали редкие пограничные уколы с долгими переговорными паузами. Иван Грозный был слишком занят внутренними врагами, чтобы всерьез сражаться с внешними.

А в это время по другую сторону фронта постаревший Сигизмунд забросил государственные дела, окончательно превратившись в «короля Завтра». Однако не его лень была главной причиной военной «вялости» Литвы и Польши. Как верно заметил С.М. Соловьев, «...жажда покоя, изнеженность, роскошь овладели высшим сословием; и эта жажда покоя, отвращение от войны оправдывались политическим расчетом — не давать посредством войны усиливаться королевскому значению...»*

Впрочем, политические интриги литовцы продолжали плести с неослабевающей энергией. Не добившись от Москвы в 1566 году приемлемых условий мира, они к началу 1567 года заключили с Крымским ханством союз против России. Помимо прочего, на Даулат-Гирея повлияло сообщение о том, что в конце 1566 года королевские войска внезапным ударом разбили в 70 верстах от Полоцка земскую рать Петра Серебряного.

Пока Крымская орда разоряла Северскую землю, Сигизмунд II выдвинул свою армию к белорусскому местечку Радошковичи. Активных действий он при этом не вел и к большому сражению не стремился. Военная демонстрация литовцев имела совсем другие

* Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 612–613.

цели. Лазутчики постоянно доносили Сигизмунду, что трон Грозного шаток, а недовольство его политикой велико. «Король Завтра» надеялся, что само присутствие его армии у русских границ подтолкнет к решительным действиям тех князей и бояр, кто не желает терпеть опричные порядки. Царь тоже не решился на генеральное сражение: он сомневался в лояльности земцев и боялся измены.

Злость русского государя из-за неудачной военной кампании привела в 1568—1570 годах к очередной волне опричных казней. Репрессиям сопутствовали неурожаи 1568—1569 годов. А в 1570 году к ним добавилась эпидемия чумы. Начал раскручиваться кризисный маховик, который историки назовут позже «великим московским разорением»: проблемы в экономике приводили к уменьшению численности населения и снижению боеспособности вооруженных сил, а это сразу же сказывалось на «проницаемости» южных границ. Растущие потери от татарских набегов, в свою очередь, еще больше ухудшали экономическую ситуацию.

В то время как Россия слабела, ее враги усиливались. В январе 1569 года в Люблине начался объединенный польско-литовский сейм. «Бездетность Сигизмунда-Августа, — писал об этом событии С.М. Соловьев, — заставляла ускорить решение вопроса о вечном соединении Литвы с Польшей, ибо до сих пор связью между ними служила только Ягеллонова династия»*. Дебаты шли больше полугода... Один раз литовские противники слияния с Польшей — лидер протестантов Криштов Радзивилл и православный русский князь Константин Острожский — со своими сторонниками покинули сейм. Однако поляки, поддержанные мелкой литовской шляхтой, пригрозили ушедшим конфискацией земель. После чего «диссиденты» вернулись.

В результате 1 июля 1569 года была подписана новая уния. Польское королевство и Великое княжество Литовское объединились в Речь Посполитую — государство с выборным королем, единым сеймом и сенатом. С этого момента исчезли таможенные

* Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 614.

границы между Польшей и Литвой, на их территории вводилась единая денежная система. Переговоры с иными странами велись теперь от имени единого государства. Польская шляхта получила право владеть имениями в Литве, литовская — в Польше. Литва сохранила некоторую автономию: свое право и суд, администрацию, войско, казну, официальный русский язык. Зато она передала (по акту значилось, что «вернула») в состав Польши Киевское княжество. Всем было ясно, что ведущей силой в новом государстве стал польский элемент, и потому Речь Посполитую соседи сразу начали называть Польшей, а ее жителей — поляками. Для России заключение Люблинской унии означало, что военно-политический конфликт между Москвой и Вильно стал теперь русско-польским.

Весной 1570 года в Москву прибыли первые послы Речи Посполитой Ян Кротошевский и Николай Тавлош. На переговорах они долго спорили с боярами и дьяками о полоцких и ливонских границах, да так ни к чему и не пришли. Тогда поляки попросили о разговоре с царем, утверждая, что ему будущий мир особенно выгоден. На приеме у Грозного послы заявили: «Рады государя нашего Короны Польской и Великого княжества Литовского советовались вместе о том, что у государя нашего детей нет, и если господь бог государя нашего с этого света возьмет, то обе рады не думают, что им государя себе взять от бусурманских или иных земель, а желают избрать себе государя от славянского рода, по воле, а не в неволю, и склоняются к тебе, великому государю, и к твоему потомству»*.

Царь ответил дипломатично: «У нас божиим милосердием и прародителей наших молитвами наше государство и без того полно, и нам вашего для чего хотеть? Но если вы нас хотите, то вам пригоже нас не раздражать, а делать так, как мы велели боярам своим с вами говорить, чтобы христианство было в покое»**. Таким образом, Иван Грозный не проявил интереса к «литовскому варианту» унии. Царь понимал, что объединение трех государств, в двух из которых

* *Широкоград А.Б.* Русь и Литва. М., 2004. С. 308—309.

** Там же. С. 309.

монарх существует в виде декорации, грозит ему потерей власти и влияния даже на территории России. Однако использовать польские надежды для заключения выгодного перемирия Иван IV был совсем не прочь. Ведь к этому времени все его попытки подписать англо-русский договор провалились, краткий по времени союз со Швецией распался после низложения Эрика XIV, а на юге нарастало давление со стороны Крыма и Турции.

22 июня 1570 года в Москве Россия и Польша заключили трехлетнее перемирие на условиях статус-кво*. Договор был очень нужен России, поскольку «загоревшаяся» несколько лет назад граница с Крымским ханством к тому времени уже буквально «похлахла». Постоянно растущее влияние Турции на этот регион вызывало все большую озабоченность в Москве. Ведь султан Селим II был для крымских, казанских и астраханских мусульман не только правителем соседнего государства, но и халифом, духовным лидером исламского мира. А значит, под турецкими знаменами татарские мурзы легко могли забыть о многовековой взаимной вражде. Призрак объединения всех антироссийских сил Юга и Востока под властью Османской империи приобрел реальные контуры...

ГЛАВА 7

ЮЖНЫЙ НАТИСК НА РОССИЮ 1569—1572 годов. СМЕРТЬ СИГИЗМУНДА II И ВЫБОРЫ НОВОГО КОРОЛЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

К весне 1569 года Турция сосредоточила в Азове отборную 17-тысячную армию и 100 тяжелых пушек. Эти силы предназначались для захвата Астрахани и изгнания русских из Нижнего Повол-

* Этот срок исчислялся с момента его ратификации в Варшаве, которая состоялась 2 мая 1571 года.

жья. Летом, соединившись с отрядами выделенных Даулат-Гиреем крымцев, турки двинулись вверх по течению Дона. Здесь к армии присоединились восставшие ногайцы. Общая численность наступающих на Астрахань отрядов возросла до 55—57 тысяч человек.

На переволоке между Доном и Волгой движение застопорилось. Две недели турки пытались вырыть канал, чтобы провести по нему галеры с тяжелой артиллерией. Поняв, что сделать это не удастся, гребная эскадра повернула обратно. Оставшаяся без артиллерии армия попыталась взять Астрахань с налета. Русские воеводы без труда отбили штурм. Турецкий паша начал осаду города, но через десять дней янычары взбунтовались. Им не хотелось зимовать в голодном Поволжье. Потерявшая управление армия отступала по безводным степям Северного Кавказа «кабардинской дорогой». Довольно долго ее «проводжали». В Азов вернулись немногие. Москва праздновала победу. Но это был лишь первый раунд борьбы... Уже весной следующего года к Рязани и Кашире подступила 50-тысячная Крымская орда. С большим трудом ее удалось отогнать.

Надо заметить, что в 1550-х годах, при Адашеве, на южных рубежах России была создана довольно неплохая дозорная служба. Сторожевые заставы несли дежурство в глубинах Дикого поля, на большом расстоянии от границ. Это позволяло воеводам следить за всеми передвижениями Крымской орды. Теперь, во многом благодаря появлению опричнины, система начала давать сбои. Дозорные боялись докладывать как о появлении кочевников, так и об их уходе в Крым, потому что ценой ошибки вполне могла стать жизнь. Очередной промах произошел осенью 1570 года. Сторожа донесли о появлении у границ 30-тысячной орды. Земские воеводы немедля выступили к Оке. Вскоре к ним присоединился царь с опричниками. А дальше — то ли татары узнали о прибытии «больших полков» и отошли в степи, как считает большинство историков, то ли тревога изначально была ложной, как заподозрил Иван...

В общем, решил он сторожевую службу реорганизовать. И поручил это признанному специалисту по борьбе со степняками боярину Михаилу Воротынскому. Выбор, надо признать, оказался

правильным. Разработанный Воротынским «Устав сторожевой и станичной службы» будет действовать затем более 100 лет. Но время для реформы выбрали неудачное. Когда весной 1571 года Даулат-Гирей начал очередное вторжение, оно застало Москву врасплох. То ли станичники не справились с задачей, то ли боялись, что за ложную тревогу могут заплатить головами... В нашествии, кроме 40-тысячной крымской армии, участвовали Большая и Малая Ногайские Орды, а также отряды черкесов. Все это значительно увеличило силы степняков. Еще одной особенностью похода 1571 года было большое число проводников-перебежчиков, чего ранее не случалось. Бессудные репрессии привели к тому, что некоторым из русских ратников даже крымцы стали казаться меньшим злом по сравнению с собственным царем.

Иван IV удара с юга не ждал. Основные силы армии он направил к Ревелю. На Оке, стеречь татар, осталось меньше шести тысяч воинов. Перебежчик Кудеяр Тишенков вывел Орду к Кромам по Свиной дороге. Здесь из-за неразберихи с реорганизацией вместо прежних пяти сторожевых станиц стояла одна. Узнав от предателя, где можно встретить русские дозоры, степняки легко их обезвредили. Перейдя под Кромами реку, татары изготовились для удара во фланг опричной армии, ждущей их у Серпухова. Царь Иван, понимая, что его войску в чистом поле не выдержать удара превосходящих сил врага, спешно покинул ставку. С отрядом телохранителей он ускакал в Александровскую слободу, а оттуда в Ростов.

Легко смяв опричников, татары устремились к Москве, угрожая отрезать от нее земскую армию. Но командовавший ею князь Иван Бельский действовал быстро и решительно. Земские полки подошли к Москве на сутки раньше Даулат-Гирея. Однако в первом же бою у стен столицы Бельский получил серьезное ранение. Пост командующего перешел к Ивану Мстиславскому. А тот выбрал пассивную тактику, понадеявшись на неприступность московских стен.

Даулат-Гирей распустил по окрестностям облавы за добычей и полоном, а сам с оставшимися силами занялся русской столицей.

У татар не было ни пехоты, ни осадной артиллерии. Без них прорыв любой из трех линий обороны Москвы оставался несбыточной мечтой. Но за полвека со времен последнего нападения к стенам Земляного города прилепилось множество слободок и дворов. Ни разобрать, ни спалить их перед началом осады москвичи не успели. И теперь их ждала расплата за беспечность. Быстро сориентировавшись в ситуации, крымцы подожгли брошенные дома. Вскоре сильный ветер перенес огонь через стену, и пламя квартал за кварталом принялось захватывать город. Тревожный звон колоколов постепенно глох в диком вое огненного шторма — пожар одну за другой уничтожал звонницы.

К началу осады в Москве скопилось множество беженцев из окрестных сел. Гонимые огнем люди ринулись к северным воротам. На узких улицах по дороге к ним образовались заторы. Люди «...в три ряда шли по головам один другого, и верхние давили тех, которые были под ними»*. Многие, убежав от пожара, погибли в этой ужасной давке. В самый разгар бедствия сильные взрывы начали сотрясать город. Это один за другим взлетали на воздух устроенные в башнях пороховые погреба. Стены Кремля и Китай-города в нескольких местах обрушились до основания. Жителей, попавших в огненные капканы, пожарный зной загонял в воду. К тому времени, как огонь уничтожил столицу, кремлевские рвы оказались забиты трупами задохнувшихся людей. На реках образовались плотины из бездыханных тел. Засевшие в городе войска понесли огромные потери. В огне погибли раненый князь Бельский, боярин Вороной-Волынский, множество дворян и детей боярских. Уцелел лишь передовой полк Михаила Воротынского. Опытный воевода вовремя сориентировался в ситуации и отвел его на Таганский луг.

На другой день после пожара крымцы ушли. Михаил Воротынский «проводил» их до Дикого поля, нанес несколько чувствительных ударов, но сил на то, чтобы отбить полон, у воеводы не было. Весть о сожжении Москвы быстро распространилась по

* *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 286.

окрестностям. Дошла она и до Поволжья. Казанские и астраханские татары тут же подняли восстания. Ободренная успехами Крыма, разорвала договор с Москвой Большая Ногайская Орда.

Увидев, во что превратилась его столица, Иван Грозный ужаснулся. Через послов он уведомил хана, что согласен уступить ему Астрахань, если тот согласится заключить союз с Москвой. Однако Даулат-Гирей счел уступку недостаточной. Он уже мечтал о полном завоевании России. Турция направила в помощь Крыму полевую и осадную артиллерию. Южная угроза вынудила Москву искать компромисс с Польшей. Через королевского посла царь передал Сигизмунду II предложение о союзе против турок и татар. Известно, действительно ли Грозный готов был забыть о «киевском наследстве» или надеялся на время связать поляков обсуждением условий будущего договора, но ответа на свое предложение царь не получил. 7 июля Сигизмунд II умер. В Польше началась «королевская избирательная кампания», затянувшаяся более чем на год.

Таким образом, русской армии предстояло решать проблему Крыма самостоятельно. В ожидании нашествия к маю 1572 года на южном направлении собралось около 12 тысяч дворян, две тысячи стрельцов и 3800 казаков. Вместе с боевыми холопами и ополчениями северных городов набралось около 24—26 тысяч ратников. С учетом поволжских восстаний и возобновившейся войны со Швецией это был предел мобилизационных возможностей России. В то же время Даулат-Гирей легко мог вывести в поле свыше 60 тысяч всадников, не считая союзных ногайцев и черкесов. Таким образом, соотношение сил однозначно складывалось в пользу Крыма. Правда, на этот раз станичная служба вовремя предупредила о вторжении. Активно действовать она начала еще осенью 1571 года. Сторожевые заставы выжгли сухую траву на огромном пространстве между Донковом, Новосилью, Орлом и Путивлем. Таким образом, в Диком поле не осталось корма для татарских коней, и хан Даулат-Гирей волея-неволей вынужден был отложить выступление до «новой травы».

В апреле начались работы по обустройству главного оборонительного рубежа на Оке, так называемого «берега». В то же время

на крымскую «украину» выдвинулись первые русские полки. «Посошные люди» и местные крестьяне помогали ратникам укрепить «берег»: рыли траншеи, насыпали земляные валы, ставили частоколы. Напротив бродов и «перелазов» с русской стороны установили пушки.

Самым опасным направлением считалась прямая дорога на Москву со стороны Рязани. Ее прикрывал большой полк главного русского воеводы Михаила Воротынского. Ратники эти заняли позиции под Коломной. В составе полка было свыше восьми тысяч человек с «нарядом» и «гуляй-городом». Так называли передвижную крепость из толстых деревянных досок, сбитых в щиты. В промежутках между щитами располагались пушки, которые вели огонь по наступающему противнику. Стрельцы поражали врага прицельными выстрелами через бойницы. «Гуляй-город» мог стать опорной позицией линейного построения, в этом случае он прикрывал от двух до десяти километров фронта. Если возникала угроза с флангов и тыла, щиты стягивали кольцом. После этого «гуляй-город» продолжал сражаться в окружении, как обычная стационарная крепость. В войнах с Крымской ордой «гуляй-города» показали себя очень эффективным оружием. Конным воинам взять их не удавалось, а пехоты у хана не было.

Вторым по степени опасности Воротынский считал «перелаз» через Угру, по которому хан прошел в прошлый раз. Чтобы прикрыть это направление, в район Калуги выдвинулся опричный воевода Дмитрий Хворостинин с передовым полком численностью в четыре с половиной тысячи человек. Для обороны реки ему была придана «судовая рать» — девять сотен вятчан в стругах. Кроме этого в Кашире расположился сторожевой полк князя Шуйского численностью 2100 человек. Под Тарусой с полком правой руки (3600 бойцов) встал князь Одоевский, на Лопасне — с полком левой руки (1700 человек) князь Репнин.

Вторжение началось 23 июня. Через три дня передовые отряды татар подошли к «берегу» в районе Сенькиного брода (чуть выше Серпухова), но были отбиты стоящей там заставой сторожевого

полка. На следующий день у главных переправ появился хан со всей своей ордой. Но туда уже подоспели русские подкрепления. Перед «перелазами» через Оку напротив ханской ставки спешно установили «гуляй-город». Турецкие пушкари открыли по нему огонь со своего берега. Русские не отвечали. Воротынский не хотел спугнуть изготовившегося к атаке противника. Даулат-Гирей до самого заката усиленно делал вид, что «не спугнулся».

Глубокой ночью с 27 на 28 июля ногайская конница Теребердей-мурзы неожиданно атаковала Сенькин брод, смела отряд из охранявших его 200 дворян и захватила переправу. К утру от нее веером разошлись в разные стороны передовые отряды крымцев под командованием Дивей-мурзы. Началась переправа главных сил во главе с Даулат-Гиреем. Таким образом, оборона «берега» потеряла смысл. К тому времени, как весть об этом дошла до Воротынского, ногайские отряды Теребердей-мурзы продвинулись далеко на север.

О том, чтобы успеть к Москве раньше их, нечего было и думать. К тому же отход к столице ничего не давал русской армии — пострадавшие от пожара стены города еще не восстановили. Воротынский решил фланговыми ударами и смелыми нападениями на арьергарды задержать продвижение хана к Москве. Русский воевода понимал, что нужно навязать татарам генеральное сражение до того, как они выйдут к беззащитной столице.

Первый удар по орде нанес Хворостинин. Он подошел к Сенькиному броду в тот момент, когда главные силы Даулат-Гирея уже переправились через Оку. После короткой схватки воевода понял, что противник ему не по зубам*, и отступил. Но смелая вылазка Хворостинина задержала хана и помогла полку правой руки во главе с Одоевским выйти к реке Наре, опередив татарскую конницу. Остановить хана не удалось и на этом рубеже. Оно и понятно: ведь

* Три тысячи русских ратников без пушек и «гуляй-города» не могли выстоять против 60-тысячной армии.

у Одоевского было чуть больше трех с половиной тысяч воинов. Но битва получилась «жаркая».

Тем не менее Даулат-Гирей вышел на Серпуховскую дорогу, ведущую прямо к Москве. Учитывая активные действия обойденных русских полков, хан перегруппировал силы. Отборная крымская конница во главе с «царевичами» заняла место в арьергарде. Решение это было правильным и своевременным. Однако оно не спасло орду от следующего сильного удара.

Передовой полк Хворостинина шел за врагом, выжидая момент для броска. В районе села Молоди, в 45 верстах от Москвы, опричный воевода внезапной атакой смял крымский арьергард. «Царевичи» бежали в ханскую ставку. Они советовали отцу развернуть все силы против оставшихся в тылу русских. Даулат-Гирей принял компромиссное решение. Продолжая частью отрядов продвигаться к Москве, он направил против Хворостинина свежие силы — 12 тысяч крымских и ногайских всадников. Для того чтобы разбить утомленный боем передовой полк, их хватало с избытком. Но обстановка к тому времени изменилась. К Молодям из Коломны подошел большой полк Воротынского. Воеводы быстро разработали план сражения.

Трехкратный перевес врага над уставшими воинами передового полка привел к предсказуемому результату. Опричный воевода дал команду на отход. Однако напрасно радовались степняки. Начав преследование, они вскоре попали под массированный огонь пушек и пищалей «гуляй-города». Хворостинин искусным маневром вывел их к укрепленным позициям Воротынского. План воевод удался блестяще: залпы русских пушек, стрелявших практически в упор, внесли опустошение в ряды татарской конницы и заставили ее повернуть обратно. Когда противник отступил, русские продолжили укреплять позицию. Воротынский верил: теперь Даулат-Гирей вернется обязательно. Ведь, не разбив «повисшей на хвосте» русской армии, хан не сможет уйти в степи с добычей, сколько бы ее ни удалось наgrabить в Москве.

В центре построения, на холме, ратники установили «гуляй-город», за стенами которого укрылся полк Воротынского со всей артиллерией. Остальные воеводы выстроили войска рядом, прикрывая «гуляй-город» с флангов и тыла. А в это время крымская армия перешла Пахру и остановилась в 30 верстах от Москвы. Целый день прождал Даулат-Гирей русские полки. Он думал, что Воротынский кинется догонять орду... Не дождался. И приказал повернуть назад. Таким образом, интуиция не подвела царских воевод. Но это еще не гарантировало им победу. Несмотря на ощутимые потери предыдущих дней, армия Даулат-Гирея по-прежнему имела большое численное преимущество. А предыдущие бои показали, что владыка Крыма хорошо умеет разыгрывать этот козырь...

30 июля бесчисленная лавина татарской конницы обрушилась на русские полки. Но сильный пушечный и пищальный огонь одну за другой гасил атаки ордынцев. С флангов по противнику наносили удары отряды детей боярских, оставленных Воротынским «вне града». Во время одной из контратак ратник сторожевого полка Аталыкин взял в плен ханского главнокомандующего Дивей-мурзу. В этот же день погиб в бою предводитель ногайской конницы Тербердей-мурза. Сколько полегло простых татар, сказать сложно. Но судя по тому, что Даулат-Гирей прекратил атаки и два дня приводил в порядок свое расстроенное войско, потери оказались значительными.

У русских положение тоже было не блестящим. Полки поредели так сильно, что теперь уже все ратники поместились за стенами «гуляй-города». К тому же от «берега» русские войска гнались за Даулат-Гиреем налегке, бросив у переправ обозы. Запасы провизии иссякли в первый же день. Пришлось зарезать часть лошадей и питаться кониной. Казалось, еще чуть-чуть, и армия будет не в силах сражаться... Однако Даулат-Гирей не мог ждать. У московского воеводы Токмакова практически не было воинов, но зато имелись верные слуги и солдатская смекалка. С помощью этих двух вещей Токмаков сумел аккуратно доставить в татарский лагерь ложную

грамоту с сообщением, будто на помощь Воротынскому «идет рать новгородская многая».

2 августа хан возобновил штурм «гуляй-города». В бой пошли все наличные силы. Руководившие атаками «царевичи» получили от Даулат-Гирея приказ: во что бы то ни стало отбить у русских Дивей-мурзу. Не считаясь с потерями, татары весь день упорно пытались опрокинуть стены «гуляй-города». К вечеру, когда натиск немного ослаб, русские предприняли смелый маневр, который решил исход боя. Воротынский с полками тайком покинул «гуляй-город». Продвигаясь по дну лощины, он вышел в тыл ханскому войску. Оставшийся с небольшим отрядом пушкарей и стрельцов Хворостинин по условленному сигналу дал залп из всех стволов, а затем «вылез» из крепости и ударил по врагу. В ту же минуту с тыла на татар обрушились полки Воротынского.

Согласованный двойной удар буквально смял растерявшегося противника. По ханскому войску разнесся слух, что это подошли «большие полки Ивана Грозного». Даулат-Гирей с приближенными немедля ускакал к Оке, и за ним побежало все ошеломленное крымское войско. Русская конница тут же начала преследование. Многие из татар погибли в боях при отступлении, еще большее число попало в плен. Среди погибших в этот день были сын хана и его внук. 3 августа на переправе через Оку русские разгромили отряд, прикрывавший бегство Даулат-Гирея. Победа была полной. Если гибель отборной турецкой армии, пытавшейся в 1569 году захватить Астрахань, всего лишь умерила аппетиты султана, то разгром Крымской орды в генеральном сражении при Молодях положил предел турецко-татарской экспансии на европейском континенте.

Но Европа этого не заметила. В тот момент у нее были дела поважнее. Как уже упоминалось выше, 7 июля 1572 года умер первый король Речи Посполитой Сигизмунд II Август. Поскольку должность его с 1569 года стала выборной, польские вельможи принялись искать себе нового монарха. От того, кто станет королем,

зависела будущая ориентация Речи Посполитой. А потому каждая из стран-соседей продвигала своего кандидата, надеясь с его помощью подчинить польскую политику собственным интересам. В качестве основных претендентов выступали: шведский король Юхан III, германский принц Эрнест (сын императора Максимилиана II), трансильванский князь Стефан Баторий (его кандидатуру активно поддерживал султан) и царевич Федор (младший сын Ивана Грозного).

Это сейчас, когда мы знаем результат, кажется, что все было определено заранее. А поначалу шансы русского кандидата казались самыми радужными. Во-первых, именно его хотели видеть королем православные жители Малой и Белой Руси, т.е. примерно половина королевства. Во-вторых, на эту кандидатуру работало сходство польского и русского языков, обычаев и нравов*. В-третьих, важным было наличие общих врагов: немцев и шведов на северо-западе, крымских татар и турок на юге. В-четвертых, часть шляхты тяготилась всевластием магнатов. И жертвы произвола надеялись, что сын Ивана Грозного приструнит зарвавшихся вельмож. Сторонники Федора приводили в пример литовского князя Ягайло, который после избрания королем из врага католиков и язычника быстро превратился в доброго христианина и милостивого правителя. Агенты папы надеялись, что Федор через некоторое время перейдет в католичество. Паны-протестанты, при прочих равных условиях, предпочитали православного кандидата ставленнику Рима.

Но, несмотря на все эти плюсы, Федор Иоаннович довольно быстро выбыл из борьбы. Главным виновником этого стал, как ни странно, сам Иван Грозный. Вместо того чтобы плести тонкую сеть интриги, царь на первой же встрече с послами Польской и Литовской рады повел себя как слон в посудной лавке — заявил, что Федор слишком молод и «государство ему справиться не мочно», после чего предложил панам собственную кандидатуру. Сразу же

* А надо сказать, что тогда они различались еще меньше, чем сейчас.

выяснилось, что есть множество вопросов, на которые царевич, до избрания его королем, может отвечать ничего не значащими фразами... Правящему монарху в той же ситуации приходится либо жестко отказывать, либо идти на односторонние уступки. Причем от имени всей страны. В частности, поляки вспомнили о незавершенной войне и заявили о своем желании вернуть Полоцк и Смоленск. Кроме того, они сразу же поставили перед царем вопрос о финансировании выборов. Если в избрание Федора предложившие его кандидатуру магнаты могли вложить собственные капиталы, то его отец-самовыдвиженец должен был за все платить сам, тем более что о богатстве московских государей в Европе ходили легенды. Тратить астрономические суммы без гарантий на успех Ивану Грозному, естественно, не хотелось. А гарантий паны, как известно, дать не могли.

Итак, русский претендент сошел с дистанции. Юхан III Ваза изначально находился в том неудобном положении, в которое поставил себя Иван Грозный. Поляки требовали от шведского короля огромных субсидий и территориальных уступок в Ливонии. Таким образом, фаворитом предвыборной гонки стал эрцгерцог Эрнест Габсбург, сын Максимилиана II. После этого логика борьбы против общего врага — Германской империи — заставила Турцию и Францию скоординировать политику, выдвинув единого кандидата, принца Генриха Анжуйского. Таким образом, в финальном туре за польскую корону сошлись представители двух сильнейших государств Европы: австрийские Габсбурги и французские Валуа.

В этих условиях 6 января 1573 года начался конвокационный сейм, который должен был решить вопрос о месте и времени проведения избирательного сейма. Участники конвокации договорились выбрать в короли того, кто даст обещание подтвердить под присягой не только все права, привилегии и вольности, какие уже имеются в королевстве, но и те, которые будут испрошены у него сразу после избрания. А поскольку самым важным считался вопрос о вере, участники сейма поклялись стать коллективными гарантами равных прав для всех христианских конфессий.

Так как русский царь не имел шансов на избрание, ему не сообщили о времени и месте проведения сейма. Паны опасались, что Иван IV в последний момент воспользуется «бескорольем» и возобновит военные действия. Поэтому, когда в апреле 1573 года на поле под Варшавой начался подсчет голосов, русских дипломатов там не было. К великой радости французов, победу одержал Генрих Анжуйский. Посол Жан Манлюк тут же принес присягу от имени принца и пообещал хранить все вольности шляхты. 10 сентября 1573 года новый король подтвердил эти слова лично. Кроме того, он пообещал не объявлять войны и не заключать мира без сената, а также обязался каждые два года созывать сейм. В случае нарушения королем любого из обещаний шляхта заранее освобождалась от клятвы верности ему и приобретала право на рокош*.

Польские паны получили именно того сюзерена, которого желали видеть. Раздав все возможные вольности, Генрих занялся пирами, «амурами» и карточной игрой. Но вдруг 15 июня 1574 года в Краков, где находился польский двор, прискакал гонец из Франции. Королева-мать Мария Медичи сообщала Генриху о смерти его старшего брата Карла IX и требовала, чтобы сын срочно ехал в Париж. Узнав об этом, сенаторы предложили обратиться к сейму за согласием на отъезд. Что такое польский сейм и с какой скоростью он принимает решения, Генрих к тому времени уже понял. А потому 19 июня под покровом ночи он тайно бежал из Кракова.

Во многих странах борьба за престол приводила к тому, что проигравший претендент вынужденно покидал страну. Взять хоть тех же Глинских и Шемякичей. Но чтобы с королевского трона бежал победитель — это могло случиться только в Польше! Впрочем, и там сенаторы поначалу озадачились... Что делать? Ждать возвращения Генриха? Объявлять новые выборы?

* Рокош (*польск.* *rokosz*, буквально — бунт, мятеж) — официальное восстание против короля, на которое имела право шляхта во имя защиты своих прав и свобод.

А Генрих меж тем добрался до Франции. 11 февраля 1575 года он короновался в Реймском соборе, приняв тронное имя Генриха III. Борьба за польский престол возобновилась... Но теперь соседи уже не предлагали и просили, а настаивали и требовали. Еще с прошлых выборов на сейме сложилось две коалиции: имперско-русская и турецко-франко-шведская. Глава одной из них, Селим II, сразу после бегства Генриха (и еще до объявления новых выборов) прислал сенаторам грамоту с требованием, чтобы те не приглашали на трон Габсбурга, потому что он (прозрачный намек) обязательно вовлечет Польшу в войну с Турцией. «Достойными кандидатами» султан считал садомирского воеводу Яна Костку, шведского короля Юхана III и трансильванского князя Стефана Батория.

В имперско-русском лагере с претендентами было хуже. Австрийские Габсбурги, фанатично преданные католицизму, имели много сторонников среди магнатов, но не пользовались поддержкой шляхты. Иван Грозный, ставивший себя выше окрестных королей, наотрез отказывался делать вид, что он хочет стать в Польше «первым среди равных». Единственное, в чем были согласны Россия и Империя, так это в обоюдном желании разделить Речь Посполитую, с тем чтобы Литва и Киевское княжество достались Ивану IV, а остальное — Максимилиану II. Но с такой программой на выборы не выйдешь... В конце концов Империя представила сейму кандидатуру эрцгерцога Фердинанда (брата Максимилиана II) и пообещала, что тот будет вносить в польскую казну большую часть своих доходов (150 тысяч талеров ежегодно) и еще по 50 тысяч талеров в год станет тратить на ремонт и строительство крепостей. Претендент обязался привести с собой несколько сильных полков немецкой пехоты для отражения неприятеля.

Второй избирательный сейм стал очередной победой абсурда над логикой. Руководившие собранием магнаты объявили, что в короли выбран не эрцгерцог Фердинанд, а сам Максимилиан II. В то же время большая часть шляхты продолжала настаивать на кандидатуре Батория. Вскоре они заняли столичный Краков и захватили королевские регалии. Ситуация сползала к войне, в

которой шансы имперско-русской партии были выше, поскольку кандидатуру Максимилиана II поддержала еще и Пруссия. Но Баторий не стал ждать развязки. Собрав армию наемников, он без колебаний вторгся в польские пределы. 18 апреля 1576 года князь вступил в Краков, а уже 1 мая торжественно короновался.

ГЛАВА 8

ЧАСТНАЯ ВОЙНА ИВАНА ГРОЗНОГО. СТЕФАН БАТОРИЙ СОБИРАЕТ СИЛЫ И ИДЕТ НА РУСЬ

Габсбурги начали готовить войска для вторжения в Польшу. Но в октябре 1576 года Максимилиан II скоропостижно скончался. Австрии стало не до международных интриг. Все расчеты Ивана Грозного на союз с Империей пошли прахом. Положение России осложнялась тем, что еще с 1574 года она возобновила войну против Швеции. Главной задачей в этой борьбе был захват Ревеля. В апреле 1575 года отряд боярина Никиты Романова занял крепость и порт Пернов. Год спустя русские войска утвердились в Гаспале. А в январе 1577 года 50-тысячная армия под командованием Федора Мстиславского и Ивана Меньшого Шереметева, подтянув по зимнему пути тяжелую артиллерию, начала осаду Ревеля. Однако взять крепость царским войскам не удалось. Шереметев получил ранение и вскоре после этого умер. Высокородный Мстиславский воинскими талантами не блистал. В марте русская армия отступила от Ревеля.

Не добившись успехов в Северной Ливонии, царь решил нанести удар по южной ее части. Этот поход Грозный возглавил сам. Разрядный приказ собрал для государя достаточно внушительные силы: 7279 детей боярских, 7905 стрельцов и казаков, 4227 татар. С учетом боевых холопов и ополченцев общая численность армии составляла примерно 24–26 тысяч человек. Большого Россия, вынужденная в это время держать основные силы на степных границах, выделить не могла. Однако в Южной Ливонии, где у литовцев и поляков были лишь малочисленные гарнизоны, эта

армия казалась огромной. 13 июля 1577 года Иван IV выступил из Пскова к Мариенхаузену. Царя сопровождала блистательная свита, в которой самыми яркими звездами стали коронованные особы: великий князь Тверской Симеон и король Ливонии Магнус.

В Мариенхаузене было в тот момент всего 25 солдат, и потому гарнизон сдался без боя. Воины соседних замков последовали его примеру. Грозному так нравилось это победное шествие, что под Динабургом он отпустил на волю и даже одарил сдавшихся ратников. Зато тех, кто пытался защищать укрепления, Иван IV не миловал. Так многих воинов из Чествина* царь повелел «сажать по кольям», а остальных продал в рабство татарам. Дворяне Южной Ливонии, видя, что Литва не в силах оградить их от нашествия, стали переходить к победителям. Но не к Грозному, а к Магнусу. Это разозлило царя. Вступив в город Купонос, который заняли солдаты Магнуса, Иван IV внезапно велел казнить нескольких советников «подручного» короля, а жителей обратить в рабов. Вскоре под стражу попал и сам Магнус. Правда, позже царь смилостивился и отпустил короля «в свой удел». Но Магнус, судя по всему, обиды не забыл. Уже через полгода он перейдет на сторону Батория.

10 сентября в захваченном у гетмана Полубенского замке Вольмар царь дал прощальный пир родовитым литовским пленникам. Перед отъездом на родину они получили от Ивана IV подарки: шубы, кубки и ковши. Грозный надеялся, что его успешный поход вынудит соседей — Польшу и Швецию — заключить выгодный для России мир. Однако этого не случилось. Чтобы закрепить за собой Ливонию, русским нужно было взять ее ключевые крепости: Ревель и Ригу. Но сделать этого Грозному не удалось. Окончив поход, царь с частью войск отправился на родину, а вместо себя оставил воевод Ивана Шуйского и Василия Сицкого. Практически сразу после этого бои возобновились. Легко захваченные позиции оказалось трудно удерживать. Довольно быстро пал Динабург. В декабре 1577 года литовцы внезапным ударом овладели Венденом.

* Это был один из немногих замков, которые русским войскам пришлось брать штурмом.

В следующем, 1578 году в атаку перешли русские войска. 25 июля они взяли город Оберпаллен и осадили Венден. Но было уже поздно. Попытки царя воевать одновременно и на юге, и на севере Ливонии привели не только к распылению сил. Польша и Швеция сплотились против общего врага. В районе Пернова отряды литовского гетмана Сапеги соединились со шведским войском Бойэ. 21 октября 1578 года эта армия атаковала под Венденом царских воевод. Татарская конница бежала с поля боя, а русские отступили в осадный лагерь. Однако они понимали, что сил для обороны недостаточно. Ночью четверо воевод — Иван Голицын, Федор Шереметев, Андрей Палецкий и Андрей Щелканов — с конными отрядами вырвались из окружения, а утром противник взял лагерь штурмом. Литовцам и шведам досталось 17 тяжелых орудий. 18-тысячная русская армия потеряла больше трети убитыми.

Здесь надо заметить попутно, что все русско-литовские сражения этого периода формально не имели никакого отношения к межгосударственному конфликту между Россией и Польшей. Несмотря на то что договор о перемирии истек еще в 1574 году, ни та, ни другая стороны не заявляли о возобновлении боевых действий. Иван IV считал, что наказывает своих мятежных подданных (ливонцев), а сражающиеся с его войсками паны — формально — вели свои частные войны против русского царя. Со Стефаном Баторием Россия в январе 1578 года заключила перемирие на три года*.

Похоже, это был тот редкий в дипломатии случай, когда ни одна из подписавших договор сторон изначально не собиралась его соблюдать. Король, закончив к весне 1578 года войну со своими мятежными подданными, жителями Данцига, сразу же начал готовиться к походу против России. Для этого он на вербовал в Германии и Венгрии несколько полков пехоты и опытных пушкарей, а также закупил в Западной Европе новейшие артиллерийские орудия.

До царя доходили сведения, что польская армия нацеливается на Полоцк. Но Грозный не придавал им значения. Вместо подготов-

* Его срок исчислялся с 25 марта 1578 года.

ки к обороне он решил наступать сам. В начале июня 1579 года Иван IV отправил из Новгорода в Курляндию армию Василия Хилкова. Этот удар был большой ошибкой. Во-первых, он возложил на Россию ответственность за срыв перемирия. Во-вторых, царские войска оказались разьединены на части именно в тот момент, когда противник нанес им «акцентированный» удар в самое уязвимое место. 11 августа 1579 года Стефан Баторий привел армию к Полоцку, который справедливо считал «ключом к Ливонии и самой Литве»*. По польским данным, королевские войска насчитывали 41 814 солдат. Цифра это, скорее всего, близка к реальности, поскольку численность наемного войска напрямую связана с суммами жалованья. Неизбежные надбавки из-за желанья солдат получить плату за погибших товарищей уравниваются неучтенными слугами знати, стоящими на службе у своего родовитого нанимателя, а не у короля.

По данным Разрядного приказа, Россия смогла выставить против этой армии 10 532 кавалериста и 3119 пехотинцев. Вместе с татарами, боевыми холопами и ополчениями северных городов получилось всего 23 641 человек. Ситуация осложнялась тем, что еще в июле 1579 года шведский флот обстрелял и сжег предместья Ивангорода и Нарвы. Одновременно с этим из Ревеля к Нарве двинулась 10-тысячная армия. Ивану Грозному предстоял нелегкий выбор. В конце концов он разделил войска, отправив к Полоцку лишь отряд Бориса Шеина и Федора Шереметева. Основные русские силы во главе с Тимофеем Трубецким и Дмитрием Хилковым пошли к Нарве.

Еще в пути Шеин и Шереметев узнали, что все дороги к Полоцку перекрыты отрядами Батория, а потому свернули к расположенной неподалеку крепости Сокол. Смелыми ударами по коммуникациям противника они принялись мешать подвозу фуража и продовольствия в польский лагерь, при этом избегая столкновений с высланными против них конными полками Криштофа Радзивилла и Яна Глебовича. Таким образом, усилить гарнизон

* *Широкопад А.Б.* Русь и Литва. М., 2004. С. 319.

Полоцка перед началом осады Грозному не удалось. Стрельцам Петра Волынского предстояло отбиваться в одиночку.

Задача им предстояла нелегкая. Венгерская пехота Батория действовала быстро и решительно. Яростный пушечный огонь по стенам Острога и примыкающим к ним кварталам вызвал множество пожаров. Вскоре стало ясно, что погасить их не удастся. Тогда стрельцы и горожане перестали тушить пламя, а наоборот — зажгли в Остроге все, что не успело разгореться, и отступили в Большой город. Воины Батория выстроили на пепелище новые укрепления и открыли оттуда огонь из осадных орудий. Польские ядра пробивали деревянные стены, но защитники Полоцка успевали заделать дыры. Некоторое время королевские пушкари пытались поджечь город калеными ядрами. Но, к их удивлению, огонь все не разгорался. С.П. Соловьев так писал о причинах этой неудачи: «...жители, старики и женщины бросались всюду, где вспыхивал пожар, и тушили его, на веревках спускались со стен, брали воду и подавали в крепость для гашения огня. Множество при этом падало их от неприятельских выстрелов, но на место убитых сейчас же являлись новые работники»*.

Вскоре пошли проливные дожди, и стрельба по городу прекратилась. В осадном лагере ратники Батория не могли найти сухого места даже под шатрами, а потому вымокли до нитки. Действия отрядов Шеина и Шереметева, прочно оседлавших коммуникации, стали сказываться вовсю: от бескормицы у поляков пали обозные лошади, начали голодать солдаты. Король уже подумывал снять осаду. Но тут, как назло, погода наладилась.

29 августа, в первый же ясный день, венгерские пехотинцы ухитрились незаметно подкрасться к стенам крепости и поджечь их. После того как пожар разгорелся, Баторий передвинул основную часть армии на дорогу, ведущую к Соколу. Король имел преувеличенное представление о численности отрядов Шеина и Шереметева. Он ждал, что русские воеводы выйдут из крепости и попытаются пробиться к гибнущему гарнизону Полоцка. В ту же

* Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Том 6. Глава 6.

сторону с постепенно гаснущей надеждой смотрели и осажденные. Но стены продолжали гореть, а помощь все не шла...

Волынский выслал к Баторию парламентаров, но наемники не желали переговоров и капитуляций, они хотели взять город штурмом и «на законных основаниях» разграбить дома. Тайком от короля венгры убили переговорщиков, а затем опрокинули догорающие обломки стены и кинулись на приступ. За ними в пролом вошли польские ратники. Однако стрельцы успели отрыть земляные укрепления за теми участками, где прогорели бревна. Через рвы залпами ударили установленные за валами пушки и отогнали нападающих.

На следующий день штурм проломов возобновился. Стены меж тем продолжали гореть и рушиться. Долго сопротивляться в таких условиях гарнизон не мог, и Петр Волынский снова отправил парламентаров к королю. Русский воевода согласен был сдать город при условии свободного выхода из него всех ратных людей. Баторий принял эти требования с оговоркой, что желающих остаться и поступить к нему на службу русские невольничать не станут. Однако воспользовались этим считанные единицы. Даже понимая, какой деспот ими правит и чем может закончиться возвращение на родину, стрельцы Волынского не желали переходить на службу к врагам России.

Вслед за Полоцком войска Батория овладели рядом близлежащих городов, крепостей и замков. Пали Козьян, Красный и Туровль. Дошла очередь и до Сокола. Крепость, стоящую на высоком холме при слиянии рек Нищи и Дриссы, окружили отряды наемной немецкой пехоты и польской кавалерии. Калеными ядрами пушкарки подожгли стены. Понимая, что удержать крепость не удастся, конный отряд Шереметева пошел на прорыв. Несколько верст королевские ратники преследовали отступающих. Многих зарубили, включая и самого Шереметева. Меж тем пешие стрельцы под командованием Шеина отошли в замок. Немцы попытались ворваться туда «на плечах противника». Примерно пяти сотням бойцов это удалось. Однако затем стрельцы закрыли ворота и перебили попавших в ловушку ратников. Но силы были слишком

неравны, и к 25 сентября королевские войска уничтожили последних защитников замка.

Когда до Грозного дошли вести о падении Полоцка и Сокола, царь послал в замок Суша письмо, где разрешил его защитникам отступить. Перед уходом ратники должны были испортить пушки и порох, а также закопать в землю иконы. Это приказ запоздал — поляки подоспели раньше. По условиям капитуляции шеститысячный гарнизон крепости отступил с ручным оружием, оставив врагу 21 большое орудие, 136 гаковниц*, 123 длинные ручницы, 100 бочек пороху и три тысячи железных ядер.

После взятия Суши Стефан Баторий вернулся в Вильно. Еще в середине сентября он отправил Ивану IV грамоту с предложением переговоров и теперь совмещал дипломатическую игру с подготовкой следующей кампании против России. Трюк сработал блестяще. Считая, что с Польшей он не сегодня завтра заключит мир, русский царь отклонял все предложения Юхана III. А шансы договориться со шведами в тот момент были неплохие. Под Нарвой дела у их армии шли неважно. Обложив город 14 сентября, ратники Горна две недели тщетно штурмовали крепость. Из-за трудностей с подвозом провианта шведы начали голодать. Русский гарнизон между тем отбивал один приступ за другим. Вскоре большие потери вынудили Горна отступить. Нарвскую неудачу тяжело восприняли в Швеции. Государственный совет рекомендовал королю заключить мир с Россией. Но Иван Грозный от переговоров отказался и велел готовить полки для броска на север. Приказ воеводы выполнили. Но армия в поход так и не выступила. Собранные войска были измотаны и обескровлены, они нуждались в пополнении и отдыхе. В конце концов это понял даже царь...

* Так называли в Европе крепостное дульнозарядное ружье с крюком («гаком») под стволом, этим крюком можно было зацепиться за крепостную стену с целью уменьшения отдачи при выстреле, в России гаковницы называли «затынными пищалями» (для стрельбы «из-за тына» или частокола); гаковницы разделялись на тяжелые (двойные) — на опоре, обслуживаемые двумя людьми; и легкие, обслуживаемые одним человеком (их еще называли «ручницами»).

А меж тем Баторий сосредоточил силы для удара и прекратил игры в дипломатию. В грубой и оскорбительной форме он отверг предложения России. Иван IV оказался в сложном положении. Он до последнего верил в мирные устремления Польши и теперь был в полном неведении относительно замыслов короля. Царю пришлось распылить силы. Его полки на западе прикрывали одновременно и Новгород, и Псков, и Кокенгаузен, и Смоленск. Много русских войск оттянули другие направления: беспокойно было на южных границах, а на северо-западных шла война со шведами.

Ослабленной боями и рассредоточенной по широкому фронту царской армии предстояло сразиться с мощным противником. Родной брат короля Стефана, сменивший его на посту семиградского воеводы, прислал в Польшу конные и пешие отряды венгров. Стремясь еще больше усилить пехотные подразделения, Баторий ввел чрезвычайную воинскую повинность: по его приказу в королевских имениях забрали на службу каждого двадцатого хлебопашца. Таким образом, когда польская армия двинулась в Россию, в ней было свыше 48 тысяч бойцов, в том числе 21 тысяча пехоты. Поскольку король концентрировал силы под Часниками, на равном удалении от Смоленска и Великих Лук, русское командование не могло определить, куда направятся вражеские полки.

Стефан Баторий выбрал великолукское направление. Еще при штурме Полоцка он высоко оценил стойкость русских ратников. Король знал, что каменный Смоленск хорошо укреплен и штурмовать его будет непросто. Что же касается Великих Лук, то после присоединения к России Полоцка их значение упало. Поскольку 15 лет крепость была тыловой, средств на ее содержание практически не отпускалось. Деревянные укрепления сильно обветшали. К тому же гарнизон был невелик, а возглавлявший оборону воевода Федор Лыков не имел большого опыта — всего лишь годом ранее он командовал сотней в царском полку.

Овладев по дороге Велижем и Усвятом, 27 августа 1580 года польская армия подошла к Великим Лукам. Подавляющий перевес в силах давал королю основания надеяться на капитуляцию гарнизона. Однако вчерашний сотник оказался не из робкого

десятка. В первый же день осады русские атаковали отряд гетмана Замойского и захватили королевское знамя. Разъяренный их дерзостью Баторий бросил войска на штурм, но потерпел неудачу. Тогда поляки и венгры принялись обстреливать город калеными ядрами. Через несколько дней в нем запылали пожары. Осажденные начали переговоры о сдаче. Однако венгры не пожелали упускать добычу. 5 сентября они ворвались в город и принялись резать всех, кто попадет под руку. Но вместо легкой поживы наемников ждала быстрая смерть — русские взорвали пороховые погреба, и Баторию достались лишь дымящиеся развалины крепости. Через две недели после этого королевские кавалеристы князя Збаражского разбили под Торопцом отряд воеводы Хилкова. Вскоре сдался подоженный калеными ядрами Невель. Озерище капитулировало, не дожидаясь бомбардировки. Защитникам крепости Заволочье удалось отбить первый приступ поляков, но затем пришлось сдаться и им...

Двухлетняя череда поражений надломил дух дворянского ополчения. Помещики стали самовольно покидали полки и гарнизоны. Учитывая это, царь разрешил воеводам избегать полевых сражений с войсками Батория, ограничиваясь налетами на обозы и заставы противника. Однако если представлялся случай, «московиты» своего не упустили. Когда девятитысячная рать Филона Кмита выдвинулась к Смоленску, у деревни Настасьино ее встретил русский отряд воеводы Ивана Бутурлина. Потерпев поражение в открытом бою, поляки укрылись в лагере за обозными телегами. Ночью королевские ратники отступили. Утром, обнаружив, что лагерь пуст, русская конница бросилась в погоню. В 40 километрах от Смоленска, на Спасских лугах, Бутурлин настиг противника. Трофеями царских войск стали 10 пушек, 50 затынных пищалей, несколько знамен и 370 пленных. Примерно в то же время отряд Дмитрия Хворостинина разгромил литовцев под Шкловом, в глубине королевских владений. Дальний рейд по тылам охладил пыл Батория. Его армия прервала наступление и вернулась в Полоцк.

Но война и не думала затухать. Польские успехи активизировали шведов и ливонцев. 5 ноября 1580 года войска Юхана III заняли пограничную крепость Корела*, перебив ее русский гарнизон. В Эстонии отряд воеводы Чихаева тринадцать недель отбивал атаки на городок Падис. За это время русские съели всех лошадей, собак, кошек, сено, солому и даже пытались жевать кожаные ремни упряжи. Лишь в декабре 1580 года шведской армии удалось захватить Падис. Затем в начале 1581 года Делагарди осадил город Везенберг в Ливонии. В марте русский гарнизон капитулировал, получив право свободного выхода. В это же время польские войска заняли крепость Холм и сожгли Старую Руссу. Кроме того, в Ливонии войска Батория захватили замок Шмильтен, а затем совместно с ратниками Магнуса опустошили Дерптскую область до самого Нейгайзена. Царские воеводы тоже не сидели без дела. В марте 1581 года они ходили из Можайска в литовские земли: в районы Дубровны, Орши, Могилева и Шклова. За время рейда ратники не раз бились с королевскими войсками. К лету все отряды благополучно вернулись в Смоленск.

Король Стефан меж тем готовился к новой кампании. Он занял денег у германских князей: прусского герцога, саксонского и бранденбургского курфюрстов. На сейме, собранном в феврале 1581 года, делегаты согласились ввести дополнительные налоги на нужды армии. В этих условиях мирные переговоры не могли закончиться удачно. Стоило русской стороне пойти на какую-либо уступку, как Баторий выдвигал новые, еще более жесткие требования. Грозный понял, что остановить польского короля способно лишь крупное поражение. В войне явно наметился кризис, переломный момент. К этому времени у России «полыхали» уже все границы: от северо-запада, где продолжалось шведской наступление, и до юго-востока, где снова восстала Ногайская Орда. Однако самым сильным, последовательным и упорным из противников Москвы оставался Стефан Баторий. Необходимо было точно и своевременно определить направление его следующего удара. Ведь обе

* Шведское ее название — Кексгольм.

предыдущие кампании удавались полякам во многом из-за того, что король атаковал там, где его не ждали.

И тут случилось одно малоизвестное, но чрезвычайно важное событие. В мае 1581 года, перед самым возобновлением военных действий, в Речь Посполитую бежал царский стольник Давид Бельский. Это был не только родовитый, но и очень близкий к царю человек. Он имел обширные связи среди московской знати. Но что еще более важно, Бельского считали своим в стане «опричных выдвиненцев», поскольку он приходился родней самому Малюте Скуратову. Короче говоря, в руках Батория оказался один из самых информированных представителей Москвы.

Изменника хорошо приняли в Польше. Бывший стольник рассказал Баторию все, что знал о царе и его окружении, о состоянии русских войск и планах воевод. Кроме того, Бельский предложил королю свои услуги и рекомендовал срочно начать наступление. В этом он вел себя типично — так поступали многие русские перебежчики. Но вот детали — в них скрыто самое интересное! Для удара Бельский рекомендовал королю псковское направление. «Людей во Пскове нет и наряд вывезли, — говорил он Стефану, — сдадут тебе Псков тотчас»*. Следует заметить, что к этому времени среди королевского окружения еще не было единодушия в вопросе о месте главного удара. Многие советовали Баторию повернуть армию к Дерпту. Польская разведка докладывала, что из тамошних гарнизонов большую часть войск и пушек царь отправил в Псков.

Эти сведения, кстати сказать, полностью соответствовали действительности. Российское командование начало готовиться к обороне Пскова еще летом 1580 года. Именно в это время воевода Иван Шуйский получил в подчинение около семи тысяч детей боярских, стрельцов и казаков. Кроме этого в район Пскова царь направил несколько тысяч служилых татар. Они, вместе с частью детей боярских, должны были действовать против поляков вне крепости: громить идущие к королю подкрепления, нападать на

* *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 383.

заставы, затруднять доставку в осадный лагерь продовольствия и фуража.

Нацелившиеся на Псков войска Батория насчитывали, по разным данным, от 47 до 100 тысяч человек. Очевидно, первая цифра ближе к истине, если иметь в виду армию, непосредственно участвовавшую в штурме города. Вторая, скорее всего, обозначает общую численность отрядов, задействованных против России. Стоило всей этой махине сдвинуться с места, как Грозный нанес упреждающий контрудар. Отряды под командованием Дмитрия Хворостинина переправились через Днепр и принялись разорять окрестности Дубровны, Орши, Шклова и Могилева.

Баторий вынужден был принимать контрмеры. Пока польский король занимался Хворостининым, в Пскове царский наместник Шуйский заканчивал последние приготовления к обороне. По окрестным селам он разослал грамоты с приказом сжигать дома, запасы фуража и продовольствия, а самим прятаться в укрепленных городах. В результате пришедшие под Псков поляки вскоре будут вынуждены искать пропитание в 100–150 километрах от лагеря, часто попадая в лесные засады. Закончив подготовку к защите Пскова, русское командование разместило главные силы в районе Волока Ламского и Зубцова. В случае необходимости эти полки можно было использовать не только против армии Батория, но и для обороны Москвы от ударов с юго-востока.

Наместник Пскова князь Иван Шуйский не зря считался мастером обороны. Подготовительные мероприятия были выполнены идеально. Всех воевод и голов он заранее «расписал» по стенам и башням. Артиллерийские орудия и пищали установили по местам исходя из того, что главным оперативным направлением будет юго-восточное, где к городу примыкало большое поле. Именно там, на стене Большого города между реками Великой и Псковой, русские размыслили поставили две «большие» пушки: «Барса» и «Тряскотуху». Причем настроили их так, чтобы эти орудия могли посылать ядра за версту и дальше. Для поляков подобная дальнобойность вскоре станет одним из самых неприятных сюрпризов.

Надо сказать, Псковская крепость хорошо подходила на роль цитадели, у стен которой решается судьба великой страны. Врага ждал тройной пояс мощных каменных стен: Большого, Среднего и Давмонтова города. Высота их местами доходила до девяти метров, толщина кирпичной кладки — до пяти. А в самом центре Пскова на 17 метров над уровнем реки возвышался его последний рубеж — укрепления Крома*.

Стена Большого города, перед которой будут разворачиваться главные события псковской обороны, простиралась почти на 10 километров, имела 37 башен и 48 ворот. Русское командование заранее сосредоточило в Пскове большие запасы военного снаряжения и продовольствия. Чтобы сплотить защитников города, Иван Петрович Шуйский еще на подготовительном этапе привлек к оборонным мероприятиям всех, способных носить оружие.

ГЛАВА 9 ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ПСКОВА. ЯМ-ЗАПОЛЬСКИЙ ДОГОВОР 1582 ГОДА

18 августа 1581 года в ближних окрестностях Пскова у реки Черехи появились польские отряды. Русские воеводы тут же пошли на вылазку и отогнали противника на несколько верст. Таким образом, с первого дня оборона Пскова носила активный характер. Ратники Шуйского не только защищали стены, при малейшей возможности они сами атаковали врага.

Активность обороняющихся заставила Батория отозвать к Пскову отряды, распушенные в дальние рейды. Именно тогда его конные сотни прекратили прошупывать окрестности Ржева и Старицы и вернулись к своему королю. По иронии судьбы в это время в Старице находился сам Грозный, да еще и с семьей. Отослав жену с младшим сыном прочь, царь начал спешно готовить крепость к

* Так жители Пскова называли свой каменный кремль.

обороне. В распоряжении Ивана IV было в тот момент не более семи сотен дворян и стрельцов. Однако королевские ратники, к счастью для малочисленного гарнизона, отступили без боя.

26 августа основные силы польской армии во главе с Баторием подошли к стенам Пскова. Король выбрал место для стана неподалеку от города, у погоста Любятова на Московской дороге. А дальше, как рассказывает летописец в «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков», «государевы же бояре и воеводы не велели стрелять по шатрам днем, но все орудия для этого велели днем приготовить. Когда же были поставлены многие шатры и наступила ночь, приблизительно часу в третьем, повелели ударить по ним из больших орудий. Наутро же не увидели ни одного шатра, и, как рассказывали языки, многие знатные паны были тут убиты»*. Надо сказать, что ночной артналет не был в те времена обычным делом. Во всяком случае, король подобного сюрприза явно не ждал. Его удивила не только точность, но и дальнбойность русских орудий, ведь шатры ставили на расстоянии, которое считалось недоступным для огня артиллерии.

Чтобы обезопасить свои войска от подобных сюрпризов, Баторий велел перенести лагерь к реке Черехе, что в пяти километрах от Пскова. 1 сентября королевские ратники приступили к земляным работам, чтобы безопасно подобраться к Пскову и установить осадные орудия. Как гласит все та же «Повесть о приходе Стефана...», поляки «...начали копать большие траншеи от своих станов по большой Смоленской дороге к Великим воротам и к церкви Алексея, человека божия, и также от нее к городу — к Великим, Свиным и Покровским воротам. И выкопали за три дня пять больших длинных траншей. А в тех траншеях, как впоследствии подсчитали ходившие туда, выкопаны в земле большие землянки, как целые дома, и даже с печками, сто тридцать две большие избы и девятьсот четыре меньшие. В больших тех землянках расположились ротмистры и сотники, в меньших устроились жить гайдуки. И так, окопавшись землею, хитрым таким способом совсем при-

* Воинские повести Древней Руси. С. 364.

близились к городу, так что между ними и городской стеной был только один городской ров. Злоумышленно и очень хитро они приблизились к городу, копая и роя землю, как кроты; из земли, которую выкапывали из траншей, они насыпали огромные горы со стороны города, чтобы с городской стены не было видно их передвижения. В насыпных земляных валах провертели бесчисленные окна, предназначенные для стрельбы во время взятия города и вылазок из города против них»*.

Таким образом, удачным артналетом Шуйский выиграл не только время! Необходимость вести к городу длинные траншеи поневоле сужала фронт наступления Батория. Гарнизон в этих условиях мог перебрасывать на отражение штурма силы со «спокойных» участков стены. Не стоит думать, что русские воеводы в это время бездействовали. Во-первых, по свидетельству секретаря королевской канцелярии ксендза Пиотровского, они освещали ночью места работ с помощью зажженной деревянной башни, которую воздвигали в сумерках над крепостной стеной. При помощи этой подсветки, горящей вплоть до полуночи, защитники Пскова прицельно обстреливали польские окопы ядрами и пулями, чем существенно затрудняли работы. Но главное, заметив благодаря дополнительному освещению места установки осадных батарей, русские ратники получили возможность заранее укрепить опасное направление.

Потом, как пишет автор «Повести...», поляки «...месяца сентября в 4 день ночью прикатили и поставили туры. Первые — у церкви человека божия Алексея, на расстоянии около полупоприща** от града Пскова, тут решено было съезжать двору; также и другой двор

* Воинские повести Древней Руси. С. 364—365.

** Поприще — старорусская путевая мера для измерения больших расстояний, так первоначально называли расстояние, пройденное от одного поворота плуга до другого во время пахоты. В рукописях XV века есть запись: «поприще сажений 7 сот и 50», т.е. длиной в 750 сажений (1620 м). По другим данным (словарь Даля), длина поприща во времена Древней Руси составляла 20 верст, но здесь этот вариант кажется совершенно неправдоподобным.

турами защитили, рядом с первым, но ближе к Великой реке; да туры боевые поставили: один против Свиных ворот, вторые — против Покровской угловой башни, третьи туры боевые — за Великую рекою против того же Покровского угла. Все пять тур засыпали в ту же ночь землю. В пятый день сентября приволокли и поставили в три боевые туры орудия...»

Из этого рассказа видно, что Стефан Баторий планировал провести штурм хорошо укрепленного города на узком участке — чуть больше версты. Для опытного воеводы, считавшегося одним из лучших полководцев Европы, — не самое удачное решение. Однако так поступить его вынудили обстоятельства: активные действия гарнизона и сокрушительный огонь со стен убедили короля в том, что без траншей и тур к городу лучше не соваться, а проводить осадные работы вокруг всей стены было слишком тяжело и долго. Меж тем до зимних холодов времени оставалось немного.

Еще одни сутки у королевских пушкарей ушли на подготовку. А затем «...месяца сентября в 7 день, в четверг, в первом часу дня, начали бить из орудий по городу — из трех тур, из двадцати пищалей; и били по городу беспрестанно весь день до ночи. Так же и утром пять часов по граду били из орудий и разбили двадцать четыре сажени городской стены до земли, и Покровскую башню всю до земли сбили, и у Угловой башни разрушили весь охаб* — до земли, и половину Свиной башни сбили до земли, и стены городские разбили местами на шестьдесят девять сажений. Все это разбили и городскую стену во многих местах проломили»**.

Таким образом, пушкари Батория показали себя с самой лучшей стороны. Эффективность их огня оказалась небывало высокой. Но как видно из дальнейших событий, она не стала сюрпризом для русских воевод. Еще в то время, когда ратники Батория рыли траншеи, по другую сторону каменной стены русские ставили частоколы,

* Охаб — внутренняя стена крепости, примыкавшая к воротам или наугольной башне и образывавшая вместе с внешней стеной род защитного коридора, который был своего рода ловушкой для неприятеля.

** Воинские повести Древней Руси. С. 366.

копали рвы, насыпали валы. А пока королевская артиллерия крушила стены и башни Большого города между реками Великой и Псковой, царские воины и жители посада устанавливали на новой линии обороны снятые с этих стен пушки и пищали.

В общем, когда 8 сентября войска Батория пошли на приступ, их ждала не только жаркая, но и хорошо продуманная встреча. В первой атаке полякам удалось захватить две башни: разрушенную Покровскую и наполовину целую Свиную. Со второй они тут же открыли огонь по городу. Однако длился он недолго. Сначала с Похвального раската плюнул огнем знаменитый «Барс», а затем русские розмыслы взорвали заложенный под башню порох. Раздался страшный грохот, и бесформенная груда камней стала могилой для захвативших Свиную поляков. А потом из поднятой взрывом пыли на ошеломленного врага обрушились русские ратники.

В первых рядах шли с иконами монахи: Арсений — келарь Печерского монастыря, Иона Наумов — казначей Снеготорского монастыря и игумен Мартирий. Все трое «в миру» были детьми боярскими, а потому их участие в вылазке вряд ли можно считать импровизацией. С увеличением точности стрельбы огонь врага все чаще концентрировался на командирах наступающих колонн. Потеря же управления в условиях такого численного перевеса, что был у поляков, грозила защитникам крепости катастрофой. Поэтому Шуйский подстраховался, снабдив атакующие отряды «кадровым резервом». Святые отцы, кстати, показали себя в рукопашной схватке с самой лучшей (в военном отношении) стороны...

Вскоре русские ратники не только вытеснили поляков из пролома, но и ворвались во вражеские траншеи. Удержать их, конечно же, было невозможно, а на то, чтобы быстро завершить разгром, сил у воинов не доставало. В этот момент, рассказывает нам «Повесть...», на помощь мужчинам пришли храбрые горожанки: «Тогда все бывшие в Пскове женщины, по домам сидевшие, хоть немного радости с печали узнали, получив благую весть, и забыв о слабости женской, и мужской силы исполнившись, все быстро взяли оружие, какое было в доме и какое им было по силам. Молодые и средних лет женщины, крепкие телом, несли оружие, чтобы добить остав-

шихся после приступа литовцев; старые же женщины, немощные телом, несли в своих руках короткие веревки, собираясь ими литовские орудия в город ввезти. И все бежали к пролому, и каждая женщина стремилась опередить другую. Множество женщин сбегалось к проломному месту, и там великую помощь и облегчение принесли они христианским воинам. Одни из них, как уже сказал, сильные женщины, мужской храбрости исполнившись, с литвою бились и одолевали литву; другие приносили воинам камни, и те камнями били литовцев со стен города и за нею; третьи уставшим воинам, изнемогшим от жажды, приносили воду и горячие их сердца утоляли водою...»*

Упорное сражение длилось больше шести часов. Дольше всего не удавалось сбить противника с насоро укрепленных им развалин Покровской башни. Тогда, как рассказывает «Повесть...», «государевы же бояре и воеводы вновь бога на помощь призвали и христианский бросили клич, и в едином порыве все, мужчины и женщины, бросились на оставшихся в Покровской башне литовцев, вооружившись кто чем, как бог надоумил: одни из ручниц стреляли, другие камнями литву побивали; одни поливали их кипятком, другие зажигали факелы и метали их в литовцев, и по-разному их уничтожали. Под Покровскую башню подложили порох и подожгли его, и так с божьей помощью всех оставшихся в Покровской башне литовцев уничтожили, и по благодати Христовой вновь очистилась каменная псковская стена от поправших ее поганых литовцев»**. Вряд ли слова автора стоит понимать дословно. Скорее всего, во время последней атаки был взорван заранее оставленный под Покровской минный заряд, аналогичный тому, что в середине боя обрушил ее соседку — Свиную башню.

Таким образом, первый штурм города провалился. По русским данным, войска Батория только убитыми потеряли свыше пяти тысяч человек. Сравнить эту цифру не с чем. По польским источникам, об убитых в этот день было «не велено говорить». Что

* Воинские повести Древней Руси. С. 375.

** Там же. С. 376.

касается обороняющейся стороны, то из защитников Пскова погибло 863 человека и 1626 получили ранения.

Неудача врага не расхолодила Шуйского, оборона по-прежнему была очень активной. Практически ежедневно псковские ратники ходили на вылазки. «Языков» доставляли в город, где каждого допрашивали о состоянии дел в лагере противника. 17 сентября во время одной из стычек у Варлаамских ворот русские захватили пленника, который рассказал на допросе, что под стены Пскова ведется сразу десять подкопов. Однако точного их расположения он указать не мог. Воевода Иван Шуйский немедленно распорядился рыть «слухи» — встречные подземные галереи.

Вскоре русское командование смогло получить более точные сведения о польских подкопах. 20 сентября из королевского лагеря явился перебежчик, бывший полоцкий стрелец Игнаш. Он смог не только рассказать, откуда поляки роют подкопы, но и показал со стен, к каким местам их собираются вывести. Контрминные работы тут же были ускорены. А через трое суток, как пишется в «Повести...», «...сентября в 23 день, божьей милостью, наши русские слуховые сошлись с литовскими подкопами между Покровских и Свиных ворот, и злодейский их умысел с помощью Христовой расстроился. Так же и другой подкоп, под Покровскую башню, перехватили, а остальные литовские подкопы за городом сами обрушились. И так, божьей милостью, и этот литовский план окончательно расстроился»*.

Минная война успеха полякам не принесла. Между тем их армия ежедневно несла потери от вылазок псковского гарнизона, а отправленные за фуражом и продовольствием отряды регулярно попадали в лесные засады. Уйти домой после стольких неудач было неммыслимо, и Стефан Баторий решил на новый штурм. Теперь его воины поставили батареи на левом берегу реки Великой. Тяжелые орудия, стрелявшие с другого берега, разрушили часть каменной стены, но это не принесло ожидаемого результата. Ока-

* Воинские повести Древней Руси. С. 382—383.

залось, что во время бомбардировки за этой стеной выросла еще одна, деревянная с земляной засыпкой.

Исчерпав обычные способы взять город, Стефан Баторий перешел к новаторским. Вот как рассказывает об этом «Повесть...»: «28 октября со стороны реки Великой под городскую стену пробрались литовские гайдуки, градоємцы и каменотесы и, закрывшись специально сделанными щитами, начали подсекать кирками и всякими орудиями для разбивания камня каменную стену от Покровской угловой башни и до водяных Покровских ворот, чтобы вся стена, подсеченная, упала в реку Великую. А деревянную стену, что построена для укрепления рядом с каменной, хотели зажечь. В то же время из-за реки Великой по народу, стоящему у городской стены, решили стрелять из орудий, и так надеялись окончательно взять город»*. Таким образом, начав штурм с артиллерийской подготовки, королевские пушкари не прекратили обстрела после того, как пехота подошла к каменным стенам, а перенесли его на вторую линию обороны — насыпную. Судя по всему, то был один из первых в военной истории случаев перехода от предварительной артподготовки к артиллерийскому сопровождению действий наступающей пехоты.

В ответ на это русские воеводы «...повелевают зажженное смоляное тряпье на литву и на щиты их метать, чтобы от огня щиты их загорелись, а сами они от удушливого дыма из-под стены выбегали или же там сгорали. Литовские же воины, понуждаемые силой, все это терпели и стояли, упорно и настойчиво подсекая стену»**. Судя по дальнейшему описанию, против ведущих подкоп королевских ратников защитники города использовали весь возможный арсенал: стрельбу через бойницы, импровизированные ручные гранаты (кувшины с порохом), горячую смолу, деготь и кипящую воду. А значит, они быстро поняли, что огонь вражеских батарей большого урона не наносит. Оно и понятно: точность стрельбы не позволяла в то время вести эффективное артиллерийское сопро-

* Воинские повести Древней Руси. С. 383

** Там же.

вождение — король, вероятно, больше рассчитывал на психологический эффект.

И хотя эффект этот вскоре перестал действовать, к тому времени «...некоторые литовские градоёмцы так глубоко продолбили стену, что уже могли и без щита ее подсекать, и ни горячей водой, ни огнем пылающим их нельзя было выжить, но и против этих, особенно смелых, благочудные государевы бояре и воеводы с мудрыми христианскими первосоветниками придумали для спасения города следующее: повелели навязать на шести длинные кнуты, к их концам привязать железные палки с острыми крюками. И этими кнутами, спустив их с города за стену, стегали литовских каменотесов и теми палками и острыми крюками извлекали литву, как ястребы клювами утят из кустов на заводи...»* Выдернутые из-под стены поляки попадали под огонь русских пищалей и ручниц. В конце концов почти все, кто участвовал в приступе, оказались перебиты.

Меж тем наступили холода. Понимая, что вскоре можно будет использовать для атаки застывшую речную поверхность, король приказал оборудовать на левом берегу позиции для осадных батарей. Пять дней тяжелые пушки били по укреплениям Пскова. 2 ноября, как только рухнула часть стены, королевские войска по льду пошли на приступ. Однако русские заранее подтащили пушки к пролому. Орудия эти не вели контрбатарейной борьбы, а стояли в укрытиях, хорошо замаскированные. И лишь когда ратники Батория добежали до развалин стены, псковские пушкари и стрельцы встретили их убийственным огнем в упор. По свидетельству автора «Повести...», уцелевшие поляки бросились назад, «оставив на льду реки мост из трупов». Последняя попытка штурма провалилась.

В три часа ночи 6 ноября польские войска начали тихо вытаскивать из тур и траншей осадные орудия. От плотной осады Стефан Баторий перешел к блокирующим действиям. Король был вынужден это сделать, поскольку его армия оказалась не готова к зимней кампании. Вывод войск из траншей в лагерь и упавшая дисциплина не замедлили сказаться на положении дел. Вскоре

* Воинские повести Древней Руси. С. 384.

королевские часовые «проспали» стрелецкий полк Федора Мяседова, который прошел мимо их лагеря в крепость и провез в Псков огромный обоз с продовольствием и воинскими припасами. Поляки заметили стрельцов лишь в тот момент, когда за их арьберггардом уже закрывались городские ворота.

С этого дня блокада потеряла смысл: осаждающие терпели большие лишения от зимней стужи и недостатка продовольствия, в то время как защитники получили все необходимое для успешной обороны. Из польской армии началось массовое дезертирство. 1 декабря король Стефан сдал командование гетману Яну Замоискому и уехал в Литву. Следом за ним лагерь покинул большой отряд немецких наемников, не получивших вовремя жалованья.

Русские воеводы продолжали придерживаться плана активной обороны. Они регулярно предпринимали вылазки, нанося при этом значительные потери противнику. Так, к примеру, 4 января 1582 года несколько тысяч конных и пеших воинов напали недалеко от лагеря на польских жолкнеров и гайдуков, многих перебили или взяли в плен и при этом захватили богатую добычу.

Вскоре последовал ответный удар. 9 января из польского лагеря в город прибыл бывший пленный стрелец. На вьючной лошади он привез большой ларь, по размеру скорее смахивающий на сундук. Перебежчик заявил, что ларец и грамоту ему велели вручить воеводе Шуйскому лично. В письме, если верить автору «Повести...», от имени одного из служивших раньше в России немцев было написано: «Первому государеву боярину и воеводе, князю Ивану Петровичу, Гансумеллер челом бьет. Бывал я у вашего государя с немцем Юрием Франбренком, и нынче вспомнил государя вашего хлеб-соль, и не хочу против него стоять, а хочу выехать на его государево имя. А вперед себя послал с вашим пленным свою казну в том ларце, который он тебе принесет. И ты бы, князь Иван Петрович, тот мой ларец у того пленного взял и казну мою в том ларце один осмотрел, и иным не давал бы смотреть. А я буду в Пскове в скором времени».

На что рассчитывал Ян Замоиский, даже в этом послании не потрудившийся выписать Ивану IV хотя бы краткий царский титул, понять сложно — разве что на слепую удачу. Но его наивная

уловка не сработала. Шуйский сразу заявил, что ларец «с обманом», и велел найти «мастеров, которые ларцы отпирают». Псковский умелец вскрывал адскую машинку вдали от воеводской избы. В ларце он нашел «двадцать четыре самопала, занаряженных на все четыре стороны, наверх же всыпано с пуд зелья». Замки пистолетов были взведены и соединялись ремешками с запором ларца. Стоило только приоткрыть крышку, как спускались курки. Одновременно с пистолетным залпом срабатывал механизм, поджигающий порох.

Этот террористический акт поляки пытались провести формально уже в невоенное время, потому что еще 6 января 1582 года в деревне Киверова Гора между Россией и Речью Посполитой был заключен очередной договор о перемирии сроком на десять лет. В историю он вошел как Ям-Запольский, по названию расположенной на дороге из Новгорода в Великие Луки деревни Запольный Ям, у которой 13 декабря 1581 года съехались русские и польские послы, чтобы начать переговоры. Польшу на этой встрече представляли воевода Януш Шбаражский, гетман Криштоф Радзивилл и секретарь Михаил Гарабурда. С русской стороны были князь Дмитрий Елецкий и печатник Роман Олферьев-Безнин. В качестве посредника присутствовал посол папы Григория XII при дворе русского царя Антонио Поссевино.

Приехав на встречу, послы увидели, что Запольный Ям сожжен во время боевых действий. И все дальнейшие переговоры проходили в 15 километрах от него, в Киверовой Горе. Обсуждение шло настолько бурно, что о переносе места заседаний в русских документах упомянуть забыли, а потому в историю этот договор вошел под именем сгоревшей деревни, где произошла первая встреча. Причем деревня, с легкой руки историка С.М. Соловьева, была еще и переименована из Запольного Яма в Ям-Запольский.

По условиям перемирия Россия отказывалась в пользу Речи Посполитой от всех недавних приобретений в Прибалтике, а также от владений своих тамошних вассалов и союзников: от Курляндии, от 40 городов в Ливонии. Польша получала также Полоцк с уездом и Вележ с округой. Зато она возвращала царю многие русские города, захваченные королем в последние три года войны: Опочку, Порохов, Великие Луки, Невель, Холм, Себеж и другие.

В русском экземпляре договора за Иваном Грозным сохранялся титул царя, в польском — его не было. В царском варианте Иван IV именовался также «властитель Ливонские и Смоленский», в королевском — «Ливонским» значился Баторий, а титул «Смоленский» не упоминался вовсе. «В первый раз мы заключили мир столь безвыгодный, едва не бесчестный с Ливонией, — писал об этом событии Н.М. Карамзин, — и если удерживались еще в своих древних пределах, не отдали и более, то честь принадлежит Пскову: он, как твердый оплот, сокрушил непобедимость Стефанову; взяв его, Баторий не удовольствовался бы Ливонией... Псков или Шуйский спас Россию от величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится в нашей Истории, доколе мы не утратим любви к отечеству и своего имени*».

При всем своем уважении к Карамзину не могу согласиться с этими утверждением. Псковская победа, как мне кажется, в первую очередь является заслугой руководства страны. Именно оно, еще на предварительном этапе, смогло сконцентрировать в городе и вокруг него нужные для обороны силы. Затем с помощью «перебежчика» Бельского армию Батория искусно «вывели» именно к тому пункту русской обороны, где ее на заранее подготовленных позициях поджидали царские войска. В самый последний момент, когда направление главного удара окончательно определилось, дальний рейд Хворостинина заставил короля приостановить наступление до тех пор, пока Шуйский завершит подготовку к достойной встрече вражеской армии. В решающий момент осады, когда в городе стало трудно с припасами и военным снаряжением, русское командование организовало проход в Псков большого обоза под охраной стрелецкого полка. Все это — несомненные заслуги Ивана IV и его ближайших советников.

Многие историки делят правление первого русского царя на два больших этапа: эпоху блестящих успехов во внешней и внутренней политике (когда страной правила Избранная рада) и «период сумасбродств» (времена опричнины и ее аналогов).

* Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. II. Т. VIII. С. 60.

Оригинальную мысль на эту тему высказал Р.Ю. Виппер: «Если бы Иван IV умер в 1566 году, в момент своих величайших успехов на западном фронте, своего приготовления к окончательному завоеванию Ливонии, историческая память присвоила бы ему имя великого завоевателя, создателя крупнейшей в мире державы, подобного Александру Македонскому. Вина утраты покоренного им Прибалтийского края пала бы тогда на его преемников: ведь и Александра только преждевременная смерть избавила от прямой встречи с распадением созданной им империи. В случае такого раннего конца, на 36-м году жизни, Иван IV остался бы в исторической традиции окруженный славой замечательного реформатора, организатора военно-служилого класса, основателя административной централизации Московской державы. Его пороки, его казни были бы ему прощены так же, как потомство простило Александру Македонскому его развращенность и злодеяния*».

Детальное изучение того, что и как делал Грозный в последние четыре года жизни, дает, на мой взгляд, основание для еще более смелого предположения: доведись Ивану IV прожить лет на десять—пятнадцать подольше, не исключено, что и «опричный террор», и «ливонскую катастрофу» мы воспринимали бы лишь как небольшой провал между двумя пиками его во всех отношениях «блестящего» царствования. Но об этом подробнее — в следующей главе...

ГЛАВА 10

МОСКОВСКИЙ ДИСПУТ ПАПСКОГО ЛЕГАТА. ОКОНЧАНИЕ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ. СМЕРТЬ ИВАНА ГРОЗНОГО

После подписания Ям-Запольского договора Ливонская война не закончилась. Во-первых, боевые действия под Псковом продолжались еще почти месяц. Лишь 4 февраля, когда королевский лагерь покинули последние польские отряды, жители города смог-

* *Заичкин И.А., Почкаев И.Н.* Русская история. Популярный очерк IX – середина XVIII в. М., 1992. С. 330.

ли наконец открыть ворота и отпраздновать победу. Во-вторых, даже после этого на севере страны продолжались бои с войсками Юхана III. Еще летом 1581 года армия Понтуса Делагарди осадила Нарву. 9 сентября, после ожесточенной бомбардировки, шведские войска взяли крепость штурмом. Ивангородские воеводы пытались помочь ее гибнущему гарнизону, но посланный ими отряд был разгромлен на Нарвском мосту.

Утрата богатого балтийского порта имела далекоидущие политические, экономические и военные последствия. Все время, пока держалась Нарва, старые русские крепости — Ивангород, Ям и Копорье — рассматривались командованием как тыловые. Они не были готовы к длительной обороне и не могли оказать серьезного сопротивления врагу. Взяв их, армия Делагарди начала угрожать Новгороду и Пскову.

Но в это время серьезно обострились польско-шведские противоречия. Стефан Баторий принялся добиваться от Юхана III передачи ему Нарвы и других крепостей, напирая на то, что польская армия внесла наибольший вклад в победу над Россией. Возникшие разногласия быстро расшатали, а затем и разрушили шведско-польский союз.

Для Москвы нарвский порт значил больше, чем все прочие ливонские земли. Поэтому Иван Грозный без колебаний отказался от них в пользу Польши и сосредоточил все силы против Швеции. Интересы русской торговли требовали вернуть Нарву любой ценой. Надо признать, что эти решения принимал уже совсем не тот самоуверенный деспот, каким русский царь был еще сравнительно недавно. Тяжелые удары судьбы, непрерывно сыпавшиеся на его голову в последние три года, научили Грозного соизмерять цели и задачи текущей политики с возможностями армии и страны. И теперь этот новый, наученный горьким опытом царь Иван в терпении и хитрости мог поспорить даже с вышедшей на охоту куницей.

Перемена в характере русского самодержца хорошо видна из истории его взаимоотношений с папским легатом Антонио Поссевино, который выступал посредником на Ям-Запольских переговорах. Представитель Рима целиком и полностью встал тогда

на сторону Москвы, искренне веря, что в награду за поддержку русский царь признает власть римского первосвященника. Эта мысль, как легко догадаться, появилась у Поссевино не случайно. Ее долго и настойчиво внушал папскому послу Иван Грозный, ставший к тому времени Иваном Мудрым и Изворотливым.

Тактика «обработки» итальянского легата настолько ярко освещает изменения в характере русского царя, что есть смысл рассмотреть ее подробно — от начала и до конца. В августе 1580 года, после неудачи очередных русско-польских переговоров, из Москвы в Рим выехал царский гонец Истома Шевригин. Он вез послание к Григорию XIII, в котором русский царь, напомнив о давнем своем желании соединиться с германским императором для войны против Турции, утверждал, что готов «...впредь с тобой, папой Римским, и с братом нашим Руделфом с цесарем, быти во единачестве и в докончанье и против всех бессерменских государей»*. Далее Иван IV сетовал, что его намерению мешает лишь война с Польшей, которую Баторий ведет по наущению султана и прочих врагов Рима.

В письме этом фразы перетекали одна в другую настолько хитро и витиевато, чтобы можно было все намеки на «единачество» и «докончание» принять за горячее, хотя и не высказанное по дипломатическим соображениям желание русского царя признать Флорентийскую унию. Естественно, что в этой ситуации папе сразу же захотелось помирить двух христианских монархов. Для своей миссии Григорий XIII выбрал опытного дипломата, иезуита Антонио Поссевино. 28 марта 1581 года, получив полномочия папского легата, посол Ватикана пустился в дальний путь.

К тому моменту, как он прибыл в Вильно, Стефану Баторию царские гонцы уже доставили письмо от Грозного с рассуждениями о возможном объединении двух ветвей церкви, выдержанное в весьма нехарактерных для «москвиты» примирительных тонах. В послании содержались утверждения, что «...у папы и всех римлян и латын то и слово, что одна вера греческая и латинская». Мнение свое Грозный обосновывал ссылками на то, что так решил в при-

* *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 400.

сутствии папы Евгения IV и императора Иоанна VIII Палеолога собор во Флоренции, «где из Руси был тогда Исидор митрополит».

Баторий не стал критиковать лицемерные рассуждения царя об отсутствии причин для вражды между католиками и православными. Не вспомнил король ни о казнях в Полоцке монахов-доминиканцев, ни о сожженном в этом городе костеле. Ведь смиренные слова Ивана — «...которые в нашей земле держать латинскую веру, и мы их силой от латинской веры не отводим и держим их в своем жаловании з своими людми ровно, хто какой чести достоин, по их отечеству и службе, а веру держать, какову захотят» — были в первую очередь его, королевской, заслугой! Это он, Стефан Баторий, силой оружия смирил гордого «московита» и заставил согнуть шею перед католическим Римом. А потому любое сомнение в искренности слов царского послания било в первую очередь по авторитету самого польского короля. На что, собственно, и рассчитывал Грозный.

Естественно, такой опытный человек, как Поссевино, не мог положиться только на одно мнение, пусть и августейшее. Будучи в Вильно, он беседовал и с русскими перебежчиками, чтобы не ошибиться в толковании нюансов царского письма. Ведь носители языка лучше профессиональных переводчиков понимают скрытые от иностранцев смыслы фраз и возможности их двойного толкования. С кем конкретно и когда говорил Антонио Поссевино, доподлинно неизвестно, но из Вильно папский посол отбыл в твердой уверенности: в письме к Баторию царь официально признал, что Россия со времен Флорентийского собора объединена с католической церковью одной религией. Что с недавних пор царь разрешает и впредь будет разрешать католикам в Московии свободно совершать богослужения по их обрядам.

Непонятно, консультировал легата в этих вопросах кто-то вроде Давида Бельского или сработал общий враждебный настрой московских эмигрантов к их польским хозяевам, но никто не указал Антонио Поссевино на тот хорошо известный факт, что подобные вопросы в России решаются на Священном соборе, а не в частной переписке, пусть даже и царской. Такая позиция вчерашних пере-

бежчиков легко объяснима. Русские князья, привыкшие у себя на родине к суровому служению на благо страны, быстро уставали от «панской вольницы» Речи Посполитой и очень скоро начинали тосковать по родине. Что говорить о других, если даже злейший враг Грозного Курбский, много раз водивший в Россию королевские полки, презрительно писал о поляках: «...пьяные они очень храбры: берут и Москву, и Константинополь, и если бы даже на небо забился турок, то и оттуда готовы его снять. А когда лягут на постели между толстыми перинами, то едва к полудню проснутся, встанут чуть живы, с головной болью. Вельможи и княжата так робки и истомлены своими женами, что, послышав варварское нахождение, забьются в претвердые города и, вооружившись, надев доспехи, сядут за стол, за кубки и болтают с своими пьяными бабами, из ворот же городских ни на шаг. А если выступят в поход, то идут издалека за врагом и, походивши дня два или три, возвращаются домой и, что бедные жители успели спасти от татар в лесах, какое-нибудь имение или скот, все поедят и последнее разграбят»*.

Так что в Вильно Поссевино получил именно ту информацию, которую хотел внушить ему царь... Папский посол легко поверил тому, что страстно желал услышать: Россия наконец-то официально признала решения Флорентийского собора и готова широко раскрыть двери перед католическими миссионерами. Ну а поляки? Почему никто из них не указал Поссевино на явную ошибку? Неужели ясновельможные паны не догадывались, что высокопоставленного римского чиновника** так элементарно дурят? Догадывались, конечно. Но большинство из них успело привыкнуть к веротерпимости, укоренившейся за последние годы в Речи Посполитой. Как разумные люди, они понимали, что свобода веры держится там во многом из-за «пограничного» положения

* *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. III. С. 613.

** Перед тем как его назначили послом, Поссевино был секретарем генерала ордена иезуитов.

страны. И если власть папы распространится на Россию, польская церковь сразу «завинтит гайки».

К тому же вопрос не имел для панов практического смысла. В то время, когда Поссевино выезжал из Вильно, поход на Псков еще только планировался. Поляки не сомневались, что их ждет легкая победа, а потому смотрели сквозь пальцы на чудачества папского легата. Его глупая вера во внезапное «обращение» московского царя не имела, с их точки зрения, никакого значения. Она могла стать важной только в том случае, если Польша проиграет военную кампанию. Но в подобный исход никто из панов не верил. О том, что королевская армия идет в хорошо организованную ловушку, знал только Иван IV. Знал и заранее готовил дипломатическую базу для того, чтобы вывести Польшу из Ливонской войны, уступив Баторию только необходимый минимум.

Итак, покинув гостеприимный Вильно, Антонио Поссевино двинулся в загадочную Московию. Иван IV заблаговременно принял меры, чтобы личные наблюдения от самой границы подтверждали надежды и мечты папского посланника. Так, в частности, смоленский архиепископ Сильвестр получил от царя указ допустить Поссевино на богослужение в кафедральном соборе. «И ты бы в те поры, — писал Сильвестру царь, — в Пречистой Богородице сам служил со всеми соборы нарядно»*.

18 августа 1581 года папский легат прибыл в Старицу, а уже через два дня встретился с Иваном IV. Поссевино преподнес ему в качестве дара от Григория XIII частицу креста, на котором был распят Иисус Христос, и вручил свод установлений Флорентийского собора на греческом языке. К своду прилагалась грамота, в которой папа писал русскому царю: «Посылаю твоему величеству книгу о Флорентийском соборе печатную; прошу, чтобы ты ее сам читал и своим докторам приказал читать: великую от того божию милость и мудрость, и разум получишь. А я от тебя только одного хочу, чтобы святая и апостольская церковь с тобою в одной вере

* *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 401.

была, а все прочее твоему величеству от нас и от всех христианских государей будет готово»*.

На официальной аудиенции русский царь лишь горячо поблагодарил посла за мудрые речи и щедрые дары. Затем, как писал иезуит, всех пригласили к столу. И уже там, на пиру в честь высокого гостя, Иван Грозный «...произнес очень важную речь о союзе и дружбе своих предков с папой Римским и заявил, что папа является главным пастырем христианского мира, наместником Христа и поэтому его подданные хотели бы подчиниться его власти и вере»**. Усыпленный ласковым приемом царя, посол не обратил внимания, что эти речи Грозный произносит не в думной палате, а за пиршественным столом, где, по московским обычаям, допустимыми считались шутки и розыгрыши. К тому же Поссевино не владел русским языком и не мог уловить понятных прочим гостям смысловых оттенков речи. Окружающим итальянца боярам было ясно, что царь просто разыгрывает гостя, и потому они спокойно слушали ни к чему не обязывающие любезные речи Грозного об унии.

А папский легат сравнивал отношение «москвитов» к своей особе с известиями о том, что совсем недавно Грозный разгромил в Москве лютеранские храмы «немецкой» слободы, и душа его наполнялась радостными надеждами. Не стоит к тому же забывать, что Поссевино на пиру потчевали «от души», причем не только яствами, но и «питием». Вероятно, это «гостеприимство» тоже сыграло свою роль в посольском самообмане.

После пира легат прожил в Старице целый месяц и за это время не раз старался возобновить разговор о воссоединении церквей. Но Грозный избрал весьма оригинальный способ «заморозить» вопрос об унии. По свидетельству самого папского посла, русский царь «запрещал переводчикам даже переводить все то, что имеет отношение к религии»***. Опытный иезуит намек понял правильно:

* *Широкоград А.Б.* Русь и Литва. М., 2004. С. 335.

** *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 401.

*** Там же. С 402.

Иван IV полагает, что сделал достаточно много предварительных уступок, и теперь он не продвинется ни на шаг в интересующем Рим вопросе, пока легат ни обеспечит ему выгодный мир или хотя бы перемирие с Польшей.

На переговорах в Киверовой Горе Поссевино старался как мог. Короля Стефана и его послов он убеждал, что, немного уступив Грозному, поляки выполнят великую миссию — добьются воссоединения Восточной и Западной церквей. После очередной беседы с Поссевино гетман Ян Замойский отметил в своих записях, что папский посол «...готов присягнуть, что великий князь* к нему расположен и в угоду ему примет латинскую веру, и я уверен, что эти переговоры кончатся тем, что князь ударит его костью и прогонит прочь»**. Однако мнение мнением, а после псковской неудачи позицию Рима поляки игнорировать не могли.

14 февраля 1582 года, через месяц после подписания Ям-Запольского перемирия, Антонио Поссевино прибыл в Москву для переговоров об унии. Он был полон радужных надежд. Однако посол не смог добиться от Ивана IV разговора наедине. Царь согласился лишь на официальные прения о вере — в присутствии Боярской думы и «двора». 21 февраля в Кремле прошел первый диспут. Помимо бояр и служилых князей Иван IV оставил в палате только «сверстных» дворян, а стольникам и всем, кто рангом ниже их, повелел удалиться. Затем Грозный попросил посла изложить свои религиозные взгляды, предупредив в то же время, что сам он (хоть и царь) духовного сана не имеет, а потому так же свободно говорить о вере не дерзнет. Подобная скромность в речах Грозного была ловким дипломатическим ходом. Вынуждая католика полностью раскрыть карты, Иван IV оставлял свободу рук и себе — он ведь предупредил, что не будет отвечать за всю Русскую церковь, — и православным иерархам, которые могли без спешки подготовить ответ к следующей встрече с папским легатом.

* Имеется в виду Иван Грозный.

** *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 402.

Грозный начал разговор миролюбиво, он намеренно не касался темы различий между вероучениями католиков и православных. Посол же, следуя традициям европейских диспутов, сразу свернул на принципиальные вопросы. Поссевино не сообразил, что вокруг него не церковно-католическая аудитория, а люди светские, да к тому же воспитанные совсем в другой религиозной традиции. Зато про родную аудиторию ни на секунду не забывал царь Иван. Поотнекивавшись для начала малым знанием церковных премудростей, что было в его исполнении явным лукавством, русский самодержец принялся задавать Поссевино мелкие, но ехидные вопросы. Пристойно ли то, что у римского папы крест на туфле? Почему папа сечет бороду? Зачем у него крест висит ниже пояса и почему самого папу носят на носилках во время торжественных шествий? «И папа не Христос, — обосновывал свои претензии к римскому первосвященнику Иван, — а престол, на чем папу носят, не облак, а которые носят его — те не ангелы; папе Григорию не подобает Христу подобиться и сопрестольником ему быть!»*

Иезуит не остался в долгу. В прениях об апостолах и происхождении церквей он обвинил православных в том, что те не чтят римских первосвященников. На это Грозный возразил, что русская церковь признает авторитет первых пап, чье поведение считает безупречным, а все последующие папы, ведя жизнь дурную и неправедную, сами утратили право на уважение: «...который папа не по Христову ученью и не по апостольскому преданью почнет жити, — громко закончил свою речь Иван, — и тот папа волк есть, а не пастырь!»

Русский царь приоткрыл люк перед ногами римского посла, и тот, увлеченный спором, не замедлил в него свалиться. Парируя выпад против пап, Поссевино допустил прозрачный намек на небезупречную жизнь самого Грозного. «Это какие-то деревенские люди на рынке, — закричал в притворной ярости царь, — научили тебя разговаривать со мной как с равным и как с деревенщиной!» Поссевино ответил на это гневным отказом продолжать разговор

* *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 404.

с теми, кто сравнивает папу с волком. Присутствующие ждали, что Иван IV накажет дерзкого итальянца, а стоящие подле трона придворные грозили иезуиту, что сами утопят его в реке.

Но Грозный к тому времени перестал разыгрывать гнев. Ведь он уже добился всех поставленных целей. Заканчивая аудиенцию, царь в знак милости даже погладил рукой папского посла. Через два дня Поссевино вторично пригласили во дворец, где он получил публичные извинения от Ивана IV за то, что тот в пылу ссоры назвал папу волком и хищником. А бояре попросили римского легата письменно изложить его видение расхождений между православной и католической верой.

Эти тезисы Поссевино 1 марта 1582 года зачитали на импровизированном Священном соборе, где присутствовали митрополит Дионисий и шесть епископов. Из них самым приближенным к царю считался епископ Ростовский и Ярославский Давид. Он занял кафедру, когда Ростов уже был неофициальной «столицей двора»*. Поэтому никого не удивило, что именно Давид вызвался отвечать папскому послу. По утверждению Поссевино, епископ «все одобрил» в его бумаге. Этим словам папского легата трудно поверить безоговорочно. Скорее всего, Давид постарался, насколько мог, сгладить и затушевать противоречия. Однако, по контрасту с предыдущим диспутом в Кремле, его речь должна была показаться послу именно тем, чем показалась. Чтобы еще больше усилить впечатление от слов Давида, все остальные, включая самого царя, «скромно» промолчали.

Затем, после отъезда Поссевино, епископа Давида обвинили в ереси и по решению Священного собора сослали в монастырь. Неизвестно, обманул Грозный верного слугу или тот сам вызвался пострадать за интересы страны и церкви. Думаю, второе ближе к истине. Важнее другое: если внимательно посмотреть на ситуацию, становится ясно, что Грозный здесь не потерял ничего. Его послание папе, письмо к Баторию и старицкие речи на пиру не

* «Двор» – последний из «клонов» опричнины, аналог королевского домена французских королей.

получили, да и не могли получить, широкой огласки. В диспутах с католиком царь оказался единственным, кто горячо возражал папскому легату, отстаивая идеи православия. При этом русский самодержец проявил не только похвальное рвение в защите веры, но и редкое миролюбие: сначала простил послу гнусные намеки по своему адресу, а потом публично попросил извинения за собственные критические высказывания о папской персоне. В глазах подданных царь поднял свой престиж, усилив репутацию ревностного защитника церкви и горячего поборника православия. Но при этом и папскому легату не за что было упрекнуть Грозного. Формально тот выполнил все данные Поссевино обещания.

Пока папский посол спорил в Москве о преимуществах католической веры, царское командование начало наступление против шведов. В феврале 1582 года воеводы Михаил Катырев и Дмитрий Хворостинин повели армию к захваченным Деллагарди русским крепостям. На пути к Яму, близ деревни Лямыцы, передовой полк Хворостинина встретился с неприятельскими войсками. Вскоре на помощь ему подошел и большой полк Катырева. Совместными усилиями воеводы одолели шведов. Однако воспользоваться победой им не удалось: Баторий потребовал у Ивана IV отозвать полки из-под Нарвы. В противном случае король угрожал разорвать Ям-Запольский договор. Грозному пришлось приостановить боевые действия на севере. Вскоре большую часть войск он перебросил на южную границу.

Юхан III решил воспользоваться ситуацией. В Финляндии он собрал большую армию под командованием Деллагарди. Кроме шведов в нее вошли отряды наемников из Германии, Франции и Италии. Ближайшей целью вторжения были Орешек и Ладога. После их падения Юхан III собирался заняться Новгородом и Псковом. Таким образом, шведский король стремился не только отрезать Россию от Балтики, но и прихватить громадный кусок ее континентальной территории.

8 сентября 1582 года войска Деллагарди осадили Орешек. После длительной бомбардировки 8 октября они предприняли общий штурм. Но древняя крепость, расположенная на острове посреди

Невы, отразила атаку врага. Вскоре в Орешек прорвалась русская судовая рать с подкреплениями. После этого второй шведский штурм тоже закончился безуспешно. За два месяца боев Делагарди потерял столько ратников, что сил на третью попытку у него не осталось. В ноябре шведы отступили от Орешка. Юхану III стало ясно, что в одиночку ему Россию не одолеть. Однако и Иван IV не мог воспользоваться неудачей противника. С одной стороны, его связывали угрозы Батория по поводу Нарвы, а с другой — в это время снова обострилась ситуация на юге и востоке России. Нападение Большой Ногайской Орды вызвало мощное восстание народов Поволжья. Возобновились набеги и со стороны Сибирского ханства.

В этих условиях Россия и Швеция начали мирные переговоры на реке Плюссе. Юхан III пытался добиться от Ивана IV уступки всего побережья Финского залива, но царь за последние километры берега держался твердо. В результате в августе 1583 года стороны подписали трехлетнее перемирие. По его условиям шведы удержали захваченные русские города Корелу, Ивангород, Ям и Копорье с уездами. Москва сохранила лишь маленький кусок побережья с устьем Невы. Так закончился очередной этап борьбы, в результате которого Иван Грозный не только уступил захваченную ранее Ливонию, но и утратил большую часть российского побережья Балтики.

Однако царь не смирился с поражением. Он понимал, что отказ Москвы от прибалтийских земель должен вызвать ссору между ее врагами: Польшей и Швецией. Чтобы к моменту их столкновения иметь возможность вступить в борьбу на севере, Грозный спешил решить юго-восточную проблему. Одновременно с этим он вел интенсивные переговоры об экономическом и военном союзе с Англией.

Особые отношения с Туманным Альбионом у России установились еще в 1554 году, после того как в устье Северной Двины прибыло экспедиционное торговое судно под командованием Ричарда Ченслора. Английский капитан прошел в Россию северным морским путем вокруг Норвегии. Маршрут был нелегким и опас-

ным: из трех вышедших в плавание кораблей два потерялись в пути. Иван IV пожаловал прибывших с Ченслором купцов грамотой, согласно которой им предоставлялось право беспошлинной торговли в России, даровалось «пристанище корабельное» на Северной Двине и двор в Москве. В Лондоне для торговли с Россией была образована Московская компания. После этого в Архангельский порт ежегодно приходило по три-четыре английских судна, а начиная с 1560-х годов — по 10—14 больших кораблей. Беломорские «ворота на Запад» использовались для вывоза из России пушнины, льна, конопли, сала, ворвани, поташа и воска. Ввозились в страну в основном сукна, медь, олово, свинец. По мере роста привилегий, даруемым в России английским купцам, Елизавета I все чаще шла навстречу пожеланиям Ивана IV по части ввоза военных грузов: пушек, снарядов, прочего оружия. В Москву и другие русские города из Англии с разрешения королевы приезжали корабельных дел мастера, архитекторы, доктора, аптекари и другие высокообразованные специалисты.

Пока на западных рубежах России грохотали пушки, льготы англичан непрерывно росли. В 1555 году Иван Грозный разрешил им свободно и беспошлинно торговать лишь в Москве, Холмогорах и Вологде, а из русских служащих купцы Московской компании могли нанимать только приказчиков, причем не более одного в каждом из трех торговых дворов. А льготная грамота 1567 года позволила англичанам строить в русских городах уже не только дворы, но и фабрики. Для своих предприятий купцы Московской компании могли теперь нанимать русских работников в любых количествах. К примеру, в Вологде, тогдашнем центре российского льноводства, царь разрешил англичанам построить канатную фабрику, а в окрестностях города — искать и добывать железную руду. Кроме этого, по условиям новой грамоты в Москве, Новгороде и Пскове разрешалось хождение английской монеты, которую руководители компании могли чеканить на российском монетном дворе. Британские купцы получили право отправлять вооруженные «комиссии» для охраны своих товаров от разбойников и пользоваться для поездок по стране ямскими лошадьми.

Ни один корабль (даже английский), не принадлежащий Московской компании, не мог теперь заходить в Печору, Обь, Колу, Мезень, Печенгу, Холмогоры или на Соловецкий остров. Ни один иностранец (даже англичанин, не входящий в компанию) не имел право следовать через Россию в Китай, Персию, Бухару или Индию. Московская компания получила право самостоятельно, без участия и согласия местных властей, ловить всех (неудобных ей) европейских путешественников и конфисковывать их имущество. Понятно, что привилегии эти давались не «за красивые глаза». Так, в 1581 году, в самый разгар наступления Батория на Псков, в Северную Двину прибыла внушительная торговая эскадра из 13 английских судов, доверху груженных свинцом, порохом и медью.

Однако сразу же после окончания Ливонской войны Грозный принялся отнимать у Московской компании одну льготу за другой. И начал с самого лакомого куска — с монополии. Вскоре уже все иностранцы, а не только англичане, получили разрешение торговать на российском Севере. Правительство Елизаветы, естественно, захотело вернуть своим купцам исключительное право на беломорскую торговлю. Иван Грозный ответил, что он совсем даже не против. Однако при этом прозрачно намекнул, что выгоду от нового договора должны получить не только подданные королевы.

В августе 1582 года в Лондон прибыл русский посол Федор Писемский, предложивший англичанам заключить с Россией военный союз, чтобы «на всякого недруга стояти заодно»*. Соглашение по обычаям того времени предлагалось скрепить браком между царем Иваном и племянницей королевы Мэри Гастингс. Вначале Елизавета I притворно удивилась — ведь русский царь женат. Однако Писемский ответил на это, что нынешняя царица (Мария Нагая) не ровня государю, а потому он с ней разведется сразу же, как только закончится сватовство. Русский посол настойчиво добивался свидания с принцессой, чтобы доложить царю о ее внешности и манерах. В конце концов, летом 1583 года во время прогулки в саду ему показали королевскую племянницу. Писемский тут же

* *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 390.

отправил Ивану Васильевичу грамоту о том, что Мэри Гастингс «...высока, лицом бела, нос прямой, глаза серые, волосы русые, пальцы длинные*». Описание понравилось Грозному.

Переговоры, начавшиеся в Лондоне, продолжились в 1583—1584 годах в Москве. Со стороны Елизаветы I их вел английский посол Джером Боус, интересы царя Ивана IV представляли три человека: от земцев боярин Никита Романов и дьяк Андрей Щелканов, а от «двора» Богдан Бельский. Русские настаивали, чтобы в текст союзного договора был включен пункт о совместных военных действиях против Стефана Батория. Чуть позже они озвучили имя еще одного царского недруга — Юхана III. По замыслу Ивана Грозного Англия должна была помочь России отвоевать у Польши и Швеции все то, что наша страна потеряла за последние годы.

Боус предложил провести переговоры с Баторием, прежде чем начинать боевые действия. Однако русские послы отвергли этот вариант. «Толко обыслатца с недругом, — ответили они, — и недруг в те поры изголовица**». Ответ выдавал истинные намерения царя — его не устраивало дипломатическое давление Англии на Польшу и Швецию. Грозный собирался скрытно подготовиться к боевым действиям, а затем разгромить противника внезапным сокрушительным ударом. В обмен на помощь войсками и снаряжением русский царь был готов возратить английским купцам право монопольной торговли через северные порты и даже ввести запрет на их посещение для судов других европейских стран.

По результатам московского тура переговоров посол Елизаветы I получил от Ивана IV проект договора, в котором русский самодержец соглашался на все ее условия, а английская сторона была обязана совместно с царскими войсками вести войну против его недругов, чтобы «доставати Лифляндские земли***. Таким образом, «марьяжные дела» Грозного постепенно приближались к

* *Заичкин И.А., Почкаев И.Н.* Русская история. Популярный очерк IX – середина XVIII в. М., 1992. С. 300.

** *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 390.

*** Там же. С. 391.

развязке. В окружении королевы принцессу Мэри уже называли «московской царицей». Английские модницы принялись щеголять в русских сарафанах и сапожках. Для окончательного оформления союза из Лондона в Москву отправился все тот же Джером Боус. Но, к сожалению, он опоздал. Вечером 18 марта 1584 года во время шахматной партии Иван IV скончался. Он прожил 53 года, из которых целых полвека провел на троне. За это время первый русский царь сделал много плохого и хорошего. Уйдя в мир иной, он оставил потомкам богатый материал для споров и пересудов, смелых гипотез и противоречивых предположений.

ГЛАВА 11

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ ИВАНА IV. СИГИЗМУНД III — НОВЫЙ КОРОЛЬ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ. УСПЕХИ ГОДУНОВА ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Трудно сказать, к чему мог привести договор между Иваном IV и Елизаветой I и какая из стран осталась бы от него в большем выигрыше. Ясно одно: смерть царя похоронила планы англо-русского союза. Прибывший в Москву посланник королевы Джером Боус был встречен там с оскорбительной для его высокого звания безучастностью.

Многие годы Грозный жил в страхе перед боярской крамолой. Согласие между княжескими группировками было его кошмаром, и чтобы не допустить этого ужаса, царь то обрушивал репрессии на сановников, то стравливал боярские кланы между собой. Однако после смерти в ноябре 1581 года любимого сына и наследника Ивана Ивановича*, когда стало ясно, что трон суждено унаследовать слабому и больному Федору, Иван IV изменил внутреннюю политику. Обладая огромным политическим опытом, Грозный

* По одним данным, царевич умер от болезни, по другим – от удара посохом, который нанес ему царь.

хорошо понимал, что только при поддержке думы его неспособный к управлению сын может удержать на голове корону.

Поэтому к концу жизни Иван IV постарался добиться согласия между уцелевшими боярскими кланами. Особую надежду Грозный возлагал на «двор», последний в истории его царствования аналог «королевского домена». По замыслу Ивана IV эта группа преданных слуг должна была окружить престол монолитной стеной, обеспечивая личную безопасность его сына. В то время как управлять Россией станут более опытные в этих делах земские бояре. А для того же, чтобы военная сила «двора» уравнивалась гражданским влиянием земских, большинство в опекуновском совете Иван IV оставил за последними.

Руководителем боярского правительства стал Иван Мстиславский, 13 лет возглавлявший Земскую думу. Кроме него в состав руководящей четверки вошли Богдан Бельский, Иван Шуйский и Никита Романов. Таким образом, из тройки лидеров «двора» в число опекунов попал только Бельский. Еще двое — Афанасий Нагой и Борис Годунов — остались за пределами узкого правящего круга. У Грозного были веские причины для того, чтобы не включать их в регентский совет. Он понимал, что Нагие спят и видят, как бы заменить Федора юным Дмитрием*. С Годуновым же Иван IV поссорился, когда пытался развести наследника с его женой**, обвиняя невестку в бесплодии. Борис, все влияние которого держалось в тот момент лишь на родстве с будущей царицей, противился этой идее Грозного как мог.

Таким образом, вместо мира и согласия в узком кругу правителей царили ненависть и подозрительность. Сотрудничество между боярами продлилось считанные недели. И первыми в борьбу за передел власти вступили «дворовые люди». Опираясь на верную ему кремлевскую стражу, Богдан Бельский неожиданно для всех арестовал Афанасия Нагого и выслал его из столицы. Явная размолвка внутри «двора» тут же подтолкнула земцев к решитель-

* Дмитрий — сын Марии Нагой.

** Ириной Годуновой.

ным действиям — не прошло и нескольких дней, как Петр Головин затеял неслыханную доселе дерзость — начал местническую тяжбу с всемогущим Бельским.

Всего пару месяце назад, при Иване IV, такое невозможно было представить! Да и теперь, при еще не вступившем на трон сыне Грозного, Головин сильно рисковал. Но за спиной князя Петра стояли могущественные силы. Им удалось сплотить вокруг себя все земство. За Бельского, кроме дьяка Андрея Щелканова, вступились лишь немногочисленные «дворовые» чины — Трубецкие и Годуновы. Понимая, что тяжбу в таких условия не выиграть, Богдан Бельский пошел на крайние меры: вызвал в Кремль подкрепления из верных ему стрельцов и принялся уговаривать Федора своей царской властью усилить влияние «двора». Над страной повеяло новой опричниной.

Но земцы сдаваться не собирались. Регенты Мстиславский и Романов решительно воспротивились планам Бельского: верные им и Шуйскому дворяне при поддержке посадских жителей осадили Кремль, между восставшим народом и стрельцами Бельского началась перестрелка. Вскоре пролилась первая кровь. В бою у Фроловских ворот погибло больше 20 человек и свыше 100 получили ранения.

Восставшие развернули в сторону Кремля большую пушку, стоявшую на Лобном месте. Угрожая обстрелом ворот, они потребовали на расправу уже не только Бельского, но и Годунова. Такой поворот событий не входил в планы земских вождей. Мстиславский и Романов хорошо понимали, что Федор Иоаннович, до самозабвения любящий жену, не согласится выдать шурина обезумевшей толпе. Бояре быстро уладили кризис: Бельский ушел в отставку, Годунов сохранил место в Думе, а Федор Иоаннович 31 мая 1584 года торжественно короновался.

Так первый кризис нового царствования едва не увлек в пропасть будущего правителя России. Борису пришлось испытать страх и унижение. Однако он уцелел и сделал огромный шаг в карьере: в дни коронации Федор возвел 32-летнего шурина в чин конюшего. Наивно объяснять этот успех лишь родством с цар-

ской семьей — в первую очередь Борису помогла политическая изворотливость: поняв, что дело Бельского проиграно, он сразу же переметнулся к победителям. Никита Романов пошел на союз с Годуновыми тоже не из личных симпатий. Обе эти семьи возвысились благодаря их родству с правящей династией: в глазах Рюриковичей Шуйских и Гедиминовичей Мстиславских они выглядели «худородными выскочками». Аристократическая реакция грозила смести с «боярского олимпа» не только Годуновых, но и Романовых. Родственникам царя Федора поневоле пришлось сплотиться вокруг престола перед лицом этой опасности. Вскоре к ним присоединился влиятельный дьяк Андрей Щелканов.

Попытка Бельского возродить опричный террор закончилась плачевно. Новые правители учли ошибку и двинулись в противоположном направлении: по случаю коронации Федора Иоанновича они объявили общую амнистию. Никита Романов знал, что делает. В годы правления Ивана IV боярин был одним из немногих, кто постоянно «печаловался» за опальных. И теперь выходящие из тюрем аристократы пополняли ряды его сторонников. В это время Годунов и Щелканов занялись реформой государственного управления: верные им чиновники сменили тех судей, воевод и наместников, что успели прославиться «лихоимствами». Чтобы предотвратить будущие злоупотребления, новым боярам и дьякам, занявшим эти места, выделили дополнительные поместья и повысили жалованье. Стремясь привлечь на свою сторону дворян, Щелканов, Романов и Годунов 20 июня 1584 года издали от имени царя Федора закон о ликвидации тарханов — податных льгот бояр и князей церкви. Влияние правящей троицы продолжало расти. Однако вскоре их признанный лидер — Никита Романов — серьезно заболел, и тяжесть управления страной легла на плечи менее опытного Годунова.

В Думе и стране к этому времени наступило относительное равновесие: сторонники Шуйских и Мстиславских были еще достаточно сильны, чтобы давить на правительство, но уже не могли диктовать ему свои условия. На некоторое время решающим стало слово Федора Иоанновича, и потому обе боярские группировки

стремились перетянуть его на свою сторону. Царь не отличался крепким здоровьем. Малейшее дуновение ветра могло надолго уложить его в постель. В начале 1585 года от каждодневных забот и волнений Федор тяжело заболел. Казалось, часы его на исходе. В панике Годунов направил тайных послов к императору. Он предлагал обсудить возможность брака между своей сестрой Ириной и австрийским принцем, с тем чтобы эта пара унаследовала царский трон. Надежда на успех интриги была минимальной, но иных способов удержать власть Борис не видел.

Затеянное им сватовство закончилось скандалом: планы царского шурина получили огласку. Против Годуновых тут же встала вся Дума. «Изменнические» переговоры о браке царицы при живом царе осудил и митрополит Дионисий. Жители московского посада негодовали. Положение Бориса ухудшилось настолько, что он стал готовиться к бегству в Англию. Годунова спас счастливый случай: Федор Иоаннович неожиданно пошел на поправку, а царица Ирина объявила мужу о своей беременности. Эти два события переключили внимание бояр на царскую семью. Страсти вокруг правителя чуть поутихли, и он не замедлил этим воспользоваться.

Первый удар Борис нанес по самому слабому месту Думы: государственным финансам. Основной трудностью, мешавшей развитию страны, было хроническое отсутствие денег. Царской казной обычно ведали два представителя враждующих боярских группировок. Предполагалось, что они будут ревностно следить друг за другом и не допустят злоупотреблений. Но после отстранения Бельского от власти Петр Головин с помощью Шуйских добился, чтобы вторым казначеем стал его родственник, Владимир Головин. Инициировав проверку казны, Годунов бил наверняка. В условиях хронического безденежья отказать ему Дума не могла. И вскоре вскрылись такие крупные хищения, что боярскому суду ничего не оставалось, как приговорить Петра Головина к смерти.

Второй удар обрушился на главу Думы — князя Мстиславского. Боярское правительство беспокоилось о судьбе династии. Думцы неоднократно обсуждали между собой план: развести Федора с бездетной Ириной и подыскать ему новую жену. Первой в ряду

потенциальных невест стояла, естественно, боярышня Мстиславская. Вот только в условиях объявленной беременности царицы все эти разговоры выглядели как государственная измена. Уличенный Годуновым Мстиславский перечить царю не стал, а добровольно ушел в отставку, уступив место главы Думы своему сыну Федору. Но тот, в отличие от отца, не входил в число царских опекунов.

Пока Борис продвигался к вершинам власти, обстановка на границах начала накаляться. В 1585 году татары напали на Рязанщину. Воевода Дмитрий Хворостинин успел вовремя выдвинуть войска к Шацку и вынудил крымцев к отступлению. Информация о возобновлении крымских набегов на Россию и скандал с «австрийским сватовством» активизировали Батория. Если после смерти Ивана IV он просто затягивал с подтверждением Ям-Запольского договора, то теперь официально отказался от его условий и взял курс на продолжение войны. В России тоже готовились к боям против Речи Посполитой. Разрядный приказ составил роспись полков для похода. В Можайске начали собираться войска. Но вскоре в Москву пришла весть о том, что 12 декабря 1586 года Стефан Баторий скончался.

Как и на прежних выборах, русский претендент не вошел в число лидеров. Основными конкурентами в борьбе за польский трон стали сын шведского короля Юхана III Сигизмунд и австрийский эрцгерцог Максимилиан. Пока шло обсуждение кандидатур, в пограничные пределы России вторглось 40-тысячная Крымская орда. Царская армия под командованием Дмитрия Хворостинина быстрым маршем вышла в район Тулы. Однако противник снова не решился на «прямой бой» и отступил в свои пределы. Непокойно было на шведской границе. Дважды, в 1586 и в 1587 годах, дело чуть было не дошло до большой войны, но оба раза в последний момент сторонам удавалось договориться.

А тем временем в Речи Посполитой подошли к концу «выборные мероприятия». 19 августа 1587 года группа сторонников Яна Замойского провозгласила победителем принца Сигизмунда. Конкурирующий клан Зборовских в то же самое время объявил королем эрцгерцога Максимилиана. Оба «новоизбранных монар-

ха» поспешили подкрепить свои права на престол с помощью военной силы. Максимилиан с австрийскими войсками подошел к Кракову первым, но горожане отбили штурм. Между тем с севера со шведским войском к польской столице уже спешил Сигизмунд. 27 декабря он вступил в город и тут же короновался. Чуть позже Ян Замойский со своими сторонниками разбил отступившую в Силезию армию Максимилиана, при этом сам эрцгерцог попал в плен. В 1590 году Сигизмунд вернул императору брата, предварительно взяв клятву с обоих, что Максимилиан больше не станет претендовать на польский престол.

Казалось, для России наступили черные времена. Рассыпавшийся в последние годы шведско-польский союз восстановился на новом, династическом уровне. В условиях, когда империя вышла из войны, а на южных окраинах России продолжалось противостояние с Крымом, страна физически не могла выдержать согласованный шведско-польский натиск. Юхан III приступил к делу незамедлительно. В Ревеле его флот высадил на берег 10-тысячную армию. Вдвоем с сыном, польским королем Сигизмундом III, они собирались отторгнуть от России Новгород, Псков и Смоленск. Кроме того, Польша хотела получить еще и Северскую землю. Союзники надеялись, что достичь этого удастся без большой войны. Желая предъявить ультиматум, Юхан III потребовал, чтобы русское правительство направило к реке Нарве «великое посольство».

Годунову в этих условиях оставалось только тянуть время и надеяться на чудо. Благо науку мелких интриг и дипломатических проволочек русский правитель к тому моменту освоил в совершенстве. Совсем недавно, в январе 1589 года, с их помощью он вынудил своего гостя, константинопольского патриарха Иеремию, учредить в Москве новую патриархию и возвести на ее престол верного Годуновым Иова.

И снова Борису повезло: за то время, что шел обмен грамотами, а стороны договаривались, где и когда встретятся посольства, ситуация успела измениться. Продемонстрировав желание вторгнуться в пределы России, Крымская орда неожиданно для Сигизмунда III всей мощью обрушилась на Речь Посполитую. Татары буквально

растерзали южные районы королевства. Естественно, желание воевать с Россией у панов сразу же испарилось. И король Юхан остался в одиночестве. Теперь он уже ничего не хотел от Москвы. Зато, ободренные благоприятным поворотом событий, свои встречные требования выдвинули русские послы. Практически дословно повторяя фразы шведского ультиматума, они предложили Юхану III добровольно вернуть России Нарву, Ивангород, Ям и Копорье. Королевские представители прервали переговоры.

Русское командование не сомневалось в победе. Оно задумало использовать войну для подъема царского престижа. Федор Иоаннович лично повел армию в поход. Его сопровождали царица Ирина и правитель Борис Годунов. Главные военные посты получили «по породе» князя Мстиславский и Трубецкой. Опытный и талантливый, но неродовитый Хворостинин был назначен воеводой передового полка. Однако в условиях, когда противник не имел сил для наступления, этот скромный пост позволил Хворостинину сыграть важную роль в начавшейся войне.

6 января 1590 года на разведку двинулись русские разъезды. Передовые отряды дворянской конницы принялись тревожить дальними рейдами окрестности вражеских крепостей. 18 января из Новгорода выступили главные силы. От них вскоре отделились отряды, отправленные к Яму и Копорью. Они должны были обеспечивать фланг наступающего к Нарве войска. Гарнизон осажденного Яма продержался недолго: после двухдневного обстрела он капитулировал. Сразу после этого другой русский отряд надежно блокировал Копорье. Устранив фланговую угрозу, царские полки направились к основным целям кампании — Ивангороду и Нарве. Первым у стен этой сдвоенной крепости оказался передовой полк Дмитрия Хворостинина. Не дожидаясь подхода главных сил, он атаковал прикрывавший подходы к Ивангороду шведский корпус. Упорная битва продолжалась до самого вечера. Потерпев поражение, шведы отступили за Нарову*, а вскоре большая их часть отошла к Раковору.

* Нарова — название реки, на противоположных берегах которой стоят Нарва и Ивангород.

Главные русские силы подошли к крепостным стенам 2 февраля. Начались приготовления к осаде и штурму обоих городов. С 6 по 18 февраля шел интенсивный обстрел стен из пушек «большого наряда». В западной и северной стенах Нарвы образовались большие проломы. 19 февраля русские ратники пошли на штурм. И тут сказался просчет руководившего их действиями Годунова. Царский шурин увлекся главной задачей — пробить проемы в стенах — и запретил своим пушкарям вести огонь по башням. В результате крепостная артиллерия осталась неподавленной, и теперь шведские пушки буквально выкашивали идущие на штурм колонны.

В остальном русские войска действовали безупречно. Чтобы противник не имел возможности перебрасывать подкрепления с неатакованных участков, наступление велось сразу с нескольких сторон. Но при этом на направлении главного удара были сосредоточены достаточно большие силы: в проломы у Русских ворот наступали свыше пяти тысяч воинов. Это при том, что весь шведский гарнизон Нарвы не превышал 1600 человек. Несмотря на большие потери от артогня, русским ратникам в нескольких местах удалось ворваться з проломы, забраться по лестницам на стены. Но удержать захваченные позиции они не смогли.

Чувствуя, что положение в Нарве критическое, перешли в наступление шведские войска, отогнанные к Раковору. Однако это направление прикрывал полк Хворостинина, и опытный воевода еще раз подтвердил свою высокую репутацию. Помощь к Нарве пробиться не смогла, и командовавший обороной Горн предложил Годунову перемирие.

Правитель потребовал, чтобы шведы передали России города Ивангород, Ругодив, Копорье и Корелу. Горн же соглашался только на перерыв в военных действиях, с тем чтобы Россия могла обсудить возможные уступки непосредственно с королем. Ответом на попытку тянуть время стал огонь русских пушек. Очевидно, он помог Горну настроиться на конструктивный лад. Теперь шведы были согласны еще до начала переговоров передать России Ивангород. Этот вариант Годунова не устроил, и он приказал возобновить обстрел. Во время следующей передышки Горн согласился доба-

вить к Ивангороду Копорье. Дни шли за днями. Грохот канонады перемежался раундами переговоров. Шведы стояли на своем. Горн понимал, что время работает на него. У русских начались проблемы с продовольствием. Неуклонно приближалась весна, время крымских набегов.

Наконец 25 февраля стороны заключили перемирие сроком на год. По его условиям шведы передали русским Ивангород и Копорье, а также морское побережье между реками Нева и Нарва. Однако основная цель похода — восстановление балтийского мореплавания — не была достигнута. Осторожность, так помогавшая Годунову в интригах, не оправдала себя на поле боя. Повторный штурм полуразрушенной Нарвы мог сделать его триумфатором, но Борис на него не решился. Впрочем, надо признать, у Годунова были причины для осторожности. Он помнил, что Крымская орда чередует удары по Польше с набегами на Россию. А значит, мобильные войска надо было сохранить и весной перебросить на южную границу.

Подписав перемирие с Москвой, король Юхан III попытался возобновить союз с Польшей. Но той было не до шведов: в 1590 году, сразу после татарского набега, турецкий султан потребовал от Сигизмунда III ежегодной дани, и вопрос о войне с «Московией» польские послы не соглашались теперь даже обсуждать. В начале 1591 года Речь Посполитая заключила очередное перемирие с Россией, на этот раз — сроком на 12 лет. Однако на союз против Москвы с удовольствием пошел Крым. Обрадованный Юхан III провел крупнейшую со времен Ливонской войны мобилизацию. К началу новой кампании он сосредоточил у русских границ 18-тысячную армию под командованием Флеминга. Эти войска ждали только известий о начале татарского наступления.

Казы-Гирей не стал с ним тянуть. В июне 1591 года степняки бросили в бой все наличные силы. Помимо собственной армии и Малой Ногайской Орды с ханом шли ратники из турецких крепостей Очаков и Белгород, присланные султаном янычары и артиллерия. Историки оценивают силы Казы-Гирея в 100 тысяч человек. Это похоже на правду, потому что русские воеводы даже

не попытались остановить крымскую армию у переправ и бродов «берега», а сразу же отошли к Москве. В районе Котлов 1 июля 1591 года отступившие от Оки русские рати соединились с собранными в столице подкреплениями. 3 июля к Москве вышли войска Казы-Гирея. Татары оттеснили дворянскую конницу Мстиславского к Данилову монастырю, где поставили «гуляй-город» ратники Годунова. Ожесточенные стычки между русскими и татарами продолжались до самого вечера.

То, что произошло после этого, историки описывают по-разному. Одна, благоприятная правителю, версия гласит, что ночью Борис Годунов велел вывести из «гуляй-поля» полки и часть артиллерии, а потом эта группировка скрытно подошла к ханскому стану. Из ночной темноты на татарские шатры обрушился шквальный ружейно-пушечный огонь, а затем русская конница налетела на смешавшихся крымских ратников. Не выдержав внезапного удара, воины Казы-Гирея бежали к переправам.

Другие источники утверждают, что виновата случайность. Просто посреди ночи в «гуляй-поле» неожиданно поднялся переполох. Спавшие у орудий пушкари, не разобравшись в ситуации, принялись палить сначала из легких, а потом и из тяжелых орудий. Вслед за ними открыли огонь пушки, установленные на стенах Москвы. Татары перепугались этой непонятной канонады. Когда же со стороны «гуляй-поля» к ханскому лагерю приблизились несколько конных сотен, посланных с чисто разведывательными целями, орда обратилась в паническое бегство.

При всем моем скептическом отношении к воинским талантам Годунова, второй вариант выглядит еще невероятнее первого. Ведь армия Казы-Гирея состояла не из необстрелянных юнцов, которых могут испугать звуки далекой канонады. Пару лет назад она сожгла и разграбила большую часть соседней Польши. Даже молодые воины участвовали уже не в одном сражении, а руководители — от сотника и выше — были все как один закаленными в боях ветеранами. Чтобы опрокинуть их и погнать к переправам, требовалось нечто большее, чем несколько громких хлопков...

Другое дело, что идея внезапного ночного удара не могла прийти в голову расчетливому интригану Борису. Придумать это был способен человек смелый, опытный в военном деле, нестандартно мыслящий, знающий все слабые и сильные стороны противника. Такой, как покойный победитель Даулат-Гирея Михаил Воротынский или его правая рука в сражении при Молодях Дмитрий Хворостинин. Кстати, второй в это время был еще жив*, находился на военной службе и совсем недавно на глазах у Годунова отличился очередными победами в войне с Юханом III.

Так или иначе, а поражение татар под Москвой обрекло на неудачу шведское наступление. Армия Флеминга осадила небольшую крепость Гдов, находящуюся в окрестностях Пскова, но не смогла ее взять. Отдельные отряды шведов вышли к Новгороду, кое-где разграбили порубежные районы, на этом все и закончилось. Еще в течение года на границе продолжались бои, после чего стороны приступили к переговорам. В мае 1595 года русские и шведские послы подписали в Тязвине договор о «вечном мире». По его условиям в состав России вернулась крепость Корела, последняя территория, захваченная шведами за время Ливонской войны. Однако флот Юхана III сохранил господство на Балтике, а в договоре стороны зафиксировали его право на морскую блокаду русского побережья. В таких условиях о возрождении балтийского мореплавания не могло быть и речи.

Вряд ли можно считать это ошибкой Годунова. Еще во время Ливонской войны канцлер Речи Посполитой Ян Замоиский заявлял на сейме в Варшаве, что нельзя оставлять русским ни одной из важных ливонских гаваней. Он считал, что главная задача войны — отодвинуть Россию как можно дальше от моря, из-за которого она может получать военное снаряжение и ремесленников. Политику изоляции нашей страны от Европы Швеция и Польша проводили сознательно и согласованно. Можно сказать, что их правительства

* Дмитрий Иванович Хворостинин умер через два с лишним месяца после этой битвы — 7 августа 1591 года.

были первыми, кто еще в XVI веке пытался установить на границах России «железный занавес».

Успешно отбив удары с юга и севера, Борис Годунов занялся вопросами внутренней политики. В конце 1580-х годов он поссорился с кланом Шуйских и разослал его представителей по острогам и монастырям. Теперь же, когда власть Годунова укрепилась, он вернул в Думу Василия и Дмитрия Шуйских. Милости коснулись не только суздальской знати. Наряду с Шуйскими высший правительственный орган пополнили опальные литовские аристократы — Куракины и Голицыны. Не забыл Борис и старомосковское боярство: Морозовы и Плещеевы, выбывшие из Думы при Иване Грозном «по худородству», вернулись туда в годы правления Годунова. Своих многочисленных родственников правитель тоже не обходил назначениями. В их руках оказались важнейшие думские ведомства. Так, уже с 1587 года Стрелецкий приказ возглавил боярин Иван Васильевич Годунов.

Добившись примирения со всеми кланами столичной знати, правитель вспомнил о чаяниях и нуждах провинциального дворянства. 30 мая 1596 года власти издали указ о прощении всех уклонявшихся от службы землевладельцев, так называемых «нетчиков». Дворянам и детям боярским, числящимся «в нетях» из-за трудных жизненных обстоятельств, возвращали прежние поместья или приискивали новые. Дьяки специально подчеркивали, что эта мера проводится ими «для печалования слуги... и конюшего и боярина Бориса Федоровича Годунова»*. Простив нерадивых, правитель не забыл и верных воинскому долгу ратников. Весной 1597 года московские власти произвели раздачу денежного жалованья дворянам и детям боярским. С казной по городам и местам стоянок разъехались доверенные люди Годунова. Окольный Семен Сабуров отбыл в полки, стерегущие «берег»**. Иван Гагин выехал в Рязань. А на северный рубеж, к Новгороду и Пскову, отправились Петр Буйносов и Игнатий Татищев.

* *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 2002. С. 175.

** Имеются в виду засеки и перелазы на Оке.

Однако безденежье было только одной из двух бед мелкого дворянина. Второй вечной его заботой еще со времен Ивана Грозного стало бегство крестьян с помещичьих земель. Периодически вводившиеся правительством заповедные лета лишь на время приглушали процесс, но не могли его остановить. Эту проблему дворянства кардинально решил Годунов. В том же 1597 году от имени царя Федора он издал первый по-настоящему крепостнический закон. Нет, пункта, навсегда упраздняющего Юрьев день, в тексте не было. Но по этому закону у землевладельцев впервые появилось право считать беглыми не только глав семей, отвечающих за уплату податей, но и всех крестьян, покинувших поместье, без учета их пола и возраста. Кроме того, в течение пяти урочных лет возврату теперь подлежали не только сами пойманные крестьяне, но и все их имущество.

Забываясь о мелком дворянстве, не забывал Годунов и о нуждах горожан. Так, еще в 1591 году он роздал деньги на возведение домов москвичам, у которых из-за пожаров погорели дворы, чем расположил к себе множество простого народа. Обширные строительные программы в Москве, Смоленске и других городах обеспечивали работой десятки тысяч посадских жителей.

Историки часто обвиняют Бориса в пассивной внешней политике. Это не совсем справедливо. Годунов старался избегать лишь тех конфликтов, которые могли вовлечь государство в кровопролитную войну, однако он не отказался от возможности укрепить позиции России в Поволжье, где возвел крепости Царицын, Саратов и Самару. На границе с Диким полем были в числе прочих построены Оскол, Кромы, Валуйки, Елец, Курск и Белгород. На Северном Кавказе в то же время появился Терский городок. Если же вспомнить о земле Сибирской, то здесь после гибели Ермака русское владычество практически рухнуло, и Борису пришлось вести двенадцатилетнюю войну за его восстановление. Результатом вооруженной борьбы стала окончательная ликвидация Сибирского ханства. В эти годы здесь возникли города Тюмень, Тобольск, Пелым, Березов, Сургут, Тара и Нарым. Русским первопроходцам открылись свободные пути в глубь азиатского материка.

Глава 12

РЕЛИГИОЗНАЯ ВОЙНА В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ. СМЕРТЬ ФЕДОРА ИОАННОВИЧА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В то время как Москва залечивала раны после Ливонской войны, на территории Речи Посполитой происходили события, которым было суждено сыграть важную роль в судьбе России. В отличие от прежних польских королей Сигизмунд III оказался фанатичным католиком. Едва укрепившись на троне, он начал крестовый поход против православия.

Первыми под удар попали запорожцы. На сейме 1590 года, сразу же после грандиозного набега крымцев, король потребовал ограничить число казаков шестью тысячами, да и тех подчинить коронному гетману. Кроме того, Сигизмунд III заявил, что нужно запретить простонародью Киевской земли свободно покупать порох, свинец и огнестрельное оружие. Закономерным ответом стало грандиозное восстание под руководством православного шляхтича Кристофа Косинского. 19 декабря 1591 года поднявшиеся на борьбу казаки штурмом взяли Белую Церковь. Вскоре после этого они овладели Трипольем и захватили Переяслав.

23 января 1593 года под городом Чудновом отряды Косинского встретились с верными королю войсками Константина Острожского. Бои шли целую неделю и закончились подписанием выгодного казакам мирного соглашения. Однако Сигизмунда III этот вариант не устроил. Вскоре под влиянием короля сейм принял постановление, провозгласившее казаков «врагами отечества». А летом 1593 года на мирных переговорах в городе Черкассы Косинского предательски убил слуга князя Вишневецкого. Движение казаков пошло на убыль. И Сигизмунд III нанес следующий удар. 24 июня 1594 года в Бресте король собрал православный Собор, призванный решить вопрос об унии с католической церковью. Советники Сигизмунда III, иезуиты, в своих трактатах не скрывали, что

уния — лишь «переходное состояние, необходимое для упорных в своей вере русских».

Слухи о том, что на Соборе сторонники короля грубо продавливают нужное им решение, широко разошлись среди православного населения. Это вызвало новую волну народных выступлений. 5 октября 1594 года казаки Северина Наливайко перебили съехавшуюся в Брацлав шляхту. В ноябре повстанцы взяли города Бар и Винницу. Однако это не остановило короля. 2 декабря его преспешники на Соборе заявили о принятии унии. Результат не заставил себя ждать: к лету 1595 года отряды атамана Наливайко контролировали всю Малую и Белую Русь вплоть до Могилева. Верный королю гетман Криштоф Радзивилл заперся в Минске. Только после подхода подкреплений он смог перейти в наступление и выбить Наливайко из Могилева. Казаки через Рогачев и Туров ушли на Волынь.

23 марта 1596 года армия Станислава Жолкевского атаковала повстанцев у урочища Красный Камень. Бой продолжался целый день. Обе стороны понесли большие потери. Ночью казаки отступили к Триполью. У Жолкевского не было сил для преследования, и он отвел свою потрепанную армию к Белой Церкви. Оттуда гетман отправил сейму письмо с просьбой о помощи. Получив подкрепления, Жолкевский в мае осадил казачий лагерь в урочище Солоница. Казаки хорошо укрепили позицию: с трех сторон она была окружена пятью рядами возов, с четвертой примыкала к непроходимому болоту. В нескольких местах лагеря были построены срубы, заполненные землей. На них, как на крепостные башни, казаки установили 31 пушку. С внешней стороны лагерь защищали глубокий ров и высокий вал.

Жолкевский обошелся без штурма. Он отыскал предателей среди казаков, которые в ночь на 24 мая схватили Северина Наливайку и Матвея Шаулу, а затем пропустили поляков в лагерь. Королевские войска уничтожили в этот день около 10 тысяч повстанцев. Погибли все, кроме перебежчиков и арестованных казачьих вождей. Наливайко и прочих атаманов после долгих пыток казнили в Варшаве. 29 мая 1596 года, получив известие о победе

над казаками, король Сигизмунд III издал манифест о соединении церквей, в котором провозгласил унию свершившимся фактом. В стране резко усилились гонения на православных подданных, сохранивших пристрастие к прежней вере. Не подчинившихся приказам короля священников изгоняли, а храмы у них отбирали и передавали униатам. Протестанты во главе с Криштофом Радзивиллом и православные шляхтичи под руководством Константина Острожского пробовали бороться с нарушением прав диссидентов легальным способом — через сеймы. Однако там большинство было у католиков, которые дважды (в 1596 и 1597 годах) сырвали попытки провести решение об отмене унии.

Конфликт с польскими протестантами сильно ослабил позиции Сигизмунда III в Швеции, королем которой он стал в 1592 году после смерти Юхана III. В результате власть там окончательно перешла к его дяде, Карлу Зюндерманландскому, который официально принял титул правителя государства. В ответ разгневанный племянник начал боевые действия против Швеции. Однако в 1597 году польская армия была наголову разгромлена в битве при Стонгебру*, и герцог Зюндерманландский стал новым шведским королем Карлом IX. Борьба продолжалась еще до 1608 года, но все дальнейшие бои шли в Эстляндии и носили ограниченный характер.

После поражения при Стонгебру война со Швецией перестала интересовать Сигизмунда III. Главными для него были сражения с внутренним врагом. И шли они не только на поле боя. Вся территория Речи Посполитой давно уже покрылась густой сетью иезуитских школ. Молодые шляхтичи подвергались жесткой идеологической обработке. В конце XVI века, когда раздавленное гонениями православное духовенство лишилось малейшей возможности для контрпропаганды, процесс ополячивания и окатоличивания русской дворянской молодежи принял массовый характер. Проявляемая властями терпимость в отношении протестантов и униатов не меняла общей тенденции. Новое поколение польских

* Стонгебру – город на территории Швеции.

дворян выросло в твердой уверенности, что православные жители королевства — не люди и в отношении с ними не действуют нормы человеческого общежития.

Кровавые эксцессы внутренней войны против казаков воспитывали в шляхте национальную и религиозную ненависть. И когда через несколько лет это новое поколение воинов Речи Посполитой придет в ослабленную неурядицами Россию, оно будет совсем не похоже на ратников Болеслава Храброго и дружинников Витовта. В Великой Руси шляхтичи увидят лишь территорию, а в ее православном населении — диких животных, которых следует или приручить, или уничтожить. Иными словами, повторить здесь то же самое, что они совсем недавно делали на территории Малой Руси.

А в Москве к тому времени уже вовсю шли процессы, которые обеспечат условия для прихода этих «новых крестоносцев» на русские земли. Царь Федор Иоаннович доживал последние месяцы, а его шурин, Борис Годунов, готовился к борьбе за трон. Он уже далеко продвинулся по пути к заветной цели. Сначала сошли со сцены назначенные Грозным опекуны Федора, затем постепенно выбыли из борьбы (кто в монастырь, кто в мир иной) близкие родственники царя, те, кто мог претендовать на трон после его смерти. Еще в 1586 году по приглашению правительства на родину вернулась племянница Грозного Мария Старицкая, вдова ливонского короля Магнуса. Сначала ей пожаловали большой удел и всячески обласкали. Но спустя два года земли были конфискованы, а саму королеву-вдову вынудили принять постриг и удалиться с малолетней дочерью Евдокией в Подсосенский монастырь. 18 марта 1589 года юная Евдокия скоропостижно скончалась. Двумя годами позже, 15 мая 1591 года, в Угличе при загадочных обстоятельствах погиб младший брат царя Федора Дмитрий Иванович.

Теперь наиболее вероятными претендентами на престол в случае смерти государя становились его двоюродные братья Романовы. И неизвестно, как бы это отразилось на их карьере и здоровье, но 29 мая 1592 года царица Ирина родила дочь Феодосью. Годунов тут же сделал все, чтобы общество восприняло ее как наследницу трона. Никогда еще Москва не видела столь пышных торжеств

по случаю рождения ребенка в царской семье. Появление на свет Феодосьи сопровождалось актами, которые обычно сопутствуют лишь восшествию на трон нового государя. В частности, власти объявили амнистию лицам, «кои были приговорены к казни, заточены по темницам»*.

Ликование Бориса нетрудно понять. С рождением племянницы он становился кровным родственником царской династии! А следовательно, не только Феодосья занимала пост главной наследницы трона, но и своего дядю она вводила в узкий круг лиц, которые могут претендовать на корону, если угаснет род Калиты. Дети Никиты Романова сразу переместились в списке наследников с первой на третью строчку и перестали угрожать честолюбивым планам правителя. Следующие пять лет Годунов не предпринимал в отношении Романовых никаких враждебных действий. Ведь в случае бездетной смерти Федора** прав на трон у Годунова теперь было больше, чем у Романовых. Чтобы увеличить это преимущество Борис постоянно стремился упрочить свой престиж и умножить личное состояние. Согласно данным английских очевидцев событий Горсея и Флетчера, клан Годуновых получал ежегодный доход в размере от 100 до 150 тысяч рублей и мог на собственные деньги собрать армию в 100 тысяч воинов.

В 1594 году отошел от дел «канцлер» Андрей Щелканов, и все нити управления сконцентрировались в руках Годунова. Официальный титул Бориса уже к 1595 году приобрел невиданную для тех времен пышность: «царский шурин и правитель, слуга и конюший боярин и дворовый воевода и содержатель великих государств — царства Казанского и Астраханского». Из четырех составляющих титул чинов три (слуга, конюший боярин и дворовый воевода) были высшими, а четвертый (правитель) — неслыханным и доселе небывалым. В московской иерархии звание правителя отсутствовало из-за его несовместимости с официальной доктриной само-

* *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 2002. С. 163.

** Его единственная дочь Феодосья умерла в 1594 году.

державия. А потому смысл подобного «новшества» был понятен в России всем, без исключения.

Когда стало ясно, что царь Федор долго не проживет, Борис нанес упреждающий удар по братьям Романовым. В 1597 году старший из них, Федор Никитич, получил назначение на границу в качестве второго воеводы полка правой руки. Несмотря на то что пост был сравнительно невысок, со всех сторон посыпались местнические жалобы. На Федора Романова «били челом» люди, не обладавшие ни думными чинами, ни особыми заслугами. В присутствии Федора Иоанновича один из них, князь Федор Ноготков-Оболенский, заявил, что ему «мочно быть больши» не только Федора Романова, но и отца его Никиты и дяди Данилы. В ответ царь возразил Ноготкову: «Данила и Никита были матери нашей братья, мне дяди; и дядь моих давно не стало, и ты чево дядь моих мертвых бесчестишь?»* Несмотря на возражение царя, вопрос решился в пользу Ноготкова. Назначение Федора Романова было отменено, а освободившуюся должность занял Степан Годунов. Споривший с царем Ноготков, отсидев «пять ден» в холодной, получил от правителя повышение сразу на несколько рангов.

Романовы все поняли правильно. И когда в ночь с 6 на 7 января 1598 года Федор Иоаннович скончался, о своих правах на престол даже не заикались. Зато против Годунова единым фронтом встали главные думские кланы. В своих действиях они опирались на традиции и обычаи Великой Руси. Высокородные Рюриковичи и Гедиминовичи были уверены, что никто, кроме них, не имеет прав на царский венец. Мысли о том, чтобы пропустить мимо себя к трону незнатного «выскочку», пусть и руководившего страной при прежней династии, просто не укладывались у них в голове. Там с давних времен укоренилось представление о том, что сесть на трон имеет право лишь родившийся от «царского корени».

Ситуация осложнялась тем, что Федор Иоаннович не оставил письменного завещания. Большинство источников утверждают, будто патриарх Иов часто напоминал ему о необходимости назвать

* *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 2002. С. 172.

преемника. В ответ царь якобы лишь ссылался на волю Божью. Зато, по словам очевидцев, Федор неоднократно просил Ирину после его смерти «принять иноческий образ» и закончить жизнь в монастыре. Похоже, будущее жены волновало царя больше, чем судьба престола. После смерти Федора его шурин продолжал управлять страной. Ему не мешали. Ведь Годунов носил чин конюшего боярина, а тот по сложившейся в России традиции выполнял функции местоблюстителя престола при пресечении правящей династии. Однако конюший должен был лишь организовать выборы, а не определять их итоги. В случае четкого следования закону, решающее слово получала Боярская дума, где худородный выскочка никогда не собрал бы большинства голосов. И Борис принялся искать обходные пути.

Первым шагом в этом направлении стала попытка править от имени сестры-царицы. Ирина привыкла во всем слушаться брата. Она созвала во дворец верхушку московского посада — сотников с пятидесятниками — и пообещала им щедрые награды, если те обеспечат Борису поддержку столичного населения. На следующий день после смерти мужа, 8 января, Ирина подписала указ о всеобщей амнистии. Верный Борису патриарх Иов направил во все епархии наказ целовать крест царице. Возможно, этот вариант и прошел бы, но Борис был слишком недоверчив. Сам он поднялся к вершинам власти на интригах, а потому подозревал всех вокруг и никому не доверял. В соответствии с текстом разосланной по стране присяги подданные должны были принести клятву: патриарху Иову и православной вере, царице Ирине, правителю Борису Годунову и его детям.

Надо сказать, что по сложившейся в России традиции цариц не короновали, их даже не допускали к участию в церемонии. Ирину хоть и называли «великой государыней», но в свое время она лишь наблюдала из окна светлицы за тем, как на голову Федора возлагают шапку Мономаха. Поскольку вдова не была коронованной особой и не обладала царской властью, она не имела права требовать от подданных передачи ее брату. Разбей Борис присягу на два этапа, фокус с получением власти через Ирину имел неплохие шансы

на успех. Но в этом случае правитель на какое-то время попадал в зависимость от сестры. Борис не решился на риск и проиграл. Дума использовала его промах и нанесла ответный удар. Сорвав незаконную присягу, бояре тут же напомнили москвичам: перед смертью Федор просил, чтобы жена приняла постриг. 15 января на площади перед царскими палатами собралось множество возмущенного народа. Ирине пришлось объявить о немедленном уходе в монастырь. «У вас есть князья и бояре, — сказала она людям, — пусть они начальствуют и правят вами»*. Выступивший после нее Борис вынужден был заявить о том, что отходит от дел. Обязанности местоблюстителя он передал патриарху.

Вскоре в Новодевичьем монастыре Ирина постриглась в монахини под именем Александры. Борис перебрался из кремлевских палат в келью того же монастыря и перестал ездить в думу. Однако он не считал дело проигранным. Во-первых, с уходом Годунова в управлении страной главную роль стал играть верный ему Иов. А во-вторых, оставалась надежда, что боярские кланы не сумеют выдвинуть единого кандидата на трон и перессорятся друг с другом. Так оно и случилось. Единственное, о чем договорилась Дума, — это о порядке выборов самодержца. «Соборное определение об избрании царя» было принято, как значилось в его тексте, «...по челобитию государевых бояр, князя Федора Ивановича Мстиславского, и всех государевых бояр и окольных, и всего царского синклиту, и всех воевод, и дворян и стольников... и дьяков и детей боярских, и голов стрелецких, и сотников стрелецких... и гостей, и торговых людей и черных людей...»**

Иов не подвел своего друга и покровителя. Умело используя влияние армии и столичного населения, он добился того, что в состав Собора должны были войти не только бояре, но и представители дворян, горожан и купцов, а это (в случае, если умело ограничить приток провинциальных выборщиков) резко увеличивало шансы популярного среди москвичей Годунова. Чтобы

* *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 2002. С. 220.

** Там же. С. 221—222.

настроение столичной части избирателей не изменилось, патриарх в течение месяца, с 20 января по 20 февраля организовал несколько шествий к Новодевичьему монастырю. Вначале их участники просили «царицу-инокиню Александру» отпустить на царство ее брата Бориса. Потом они спрашивали самого Годунова, когда же тот осчастливит их согласием. В ответ брат и сестра отвечали, что избрание царя должно происходить на Соборе. Как отметил в одной из своих работ С.М.Соловьев, продолжавший править страной из кельи Борис понимал, что «...только в выборе всею землей он мог видеть полное ручательство за будущую крепость свою и потомства своего на престоле»*.

Земский собор состоялся в Кремле 17 февраля 1598 года, как только истекло время траура по Федору Иоанновичу. На заседаниях присутствовали члены Освященного собора под руководством патриарха Иова, Боярская дума во главе с Федором Мстиславским, чины приказного аппарата, московское дворянство и те представители провинциальных «верхов», которые в то время находились в Москве. Если верить мнению А.А.Зимины**, по понятиям и обычаям XVI века это был совершенно законный Земский собор, ничем не хуже прежних. Однако подобной точки зрения придерживаются не все. Так, Р.Г. Скрынников указывает, что в принятом Думой «Соборном определении об избрании царя» предусмотрено более широкое народное представительство. Там было решено вызвать «от каждого города по восемь—десять человек, дабы вся страна обсудила, кого возвести на трон». С учетом дальних расстояний и плачевного состояния дорог «надлежащим образом» выбранные делегаты могли собраться в Москве лишь через два-три месяца. Собор начал работу намного раньше. Есть сведения, что даже выборщиков из ближних городов задерживали на заставах верные Годунову стрельцы. Логика Бориса понятна: на предыдущих соборах роль делегатов была номинальной, они лишь одобряли решения «богоизбранного» царя. Поскольку все наместнические должности

* Соловьев С.М. Соч. Кн. IV. М., 1989. С. 338.

** Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 222.

находились в руках знати, города могли прислать лишь верных боярам людей. Создавать условия, при которых эти сторонники Думы перекричат верных Годуновым москвичей, правителю было совсем невыгодно.

Попытки боярской оппозиции убедить членов Собора принести присягу на верность Думе успехом не увенчались. При активной поддержке Иова и верных ему иерархов большинство проголосовало за Бориса. Но Дума осталась в оппозиции, и Годунов вернулся в монастырь. Тогда патриарх организовал еще одно шествие к келье правителя: утром 21 февраля духовенство вынесло из храмов наиболее чтимые иконы и, собрав множество москвичей, крестным ходом двинулось к Новодевичьему монастырю. Теперь Борис согласился принять шапку Мономаха, и патриарх, не откладывая дела в долгий ящик, здесь же в монастырском соборе объявил Годунова царем. Но для окончательной победы Борису нужно было признание Думы. Однако тщетно Годунов ждал в своей келье боярской делегации. Думские лидеры продолжали упорствовать. Просидев в монастыре еще пять дней, Борис 26 февраля поехал в Кремль. Сторонники приготовили ему торжественную встречу: москвичи несли хлеб-соль, бояре и купцы — соболя и золотые кубки. Годунов принял только хлеб-соль, демонстративно отказавшись от дорогих подарков, а затем пригласил всех к царскому столу. После этого в Успенском соборе Кремля патриарх вторично благословил Бориса на царство.

Однако в Кремль думская делегация тоже не явилась, и Годунов снова вернулся в Новодевичий монастырь. Теперь уже — под предлогом поста и болезни сестры. Весь март и апрель Борис продолжал жить в келье, лишь изредка наезжая в столицу. И только 30 апреля, после того как патриарх организовал еще одно массовое шествие москвичей к монастырю, Годунов второй раз торжественно въехал в Кремль. Его переселение в царские палаты активизировало оппозицию. К этому времени боярские группировки нашли альтернативного кандидата. Им стал Симеон Бекбулатович, крещеный касимовский хан, несколько лет «сидевший» на московском престоле по прихоти Ивана Грозного. Бояре ждали, чем ответит Борис.

А тот нашел оригинальный выход из ситуации. Как только в марте с южного рубежа «поступили сведения» о желании крымского хана Казы-Гирея идти войной на Москву, Годунов «пове-рил» в серьезность угрозы. Вскоре пришло еще более детальное «подтверждение». 1 апреля воеводы пограничной крепости Оскол сообщили: хан идет «на государевы украины» и, кроме собственной орды, ведет семь тысяч янычар. Информация была ложной. По договоренности с турецким султаном Казы-Гирей в это время готовил вторжение в Венгрию. Но в Москве, по понятным причинам, опасность игнорировать не стали. Борис лично возглавил армию. Разрядный приказ составил роспись полков, выступающих навстречу врагу. В начале мая, когда войска собрались, бояре оказались перед выбором: продолжать противостояние с Борисом (которое в условиях военного времени будет выглядеть уже как измена воинскому долгу) или занять воеводские посты (и подчиниться Годунову как своему главнокомандующему).

Чуть поколебавшись, вожди Думы выбрали второе. Однако в последний момент они предложили, чтобы воеводой большого полка Борис назначил Симеона. Решение это было в духе московской традиции. Чтобы избежать местнических споров, Иван Грозный часто ставил на высшие армейские посты служилых «царей». Назначения эти были, как правило, номинальными и позволяли передать реальное управление войсками людям талантливым, но неродовитым. Симеону уже доверяли высшие армейские должности в войнах с западными странами. Против соотечественников, по понятным причинам, татар старались не использовать. Борис не стал перечить Думе. Он, можно сказать, даже перевыполнил пожелания бояр. Служилые татары стали старшими воеводами трех главных полков. Но касимовский хан остался дома. Борис отговорился тем, что Симеона в Москве нет, ждать его приезда долго, а время не терпит... Вместо думского избранника большой полк возглавил астраханский царевич Арасланалей Кейбулович. Боярин Мстиславский формально был у него вторым воеводой. Во главе полка правой руки встал казанский царевич Уразмагмет, к которому в подчинение попал Василий Шуйский. Передовым

полком управляли бывший сибирский воевода Маметкул и князь Дмитрий Шуйский.

В реальных войнах вторые воеводы могли «перехватить управление» у своих командиров (служилых царевичей), если те не станут слушать «советов» русских коллег. Но в задуманной Борисом «операции» роли поменялись: теперь в случае попытки заговора (а также при любых иных «недоразумениях») Годунов мог опереться на татар в противостоянии с вождями Думы. 7 мая 1598 года армия выступила к Серпухову. Там, на берегу Оки, московские архитекторы и строители воздвигли целый город из белоснежных шатров с причудливыми башнями и воротами. Два месяца простояли здесь полки в ожидании неприятеля. От первого и до последнего дня Годунов ласковыми словами, щедрыми раздачами жалованья и многочисленными пирами добивался признания провинциального дворянства. Он не прогадал. Видя энтузиазм служилой мелкоты, вожди Думы наконец прекратили упорствовать. Этому решению бояр способствовал и дипломатический успех Годунова: 28 июня в его ставку прибыли послы Казы-Гирея, а уже на следующий день Борис подписал с ними договор о мире. Теперь ему оставалось только занять пустующий трон.

ГЛАВА 13

КОРОНАЦИЯ ЦАРЯ БОРИСА. СИГИЗМУНД III ПРЕДЛАГАЕТ РОССИИ ДРУЖБУ. ЗЕРНА СМУТЫ — ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ

2 июля 1598 года Годунов въехал в столицу. Москва встречала его, как триумфатора. Иов в приветственной речи назвал Бориса «великим самодержцем, Богом избранным, Богом возлюбленным»*. Однако еще весь июль и большую часть августа патриаршая канцелярия продолжала собирать подписи участников

* *Заичкин И.А., Почкаев И.Н.* Русская история. Популярный очерк IX – середина XVIII в. М., 1992. С. 374.

Земского собора под избирательной грамотой. Писцы Иова любыми, доступными монахам, способами пыталась получить недостающие голоса. Но хотя после майского Собора многое изменилось, не все из «обязательных» участников соглашались поставить на листах свои автографы. Так, к примеру, по данным Р.Г. Скрынникова, в июльской редакции грамоты (как, впрочем, и в майской) отсутствуют подписи митрополита Казанского и Астраханского Гермогена, а также его архимандритов. И это при том, что Гермоген в церковной иерархии был третьим лицом после патриарха Иова и новгородского митрополита Исидора. Причина проста: Гермоген уже тогда прославился редкой неуступчивостью в принципиальных вопросах. Ему ничего не стоило публично отказаться от подписи «задним числом» и даже разорвать подложную бумагу.

Еще меньший успех ждал писцов в боярских кругах. А потому, промаявшись с новой редакцией до конца августа, Борис с Иовом вторично оставили эту затею. Решили, что на коронации можно обойтись и без грамоты о соборном избрании. Вместо нее 1 сентября 1598 года было организовано еще одно (уже четвертое по счету) народное шествие к Новодевичьему монастырю. Годунов на этот раз ломаться не стал, а сразу согласился венчаться на царство «по древнему обычаю». Коронация состоялась через два дня. Проходила она не в Думе, как у прежних государей, а в Успенском соборе Кремля. Бояре играли там, естественно, самые почетные роли: князь Федор Мстиславский держал шапку Мономаха, князь Дмитрий Шуйский — скипетр. Однако руководили церемонией все же не они, а преданный Борисом патриарх Иов.

Обычно монарх при восшествии на престол жаловал подданных чинами, льготами, подарками и деньгами. «Выборный» царь в дарах и милостях превзошел предшественников. Служилые люди получили от него одновременно трехлетнее жалованье, знатные семьи — боярские и думные чины для своих членов. Кроме того, Борис дал тайный обет: править милостиво и не проливать крови в течение пяти лет. При этом он постарался, чтобы о «секретной» царской клятве узнали даже в самых глухих углах страны. После того как вся Россия почувствовала объем царских благодеяний, в

Кремле снова вспомнили о грамоте, которая должна была подтвердить законное избрание Годунова на Соборе. Этот третий вариант, носящий название «утвержденной грамоты», был составлен царской канцелярией в 1599 году. Естественно, ни о каком свободном волеизъявлении речи в нем не шло. По мнению Р.Г. Скрынникова*, кроме имитации выборов, у «утвержденной грамоты» было еще одно важное назначение: она стала своего рода поручной записью, четко очертив круг лиц, от которых Борис требовал доказательств лояльности. Круг этот составляли бояре, столичные и провинциальные дворяне, приказные чины, высшие церковные иерархи и верхушка городского посада.

Как только они поставили на листе свои подписи, «тайная милостивая» клятва была, естественно, забыта. Царь Борис потихоньку, исподволь, принялся утеснять и понижать в чинах (а то и подвергать прямой опале) всех, кто противился его избранию. На протяжении следующих двух-трех лет каждому из них пришлось пожалеть о своей позиции на Соборе. Вряд ли это было обычной мезьей. Похоже, Годунов принимал превентивные охранительные меры. Царь имел веские причины для спешки: из-за волнений «выборной кампании» его здоровье сильно пошатнулось, а сын был еще слишком юн и неопытен, чтобы удержаться на престоле в случае смерти родителя. Репрессиями Борис расчищал наследнику дорогу к трону. И потому острие их обрушилось не на Шуйских и Мстиславских, давних противников Годунова. Под удар попали конкуренты его сына в борьбе за престол, Романовы.

В конце октября 1600 года посланные царем стрельцы ночью взяли штурмом романовское подворье. Братьев Федора, Александра, Михаила и Василия обвинили в тягчайшем государственном преступлении — покушении на жизнь царя. Доказательством служили найденные у Александра «колдовские» корешки. В конце XVI — начале XVII века, когда все болезни лечили травами или молитвой, подобную «улику» можно было обнаружить в любом доме. Однако на ее основании следствие сделало вывод, что Рома-

* *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 2002. С. 256—259.

новы пытались «царства достати ведовством и кореньем». Вместе с братьями в тюрьмы попало множество их друзей, родственников и сторонников, что делает «колдовскую» версию совершенно неправдоподобной. Еще одна важная деталь судилища прямо уличила Годунова в подлоге: самого старшего из Романовых, Федора Никитича, не только заточили, но и постригли в монахи — мера совершенно излишняя с точки зрения якобы совершенного братьям преступления, но гарантирующая (по понятиям того века) выбывание из борьбы за трон.

Укрепив положение наследника и его шансы сохранить престол после смерти отца, царь Борис занялся международными делами. А здесь на тот момент сложилась довольно любопытная ситуация. Крымское ханство с 1594 года втянулось в длительную войну с Венгрией. В 1598 году Казы-Гирей заключил мир с Россией, и Борису больше не было нужды держать крупные силы на юге. К концу 1599 года Сигизмунд III окончательно лишился шведского престола. Польский король и его дядя Карл IX вели между собой войну в Эстляндии. Естественно, обоим монархов интересовало, как намерен реагировать на это их восточный сосед. Особенно сильно беспокоился Сигизмунд III, поскольку мира с Россией у его страны не было уже 87 лет, а срок перемирия истекал через три года.

Для прояснения ситуации в 1600 году из Вильно в Москву выехало «великое посольство» во главе с литовским канцлером Львом Сапегой. Представители Сигизмунда III предложили России союз по типу того, что действовал между Литвой и Польшей до 1569 года. По условиям договора оба государства должны были оказывать друг другу помощь в случае нападения третьей стороны. Они обязались вести переговоры и заключать соглашения с иными странами «...под общими обоими государствами титулами и через общих послов»*. Для этого Сапега предлагал учредить при царском и королевском дворах союзнические представительства. Кроме согласованных военных действий против турок и шведов, планировалось создать совместные торговые и военные флоты на

* *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 2002. С. 284.

Черном и Балтийском морях. Материалы, вооружение и деньги для обеих флотилий должны были храниться на территории Польши. Для строительства морских судов Россия обязалась поставить на верфи лес, смолу, канаты и другие ценные материалы. Снаряжение флотов финансировали совместно. Но набор матросов и «людей рыцарских» Сигизмунд III «великодушно» брал на себя.

Столь же односторонне предлагалось решать в новом союзе и остальные вопросы. Так, к примеру, заботясь о распространении в России католической веры, Сигизмунд III предлагал русским властям построить в своих землях костелы и открыть при них «коллегии, чтобы люди московского народа учились латинскому языку, так как это может быть для них нужно и полезно»*. О том же, чтобы восстановить попранные права православного населения на территории Речи Посполитой, королевские послы говорить не желали. Предложения по династическим вопросам заключались в том, что царь Борис не должен препятствовать вольной «элекции» (выборам короля) в Речи Посполитой. Если Сигизмунд III умрет, не оставив потомства, «станы короны польской и Великого княжества Литовского не исключают для себя выбрать паном (королем) господаря Русского»**. В случае же бездетной смерти самого Бориса «король его милость польский... должен быть господарем Русским». Если странами-союзницами когда-нибудь станет править один государь, то из каждых трех лет два года он будет проводить в Речи Посполитой и только год в России.

Москва отвергла те пункты договора, которые давали односторонние преимущества Польше и ее королю. Но при этом Борис Годунов согласился обсуждать вопросы о мире и совместных действиях против шведов в Ливонии. Однако Сигизмунд III уже узнал все, что хотел: союза между Россией и Швецией не существует, а организовать «ползучую» экспансию католицизма с помощью «коллегий» не удастся. Переговоры о «вечном соединении» были тут же прекращены. Вместо этого в 1601 году стороны заключили

* *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 2002. С. 285.

** Там же. С. 286.

перемирие сроком на 20 лет. Итак, Борис упустил выгодную возможность для нанесения удара по врагу. Через три года, когда набранные в Польше войска Лжедмитрия пересекут русскую границу, Годунов горько пожалеет о своем миролюбии. Отношения с западным соседом к тому времени давно уже перешли черту, за которой, по словам Никколо Макиавелли, «...войны нельзя избежать, можно лишь оттянуть ее — к выгоде противника»*.

А пока царствование Бориса всем казалось благополучным: на границах, если не считать редких стычек с отрядами Вишневецкого и других польских магнатов, наступила тишина. Внутри страны не было ни бунтов знати, ни народных возмущений. Но под внешним благополучием уже зрели зерна надвигающейся Смуты. В государстве все глубже укоренялись крепостнические порядки. Крестьяне и «черный люд» бежали на вольные окраины. Связанное войной в Венгрии Крымское ханство не могло им помешать. В глубине Дикого поля одна за другой образовывались новые казачьи общины, пополняющиеся беглыми холопами и «гулящим» людом.

Успехи стихийной колонизации обычно закрепляли царские воеводы. Их отряды двигались за казаками, возводя на новых землях города и крепости. В военное время колонисты приветствовали эти действия правительства, ведь укрепления повышали устойчивость обороны, а их гарнизоны увеличивали силы, противостоящие врагу. Но теперь-то, когда на границах воцарился мир, ситуация развернулась к казакам «другим боком»: воеводы без особых церемоний верстали вольных людей «в службу», зачастую заставляя их засеивать государеву пашню.

К началу XVII века донские казаки продвинулись до устья Северского Донца и основали там новую столицу Раздоры. Сразу после коронации Годунов послал в этом направлении крупные военные силы. Воеводы получили приказ: выстроить невдалеке от Раздоров крепость -- Царев-Борисов. По замыслу Годунова, размещенный там гарнизон должен был приглядывать за казачьей вольницей. Еще одним способом воздействия на колонистов тради-

* *Макиавелли Н.* Сочинения. М.: Эксмо, 2001. С. 54.

ционно была «регулировка» снабжения. Донское войско не могло долго обходиться без боеприпасов и продовольствия из России. Годунов, как и все правители до него, использовал этот фактор, не стесняясь. В результате любое снижение хлебных поставок казаки относили на счет враждебного отношения к ним Москвы.

Надевая шапку Мономаха, Борис сулил жителям всевозможные льготы. Кое в чем он сдержал обещания. В землях сибирских вогулов, к примеру, на год отменили ясак. Со столичного посада подати сложили* на два года. А разоренный войной карельский уезд Годунов освободил от налогов сразу на десять лет. Однако послабления касались не всей страны, а лишь нескольких районов, и их благотворное влияние быстро исчерпало себя. Естественно, льготы чаще доставались тем местностям и категориям населения, которые поддерживали в свое время идею избрания Годунова. Завинчивание же гаек, наоборот, обычно задевало строптивых и неуступчивых. Так, проводя реформы «посадского строения», государевы люди не затронули самые многочисленные «белые** слободы» Москвы, очевидно помятуя об участии их жителей во всех шествиях к Новодевичьему монастырю. В большинстве городов (Ростове, Владимире, Калуге и др.) дьяки «осадили в тягло» часть «белослободочников», в основном — богатых торговцев, чьи льготы были наиболее разорительны для конкурентов из «черного посада». А на востоке страны, в Казани, монастырские слободы приписали к тяглу в полном составе. Особых выгод это казне, что интересно, не сулило. Но по странной случайности, именно казанский митрополит Гермоген и его архимандриты до последней возможности отстаивали идею честных выборов.

Если меры, направленные на увеличение числа тяглецов за счет боярских и монастырских «белослободочников», были в значительной степени оправданы, то обложение налогами жителей погра-

* То есть освободили от уплаты податей.

** Районы города, принадлежащие боярам и монастырям; жители «белых слобод» традиционно имели большие льготы по уплате податей и налогов в государственную казну.

ничных городов (таких как Зарайск) ничего, кроме проблем, царю не принесло. Городские пушкари и служилый люд «по прибору», составлявшие большинство населения тамошних «белых слобод», воспринимали тягло как явную несправедливость. Возможно, в иной ситуации народ смирился бы с ухудшением жизни. В конце концов, смена власти всегда начинается с радужных обещаний, а заканчивается усилением гнета. Но сразу за отменой льгот на страну обрушились стихийные бедствия.

В XVI—XVII веках каждое десятилетие на Русской равнине был хотя бы один год, когда из-за погодных условий хлеб не успевал вызревать. Еще один-два раза неурожаи захватывали большую часть страны. Как правило, эти «тощие» годы шли не подряд, а чередовались с «тучными», и Россия справлялась с ними без больших издержек. Крестьянам удавалось продержаться «до новинки» на остатках предыдущего урожая, а города жили накопленными на складах запасами. Но если посевы гибли два года подряд, голода избежать не удавалось. Именно это произошло в начале XVII века. Длительные дожди не дали вызреть зерну холодным летом 1601 года. Ранние заморозки усугубили ситуацию. Во многих местах крестьянам для сева озимых пришлось использовать незрелые семена. Естественно, они дали «квелье» всходы. Однако заморозки 1602 года погубили даже их. Весной 1603 года крестьянам было нечем засеивать поля. Наступил страшный голод. Быстро покончив с дарами леса, люди съели собак и кошек, а затем принялись за крапиву, лебеду и липовую кору. Во многих районах дошло до каннибализма и трупоедства. Смерть косила население по всей стране. В сельской местности трупы валялись на дорогах, из городов их едва успевали вывозить в поля, где наскоро закапывали в братских могилах.

Администрация Годунова не знала, что делать. Попытки ввести твердые цены на зерно, как это сделали, к примеру, власти Сольвычегодска, заканчивались исчезновением хлеба из продажи. реквизиции приводили к тому, что собственники закапывали зерно, чтобы его не отняли. В результате становилось еще хуже. Решение Годунова продавать по твердым ценам хлеб из царских житниц

тоже не спасло ситуацию. Во-первых, государственных запасов хватило ненадолго, а во-вторых, существенную их часть скупил спекулянты, ожидавшие (и не без основания) еще большего взлета цен. Они не прогадали. Видя, что большинству населения не на что покупать хлеб, власти попытались помочь народу денежными раздачами. Только в Смоленск для этой цели Годунов послал единовременно 20 тысяч рублей. Столичным жителям — понятное дело — доставались еще большие суммы. Однако толку от царской щедрости практически не было. Если весной 1602 года цены на зерно поднялись в шесть раз, то еще через год они взлетели настолько, что даже средние слои населения уже не могли покупать хлеб. Зато слухи о том, что в Москве раздадут деньги, широко разошлась по стране. Народ толпами хлынул в столицу, отчего голод там лишь усилился.

Вскоре средства у правительства закончились. К тому времени беженцев в Москве собралось больше, чем коренных жителей. Люди ютились в наскоро сколоченных будках и шалашах, многие спали под открытым небом. Окончание денежных раздач обрекало их на мучительную смерть. Но если посадки власть хотя бы пыталась спасти, то многомиллионное крестьянство было предоставлено его собственной судьбе. Что говорить о других местах, когда даже в дворцовых волостях, фактической вотчине Годуновых, крестьянам давали зерно в мизерных количествах. Получить эти крохи «крепкие» хлебопашцы могли лишь под кабальные расписки. А с обнищавшими и пришлыми приказчики даже не разговаривали.

Понимая, что голод превращает мелкое поместье в смертельный капкан для крестьянина, 28 ноября 1601 года Борис Годунов объявил о восстановлении Юрьева дня. В указе говорилось, что царь «...пожаловал во всем своем государстве от налога и от продажи, велел крестьянам давати выход»*. Это была лишь декларация. На самом деле законы 1601—1602 годов, облегчавшие крепостной гнет, распространялись не на всю страну. Крестьяне не могли покидать имения, принадлежащие членам Боярской думы, столичным дво-

* *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 2002. С. 312.

рянам, дьякам и духовенству. Юрьев день не касался Московского уезда, а также черносошных (государственных) земель.

В зависимости от сословной принадлежности люди по-разному истолковывали царские указы. Крестьяне переселялись на удобные им земли, не обращая внимания на ограничения, и при этом отказывались платить подати и оброки. Помещики препятствовали даже законным попыткам выезда из их усадеб. Словесные угрозы в адрес нарушителей никого не останавливали, поскольку и для тех и для других речь шла буквально о жизни и смерти. В результате правительство оставило попытки урегулировать ситуацию. В 1603 году никаких законодательных актов, посвященных Юрьеву дню, выпущено не было. Но к этому времени Годунова ненавидели уже не только обманувшиеся в своих надеждах крестьяне, но и противостоящие им мелкие помещики.

Да и кого еще им было винить в своих бедах? Ведь ужасы голода обрушились на страну в мирное время и не сопровождались сколько-нибудь заметными эпидемиями. И при этом масштабы народных страданий были беспрецедентны: по оценкам современников, от голода 1601–1603 годов вымерла «треть царства Московского»*. Цифра не кажется завышенной, если учесть, что только в трех больших «скудельницах» (на братских кладбищах) под Москвой столичные власти зарыли за это время более 120 тысяч трупов. Однако не все умирали безропотно. В 1601–1603 годах резко возросло количество бунтов и особенно разбоев. Спасаясь от голодной смерти, беднота нападала на хоромы богачей, устраивала поджоги, чтобы легче было грабить, набрасывалась на обозы, едва те появлялись на дорогах или городских улицах.

В отличие от прежних лет разбойники этого периода не боялись вступать в бой с царскими войсками. Так, в сентябре 1603 года шайка некоего Хлопка разбила на Тверской дороге отряд воеводы Ивана Басманова. Сам воевода погиб в бою. Только получив подкрепление, правительственные войска смогли разгромить

* *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 2002. С. 318.

разбойников. Хлопка и других пленных привезли в столицу и там повесили.

Успехи «воровских» шаек в боях с царскими отрядами легко объяснимы. Разбойники тех лет были военными профессионалами — боевыми холопами. В условиях наступившего голода хозяева перестали их кормить, но и на волю не отпускали. Чтобы разрешить эту проблему, 16 августа 1603 года Борис Годунов издал указ о немедленном освобождении всех холопов, которых не содержат их господа. Наряду с посылкой воинских команд на дороги, эта мера помогла вытеснить разбойников на окраины страны — в Северскую и Черниговскую земли, а также в Нижнее Поволжье и на Дон. Большая часть из них ушла в вольные казаки. Трудно сказать, сколько боевых холопов пополнило тогда казачью громаду. Современник событий Авраамий Палицын оценивает их число в 20 тысяч человек. До пострижения в монахи он был военным и, скорее всего, знал, о чем говорит.

Кроме боевых холопов в дворянском ополчении имелся еще один класс недовольных. Это так называемые «дети боярские с пищалью». Особенно много их было на пограничном юге. Формально, по Уложению 1597 года со ста четвертей пашни дворяне должны были выставлять одного война полковой службы (т. е. конного) и одного пешего с пищалью. Однако, по данным Р.Г. Скрынникова*, в том же 1597 году охрану Засечной черты от Брянских лесов до Рязани несли 78 детей боярских полковой службы и 247 детей боярских с пищалью. И это не исключение: на смотре 1597 года в Рязском уезде объявились 44 сына боярских полковой службы, 301 — с пищалями, а 110 — вовсе не прибыли.

Чтобы хоть как-то решить проблему дворянского оскудения, власти испомещали детей боярских на степных окраинах, в окрестностях новых крепостей Белгород и Балуйки, а также в Воронежском, Курском и Путивльском уездах. Не имея крестьян, эти степные «помещики» вынуждены были сами обрабатывать отведенную им землю. Более того, по указу Бориса Годунова, воеводы завели

* Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 2002. С. 323.

здесь государеву «десятинную пашню» и для ее обработки стали привлекать все местное население, не исключая и этих мелких дворян. Таким образом, выехавшие на новые земли воины сохранили лишь титул детей боярских, который не избавил их ни от нужды, ни от тяжелого крестьянского труда. Подобное положение дел ратники воспринимали как явную несправедливость. Так что когда в этих краях объявился со своей армией самозванец, принявший имя умершего в 1591 году царевича Дмитрия, количество недовольных Годуновым давно уже превысило критическую массу.

Социальной «бомбе» нужен был только подходящий «взрыватель». Откуда же взялся этот «запал»? Когда царские стрельцы в 1600 году разгромили подворье Романовых и приставы развезли по тюрьмам сторонников этого боярского клана, в числе скрывшихся от сыска был Юрий Отрепьев, вольный слуга сосланного на Белозеро князя Черкасского. Очевидно, у Отрепьева были основания опасаться за свою жизнь, потому что он не только бежал из столицы, но и постригся в монахи. Поскитавшись по провинциальным обителям, смиренный чернец Григорий вскоре вернулся в Москву и устроился в кремлевский Чудов монастырь. Позже многие признавали, что будущий самозванец обладал редкими способностями: то, на что другие тратили полжизни, он усваивал шутя. Отрепьеву понадобился всего год, чтобы сделать блестящую карьеру. Вскоре он стал одним из служащих канцелярии патриарха Иова.

Монастырская жизнь быстро наскучила Григорию. По вымирающей от голода стране ходили слухи, что его ровесник, царевич Дмитрий, на самом деле не погиб в Угличе 15 мая 1591 года. Его спасли от смерти верные люди. И теперь этот «природный государь» бродит неузнанным по стране. Но придет время — он предьявит свои права на трон, свергнет узурпатора Годунова, и в России снова наступит благоденствие. Эти легенды указали Григорию путь к вершинам власти. По версии Р.Г. Скрынникова, опирающегося в своем исследовании на «Извест» Варлаама Яицкого*, «Новый

* Варлаам Яицкий — один из двух монахов, бежавших с Григорием из Чудова монастыря.

летописец»* и другие свидетельства, Отрепьев еще в Чудовом монастыре пытался «открыться братии» и «...глаголише, яко царь буду на Москве»**. Монахи подняли Григория на смех и на этом успокоились. Но Отрепьев понимал, что они в любой момент могут донести властям о крамольных речах собрата, и тогда беды не миновать.

В начале 1602 года Григорий вместе с двумя сторонниками и соучастниками — Варлаамом и Мисаилом — бежит за рубеж. В дальнейшем многие исследователи пытались найти в их действиях следы хитроумной боярской интриги. С.Ф. Платонов писал на эту тему: «Подготовку самозванца можно приписать тем боярским домам, во дворах которых служивал Григорий Отрепьев»***. Понятно, что историк имеет в виду Романовых и Черкасских. Но правомерны ли его подозрения? Ведь готовить самозванца до ареста этому клану было невыгодно. Их вождь, боярин Федор Никитич, сам претендовал на престол. А начинать интригу из тюрьмы или ссылки — дело неподъемное. Чисто теоретически самозванца мог подготовить какой-нибудь другой боярин, пострадавший от Годунова в одно время с Романовыми, но попавший не в тюрьму или ссылку, а отправленный в деревню или на воеводство в какой-нибудь небольшой город. Такой человек есть. Бывший покровитель и соратник Годунова — Богдан Бельский — как раз в эти годы пережил второй взлет в своей непростой карьере, за которым последовало довольно «болезненное» падение.

После отстранения от власти в 1584 году боярин жил в деревне, изредка выполняя для Годунова маловажные поручения. Но в 1599 году его терпение было наконец вознаграждено. Бельский отправился с военной экспедицией на Дон. Ему поручили выстроить ту самую крепость, Царев-Борисов, которая по замыслу Годунова должна была обеспечить контроль за казачьими Раздорами. Воевода возглавил трехтысячный отряд, состоящий из стрельцов,

* *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 2002. С. 342–360.

** Там же. С. 361.

*** Там же. С. 357.

казаков и детей боярских. Всю эту армию Бельский жаловал деньгами и платьем, поил и кормил из своих запасов. Слухи о его щедрости широко разнеслись по России. И все бы ничего, но Бельский в походе неудачно пошутил. «Пусть Борис Федорович царствует на Москве, — сказал он однажды, — а я теперь царь в Цареве-Борисове»*. Немец-наемник донес Годунову о неосторожных речах боярина. Борис немедленно отозвал воеводу в Москву. Правда, наказывать не стал. И вскоре тот попал в новую историю.

С тех пор как Иван Грозный поджарил своего лекаря на огромном вертеле, иноземные доктора не рвались занять должность при царском дворе. Годунов долго лечился у шотландского капитана Габриэля, неплохо знавшего медицину. Осенью 1600 года из Лондона в Москву прибыл врач Кристофер Рихтингер. Некоторое время Рихтингер и Габриэль готовили лекарства для Годунова. Но потом в дело вмешался Бельский. При Грозном он заведовал Аптекарским приказом и теперь считал себя медицинским советником Годунова. Заподозрив иноземцев в сговоре, Бельский начал подменять лекарства Рихтингера своими. Когда же Габриэль попытался этому помешать, Бельский велел взять его под стражу. Однако шотландец успел донести обо всем царю. Жалоба «немца» повлекла за собой опалу Бельского. Он был подвергнут унижительной «казни»: «мятежника» привязали к позорному столбу, а Габриэль выщипал у него волосок за волоском всю бороду. Публичное унижение от иностранца боярину стерпеть было непросто...

Но даже с заменой Романовых на Бельского версия С.Ф. Платонова не выдерживает столкновения с фактами. У прибывшего в Польшу самозванца не было ни плана действий, ни правдоподобной версии «чудесного спасения». О том, что произошло в Угличе, Лжедмитрий имел поверхностное представление. Так, он неоднократно рассказывал, что избежал смерти благодаря верному человеку. Якобы воспитатель царевича, узнав о планах убийства, подменил его ночью другим мальчиком. Того зарезали в постели, в спальне угличского дворца. А мать-царица ничего не заметила

* *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 2002. С. 273.

потому, что лицо ребенка после убийства стало свинцово-серым. Но царевич умер во дворе, при свете дня и на глазах у десятков свидетелей. В Москве это было известно всем боярам и большому числу приказных. Комиссия Шуйского, расследовавшая Угличскую трагедию, подробно и обстоятельно докладывала Думе о результатах работы. Готовь самозванца к его роли кто-либо из бояр, он обязательно поделился бы с «царевичем» этой информацией.

Глава 14

ПОЛЬСКИЕ СКИТАНИЯ САМОЗВАНЦА. НАЧАЛО СМУТНОГО ВРЕМЕНИ. ЮГ РОССИИ ПЕРЕХОДИТ НА СТОРОНУ ЛЖЕДМИТРИЯ I

В начале 1602 года трое беглых монахов пересекли западную границу России в районе села Слободки. Везде, где удавалось прижиться, Григорий повторял один и тот же сценарий: сначала входил в доверие к хозяину, а затем на исповеди или во время «тяжелой болезни» признавался, что он «царевич Московский». Сцена эта повторялась как минимум четырежды: в Киево-Печерском монастыре, в Остроге, в Гоще и в Брачине. Первый зритель «спектакля», печерский игумен, без церемоний указал Отрепьеву на дверь. То же чуть позже сделал князь Острожский. С учетом Чудова монастыря это был уже третий случай, когда православные отвергли домогательства Григория. Естественно, он решил попытать счастья в иной среде.

После беседы с Острожским «царевич» понял, что монашеская ряса и сомнительные спутники только мешают делу. А потому в арианскую «столицу» Гощу самозванец прибыл один и в мирском наряде. Местный магнат, Гаврила Хойский, до 1600 года исповедовал православие. Затем он увлекся проповедью ариан-антитринитариев и стал их ярым сторонником. Расстриге не составило труда сыграть перед паном Хойским роль бывшего единоверца, которому открылось «истинное знание». В Гоще Отрепьева ждал

первый успех. Ариане в финансовом отношении полностью зависели от щедрости Хойского. Под его влиянием они, естественно, признали «Дмитрия». Одна беда: никакого желания идти в поход, чтобы добыть «царевичу» трон, у Хойского не было. Тогда Отрепьев оставил гостеприимного пана и перебрался во владения Адама Вишневецкого. Здесь, в Брачине, самозванцу удалось добиться гораздо большего.

Князь Адам имел в Польше репутацию авантюриста, бражника и, что важнее, рьяного поборника православия. При этом он давно враждовал с Москвой и вел против Годунова свои частные войны, несмотря на межгосударственное перемирие. А еще эта княжеская семья состояла в родстве с династией Калиты (Дмитрий Вишневецкий доводился троюродным братом Ивану Грозному), что придавало особый вес их признанию Лжедмитрия. Вишневецкие были тесно связаны с Запорожской Сечью, где могли быстро набрать армию для вторжения в Россию. Имелись у князя Адама и контакты с Казы-Гиреем, возможным союзником в этой войне.

В Брачине самозванцу предоставили великолепное жилище, богатую одежду и свиту гайдуков. Вишневецкий оказывал ему всевозможные знаки внимания. Вскоре слухи о том, что в доме православного магната проживает «русский царевич», широко разлетелись по округе. Добрались они и до Москвы. Борис Годунов тут же потребовал выдать самозванца, но этим лишь усугубил ситуацию. Опасаясь, что русские войска могут напасть на Брачин и силой отбить «царевича», князь увез Отрепьева подальше от границы, в город Вишневец. Здесь Лжедмитрий познакомился с братом Адама, Константином Вишневецким. Позже к интриге присоединился тесть последнего, сандомирский воевода Юрий Мнишек, бывший по совместительству польским сенатором.

Вскоре о «царевиче» узнал и король Сигизмунд III. Естественно, он пожелал собственными глазами увидеть претендента на русский трон. Самозванец прибыл в Краков. Здесь, еще до встречи с королем, его посетил папский нунций Рангони, объяснивший «москвиту», что для успеха предприятия лучше перейти в католичество. Отрепьев, естественно, тут же поклялся это сделать. Тогда к числу

его сторонников присоединился кардинал Мациевский (глава польского духовенства и двоюродный брат Мнишека). Однако не все в Кракове поддержали интригу. Канцлер Ян Замоийский едко высмеял историю о «чудесном» спасении самозванца. Сенаторы, в большинстве своем, открыто называли Отрепьева обманщиком.

Сторонники интриги тоже видели нестыковки в рассказах «царевича». Но каждому из них задуманное предприятие сулило быстрое решение личных проблем. Особенно сильно в самозванце был заинтересован Сигизмунд. За время, прошедшее с разгрома последнего восстания, Запорожская Сечь усилилась и окрепла. В прилегающих районах не первый год шло глухое брожение, готовое превратиться в очередную «казацкую войну». Теперь же у короля появилась возможность собрать всех потенциальных бунтовщиков и сплавить их в соседнюю Россию. Сигизмунд понимал: упустить такой благоприятный шанс будет верхом глупости. Ведь он-то получает выгоду в любом случае. Победят эти смутьяны — ненавистную «Московию» накроет хаос, и можно будет «половить рыбку в мутной воде». А проиграют — тоже не беда! Чем больше мятежных голов сложат казаки на полях сражений, тем меньше беспокойства они доставят в будущем своему королю.

Договоренности между Сигизмундом III, Юрием Мнишеком и «царевичем» получили форму королевских «кондиций». В соответствии с ними Лжедмитрий обязался передать Польше Северскую землю, из которой шесть крупнейших городов получал король, а остальное доставалось Мнишеку. Кроме этого, сандомирский воевода приобретал Смоленск с половиной его округа и другие города, городки и земли. Вторая часть Смоленской земли доставалась Сигизмунду. Самозванец обязался разрешить постройку костелов, допустить в Москву иезуитов и способствовать распространению на Руси католичества. В «кондициях» была зафиксирована договоренность о женитьбе Лжедмитрия на подданной короля. Имя невесты не называлось, но здесь Мнишеки своего не упустили. По возвращении в Самбор пан Юрий сосватал самозванцу дочь Марину. Бракосочетание решили отложить до коронации. При этом Лжедмитрий согласился уступить будущей супруге в удел

Новгород и Псков со всеми уездами и пригородами, чтобы «она могла судить и рядить в них самовластно»*.

В религиозных вопросах Мнишеки поставили «царевичу» еще более жесткие условия, чем Сигизмунд III. Лжедмитрий поклялся им, что за год обратит в католичество все свое царство. Пан Юрий в ответ обязался собрать для будущего зятя армию добровольцев. Денег на это у воеводы не было, но с ними помог король. При его содействии Мнишек добился отсрочки по старым долгам и получил новые займы. После окончания похода все прошлые, текущие и будущие траты Мнишека обязался возместить Лжедмитрий. Всячески раздувая интригу, ее главный вдохновитель, Сигизмунд, старался сохранить видимость лояльного отношения к России. Во-первых, он издал указ о роспуске отрядов, нанятых Мнишеком для самозванца. Правда, сделано это было через полторы недели после того, как «войско» покинуло гостеприимный Львов. К тому же, по свидетельству папского нунция Рангони, королевский гонец получил инструкцию: не спешить с доставкой указа. Слуга оправдал доверие монарха. Отряды Мнишека продвигались к границе со средней скоростью две-три мили в сутки, но грозная грамота так и «не смогла их догнать».

Лжедмитрий рассчитывал, что по дороге к нему присоединятся обещавшие помощь магнаты. Однако ни Вишневецкий, ни Сапега, ни Ружинский, ни Струсь, ни Халецкий своих отрядов к самозванцу не привели. К тому же часть украинских дорог «царевичу» перекрыл киевский воевода Василий Острожский. Вряд ли его войска стремились задержать Лжедмитрия, как говорили потом в Москве королевские послы. Скорее, поляки желали убедиться, что идущие к самозванцу запорожцы и донцы повернут на Россию, а не устроят новую «казацкую войну» по рецептам 1591–1597 годов. В сентябре 1604 года армия «царевича» вышла к границе. На тот момент в ней было около 2500 человек: 580 гусар, 1420 казаков и примерно 500 пеших наемников. Здесь к войску присоединились

* *Заичкин И.А., Почкаев И.Н.* Русская история. Популярный очерк IX – середина XVIII в. М., 1992. С. 390.

2000 донцов и 1500 киевско-северских ополченцев Ратомского. На левом берегу Днепра Лжедмитрий разделил армию: один отряд пошел вверх по Десне, второй двинулся в сторону Белгорода. Агитация, которую два года вели в приграничных районах посланники «царевича», оказалась на удивление эффективной. 13 октября его войска вступили в пределы России, а уже 18-го числа один из отрядов без боя вошел в Моравск.

26 октября Лжедмитрия встретили хлебом-солью жители Чернигова. Однако затем продвижение затормозилось. Так получилось, что одновременно с Отрепьевым к Чернигову шли отряды стрельцов под командованием князя Трубецкого и Петра Басманова. Не дойдя до города 15 верст, воеводы получили весть, что Чернигов уже в руках самозванца. Тогда они вернулись в Новгород-Северский. Там тоже зрел заговор в пользу «царевича», но Басманов его обнаружил и расправился с мятежниками. Затем воеводы сожгли посад и с 500 стрельцами засели в крепости. Формально войсками руководил Трубецкой, но подлинной душой обороны стал энергичный и талантливый Басманов.

К стенам крепости самозванец подошел 11 ноября. На его предложение капитулировать воеводы ответили отказом. Штурм, предпринятый Лжедмитрием, закончился неудачей. Но весь остальной юго-запад России был настроен против Бориса. 18 ноября о поддержке самозванца заявил гарнизон Путивля. Затем Лжедмитрия признала Комарицкая волость. Перед отрядами «царевича» распахнули ворота Рыльск, Борисов, Курск и другие города. С каждым днем Басманову становилось все труднее удерживать в повиновении гарнизон. Воевода вынужден был заключить с Лжедмитрием перемирие. Басманов пообещал ему незамедлительно связаться с Москвой, а через две недели, если ничего не изменится, сдать город.

К этому времени из Брянска на выручку Басманову уже выступили царские войска. Армию вел глава Думы Федор Мстиславский. Он был влиятельным политиком, но бездарным воеводой. Полки возглавили князь Телятевский, Дмитрий Шуйский, Голицын и Салтыков. 21 декабря вблизи Новгорода-Северского войска Мстиславского встретились с отрядами самозванца. Бо-

евой состав царской армии по росписи составлял 25 336 человек. В общей сложности, с учетом боевых холопов и посошных людей при обозах, Р.Г. Скрынников (со ссылкой на данные Я. Маржарета) оценивает ее численность в 40–50 тысяч человек. Данные об армии самозванца у разных авторов колеблются в диапазоне от 15 до 38 тысяч человек. Даже если к истине ближе последняя величина, нужно учитывать, что в тылу у Лжедмитрия находилась Новгород-Северская крепость. Существенную часть сил «царевичу» пришлось оставить у ее стен, чтобы блокировать стрельцов Басманова. Получается, что у царских воевод было примерно полуторное превосходство в силах. Однако сражение началось для них неудачно. Польские гусары лихой атакой опрокинули полк правой руки и вышли в тыл большого полка. Мстиславский был сбит с коня и ранен в голову. Поляки подрубили его золотой стяг, укрепленный на нескольких возах вблизи ставки. Смелый порыв гусар никто из армии Лжедмитрия не поддержал. Как только к месту боя подоспели стрельцы, полякам пришлось ретироваться. Большинству удалось спастись бегством, остальные попали в плен.

Несмотря на потери в первой стычке, царские воеводы сохранили численный перевес. Ввод в бой свежих сил мог принести им победу. Однако ранение главнокомандующего внесло растерянность в русские ряды. Армия Годунова отошла к Стародубу. Наемники потребовали от Лжедмитрия платы за победу. Денег у самозванца не было, и 1 января 1605 года солдаты взбунтовались. Поляки разграбили обоз, сорвали с «царевича» соболью шубу, ругали и оскорбляли его. Свыше 800 человек покинули лагерь и вернулись на родину. В их числе был и Юрий Мнишек. По официальной версии, он отбыл для участия в сейме. Но, скорее всего, престарелый вельможа понял, что армию ждут тяжелые бои, и не захотел испытывать судьбу.

Однако большая часть наемников, от 1500 до двух тысяч человек, после некоторых колебаний осталась с «царевичем». Удержать их помогли проповедями и уговорами шедшие с войском иезуиты. Вскоре к поредевшим полкам Лжедмитрия присоединились свыше четырех тысяч запорожских и более 500 донских казаков. В целом

же от ухода Мнишека самозванец больше выиграл, чем проиграл. Вмешательство поляков в Смуту поневоле объединяло дворян, сплачивало их вокруг династии Годунова. А с усилением роли русского, православного элемента армия Лжедмитрия становилась для них «роднее», переставала казаться «вражеской».

Сняв осаду с Новгорода-Северского, полки «царевича» двинулись в глубь России. Вскоре они пришли к Севску, центру Комарицкой волости. Здесь армия самозванца пополнилась местными крестьянами и посадскими. По свидетельству Якова Маржарета, под Севском Лжедмитрий «набрал доброе число крестьян, которые приучились к оружию»*. Восставшие жители волости с удовольствием предоставляли ратникам «царевича» теплые квартиры, продовольствие и фураж. Тем временем царь Борис отозвал Петра Басманова в Москву, а оправившемуся от ран Мстиславскому прислал подкрепление под командованием Василия Шуйского. Еще одна царская рать под руководством Федора Шереметева направилась в район Кром, где действовал крупный отряд казаков и мятежных посадских под руководством донского атамана Карелы.

Соединившись вблизи Стародуба, войска Мстиславского и Шуйского двинулись в сторону Севска. По разным оценкам, у царских воевод было от 25 до 50 тысяч человек. 20 января они разбили лагерь в комарицком селе Добрыничи, неподалеку от Чемлыжского острожка, в котором находилась ставка Лжедмитрия. По поводу численности войск «царевича» историки расходятся в цифрах еще сильнее, давая диапазон от 15 до 45 тысяч человек. Это легко объяснимо: армию повстанцев всегда труднее сосчитать. Учитывая размер полученных Лжедмитрием подкреплений, верхняя цифра ближе к истине. Таким образом, получается, что силы сторон почти сравнялись. Самозванец рвался в бой, не помышляя об обороне. С наступлением ночи комарицкие мужики тайными тропами повели его ратников к Добрыничам. Восставшие собирались поджечь село с разных сторон, вызвать панику в царских полках и нанести

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 124.

удар в момент наибольшей неразберихи. Однако бдительная стража сорвала попытку внезапного нападения.

Ранним утром 21 января 1605 года армии сошлись на поле боя. Запорожская конница должна была наступать в центре позиции, сковывая боем главные силы русских. Пешие казаки прикрывали пушки, стоящие позади атакующих запорожцев. Главный удар наносили польские гусары гетмана Дворжецкого. Они собирались опрокинуть конницу Шуйского, стоящую на правом фланге, а затем зайти в тыл большого полка. Иными словами, «царевич» планировал повторить здесь сценарий, который принес ему победу в предыдущем сражении.

Гусары быстро смяли правый фланг русской армии. Отступая, ратники Шуйского увлекли Дворжецкого к окраине села, где находились позиции стрельцов и стояли артиллерийские батареи. К этому времени запорожцы еще только начали движение, и гусарам не от кого было получить помощь. 40 русских пушек и 12 тысяч ружей ударили одновременно, выкашивая ряды польской кавалерии. Оставшиеся в живых всадники обратились в паническое бегство. В клубах дыма гусары столкнулись с идущими в атаку запорожцами и расстроили их ряды. Ободренные успехом русские полки перешли в общее наступление. Повстанческая армия была разгромлена. В руки победителей попали 15 знамен и штандартов. Царские войска захватили всю артиллерию самозванца, по разным данным, от 13 до 30 пушек. Людские потери мятежников тоже были велики. По отчетам воевод, на поле боя они похоронили свыше 11,5 тысячи вражеских трупов. Не будет преувеличением сказать, что самозванец потерял при Добрыничах всю свою пехоту.

Отступившую кавалерию мятежников царские войска не преследовали. Все видели, как Лжедмитрий скакал в тех рядах гусар, что попали позже под убийственный ружейно-пушечный огонь. И потому Мстиславский посчитал самозванца погибшим, а восстание — подавленным. Но перемазанный кровью «царевич» на раненом коне доехал до Севска и смог собрать там остатки разбитых войск. Ночью Лжедмитрий бежал с ними в Рыльск, а затем перебрался в Путивль. После победы ратники Годунова отделили

пленных поляков и отправили их в Москву. Остальных — стрельцов, детей боярских, казаков и комаричей — по приказу Мстиславского повесили на месте. Затем царские войска карающим мечом прошли по восставшей Брянщине. Особенно сильно они зверствовали в Комарицкой волости. Крестьян из присягнувших самозванцу деревень казнили тысячами. Автор «Иного сказания» записал, что по приказу царя Бориса дворяне и служилые татары убивали «не токмо мужей, но и жен и безлобивых младенцев, сосущих млека, и поби от человека до скота»*.

После поражения под Добрыничами уцелевшие польские роты бежали за рубеж. Из армии, сформировавшейся под Львовом, с Лжедмитрием остались лишь несколько сот казаков и вездесущие отцы иезуиты. Польское вмешательство на время ослабло. Но мятеж на юге не затухал. По мере того как слухи о расправах над брянскими крестьянами расходились по стране, в народе крепла ненависть к Годунову, а стойкость повстанцев росла. Уход польских рот положил конец единодушию московских и провинциальных дворян, до того совместно сражавшихся против иноземного вторжения. Во внутренней войне у каждой группы была собственная политическая программа, имевшая мало общего с планами царского правительства.

Узнав, что самозванец бежал в Рыльск, армия Мстиславского осадила город. Но было уже поздно. Во-первых, за день до того Отрепьев перебрался в хорошо укрепленный Путивль. А во-вторых, даже Рыльск царские войска взять не смогли. У мятежного воеводы Долгорукова имелось всего несколько казачьих и стрелецких сотен, но он сумел привлечь к обороне все население города. Жители были наслышаны о зверствах в Комарицкой волости и сражались с мужеством отчаяния. Две недели армия Мстиславского вела стрельбу из орудий, пытаясь поджечь деревянные стены. Безуспешно. Зато очень эффективен был огонь рыльских пушкарей. Выстрелы с городских стен мешали придвинуть войска вплотную к крепости. Вскоре начали сказываться трудности снабжения. Встав лагерем у

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 128.

Рыльска, армия оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. Стронники Лжедмитрия удерживали на севере Кромь, на юге Путивль, на западе Чернигов. Их отряды отбивали обозы с воинскими припасами, препятствовали заготовке продовольствия и фуража.

Попытка штурма успехом не увенчалась. Тогда Мстиславский снял осаду и отступил к Севску. Однако стоило царским полкам отойти от Рыльска, как его жители произвели вылазку и разгромили оставленный в лагере арьергард. Известия об этом привели Годунова в ярость. Он направил в полки окольного Петра Шереметева и главного дьяка Власьева. Им было велено «...пенять и распрашивать, для чего от Рыльска отошли». Ссылки на усталость ратников царя не убедили. Борис не хотел даже слышать о роспуске войск до весны.

Ограниченные в своих действиях, с одной стороны, требованием начальства, с другой — ропотом утомленных войной дворян, воеводы приняли логичное в той обстановке решение. Они сосредоточили войска под стенами крепости Кромь. Восставший гарнизон во главе Григорием Акинфиевым еще осенью 1604 года превратил ее в передовой форпост армии самозванца. После предпринятой Акинфиевым попытки взять Орел Годунов направил против Кром войска Шереметева. Гарнизону Кром пришлось туго, и он запросил у «царевича» подмоги. Мольба о помощи не осталась без ответа. К концу декабря 1604 года в крепость прорвались около 500 донских казаков атамана Корелы.

Правительственные войска тоже получили подкрепление. В январе 1605 года к Шереметеву из Мценска подошел отряд воеводы Щербатого. Прибыла осадная артиллерия: две большие мортиры и пушка. В феврале под Кромами появился отряд стольника Бутурлина. Однако взять крепость все никак не получалось. И тогда царь направил к ней всю армию Мстиславского. Это решение, вопреки мнению большинства историков, не было ни случайным, ни глупым. К 4 марта 1605 года, когда войска Мстиславского стали лагерем у Кром, восстание охватило большинство городов и крепостей юга России. В начале марта в Путивль, где находился

самозванец, доставили пленных воевод из Оскола, Валук, Воронежа, Царева-Борисова и Белгорода. Вскоре на сторону восставших перешли гарнизоны крепостей Елец и Ливны. Таким образом, район Кром превратился для царской армии в удобный плацдарм, позволяющий одновременно угрожать войскам самозванца, расположенным на юге и юго-западе. Отсюда Мстиславский, в случае необходимости, мог одинаково успешно действовать на обоих оперативных направлениях. И в то же время хорошая дорога через Орел и Тулу надежно связывала царскую армию с Москвой, откуда она могла беспрепятственно получать снабжение.

Вскоре отряд князя Барятинского доставил из Карачева собранную там осадную артиллерию, и главное сражение кампании вступило в решающую фазу. Кромы были относительно небольшой крепостью с дубовыми стенами, выстроенными за десять лет до начала осады. Главным ее преимуществом было исключительно выгодное расположение на местности. Крепость стояла на вершине холма возле реки. Через окружающие болота и камыши к Кромам вела единственная узкая дорожка. По мере того как весна вступала в свои права, возможностей двигаться вне этой тропинки становилось все меньше. Первый штурм царские воеводы провели еще до прибытия тяжелой артиллерии. Ночью пехотинцы боярина Салтыкова подобрались к стенам города и подожгли их. Руководивший обороной Карела принужден был отвести казаков в острог. Царские ратники подступили к его стенам, но тут выяснилось, что весь посад простреливается из цитадели. Штурмующие несли огромные потери от меткого огня донцов. Чтобы спасти своих людей от истребления, Салтыкову пришлось отступить в лагерь.

Вскоре топи вокруг Кром стали непроходимыми. Понимая, что повторный штурм приведет к новым бессмысленным потерям, царские воеводы устроили батареи и стали бомбардировать Кромы, не жалея пороха. Вскоре в цитадели сгорело все, что могло гореть. На месте, где проходила стена, осталась лишь земляная осыпь. Но казаки углубили рвы и вырыли целые лабиринты окопов, траншей и лазов, через которые могли не только скрытно передвигаться по крепости, но и производить ночные вылазки. Свои

жилища — «норы земляные» — донцы устроили под внутренним обводом крепостного вала. Во время обстрелов они сидели там, а затем проворно бежали по траншеям в окопы, чтобы встретить атакующих градом пуль.

Эта тактика постепенно изматывала войска Мстиславского. Дисциплина в них падала. У осажденных тоже не все шло гладко. Потери были не так велики, как в царской армии, но гибель каждого бойца ощущалась тяжелее. Истекали запасы продовольствия и снаряжения. Вскоре атаман Карела отправил к Лжедмитрию гонца с сообщением, что, если не придут подкрепления, крепость придется сдать. Самозванец понимал значение Кром и потому направил на выручку к казакам все силы, которые смог собрать. Путивль в тот момент остался почти без воинов. Командовать идущим на прорыв отрядом «царевич» назначил сотника Юрия Беззубцева.

Лагерь Мстиславского раскинулся на широком болотистом пространстве. В нем недавно началась эпидемия дизентерии. Невзирая на запреты, дворяне покидали полки и уезжали лечиться. Чтобы компенсировать убыль в частях, власти направляли в район Кром подкрепления. Через заставы в обоих направлениях часто шли обозы и воинские команды. Так что казаки Беззубцева легко сошли за своих. Отряд из 500 свежих бойцов без единого выстрела провел в Кромы 100 возов с хлебом и воинскими припасами. Вскоре после этого боевые действия затихли. Атаман Карела, инициатор смелых предприятий, получил в одном из боев серьезное ранение, и осажденные на время прекратили вылазки. Со своей стороны царские воеводы больше не пытались штурмовать или обстреливать город. В военных действиях наступила пауза.

Укрепившись в южных пределах России и добившись к весне 1605 года равновесия на фронтах, Лжедмитрий стал активно подыскивать союзников за пределами страны, чтобы использовать их в борьбе против династии Годуновых. Так, узнав о том, что семитысячная армия Ивана Бутурлина была уничтожена на Северном Кавказе черкесами, татарами и турками, самозванец в апреле 1605 года отправил послов с дарами в Крым. Еще раньше

его гонцы уехали в Большую Ногайскую Орду. Всех степных кочевников «царевич» приглашал в совместный поход на Москву. Одновременно Лжедмитрий пытался расшевелить главного союзника — Речь Посполитую. Он послал к Сигизмунду III Сулеша Булгакова с письмом, в котором призывал короля принять под свое покровительство Северскую землю.

Однако на сейме, открывшемся в январе 1605 года, сенаторы высказались за сохранение перемирия с Россией. Польский канцлер Ян Замоиский осыпал сторонников Лжедмитрия язвительными насмешками: «...тот, кто выдает себя за сына царя Ивана, говорит, что вместо него погубили кого-то другого. Помилуй Бог, это комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятное ли дело, велеть кого-то убить, а потом не посмотреть, тот ли убит... Если так, то можно было подготовить для этого козла или барана»*. Таким образом, Сигизмунд III не мог оказать самозванцу прямую военную помощь. Однако благодаря покровительству короля эмиссары Лжедмитрия продолжали набирать наемников в его армию. С весны 1605 года вербовка шла под видом подготовки к свадьбе. Соглашавшиеся служить Лжедмитрию жолкнеры и гайдуки заносились секретарями в списки «приятелей», то есть дружек**, невесты.

А в это время царь Борис, прежде деятельный и энергичный, все чаще устранился от дел. Силы его стремительно угасали. Некогда Годунов снискал симпатии России, положив конец опрично-дворовой политике. Теперь, в обстановке гражданской войны, он вынужден был возродить репрессивный режим. В наиболее жестоких формах террор применялся в отношении сочувствующих Лжедмитрию низов. Но и прочим доставалось не слабо. С каждым днем все большее влияние приобретал глава Тайного совета Семен Никитич Годунов. Он руководил сыскным ведомством и слыл крайне жестоким человеком. Ходили слухи, будто Семен добивался от царя права казнить без суда, по одному лишь подозрению в измене, даже членов Думы.

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 144.

** Дружки — свадебный чин.

Под влиянием неудач и болезни Борис все чаще впадал в апатию. Сын его был слишком юн и неопытен, чтобы удержаться на троне. Советники казались чересчур лукавыми и вероломными. Многочисленные родственники, занимавшие ключевые посты в государстве, — глупыми и бездарными. В последние дни жизни царь часто обращался за помощью к предсказателям, колдунам и гадалкам. Похоже, он не был уверен в будущем и очень боялся за судьбу династии...

Глава 15

СМЕРТЬ ЦАРЯ БОРИСА. КРУШЕНИЕ ДИНАСТИИ ГОДУНОВЫХ

13 апреля 1605 года царь почувствовал себя плохо — после обеда у него пошла носом кровь, а вскоре за этим отнялся язык. Вызванные во дворец медики уже не застали Годунова в живых. Сразу возникло много разных версий. Одни шептались, что царя отравили, другие — что он покончил с собой, приняв яд. Но вероятнее всего, ближе к истине лежит версия Н.М. Карамзина, считавшего, что «удар, а не яд прекратил бурные дни Борисовы, к истинной скорби отечества»*. Апоплексическим ударом в карамзинские времена называли инсульт, клиническая картина которого хорошо видна из описания внезапной болезни Бориса. Что же касается второй части цитаты, где Россия жалеет о смерти царя — я в этом совсем не уверен.

В стране все хорошо помнили, что семь лет назад Годунов не захотел проводить честные выборы, а буквально «вымучил» у Собора царский венец. Люди XVI—XVII веков были очень суеверны. Страшный голод 1601—1603 годов, поразивший их в мирное время, многие считали карой небес. И связывали это «божье наказание» с тем, что государством правит узурпатор, а не «природный само-

* Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. III. Т. XI. С. 105.

держец». К концу царствования у Бориса Годунова было много недоброжелателей. Сначала бунты и разбои, а затем и появление самозванца привели к тому, что в 1603—1605 годах размах репрессий превысил все мыслимые пределы. В последние годы жизни Иван Грозный законодательно запретил холопские доносы на господ. Борис закончил царствование тем, что стал жаловать наушников поместьями. О широком распространении этой практики говорит тот факт, что пришедший за ним Лжедмитрий вынужден был издать особый указ о конфискации земель, розданных доносчикам при Годунове.

Некоторые современники видели в холопских клязах главный источник наступившей вскоре Смуты. Вряд ли это справедливо. Основной причиной был глубокий кризис, охвативший русское дворянство и общество в целом. А рост наушничества стал лишь одним из индикаторов неблагополучия. Пересуды о бессилии правительства, сплетни о злодейских отравлениях и тайных казнях врагов Бориса, слухи о чудесном спасении «царевича Дмитрия» распространялись по стране подобно поветрию. Затем, когда самозванец вторгся в пределы России, их дополнила агитация в пользу «добротого царя». Многие вспомнили, что Годунова избрали с множеством нарушений, что он фактически узурпировал власть.

Царю Борису нечего было ответить. Попытки контрпропаганды проваливались одна за другой. На какое-то время помогли обнаруженные признания тех, кто знал истинную историю самозванца, его настоящее имя и биографию. Однако Лжедмитрий быстро придумал, как нейтрализовать эту информацию. 26 февраля 1605 года в его лагерь привели «схваченного верными слугами» Лжерасстригу и продемонстрировали народу. Людям был предъявлен мужчина лет тридцати пяти—тридцати восьми, признавший, что он и есть настоящий Юшка Отрепьев, известный на Москве чародей. Чтобы пресечь возможность разоблачения, Лжедмитрий «возмутился» и упрятал «вора» в тюрьму. Молва об этом разнеслась по стране со скоростью молнии, заставив замолчать официальную пропаганду. Никого уже не интересовало, что в год рождения Лжегришки его «отцу» Богдану Отрепьеву было не более восьми лет. В борьбе за

Великий князь Василий III.
Из книги С. Герберштейна
«Записки о Московии»

Князь Д.В. Щеня. Фигура
с памятника «Тысячелетие
России» в Великом Новгороде

Русская поместная
конница. Гравюра из
книги С. Герберштейна
«Записки о Московии»

Боярские распри. Детство Ивана IV Грозного.
Неизвестный художник

Алексей Адашев и священник Сильвестр. Неизвестный художник

Памятник И. Воротынскому в поселке Воротынец

Грозный
в Александровской
слободе. Художник
К.В. Лебедев

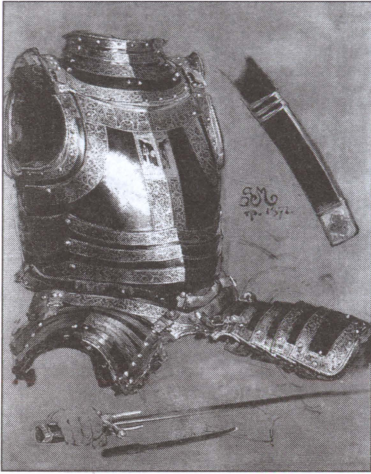
Памятный камень на месте
битвы при Молодях

Осада войсками Ивана Грозного ливонского города
во время Ливонской войны. Художник Ф.А. Модоров

Русские войска атакуют Полоцк.
Немецкая гравюра XVI в.

Доспехи Стефана Батория.
Художник Я. Матейко

Доспех польского шляхтича
XVI–XVII в.

Осада Пскова польским королем Стефаном Баторием.
Художник К.П. Брюллов

В Смутное время. Художник С.В. Иванов

**Патриарх Гермоген отказывается подписать грамоту.
Художник П.П. Чистяков**

**Боярин Борис
Годунов и кудесники,
представляющие
ему царствование.
Художник А.Д. Кившенко**

Смерть Бориса Годунова. Художник К.В. Лебедев

Свадьба Марии Мнишек и Лжедмитрия 18 мая 1606 г.
Гравюра XVII в.

Инокиня Марфа и князь Шуйский подтверждают кончину
царевича Дмитрия. Гравюра XIX в.

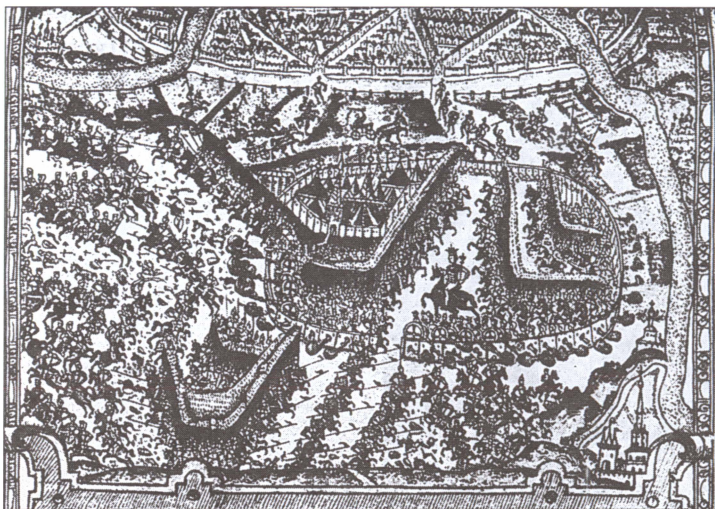
Лжедмитрий I.
Из книги «Истинные портреты
московских царей»

Лжедмитрий II. Польская
гравюра XVII в.

Марина Мнишек. Художник Ф. Снядецкий

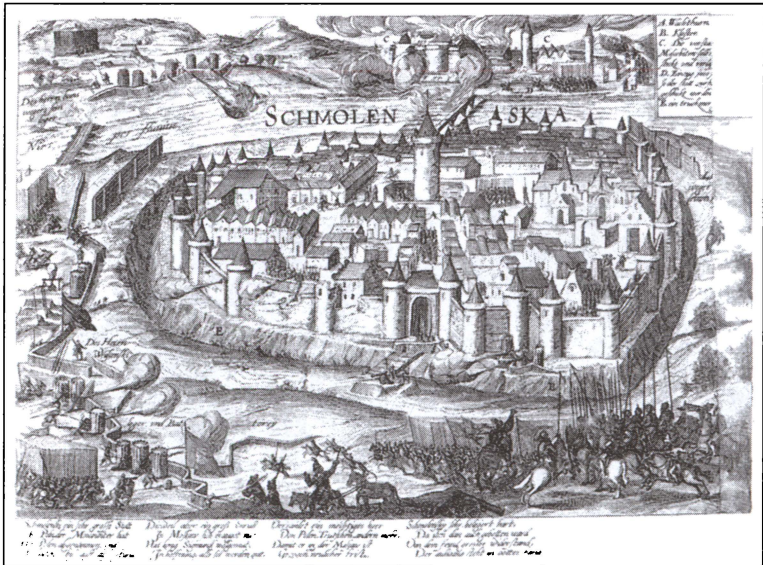
Бой войск В. Шуйского с ополчением П. Болотникова.
Деталь плана Москвы. Художник И. Масса

Болотников является с повинной перед
Василием Шуйским. Гравюра XIX в.

Воевода М. Б. Шеин, защитник
Смоленска в 1611 году.
Гравюра XIX в.

Осада Смоленска в 1609—1611 гг. Гравюра XVII в.

М.В. Скопин-Шуйский.
Парсуна XVII в.

Князь М.В.Скопин-Шуйский умирает на пиру. Гравюра XIX в.

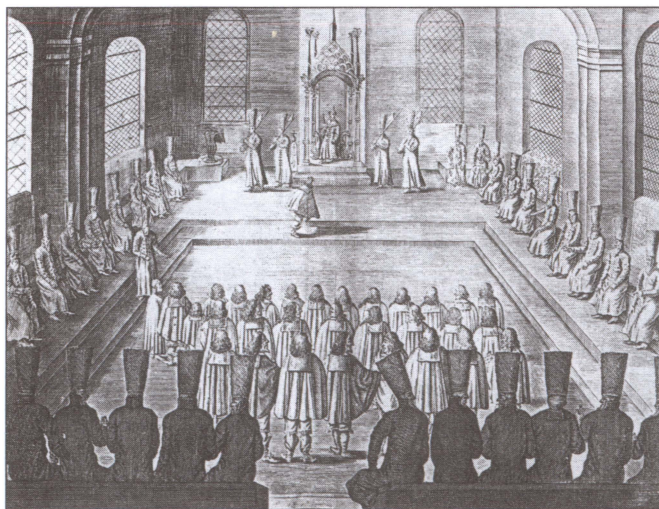

Минин и Пожарский. Художник М.И. Скотти

Изгнание поляков из Кремля. Художник Э. Лисснер

Филарет Романов.
Из «Титулярника». 1672 г.

Прием русским царем иностранного посольства в Москве.
Из книги Адама Олеария «Путешествие в Московию». 1656 г.

Царь Михаил Федорович Романов.
Из «Титулярника». 1672 г.

Благословение царя матерью инокиней Марфою.
Из «Книги бракосочетания царя Михаила Федоровича
с девицею Евдокиєю Лукьяновною Стрешневой»

умы и чувства людей самозванец одержал победу над царем. Тот ответил усилением террора.

Взбунтовавшиеся холопы, посадские люди и крестьяне не могли рассчитывать на снисхождение. Дворян и детей боярских, целовавших крест Лжедмитрию под угрозой смерти, Годунов тоже не миловал. Жестокими казнями он старался оградить себя от растающего мятежа. В царствование Бориса власть держала в тайне все, происходящее на Пыточном дворе. Политика умолчаний привела к тому, что по стране ползли жуткие слухи о жестокости Годуновых. Многие были уверены: в Москве и шагу не ступишь без того, чтобы за тобой ни присматривали два-три соглядатая. Говорили, что царские слуги хватают любого, кто хотя бы упоминает имя Дмитрия, и предают его ужасной смерти. Якобы в сыском ведомстве Степаном Годуновым и его людьми «тайно множество людей были подвергнуты пытке, отправлены в ссылку, отравлены в дороге и бесконечное число утоплены»*.

В последние годы жизни царь Борис практически не расставался с сыном, «при каждом случае хотел иметь его у себя перед глазами и крайне неохотно отказывался от его присутствия»**. Придворные из числа ученых иноземцев пытались убедить Годунова, что царевичу надо предоставить некоторую свободу в занятиях. Однако монарх отклонял эти советы. В результате к моменту смерти Бориса шестнадцатилетний Федор был совершенно несамостоятелен. Понимая это, отец решил окружить его верными и знающими советниками. Осталось определиться, кого выбрать на эти роли. К концу царствования Бориса в среде московской знати было пять основных боярских кланов. Небольшую, но очень богатую группировку составило поднявшееся за последние двадцать лет семейство Годуновых. Однако царские родственники талантами не блистали. Они годились лишь на то, чтобы обеспечить наследнику большинство в Думе. Рассчитывать на верность двух наиболее влиятельных кланов — Рюриковичей и Гедиминовичей — Борис

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 154.

** Там же. С. 156.

представлялось верхом легкомыслия. Суздальская и литовская знать считала Годуновых выскочками, недостойными того, чтобы даже думать о престоле. С представителями четвертой группы — старомосковским служилым боярством — царь Борис поссорился, когда под надуманным предлогом расправился с их лидерами, Романовыми.

Таким образом, оставались лишь бывшие опричники. Этот вариант казался Борису удачным. Он сам вышел из их среды и прекрасно понимал, что выдвиженцев Грозного ненавидят все прочие слои боярства. В последние недели Годунов приблизил к трону Петра Басманова, сделав его основным советником наследника Федора. Царь надеялся, что этот опричный выскочка будет до последнего биться с врагами династии. Ведь при любом другом правителе он в лучшем случае лишится власти. Одного не предусмотрел Борис — того, что в борьбе за престол самозванец тоже может сделать ставку на опричников. Впрочем, первые дни правления Федора Годунова прошли гладко. Еще при жизни Борис назначил сына соправителем и обдумал процедуру его восшествия на трон. Сразу после смерти царя патриарх Иов начал действовать по этому плану. Он сообщил москвичам, что Борис, умирая, завещал престол сыну. Затем Освященный собор благословил наследника, а члены Думы, дворяне, дети боярские, приказные чины и выборные от посада принесли присягу на верность Федору Борисовичу.

Но уже в тексте клятвы внимательный человек мог разглядеть все признаки надвигающегося краха. Принимая присягу, подданные обязались «к вору, который называется князем Дмитрием Углицким, не приставать и с ним и его советниками ни с кем ни ссылатися ни на какое лихо и не изменить и не отъехать...»*. Откуда появился этот беспомощный лепет, в общем-то понятно... Совсем недавно «царевич» поймал трех чудовских монахов, посланных Годуновым разоблачить расстригу, а если повезет — организовать его убийство. Вместо того чтобы казнить шпионов, Лжедмитрий перевербовал их. По приказу самозванца монахи отправили из Путивля письмо

* *Скрынников Р.Г. Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 160.*

царю Борису и патриарху Иову, в котором сообщали, что «Дмитрий есть настоящий наследник и московский князь и поэтому Борис пусть перестанет восставать против правды и справедливости»*.

Их грамота пришла в Москву сразу после известий о появлении в Путивле Лжерасстриги, и власти на какое-то время растерялись. По иронии судьбы именно в этот день дьяки составляли текст присяги. После проклятий, которыми они несколько месяцев осыпали «расстригу, еретика и безбожника Гришку Отрепьева», слова о «князе Дмитрие Углицком» прозвучали как официальное признание его прав на российский престол. Еще одну ошибку правительство совершило, когда положило на симпатии москвичей, в прежние времена поддержавших Годунова. Царь Борис отправил в действующую армию всех, кто был предан династии: стольников, жильцов (дворцовую охрану), царских конюхов, псарей. И в нужный момент в Москве не оказалось воинской силы, способной удержать ситуацию под контролем. Если бы самые первые волнения удалось погасить без губительных для режима уступок, все могло еще кончиться хорошо.

Следуя традиции, вступивший на трон Федор объявил поданным об амнистии. Однако, вопреки обычаям, он простил не всех преступников. Поскольку Смута была в разгаре, царская милость обошла политических противников Годуновых. Столичному люду не понравилось нарушение традиций. У стен Кремля стали собираться толпы, выкрикивающие имена знатных бояр, бывших в немилости при Борисе. Властям пришлось уступить. Они вернули Бельского, отбывавшего ссылку в деревне, сняли опалу с удельного князя Воротынского, простили многих других знатных врагов династии. С этого момента правительство попало в положение непрерывного цугцванга**, когда каждое его действие было вынужденным и, при всей кажущейся логичности, лишь ухудшало ситуацию.

* Скрынников Р.Г. Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 150.

** Цугцванг — положение в шашках или шахматах, при котором любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции.

Для того чтобы прекратить в Москве беспорядки, из армии срочно отозвали лидеров Думы. Вернувшись в столицу, Мстиславский и братья Шуйские стали горячо агитировать за юного Годунова, невзирая на собственные разногласия с его родней и правительством. Когда толпа в очередной раз заполнила площадь перед Кремлевским дворцом, на крыльцо вышел князь Василий Шуйский. Он убеждал народ, что требуемые перемены приведут лишь к распаду царства и ниспровержению православия. Боярин дал самые страшные клятвы, что царевича Дмитрия давно уже нет на свете, что он — Шуйский — своими руками положил младенца в гроб в Угличе, а засевший в Путивле «вор» — беглый монах, еретик и расстрига Гришка Отрепьев, подученный дьяволом и посланный в наказание за грехи...

Волнения в столице начали затухать. Бояре усилили заставы на дорогах и приказали стражникам: вешать гонцов «вора» без промедления. Царь Федор в свою очередь раздал огромные суммы на помин души умершего Бориса. Щедрая милостыня помогла успокоить народ. Однако агитаторы самозванца продолжали проникать в город. Их «преlestные» листы расходились по улицам, площадям и кварталам, вызывая новые волнения среди москвичей. А между тем под Кромь прибыли воеводы, призванные заменить отозванных в Москву вождей Думы. Новым главнокомандующим стал Михаил Петрович Катырев-Ростовский, его помощником — боярин Петр Федорович Басманов. Князь Катырев не блистал талантами, он получил пост по местническим соображениям. Басманов — благодаря той роли, которую сыграл в обороне Новгорода-Северского. Сразу после снятия блокады города царь пожаловал воеводе боярский чин, земли, две тысячи рублей и множество подарков. Именно Басманову Борис планировал поручить борьбу с мятежниками. На него же в первую очередь рассчитывал и юный Федор.

Однако у главы сыскного ведомства Семена Годунова были свои планы. Он покровительствовал другому опричному выдвиженцу, князю Андрею Телятевскому, который ранее выполнял при Федоре Мстиславском ту же роль «ока государева», что отводилась теперь Басманову. Сразу после отъезда Катырева в армию Семен

Годунов провел через Разрядный приказ назначение Телятевского главным воеводой сторожевого полка, что давало тому большие местнические преимущества перед Басмановым. Вмешательство главы сыска вызвало неразбериху в полках. Получилось так, что вновь назначенный командующий привез под Кромы утвержденную царем роспись, а через три дня в лагерь прибыл гонец с новым Разрядом, не согласованным ни с Катыревым, ни с Басмановым. Если бы рукой Семена Годунова водил сам Лжедмитрий, он не смог бы придумать ничего лучшего. Прибывшая с гонцом роспись не только поставила под сомнение полномочия Катырева, но и перессорила именно тех воевод, на которых юный царь мог опереться в борьбе с мятежниками.

Руководство армии погрузилось в омут безобразной местнической склоки. Воевода полка левой руки Сабуров отказался подчиниться новому Разряду и отослал Катыреву полковые списки «для того, не хотечи быти менши князя Ондreja Телятевского»*. Его тут же поддержал Петр Басманов, заявивший, что Семен Годунов «выдал его в “холопи” своему зятю Андрею Телятевскому, но он, Басманов, предпочитает смерть такому позору»**. У князя Телятевского тоже нашлись «местнические» союзники: второй воевода полка правой руки Кашин-Оболенский «бил челом на Петра Басманова в отечестве, и на съезд не ездил, и списков не взял»***. А в полках тем временем зрел заговор в пользу самозванца...

Душою интриги стали братья Голицыны. Свое происхождение они вели от великих князей Литовских. Глава заговора, князь Василий Голицын, считал себя знатнее руководившего Думой Мстиславского, потомка младшей ветви литовской династии. Однако местническое положение рода к концу XVI века не соответствовало его высоким амбициям. Попытки Голицыных тягаться с Трубецкими и Шуйскими неизменно заканчивались неудачей. Неудивительно, что в критический момент это «обиженное местами

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 165.

** *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 2002. С. 395.

*** *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 165.

семейство» первым из бояр оставило лагерь Годуновых. Большую помощь Голицыным оказали Прокопий Ляпунов и его многочисленная родня. Братьев Ляпуновых всегда отличали смелость, решительность, неукротимый нрав и неизменная склонность к авантюрам. Их отношения с Годуновыми были далеки от идиллии. Сразу после смерти Грозного Ляпуновы участвовали в организации московских беспорядков, едва не закончившихся смертью Бориса. А за год до войны с самозванцем царь велел выпороть Захара Ляпунова кнутом за посылку на Дон заповедных товаров.

Связь с лагерем самозванца заговорщики поддерживали через Артемия Измайлова, друга и родственника Прокопия Ляпунова. Измайлов был захвачен казаками Лжедмитрия во время восстания в одном из южных городов. За считанные дни самозванец превратил Артемия из пленника в дворецкого, думного дворянина, своего ближайшего советника. И было за что! Измайлов в кратчайшие сроки навел мосты между лагерем самозванца и теми силами в царской армии, которые согласились подумать над заманчивыми предложениями «царевича». По сообщениям Петра Арсудия*, заговорщики согласились помочь «истинному Дмитрию» получить престол, но потребовали от него гарантий сохранения православной веры. Кроме этого, «Дмитрий» обещал не жаловать высшие чины чужеземцам и не назначать их в Думу. Зато он мог принимать иностранцев на службу ко двору, им позволялось заводить собственность в России (в том числе приобретать землю). Поступившие на службу к государю иноверцы получали право построить на русской земле костелы. Во всем остальном традиции оставались нерушимы. Самодержавие сохранялось в полном объеме: «сын» должен был получить те же права, что имелись у его «отца», Ивана IV.

К началу мая положение в лагере под Кромами стало критическим. Когда Петр Басманов прибыл в армию, он был готов верой и правдой служить Федору Годунову. Надо отдать боярину должное:

* Петр Арсудий был в Польше доверенным лицом Ватикана по делам Восточной церкви, с помощью виленского епископа Войны он организовал в ставке самозванца полномасштабную шпионскую сеть.

в отличие от прочих воевод он даже в пылу местнических споров не забывал о своих обязанностях. Каждый день Басманов рассылал «по всему лагерю людей, которые подслушивали, что там говорили, и доносили обо всем ему»*. Естественно, вскоре воевода узнал о заговоре, а затем вышел и на главных зачинщиков — Голицыных. И тут перед ним встал вопрос: а стоит ли хранить верность юному царю? Судя по привезенной гонцом росписи, верх во дворце одержали недоброжелатели Басманова: вдова-царица Мария (урожденная Скуратова) и руководитель сысского ведомства Семен Годунов.

Помогая им сохранить власть над армией, Петр Басманов должен был пролить реки крови. Причем далеко не чужой! Голицыны доводились ему братьями по матери. Как знатная родня, имеющая большие связи, они в тяжелые времена помогали Петру Басманову с карьерой. В то время как отец царицы-вдовы, печально знаменитый Малюта Скуратов, был главным виновником гибели отца и деда воеводы — Алексея и Федора Басмановых. Примкнув к заговорщикам, молодой боярин получал возможность поквитаться с потомками своего кровного врага, Скуратова-Бельского: его дочерью Марией и царственным внуком Федором. Голицыны, со своей стороны, не жалели сил, чтобы втянуть Басманова в заговор. Получив предложение от родственников, тот колебался недолго. А перейдя на сторону самозванца, быстро привел дело к решительной развязке.

Под Кромами дворяне открыто осуждали приказ царя, запретившего распустить ратников на отдых. Они не понимали, зачем нужно держать 50-тысячную армию под стенами крохотной крепости, для осады которой хватило бы вдесятеро меньшего отряда. Многие опасались, что без хозяйского догляда дела дома придут в расстройство. С наступлением весны бегство из армии усилилось. Смерть Бориса стала удобным предлогом для отъезда помещиков «на царское погребение». В то время как дворянские ряды таяли, число «даточных» мужиков росло. Под Кромы прибыл огромный

* *Скрынников Р.Г. Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 169.*

орудийный парк, были завезены большие запасы пороха и ядер. Лагерь оказался наводнен «посошными людьми», занятыми перевозкой пушек, подвозом и подносом боеприпасов. Кроме того, «даточных» требовалось кормить. Рядом с воинским станом появилось торжище, на которое местные крестьяне каждый день везли продукты питания. Вместе с продавцами на торг проникали лазутчики из Путивля с «воровскими» листами. И чем сермяжнее и лапотнее становился лагерь под Кромами, тем успешнее в нем шла агитация в пользу «истинного царя Дмитрия».

В начале мая к мятежу все было готово, и самозванец со своей армией выступил из Путивля. С ним шли не более 800 польских наемников под руководством Ратомского и около 9000 русских повстанцев. Перед основной армией двигался авангард Яна Запорского в составе 300 «ляхов» и примерно двух тысяч «московитян». Засланные в Кромы «шпики» Лжедмитрия сообщили царским воеводам, что с «царевичем» идут 20 тысяч копейщиков и 20 тысяч казаков с тремя сотнями пушек. В первых числах мая Запорский разбил под Кромами сторожевой отряд татар и взял 150 пленных. Известие об этой стычке стало сигналом к началу восстания. Утром 7 мая 1605 года ратники Прокопия Ляпунова напали с тыла на отряд, защищавший наплавной мост в Кромы. Одновременно с другой стороны его атаковали казаки Карелы. Как только они прорвались в лагерь, мятежники во всех полках стали провозглашать здравицы «государю Дмитрию». Эти крики тут же подхватили «посоха», «даточные» и часть стрельцов. Чтобы усилить неразбериху, заговорщики подожгли в нескольких местах лагерные постройки. Многие ратники отказались поддержать мятеж, но они были разобщены, дезориентированы и не знали, что делать.

Мощной силой в руках командующего могли стать артиллерийский корпус Сукина и сторожевой полк Телятевского, в полном составе сохранившие верность Годуновым. Тысяча немцев-наемников под командованием капитана Вальтера фон Розенау, входящая в состав большого полка, вначале тоже поддержала Катырева. И только позже Басманову удалось перетянуть их на сторону

мятежников. В полку правой руки, которым командовал Василий Голицын, врагов у самозванца оказалось так много, что глава заговорщиков велел слугам связать его, чтобы потом оправдаться перед царем Федором. Однако другие лидеры мятежа действовали смело и энергично. Как только появился очаг организованного сопротивления, ратники Карелы «напали на тех воинских людей, у которых была артиллерия и которые размещались по левую сторону от крепости»*. По совету заговорщиков казаки не использовали оружие, а били верных Годуновым дворян нагайками. Воевода Михаил Салтыков попал в плен к мятежникам. Катырев, Телятевский, Морозов, Кашин и Сукин бежали из лагеря. Три дня шли через Москву деморализованные ратники. Они отказались поддержать мятеж, но и воевать за Годуновых больше не хотели.

Руководители заговора постарались закрепить успех. Сначала они убедили Михаила Салтыкова присоединиться к мятежу. Затем Голицыны выехали к Шереметеву, возглавлявшему отряд, стоящий в Орле, и к князю Куракину, служившему воеводой в Туле. Оба города вскоре перешли на сторону Лжедмитрия. Таким образом, вожди переворота не спешили на поклон к самозванцу. Располагая многотысячной армией, Голицыны и Ляпуновы считали себя хозяевами положения. Фигуру Лжедмитрия они рассматривали как промежуточную, нужную лишь для того, чтобы свергнуть ненавистных Годуновых. Однако Отрепьев не зря держал при себе иезуитов. Примитивные боярские хитрости они видели насквозь.

Пять ненастных месяцев простояла армия в степях и болотах. Бесплезные осады крепостей — сначала Рыльска, а затем и Кром — надоели ратникам хуже горькой редьки. Дворяне, стрельцы и пошнные люди ни о чем, кроме отдыха, не хотели думать. Бежавшие из-под Кром дворяне замосковских городов прошли через столицу, не останавливаясь. Их не смогли удержать ни уговоры бояр, ни приказы воевод. Такое же настроение царило и среди оставшихся в лагере мятежников. От «Дмитрия» они ждали милости: отпуска по домам. Это отвечало интересам самозванца. Вскоре из Путивля

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 178.

под Кромы прибыл князь Лыков, который вначале привел полки к присяге, а затем объявил милостивый указ «государя»: отпустить на отдых всех дворян и детей боярских, у кого имеются земли «по эту сторону от Москвы». Иными словами, самозванец отправил по поместьям ратников из заокских городов — Рязани, Тулы, Алексина, Каширы и прочих, — которые были главной опорой заговорщиков. Одновременно он отпустил по домам большую часть стрельцов. В скором будущем многие из них примут участие в мятежах, помогая «доставить царство милостивому государю».

Таким образом, самозванец переиграл мятежных бояр. Но и после этого он не терял бдительности. К Москве «Дмитрий» двигался в окружении польских наемников, ночью останавливался отдельным станом не менее чем за полмили от ближайших соотечественников и выставлял караулы по 100 человек и больше. Вскоре все русские отряды его армии получили свои отдельные задачи и шли собственными маршрутами. С «царевичем» осталась лишь тысяча конных поляков и столько же донских казаков. Конечно, государь не может обходиться без свиты, а потому рядом с ним ехали «воровские аристократы»: «окольниковичий» Туренин, «бояре» Татев, Мосальский и Лыков, а также «думные дворяне» Измайлов и Микулин. Под Кромами к ним присоединились перебежчики: Петр Басманов и Михаил Салтыков. В районе Орла свиту пополнили воевода Федор Шереметев и склонивший его на сторону самозванца боярин Василий Голицын.

В трудах историков часто можно встретить утверждения, что после двух-трех первых недель влияние польского элемента на русскую Смуту сошло на нет. Мол, иностранцы помогли Лжедмитрию I лишь проникнуть в страну. А дальше малочисленные наемники растворились в море русских сил. Потому, мол, и ушел Мнишек, что не видел толку от своего участия в событиях. Однако ход двух первых битв Лжедмитрия показывает, что итог в них предопределили действия поляков: лихая атака гусар добыла «царевичу» победу у Новгорода-Северского, а неудача иноземной конницы под Добрыничами привела к разгрому армии самозванца.

После ухода Мнишека и его жолкнеров уменьшилась лишь видимость польского влияния, поскольку главным агентом Сигизмунда III изначально был не сандомирский воевода, а сам Лжедмитрий I. Главные советники «царевича», иезуиты, быстро заметили, как болезненно русские реагируют на польских соратников самозванца. После этого жолкнеров в ударных отрядах сменили столь же верные, но не раздражающие патриотов казаки. Зато иноземцы сохранили функции «государевых охранников» и тайных советников. Опора на донцов стала вынужденным, но оптимальным в тех условиях решением. Стойкость войск, перешедших под Кромами на сторону самозванца, оставляла желать лучшего. А казаки были храбры, инициативны, хорошо ориентировались в быстро меняющейся обстановке, могли самостоятельно определять круг главных задач и перестраивать оперативные планы на ходу. Наиболее ярко эти черты донцов проявились в важнейшем сражении 1605 года — битве за Москву.

Если верить летописям и рассказам очевидцев, столица перешла в руки самозванца сама собой. Просто в одно прекрасное летнее утро, 1 июня, в город въехали два «царевичевых» гонца, Гаврила Пушкин и Наум Плещеев. Они собрали на площади народ и огласили грамоту Лжедмитрия, после чего толпа пала ниц и признала самозванца своим царем. Правда, в этом случае непонятно: как двум дворянам удалось добраться до площади? Ведь Москва находилась на военном положении: у застав дежурили усиленные караулы, на крепостных стенах стояли пушки, улицы патрулировали конные отряды дворян. Предыдущие гонцы Лжедмитрия неизменно попадали в тюрьму или на виселицу. Но нестыковки исчезают, если вспомнить, что Пушкин с Плещеевым въехали в столицу не с юга, а с северо-востока. Они двигались по ярославской дороге, которую днем ранее, 31 мая, перекрыл посланный Лжедмитрием отряд атамана Карелы*. Включив в расчет донцов, легко объяснить, почему жители Красного Села, не желавшие слушать прежних послов самозванца, вдруг так прониклись речами Пушкина и Плещеева,

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 186.

что пошли с ними в столицу. Слова гонца звучат куда убедительнее, если за его спиной стоят сотни вооруженных ратников.

Надо сказать, что сторожевая служба Москвы оперативно отреагировала на угрозу. К тому времени, как закончилась сходка в Красном Селе, столичные власти уже знали, что «мужики изменили и хотяху быти в городе»*. На подавление бунта отправился отряд дворян. Однако вскоре они «испужався, назад воротитася». Трудно поверить, что закаленных воинов прогнали вооруженные вилами селяне. Однако если допустить, что дворян встретило войско Карелы, силу и мужество которого они уже оценили в прежних боях, отступление царских войск вполне объяснимо. Похоже, в Москве Карела применил ту же тактику, что и в лагере под Кромами. Там, наступая «на плечах» противника, донцы разогнали верных царю дворян нагайками. Вот и в столицу казаки вошли, прикрываясь красносельскими мужиками, а позже — сторонниками из числа москвичей. Донцы доставили послов самозванца на Красную площадь, разогнав стражу у крепостных ворот и опрокинув выставленные на улицах дворянские заслоны.

Столь же умно действовал Карела и дальше. Обеспечив безопасность послам Лжедмитрия, атаман отправил часть казаков для нападения на тюрьмы и остроги. Таким образом, сразу после эмоциональной речи Пушкина, обличавшего кровавые преступления Годуновых, на Красной площади появились жертвы этих зверств — сотни освобожденных узников. Их измученный вид подействовал подобно факелу, брошенному в пороховой погреб. Москвичи взбунтовались, захватили Кремль, разорили и разграбили дворы Годуновых. Царевич Федор и вдова-царица Мария были низложены и взяты под стражу. Через два дня, когда ситуация в столице немного успокоилась, Дума направила послов к самозванцу.

В это время армия Лжедмитрия безуспешно пыталась пробиться к Серпухову. Верные Годуновым войска, ядро которых составляли несколько тысяч дворовых стрельцов, успешно обороняли переправы через Оку. 28 мая 1605 года они отбили очередную атаку

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 187.

ратников самозванца. Однако московское восстание уже убедило бояр, что время их противостояния с «вором, именующим себя Дмитрием Угличским», закончилось. Наступила пора договариваться с новым царем.

ГЛАВА 16

САМОЗВАНЕЦ НА РУССКОМ ТРОНЕ. СВАДЬБА И СМЕРТЬ ЛЖЕДМИТРИЯ I

В ставку самозванца отправилось посольство во главе с боярином Воротынским, недавно вернувшимся из ссылки. Руководители Думы Федор Мстиславский и братья Шуйские решили пока не искушать судьбу... Зато в состав делегации включили Андрея Телятевского, явного недруга Лжедмитрия. Кроме того, к миссии добровольно присоединились Сабуровы и Вельяминовы*, желающие вымолить прощение у «природного царя». Родню Годуновых к самозванцу не пропустили. Петр Басманов арестовал их и отправил в тюрьму. По дороге казаки ограбили несчастных. После жестоких избиений попал в застенок и князь Телятевский. Доверие и милость самозванца Басманов приобретал тем же способом, что при Годуновых. Он повсюду выискивал «измену» и беспощадно карал «царевых крамольников».

Прибывшего в Тулу Воротынского Лжедмитрий принял невежливо: приложиться к «царской руке» первыми допустили послов с Дона, а московскую делегацию заставили ждать. Проходя мимо, казаки ругали и позорили бояр. Самозванец разговаривал с донцами ласково, а с подошедшими следом боярами — «наказываше и ляшше, яко же прямой царский сын»**. Но думцы были опытными политиками и умели за словами видеть действия. Во-первых, Воротынский вернулся из Тулы живым. А во-вторых, он привез сообщение, что

* Вельяминовы — семьи, родственные Годуновым.

** *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 198.

«царевич» движется к Серпухову и вызывает туда московских бояр. Теперь на встречу с самозванцем отправились руководители Думы: князь Федор Мстиславский и Дмитрий Шуйский. С ними выехала большая делегация: стольники, стряпчие, дворяне, дьяки, столичные купцы. Бояре захватили с собой великолепные шатры, в которых Борис Годунов потчевал участников серпуховского похода. К месту встречи заблаговременно прибыли служители Сытенного и Кормового дворов, многочисленные повара и прислуга. Атмосфера пира и праздника облегчила переговоры между Лжедмитрием и думцами.

Самозванец собирался въехать в Москву лишь после того, как верные люди уберут все «препятствия» с его пути. Способный ученик иезуитов понимал, что зверства лучше оставлять подручным, чтобы творились они, по возможности в отсутствие монарха. Зато награждать следует публично и из собственных рук. Посланная Лжедмитрием боярская комиссия во главе с князем Василием Голицыным официально была призвана обеспечить въезд «природного государя» в столицу. «Обеспечение» она начала с тайной казни низложенного царя Федора и его матери Марии. Непосредственно на месте убийством руководили бывшие опричники Молчанов и Шерефединов. На подворье Годуновых, где содержалась арестованная царская семья, они явились с отрядом верных стрельцов. После казни боярин Голицын объявил собравшемуся у крыльца народу, что Федор и его мать «со страстей испиша зелья и помроша»*. Но боярину, естественно, никто не поверил. Тысячи людей, проходя мимо выставленных на обозрение гробов, видели следы от веревок, которыми были задушены Годуновы. Трупы позже закопали в ограде Варсонофьева женского монастыря вместе с останками выброшенного из Архангельского собора царя Бориса.

Иов до последнего сохранял верность Годуновым, а потому вторым действием комиссии стало низложение патриарха. Со старика публично содрали святительское платье, нацепили на него черную монашескую одежду и отправили в старицкий Успенский

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 203.

монастырь. Разгром годуновской династии, начатый Голицыным, довершили Бельский и Басманов. Все имущество царских родственников отобрали в казну. Бывшего главу Сысского приказа Семена Годунова тайно умертвили, остальных выслали в Сибирь. Дальнюю родню — Сабуровых и Вельяминовых — вместе с женами и детьми отправили в Казанский и Астраханский края.

Пока в столице шла «чистка верхов», Лжедмитрий завершал подготовку к торжественному въезду в город. Еще в Серпухов ему доставили царские экипажи и 200 лошадей с Конюшенного двора. Теперь в Коломенское бояре привезли самозванцу «весь царский чин»: драгоценные регалии и пышные одеяния, сшитые по мерке в кремлевских мастерских. Приготовления закончились, и 20 июня 1605 года «Дмитрий» торжественно въехал в Москву. Впереди и позади «царского поезда» следовали польские роты в боевом порядке. В общей сложности с самозванцем было несколько тысяч жолкнеров и казаков. Знатнейшим из бояр Лжедмитрий велел ехать подле себя, но без вооруженных свит. Дворянские сотни и стрельцы попали в самый хвост колонны. Во время движения гонцы поминутно обгоняли царский кортеж, а затем возвращались с донесениями. Охрана внимательно осматривала путь, опасаясь засад и покушений.

Узкие улицы были забиты народом. Чтобы лучше разглядеть процессию, люди забирались на заборы и крыши домов. Колокольный звон и приветственные крики волной катились по Москве вместе с царской каретой. На Красной площади Лжедмитрия встретило высшее духовенство. Архиереи отслужили молебен и благословили самозванца иконой. По традиции Лжедмитрий посетил важнейшие кремлевские соборы: Архангельский и Успенский. Подданных немного смутило, что он привел «во церковь многих ляхов». Но по-другому поступить «царевич» не мог. Гарнизон Кремля еще не очистили от приверженцев Годунова. А потому расставаться с телохранителями, пусть даже и в храме, было неразумно. Из Успенского собора Лжедмитрий отправился в Тронный зал, где торжественно воссел на престол. Польские роты стояли

под окнами дворца в боевом строю с развернутыми знаменами. Они чувствовали себя хозяевами положения.

Казалось, поляки не обманулись в своих ожиданиях. Первые действия Лжедмитрия хорошо укладывались в разработанный королем сценарий. Кремлевскую стражу самозванец заменил иностранными наемниками. Повстанческая армия, состоящая из вольных казаков, ратников Северной земли, холопов и крестьян, взяла под контроль ключевые пункты столицы. Обеспечив личную безопасность, «царевич» занялся перетасовками в высшем руководстве. 23 июня 1605 года новым патриархом стал верный Лжедмитрию грек Игнатий. Освященный собор не посмел противоречить монарху в этом вопросе.

Поставив во главе церкви нужного человека, Лжедмитрий взялся за Боярскую думу. Наибольшим влиянием там пользовался клан Рюриковичей во главе с Шуйскими. На их головы и обрушился удар. Повод для расправы нашелся быстро. Василий Шуйский в 1591 году расследовал обстоятельства смерти царевича Дмитрия. Поэтому при Годуновых именно он обычно выступал с разоблачениями «еретика Гришки Отрепьева». Понятно, что даже после восшествия самозванца на трон князь Василий в кругу друзей продолжал хулить Лжедмитрия. Разговоры эти иной раз слышали посторонние и докладывали кому следует.

Конечно, не эта ругань стала главной причиной преследований. Во всех слоях общества люди судачили о «Дмитрии», частенько отпуская по его адресу такие словечки, по сравнению с которыми речи Василия Васильевича можно считать верноподданническими. Скорее, Лжедмитрий посчитал Шуйских наиболее вероятными «искателями престола». Но проводившие розыск бояре проявили чрезмерное рвение. Опираясь на преданные «царевичу» казачьи и польские отряды, Басманов, Салтыков и Бельский арестовали множество людей из разных слоев общества. Однако надежных доказательств заговора получить не удалось. Некоторые из арестованных, не выдержав пыток, признавались в преступных намерениях, прочие же все отрицали. В итоге к суду привлекли лишь нескольких второстепенных лиц. Самыми значимыми из них были

дворянин Петр Тургенев и купец Федор Калачник. Обоим отсекли головы на Пожаре*.

Суд над Шуйскими начался сразу после этой казни. Самозванец облек его процедуру в форму своеобразного соборного приговора. Очевидно, серпуховские договоренности предусматривали, что бояр царь может судить лишь в присутствии Думы. Лжедмитрий выполнил это условие. Однако чтобы нейтрализовать сторонников Шуйского, к думцам царь добавил Освященный собор во главе с верным Игнатием и представителей столичного населения. Предосторожности оказались излишними. Под впечатлением от арестов, пыток и казней даже близкие к Шуйским члены Думы не посмели выступить в защиту обвиняемых. Инициатива полностью перешла в руки «угодников» Лжедмитрия — патриарха Игнатия, бояр Бельского, Басманова и Салтыкова, а также «путивльских аристократов».

Василий Шуйский был опытным царедворцем. Однажды он уже попадал в опалу при Годунове. Вот и сейчас боярин отлично понял, что от него требуется. Он повинился во всех преступлениях, которые перечислил Лжедмитрий в обвинительной речи, и попросил «царя» о снисхождении. Собор осудил Василия на смерть, а его братьев на заключение в тюрьму и ссылку. Самозванец назначил казнь на следующий день. С утра несколько тысяч стрельцов оцепили всю площадь полукругом. Преданные Лжедмитрию казачьи сотни и польские роты с копьями и саблями наголо заняли Кремль и все ключевые точки города. Выехав на середину Пожара, распорядившийся казнью Басманов прочел приговор Думы и Собора о преступлениях Шуйского. Палач сорвал с осужденного одежду и подвел его к плахе, в которую уже был воткнут топор. Князь Василий с плачем молил о пощаде: «От глупости выступил против пресветлейшего великого князя, истинного наследника и прирожденного государя своего...»** Приближалась решительная минута... Но тут из Кремля прискакал телохранитель Лжедмитрия с повелением остановить казнь. А следом явился дьяк, зачитавший указ о помиловании.

* Пожар — пустырь, на котором казнили преступников.

** *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 219.

Дело Шуйских стало переломной точкой в политике самозванца. После него Лжедмитрий окончательно помирился с Думой, распустил по домам польские роты и казачьи отряды. Многие ищут причину перемен в споре с Сигизмундом III или в слишком высоких окладах, которые приходилось платить наемникам. Конечно, эти факторы тоже сыграли роль. Однако мне кажется, главная причина «оттепели» крылась в другом: арестованные по делу Шуйского молчали на пытках, хотя большинству из них явно было о чем рассказать. Приговоренные к смерти Тургенев и Калачник, стоя возле палача и плахи, продолжали обвинять Лжедмитрия в вероотступничестве. Так, по преданию, Федор Калачник во все горло кричал народу, что новый царь — антихрист и все, кто поклоняется посланцу сатаны, «от него же погибнут»*.

Видя все это, Лжедмитрий понял, почувствовал, что ему не переупрямить свой народ, не заставить русских людей сменить веру. А следовательно, тайные договоренности с Сигизмундом III и отцами иезуитами выполнить не удастся. Значит, как ни изворачивайся, а в скором будущем польский король снова станет злейшим врагом русского царя. И в борьбе с ним придется опираться на те самые патриотические силы, что объединились сейчас вокруг Шуйских. Поэтому самозванец в последний момент отменил «грандиозный политический процесс» и отпустил по домам почти всех арестованных. Главный сторонник возрождения репрессивного режима, Богдан Бельский отправился в почетную ссылку в Великий Новгород. Тайные дела из ведения отцов иезуитов постепенно перешли к секретарям личной царской канцелярии, протестантам Бучинским. Это был своеобразный компромисс между утратившими доверие католиками и не успевшими его заслужить православными.

Коронация состоялась 21 июля 1605 года, через три дня после встречи самозванца с «матерью», Марией Нагой. Лжедмитрий всячески старался подчеркнуть, что его венчание на царство означает возврат древней династии, и поэтому приказал провести обряд дважды. Вначале в Успенском соборе патриарх Игнатий

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 216.

возложил на голову самозванца царскую корону Бориса Годунова, а бояре поднесли скипетр и державу. Затем в Архангельском соборе рядом с могилами «отца» Ивана и «брата» Федора — на этот раз шапкой Мономаха — его еще раз короновал архиепископ Арсений. Церемонии прошли при полном содействии Думы. Бояре давно стремились вернуться к традиционным методам правления. Этому же с недавних пор хотел и Лжедмитрий. В ответ на уступки боярам он получил возможность пополнить Думу своими людьми. Соглашение устроило обе стороны.

Таким образом, уже через полгода после въезда в Москву самозванец полностью сменил окружение. Польские роты получили расчет и отправились на родину. Отряды казаков в большинстве своем были распущены и разосланы по станицам. Уехали в свои гарнизоны ратники из Путивля и других пограничных городов. В общем, от тех сил, что привели Лжедмитрия к власти, остались лишь иноземные отряды личной царской гвардии, что-то около 300 человек. И еще казаки из станицы Карелы, вынесшие все тяготы осады Кром. Им, как и их прославленному атаману, Лжедмитрий нашел службу в Москве. Но сделать из вольного казака придворного не получилось. В столичных кабаках Карела чувствовал себя лучше, чем в царских палатах. Вскоре он спился и умер.

При Борисе Годунове в Думе было 40 человек. Лжедмитрий увеличил это число вдвое. При нем в Думу вернулись ссыльные и опальные, к которым добавились «путивльские аристократы». Однако часть думцев служили воеводами в городах или находились на полковой службе. Даже из тех, кто жил в Москве постоянно, на заседания приглашали не всех. При Грозном численность Думы не превышала 30 человек. Ограничивая рабочий состав примерно тем же количеством, Лжедмитрий демонстрировал приверженность традиции. Естественно, на ключевые посты он назначил своих людей. Должность конюшего боярина получил Михаил Нагой, дворецким стал Василий Рубец-Мосальский, а введенный по польскому образцу чин «мечника великого» достался юному Михаилу

Скопину*. Если смотреть на клановую структуру, то больше других продвинулись при новом царе бывшие опричники. Так, пост главы Стрелецкого приказа получил Петр Басманов. Боярином и великим оружничим стал Богдан Бельский. Вверх пошли Татищевы, Пушкины, Зюзины, Воейковы, Хворостинины и прочие.

Но Лжедмитрий старался привлечь на свою сторону и «старые» думские фамилии. В свое время Борис Годунов запретил князю Федору Мстиславскому жениться, рассчитывая после смерти боярина забрать в казну его обширный удел. Лжедмитрий не только отменил запрет, но и подарил знатнейшему из своих подданных старый двор Годуновых в Кремле, а заодно и огромную вотчину в Веневе. Вернувшемуся из ссылки князю Ивану Воротынскому самозванец пожаловал боярство. С Мстиславским Воротынского роднило то, что его предки тоже выехали из Литвы. Похоже, самозванец в этот период сделал ставку на Гедиминовичей. Кроме Мстиславского и Воротынского думские чины в большом количестве получили другие литовские аристократы: Патрикеевы, Голицыны, Куракины и Трубецкие. Зато существенно снизилась роль суздальской знати и старомосковских боярских родов.

Перетасовав Думу, самозванец принялся осваивать роль кроткого и милосердного монарха. По его замыслу амнистия должна была покончить с воспоминаниями об эксцессах переходного периода. Сабуровы и Вельяминовы, ранее отправленные в изгнание, снова возвратились на службу. Михаила Сабурова Лжедмитрий за доблесть** даже пожаловал в бояре. Оставшиеся в живых Годуновы получили «монаршее» прощение и воеводские должности в Тюмени, Устюге и Свяжске.

Первое время Лжедмитрий старался выполнять обещания, данные королю в Кракове. В частности, он приказал готовить поход против шведов. Но Дума не желала нарушать «вечный мир» с Карлом IX. Самозванцу пришлось уступить. Однако героические мысли не оставляли его в покое. В 1605 году донские казаки одержали

* Михаил Скопин-Шуйский, племянник Василия, Дмитрия и Ивана Шуйских.

** Он храбро защищал Астрахань от воевод Лжедмитрия.

ли крупную победу над азовскими татарами, с которыми несколько лет вели пограничную войну. Окрыленный этим успехом, Лжедмитрий решил нанести удар по Крыму и Турции. Как тайный католик, он обратился с предложением к римскому папе: создать коалицию против султана. В ее состав по замыслу самозванца должны были войти: Испания, Германская империя, Россия и Речь Посполитая.

Задуманный союз вызвал у Лжедмитрия очередной всплеск интереса к иезуитам. Он снова подолгу беседовал с ними, советовался, искал понимания и сочувствия. Однако Рим вел свою игру, в которой самозванец был второстепенной фигурой... «Пусть царь первым выступит на арену, — ответил папа, — пусть он увлечет за собой Европу и покроет себя бессмертной славой»*. Сигизмунд III тоже подталкивал Лжедмитрия к войне с Турцией, но при этом не желал связывать себя союзом. Король прекрасно знал, что Габсбурги готовы заключить мир с Османской империей и проект антитурецкой лиги их может заинтересовать лишь как фактор, усиливающий позиции империи на переговорах с султаном.

Таким образом, вторая из задуманных войн сорвалась по тем же причинам, что и первая. Она не имела перспектив на быстрое и успешное завершение. А без этого уговорить Думу было нереально. Но Лжедмитрий не унывал. Бояре не дают ему воевать? Не беда! Плести интриги царю никто запретить не может... Еще во время подготовки похода на Москву самозванец нашел поддержку не только у короля, но и у магнатов, недовольных его правлением. К их числу принадлежали будущие вожди мятежа 1606 года — краковский воевода Николай Зебжидовский и родственники Мнишека Стадницкие. Оказав помощь Лжедмитрию против Годуновых, они надеялись теперь использовать его поддержку для свержения Сигизмунда III. Самозванцу будущие рокошане сулили за это польскую корону.

Лжедмитрий охотно верил в блестящие перспективы заговора. Тем более что его с энтузиазмом поддержал Юрий Мнишек. Финансовые дела сандомирского воеводы к этому времени запутались окончательно. Он задолжал казне огромные суммы. Предъяви Си-

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 262.

гизмунд III счета к оплате, все староства и имения Мнишекков сразу ушли бы в оплату долга. Зато передача королевского трона зятю в один миг избавляла магната от финансовых трудностей. Лжедмитрий не учел, что Сигизмунд III никогда и никого не оставляет без соглашения. Шпионы сразу доложили ему о планах самозванца. Король пришел в бешенство. План личной унии России и Польши был его любимым детищем, нежно растимым свыше десяти лет. И вдруг один из инструментов этого плана посмел выйти из-под контроля. Жалкий самозванец, которому полагалось быть бездумной марионеткой в руках кукловода, попытался перехватить нити управления интригой! Перед монархом Речи Посполитой замаячила перспектива потери трона.

А интрига меж тем продолжала ветвиться. В рамках примирения с Думой Лжедмитрий вернул из ссылки Шуйских, и те тут же принялись плести новые заговоры. Самозванец вскоре понял, что для сохранения трона ему снова нужны иностранные наемники, и вспомнил об обещании жениться на Марине Мнишек. В качестве «друзек» с невестой и ее отцом прибыли роты польских жолкнеров, участников похода к Новгороду-Северскому. Сигизмунд III не только выпустил Мнишека с его армией из Польши, но и поручился за воеводу перед кредиторами. Король знал, что среди магнатов зреет заговор, и старался удалить из страны потенциальных рокошан в надежде, что они уже никогда не вернуться в Польшу.

В Москве послы Сигизмунда вновь перестали признавать за российским государем царский титул. Этим они давали знак боярской верхушке: дружба короля с Лжедмитрием закончилась. Встречный сигнал не заставил себя ждать. Когда в Краков с дипломатической миссией прибыл Иван Безобразов, кроме грамот Лжедмитрия он привез секретное послание от бояр. Те писали о своем намерении избавиться от самозванца, а на трон пригласить сына Сигизмунда, королевича Владислава. Таким образом, клубок интриг запутался окончательно. Паны надеялись использовать помощь царя, чтобы лишить трона Сигизмунда III, а бояре искали соглашения с королем, чтобы избавиться от Лжедмитрия I. Одновременно в России полным ходом шла подготовка к царской свадьбе.

После нее самозванец собирался идти с армией к Азову. Цель была достаточно скромной. С помощью казаков Лжедмитрий планировал изгнать турок из устья Дона. Опорной базой на время

подготовки стал Елец. Крепость предварительно укрепили и расширили. В городе устроили склады военного снаряжения и продовольствия. На реке Вороне у ее впадения в Дон начали строить суда. Весной 1606 года подготовка к походу вступила в решающую фазу. С разных концов страны к местам сбора шли отряды ратников. Главные силы концентрировались в Москве и ее окрестностях. В числе прочих в столицу прибыли отряды новгородских дворян. Несмотря на сравнительно малую численность, не более двух тысяч человек, они сыграли важную роль в последующих событиях. Ратниками Новгорода несколько поколений командовали князья Шуйские. И там у них было много преданных сторонников. С приходом в Москву новгородцев у заговорщиков появилась пусть небольшая, но верная предводителям военная сила.

Бояре не были уверены в поддержке Москвы. При малейшей возможности отыграть назад, они, вероятно, так бы и сделали. Но слишком уж красноречиво самозванец стягивал верные силы к столице, а не в Елец. Кроме нескольких тысяч московских стрельцов в Кремле снова появились ратники из Северной земли. В район Серпухова прибыли отряды детей боярских из Путивля и Рязани. По столичным улицам гарцевали жолкнеры, приведенные Юрием Мнишеком. Кроме того, к Москве шли четыре тысячи терских казаков во главе с новым самозванцем, «царевичем Петром». Он провозгласил себя сыном Федора Иоанновича и Ирины Годуновой, то есть племянником «царя Дмитрия». С одной стороны, казаки были — вроде как — мятежными и в столицу двигались по своей инициативе, а с другой — бояре подозревали, что Лжедмитрий переписывается с «Петром», имея на того какие-то тайные виды. Не исключено, что «вора Петрушку» и его соратников Лжедмитрий собирался использовать для расправы с Думой. На казаков потом можно было свалить всю ответственность за кровопролитие. Шуйский и его сторонники понимали, что времени у них немного.

Помолвка Лжедмитрия с Мариной Мнишек вызвала грандиозный скандал. Митрополит Гермоген в разговорах с самозванцем неоднократно требовал крещения невесты по православному обряду. Накануне свадьбы, видя, что приватные уговоры не помогают, казанский архипастырь публично выступил против брака государя с католичкой. Разъяренный этой «встречей» самозванец приказал лишить Гермогена сана и отправить в тюрьму. По одним данным,

этот приказ был немедленно выполнен. По другим — митрополита лишь выслали в Казань, а до заточения дело не дошло. Характерно, что бояре не заступились за опального. Наоборот, заговорщики довольно потирали руки. Ведь Гермоген был широко известен в стране как ревностный служитель православия, и его опала бросала тень на репутацию самозванца.

Первоначально торжество намечалось на 4 мая 1606 года, но из-за возникших процедурных сложностей его перенесли на 8 мая. Самозванец после венчания собирался короновать супругу. Обе церемонии включали в себя миропомазание. Патриарх Игнатий согласился считать, что миропомазание заменит акт обращения Марины в православие. Поскольку в обряде было много нового и непривычного, церемония затянулась, и самозванец перенес свадебный пир с четверга на пятницу, которая пришлась на Николин день. Таким образом, в один из самых важных православных праздников царская чета так и не появилась в церкви. В результате уже с 12 мая по столице поползли слухи, что царь — поганый, некрещеный иноземец, ест нечистую пищу и оскверняет московские святыни.

Первые волнения произошли 14 мая. В этот день гайдук князя Вишневецкого, избив одного из посадских, скрылся за воротами дома, в котором жил его господин. Москвичи осадили двор и потребовали выдать виновного. К вечеру возле ворот собралось около четырех тысяч человек. Всю ночь улицы города заполняли возмущенные толпы. Утром столкновения с иноземными солдатами продолжились. Стороны подавали друг на друга бесчисленное количество жалоб, но власти их игнорировали. Народ был сильно зол на наемников, однако попытки агитировать против Лжедмитрия заканчивались плачевно. Несмотря на все толки и пересуды, самозванец не утратил популярности у простого люда. Тогда заговорщики решили выступить под маской спасителей царя от поляков, подтолкнув народ к расправе с ненавистными иноземцами.

На рассвете 17 мая 1606 года Василий Шуйский собрал у себя на подворье участников заговора и двинулся с ними через Красную площадь к Кремлю. Когда у Фроловских ворот появились Голицыны и братья Шуйские, стрельцы спокойно их впустили. За боярами

в Кремль ворвались около 300 вооруженных дворян. Стража в панике бежала, а вожди заговорщиков велели бить в колокола. Это был сигнал для противников самозванца. Чтобы на помощь Лжедмитрию не смогли прийти польские роты, с площади во все стороны поскакали глашатаи, кричащие: «Братья, поляки хотят убить царя и бояр, не пускайте их в Кремль!»* Москвичей долго уговаривать не пришлось. Улицы моментально покрылись рогатками и баррикадами. Наемники Мнишека оказались блокированы в своих домах. Тем временем ведомая заговорщиками толпа ворвалась во дворец и обезоружила царских гвардейцев. Петр Басманов, оказавший сопротивление мятежникам, был убит на месте.

Самозванец пытался бежать. Выпрыгнув из дворцового окна, он вывихнул ногу и потерял сознание. Нашедшие Лжедмитрия северские стрельцы отнесли его в палаты, но спасти не смогли. Мятежники обнаружили убежище, разоружили стрельцов, а самозванца убили. Обнаженный труп выбросили на площадь, туда, где годом раньше палач собирался обезглавить Василия Шуйского. Рядом положили в грязь убитого Басманова. Скоро во дворце обнаружили тайник, в котором Лжедмитрий хранил секретные договоры с Сигизмундом III и Мнишеком, переписку с римским папой и иезуитами. Бояре тотчас объявили о находке. Это помогло им оправдаться перед москвичами за расправу над «добрым царем Дмитрием».

ГЛАВА 17

КОРОНАЦИЯ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО. АРМИЯ БОЛОТНИКОВА ИДЕТ НА СТОЛИЦУ. ПОЯВЛЕНИЕ ЛЖЕДМИТРИЯ II

После убийства самозванца бояре заседали в Кремле до рассвета. При жизни Лжедмитрия они обещали царский трон королевичу Владиславу. Однако вряд ли ночью в Думе вспоминали

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 303.

эту кандидатуру. Кроме Василия Шуйского на царский венец претендовали Мстиславский, Голицыны и Романовы. Три дня прошли в бесплодных спорах. После этого Василий Шуйский собрал на своем подворье братьев, племянника Михаила Скопина, а также сторонников из числа бояр, дворян и купцов: Крюка Колычева, Головина, Татищева, Мыльниковых и прочих. От духовенства был Крутицкий митрополит Пафнутий. Приверженцы Шуйских составили грамоту об избрании на царство князя Василия и вышли с ней на Лобное место. Чуть меньше года назад приговоренные к смерти Тургенев и Калачник ругали здесь самозванца, называя его антихристом, разрушителем истинной веры. И теперь осужденный по тому же делу Шуйский предстал перед Москвой в образе страдальца за православие. На вопрос, достоин ли он трона, толпа ответила одобрительными возгласами.

Таким образом, князь Василий объявил себя царем в инициативном порядке. Он понимал, что главные роли на честных выборах сыграют Освященный собор и Дума. В верхах общества у Шуйского было много врагов, и он боялся проиграть. Самую многочисленную из группировок, старомосковское боярство, князю Василию на время удалось нейтрализовать. Ее лидеру Филарету Шуйский пообещал пост патриарха. Но уверенности в том, что взамен Романовы поддержат его кандидатуру на Земском соборе, у Василия не было. Зато, апеллируя к толпе на площади, глава заговорщиков быстро получил нужное ему решение. Шуйский забыл о том, как легко в России отказываются от узурпаторов, навязавших себя стране. Судьба Годуновых ничему его не научила.

По приказу нового царя труп Лжедмитрия привязали к лошади, оттащили в поле и закопали у дороги. Но вскоре столицу захлестнули слухи о знаменьях над его могилой. Якобы кто-то видел там голубые огни. Повсюду толковали, что над телом чернокнижника каждую ночь пляшут бесы, а он из-под земли «напускает свои наваждения на христиан»*. По совету монахов Шуйский велел выкопать труп и отвезти его в село Котлы к югу от Москвы. Там

* *Скрынников Р.Г. Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 313.*

тело сожгли, а пепел развеяли по ветру. Однако на этом дело не кончилось. Как ни старались власти скомпрометировать Лжедмитрия сообщениями о его связях с католиками, каким бы по-смертным унижениям ни подвергали бездыханное тело, симпатии простых людей были на стороне самозванца. В дальних городах России народ продолжал сомневаться в смерти «прирожденного государя». Толки о том, что он еще раз спасся от «лихих» бояр, не прекращались ни на день. Уже через неделю после переворота на улицах столицы появились подметные письма, якобы составленные самим «Дмитрием». В них «царь» объявлял подданным, что «ушел от убийства и сам Бог его от изменников спас»*.

Р.Г. Скрынников сообщает, что в распространении этих писем Шуйский заподозрил Филарета Романова, недавно посланного в Углич за мощами царевича Дмитрия. Якобы именно из-за этих подозрений Филарета вскоре свели с патриаршего подворья, вернув на прежнюю должность ростовского митрополита. В истории с заочным низложением только что назначенного патриарха очень много странного и непонятного. Во-первых, зачем могло понадобиться Романову распространять подобные письма? Перед этим он долгое время прожил в ссылке, в Москву вернулся сравнительно недавно и просто физически не успевал за такое короткое время организовать заговор против Шуйских.

Но все легко объясняется, если внимательно приглядеться к истории с «мощами невинно убиенного царевича Дмитрия». После смерти самозванца в Углич отправилась представительная боярская комиссия. В нее вошли: от Думы — бояре Иван Воротынский, Петр Шереметев и двое Нагих, от Освященного собора — только что провозглашенный патриархом Филарет и астраханский митрополит Феодосий. И тут мы сталкиваемся с первой странностью. Согласно данным С.Ф. Платонова и Р.Г. Скрынникова, угличане не смогли указать комиссии точное место захоронения царевича. Могила «долго не обрели и молебны пели и по молебны само появилось тело: кабы дымок со стороны рва копанова показался

* Скрынников Р.Г. Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 314.

благовонен, тут скоро обрели»*. Но как такое могло случиться? Ведь любой горожанин знал, что Дмитрия похоронили в Преображенском соборе. Значит, могила оказалась разорена? В свое время ходили слухи, что самозванец собирался извлечь прах «того, кого зарезали в Угличе», и показать его московской публике. Чтобы всем стало ясно: в могиле лежит не настоящий царевич. Если верить толкам, этот проект похоронили протесты «царицы-матери» Марии Нагой.

Похоже, Лжедмитрий уступил ей только для виду. Отказавшись от публичной инсценировки, он тайком от всех осуществил первую часть проекта. Верные слуги выбросили тело из собора и закопали во рву, не поставив даже простого креста. Теперь задумаемся на миг: а могла ли в этом случае комиссия так быстро найти захороненные втайне кости? Думаю, вряд ли. Скорее можно предположить, что царские посланцы извлекли из рва другой, более или менее подходящий труп. Но в этом случае в комиссии обязательно появился бы кто-то несогласный. И тогда Василий Шуйский должен был его нейтрализовать... Например, обвинить в заговоре.

Добавив в дело о подметных письмах «угличский фактор», мы легко поймем, почему подозрения пали именно на Романова, в то время как в Москве еще находились Мнишеки, кровно заинтересованные в появлении подобных листов. Если вспомнить, что многие из «прелестных» грамот оказались прибиты к воротам боярских дворов, сам собой напрашивается вопрос: а не сами ли Шуйские их писали? Потому что царь Василий выиграл от появления «воровских» листов трижды: убрал с должности ставшего неугодным Филарета, получил моральное право короноваться без участия «изменника-патриарха» и отвлек внимание народа от разговоров на тему: «Зачем злые бояре убили доброго царя?» Кстати сказать, эти толки уже однажды, 25 мая, вылились в крупные волнения.

Предположения о причинах отставки Филарета косвенно подтверждаются дальнейшими событиями. 1 июня 1606 года, еще до того, как комиссия вернулась из Углича, Василий Шуйский

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 269.

венчался на царство. Обряд совершал новгородский митрополит Исидор. В иерархии Русской церкви он был вторым по значению лицом после патриарха. Приветственная речь митрополита звучала вполне обычно: «Ныне тобою, богоизбранный государь, благочестие обновляется, и православная христианская вера просвещается, и святые божии церкви от еретических соблазнов освобождаются. И великий царский престол приемлет тобою украшение благочестия»*. Однако в числе тех, кто на следующий день встречал вместе с Шуйским «мощи истинного Дмитрия», Исидор не упоминается. Пост патриарха, кстати, он тоже не получил.

Таким образом, признанные лидеры церкви не играли никакой роли при обретении нового святого. Встречать за городом «мощи истинного сына Грозного» отправился сам царь Василий с боярами и внушительной толпой москвичей. Мария Нагая, увидев то, что доставили из Углича, лишилась дара речи. Тогда Шуйский сам возгласил, что привезенное тело и есть мощи истинного Дмитрия. Это не спасло положение. Молчанию матери люди поверили больше, чем восторженным крикам царя. После того как носилки с трупом закрыли, процессия проследовала на Красную площадь. Шуйский надеялся заглушить слухи о самозванце чудесами нового великомученика. Некогда князь Василий клялся, что Дмитрий зарезал себя нечаянно, играя ножичком. Но даже невольный самоубийца не может быть святым, и царь выдвинул новую версию. Когда останки выставили в Архангельском соборе, на трупе лежали свежие орешки, испачканные кровью. Все должны были видеть, что будущий мученик перед смертью играл ими, а не ножичком.

Верные Шуйскому летописцы с восторгом принялись фиксировать чудеса, творившиеся у гроба. В первый день исцеление получили тринадцать больных, во второй — двенадцать. При каждом новом чуде по всему городу били в колокола. Огромные толпы теснились у дверей Архангельского собора. Что характерно, грамоту с описанием чудес Дмитрия Угличского составляла не патри-

* *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М.: Чарли, 1994. С. 310.

аршая, а царская канцелярия. Однако обретение святого недолго шло по задуманному плану. То ли враги Шуйского озаботились испортить ему игру, то ли друзья недоглядели за входящими... Но через несколько дней один из пришедших за исцелением больных умер прямо у гроба Дмитрия. Толпа в ужасе бежала от дверей собора. Начались толки об обмане, и власти закрыли доступ к гробу царевича. Колокола смолкли.

Таким образом, решить проблему Лжедмитрия «через Углич» Шуйскому не удалось. В стране начались мятежи сторонников погибшего самозванца. Поляки в Москве упорно распространяли слух, что «убитый не царь Дмитрий». Горожане, видевшие мертвое тело, им не поверили. Зато на помещиков Юга России агитация подействовала предсказуемо: «...а черниговцы, и путимцы, и кромичи, и комарицы, и вси рязанские города за царя Василия креста не целовали и с Москвы всем войском пошли на Рязань: у нас де царевич Дмитрий Иванович жив»*. Однако первую волну кризиса Шуйскому погасить удалось. Поляков во главе с Мнишеками он сослал в Ярославль. Жители мятежного Юга замирились после клятвенных заверений царя, будто самозванец перед смертью объявил «всем людям вслух, что он прямой вор Гришка Отрепьев»**.

Казалось, ситуация начала успокаиваться. Но это было лишь затишье перед бурей. Вскоре русские города снова захлестнула волна «прелестных» грамот от самозванца. И что самое страшное: на каждом листе стояла подлинная печать «царя Дмитрия Ивановича». А писаны грамоты были тем же почерком, что и поступавшие до переворота царские указы. Вскоре пришли вести, что в Самборе, в доме у жены Юрия Мнишека, появился человек, выдававший себя за «Дмитрия». Скорее всего, пани Мнишек действовала с согласия мужа и дочери. Юрий и Марина не были стеснены в передвижениях по Ярославлю и могли тайно переписываться с родней.

По версии Р.Г. Скрынникова, в Самборе укрывались два давних сторонника Лжедмитрия, Михаил Молчанов и Богдан Ступов.

* Скрынников Р.Г. Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 316.

** Там же. С. 317.

В день переворота они бежали из Москвы, истребовав лошадей в царских конюшнях. А для того чтобы не нарваться на отказ, находчивые беглецы распорядились там «от имени императора Дмитрия»*. Молчанов был по описанию немного похож на убитого самозванца, а Ступов при Лжедмитрии исполнял роль секретаря и печатника, иными словами, он еще с Путивля писал за своего господина грамоты, а в Москве еще и ставил на них малую царскую печать, которую носил «на воротах». Вдвоем они успешно играли роль «чудесно спасшегося Дмитрия». Молчанова, одетого в пышные царские одежды, пани Мнишек демонстрировала специально отобранной публике. А Ступов занимался давно привычным делом: сочинял царские грамоты и ставил на них печати. Так начался второй этап русской Смуты, который многие историки называют «самозванщиной без самозванца».

В Польше к этому времени назрел рокош. Собравшись на съезд, противники короля ждали, что «Дмитрий» придет из Самбора, чтобы возглавить армию. Вождь мятежников Зебжидовский был родственником Мнишека, а среди рокошан имелось много ветеранов московского похода. Естественно, самборская интрига не могла пройти мимо внимания Сигизмунда III. Но вот что странно: король даже не пытался разоблачить мошенников. Более того, его послы в это время настойчиво требовали отпустить из плена Мнишеков, угрожая Шуйскому войной. Похоже, у короля была четкая договоренность с исполнителями интриги. А образ «Дмитрия» они использовали одновременно в двух направлениях: на благо Сигизмунду III и во вред его московским соседям.

Мятежная шляхта не дождалась «царя» и отложила рокош до следующего года. А в это время наряженный «Дмитрием» Молчанов инструктировал в Самборе «большого воеводу» Ивана Болотникова. Выбор инициаторов интриги легко объясним. Последние несколько лет атаман Болотников провел в турецком плену. Лжедмитрия I он в глаза не видел, а потому легко поверил Молчанову. «Царь» снабдил «воеводу» письмом к служившему в

* *Скрынников Р.Г. Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 318.*

Путивле князю Григорию Шаховскому. «Дмитрий» заверил Болотникова, что у Шаховского он получит и деньги на войну, и армию под начало. Так и вышло. Стоило атаману появиться в России, как «...князь Григорей Шеховской измени царю Василью со всем Путимлем и сказа путимцем, что царь Дмитрий жив есть, а живет в прикрыте...»* Мятежная армия возродилась в считанные дни. Но и Шуйскому не пришлось долго собирать войска. Под Москвой стояли полки для войны против турок. О численности войск точные сведения найти трудно. По данным историков, у Шуйского было от 30 до 50 тысяч человек. Мятежников сосчитать еще сложнее. Известно, что Болотников получил в Путивле от Шаховского отряд в 12 тысяч человек, но к нему еще приходили пополнения. Второе войско повстанцев возглавил Истома Пашков. Основу его армии составили полки, собранные до переворота в окрестностях Ельца. Первые бои закончились в пользу Шуйского. Сначала его главный воевода князь Иван Воротынский разбил под стенами Ельца войска Пашкова, а затем Михаил Нагой нанес поражение у Кром полкам Болотникова. Однако закрепить победу царской армии не удалось. Дворянская конница легко выигрывала полевые сражения, но взять «воровские крепости» не могла.

Армия Годуновых полностью разложилась после двухмесячной осады Кром. Ее судьбу во многом повторили войска Юрия Трубецкого и стоявшие под Ельцом полки Ивана Воротынского. Сформировав новую армию, Болотников повел наступление на Кромь. Вскоре его войскам удалось пробиться в крепость. Трубецкой снял осаду и спешно отвел полки к Орлу. Теснимый Пашковым Воротынский отступил из-под Ельца в Тулу. Однако гарнизоны обеих крепостей уже перешли на сторону «Дмитрия». Падение Орла и Тулы открыло мятежникам путь на Москву.

Их продвижение к столице не было легкой прогулкой. 23 сентября на переправе через реку Угру Болотников потерпел поражение от Ивана Шуйского. Однако воспользоваться победой царскому брату не удалось. В ближнем тылу восстали жители

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 327.

Калуги, и войскам Шуйского пришлось отступить. Следующий удар по мятежникам нанес Михаил Скопин. На реке Пахре в районе Серпухова он разбил армию Пашкова. На какое-то время это остановило повстанцев, но вскоре они получили подкрепления. В начале октября к Пашкову под Коломну прибыл рязанский отряд Прокопия Ляпунова. Царские войска встретили мятежную армию у села Троицкое-Лобаново в 40 верстах от стен Москвы. Повстанцами в этом бою командовал Ляпунов, один из самых талантливых военачальников Смутного времени. Царские войска были разгромлены наголову. После битвы Ляпунов и Пашков выпустили пленных ратников по домам. Лишь нескольких знатных дворян они отправили в Путивль.

28 октября 1606 года полки Ляпунова и Пашкова заняли село Коломенское и стали готовиться к осаде столицы. Вскоре к ним присоединились войска Болотникова. Историки по-разному оценивают численность мятежной армии, в их трудах встречаются величины от 20 до 100 тысяч человек. Однако в Москве к тому времени было меньше 10 тысяч воинов. И если болотниковцам не хватило сил, чтобы обложить столицу со всех сторон, значит, их число не превышало 35–40 тысяч человек.

У царя было очень мало по-настоящему верных войск. В борьбе с мятежниками он мог опереться лишь на отряды Государева двора: 200 стольников, несколько сот «больших» московских дворян, жильцов и стряпчих. В общей сложности — меньше тысячи человек. Гарнизон Кремля царю доверия не внушал. Слишком уж часто в последние месяцы переходили на сторону мятежников стрелецкие сотни. Положение казалось безнадежным.

Однако к этому времени на ситуацию начал влиять еще один важный фактор. В первых числах июля, через месяц с лишним после коронации Шуйского, у России появился новый патриарх, избранный по всем правилам на Священном соборе. Какие соображения заставили царя согласиться с кандидатурой казанского митрополита Гермогена — навсегда останется загадкой для историков. Упрямство и несговорчивость старика были широко известны во всех слоях общества. Из трех царей, при которых он правил

митрополией, как минимум двое побаивались крутого казанского архипастыря. Возможно, решающее влияние оказал преклонный возраст: к моменту избрания патриарху было уже 76 лет. Шуйский вполне мог рассматривать Гермогена как временную фигуру на этом посту. Определенное влияние оказало и то, что казанский митрополит рассорился с Лжедмитрием I и даже пострадал от него.

В свое время Михаил Булгаков одной хлесткой фразой* определил суть любой русской смуты: «Разруха не в клозетах, а в головах!» Похоже, великий писатель был не первым, кто пришел к подобному выводу. Во всяком случае, анализ действий нового патриарха показывает, что он сразу же взялся за искоренение «разрухи в головах россиян». С первого же дня Гермоген занял четкую и недвусмысленную позицию: человек, убитый 17 мая в Кремле, — вор и расстрига Гришка Отрепьев, и все, кто его поддерживает — мятежники. Таким образом, вопрос о «добром царе, снова сумевшем уйти от злых бояр», патриарх с паствой даже не обсуждал. Ему было все равно, спасся Лжедмитрий или погиб. Грамоты с обличением самозванца расходились по стране, укрепляя дух сторонников Шуйского и смущая тех, кто готов был поддержать Болотникова. Но патриарх на этом не остановился. Гермоген много лет проработал в иноверческом Казанском крае и хорошо понимал, что успешной может быть только позитивная пропаганда, сопровождаемая наглядной агитацией. В конце сентября 1606 года в Москве по его инициативе произошло публичное перезахоронение Бориса Годунова и членов его семьи, убитых по велению самозванца.

Тела вырыли из ямы в ограде Варсонофьева монастыря и торжественно переложили в гробы. Бояре и монахи на руках пронесли останки Годуновых по улицам столицы. Множество священников провожали процессию с надгробным пением. За ними в закрытых санях ехала дочь Годунова Ксения, специально вызванная в Москву из монастыря, куда ее заточил Лжедмитрий. Народ слышал гром-

* Эти слова произнес профессор Преображенский, главный герой повести М. Булгакова «Собачье сердце».

кий плач и проклятия убийцам. «Горько мне, безродной сироте! — причитала Ксения. — Злодей вор, что назывался ложно Дмитрием, погубил моего батюшку, мою сердечную матушку, моего милого братца, — весь род мой заел! И сам пропал, и при животе своем и по смерти наделал беды всей земле нашей Русской! Господи, осуди его судом праведным!»* Нетрудно понять, как воспринимали эти слова простые люди. Раньше посадские стыдились, что Москва нарушила присягу и подняла руку на доброго государя. Теперь же оказывалось, что расправились-то они с извергом и узурпатором, приказавшим убить царевича Федора Годунова и его мать, царицу Марию! Эти народные чувства решили все. У Василия Шуйского не было к тому времени ни армии, ни хлеба, ни казны. Обострились его отношения с Боярской думой. В Москву постоянно проникали лазутчики с «преlestными» письмами «Дмитрия». Но спровоцировать москвичей на бунт им не удалось.

12 октября, после падения Коломны, протопоп Благовещенского собора Терентий с разрешения царя и патриарха огласил повесть о пророческом видении. Священник пространно живописал, как во сне ему явились Богородица и Христос. Первая просила помиловать москвичей, а второй обличал их неправедные дела. После чтения повести патриарх с царем в окружении больших толп народа пять дней постились и ходили по церквям. Публичная голодовка вождей обороны успокоила бедноту, страдавшую от дороговизны хлеба. Несчастные и обездоленные своими глазами увидели, что светские и духовные властители готовы добровольно разделить их беды.

У Шуйского не хватало воинских сил, чтобы пресечь контакты москвичей с «воровским» лагерем. Даже отбить приступ, если он случится, царь мог лишь с помощью посадских жителей. Решение вооружить все столичное население в условиях гражданской войны было неслыханным. Однако волей-неволей Шуйскому пришлось положиться на подданных. Перед боем москвичи «всем миром»

* *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М.: Чарли, 1994. С. 342.

снарядили в лагерь Болотникова делегацию для переговоров. В свое время городской люд три дня лицезрел труп «Дмитрия». И теперь рассказ о его «чудесном спасении» вызвал сомнения у депутатов. Они попросили устроить личную встречу с «Дмитрием», якобы для того, чтобы принести ему повинную. Болотников поклялся, что говорил с «государем» в Польше. «Нет, это, должно быть, другой, — ответили ему послы, — Дмитрия мы убили»*.

Ездившие в Коломенское москвичи оказали Шуйскому неоплачиваемую услугу. Они посеяли сомнения в лагере восставших, особенно среди рязанских дворян. И когда после срыва переговоров Болотников попытался ворваться в Замоскворечье, Ляпунов со своими людьми перешел на сторону Шуйского. Конечно, свою роль здесь сыграла и недавняя речь патриарха, извещавшего паству, что «воры», засевшие в Коломенском, «...пишут к Москве проклятые свои листы, и велят боярским холопом побивати своих бояр и жены их, и вотчины, и поместья им сулят, и шпыням и безъимянным вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити». Гордый и властный Ляпунов не желали служить «галерному»** воеводе, который призывает холопов к истреблению господ и обещает в награду за это поместья и жен убитых.

Решающее сражение между царскими войсками и армией мятежников произошло 2 декабря у деревни Заборье, расположенной неподалеку от Серпуховских ворот. Воевода Скопин атаковал выстроенный казаками острожек. На помощь осажденным повстанцам подошли главные силы во главе с Пашковым и Болотниковым. Здесь «главного воеводу царя Дмитрия» ждал очередной неприятный сюрприз. В разгар сражения отряд Истома Пашкова перешел на сторону Шуйского. Болотников поспешно отступил от Заборья. Оставленные в острожке казаки трое суток отбивали атаки. Затем им пришлось капитулировать. С пленными поступили мягко. Не было ни опал, ни казней. Всех определили на царскую службу.

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 332.

** Боевой холоп Болотников в турецком плену был гребцом на галерах.

Переход на сторону Шуйского двух вождей восстания был далеко не случайным. Дни, проведенные в одном лагере с Болотниковым, отрезвили мятежных дворян. Его призывы к истреблению верхов общества пришлось не по вкусу Пашкову и Ляпунову. Царь Василий им по-прежнему не нравился, но он, по крайней мере, был предсказуем. Не стоит забывать к тому же, что государь-батюшка был для дворянина того времени источником всех жизненных благ. Без выданной им ввозной грамоты никто не имел права вступить во владение поместьем. Болотников мог лишь обещать будущие милости «царя Дмитрия», а Василий Шуйский уже сейчас давал надбавки к поместному окладу и жаловал деньгами за каждую полученную в бою рану, за доставку языка, за доблесть в сражении.

Эту разницу понимали и в лагере мятежников. Оттуда регулярно шли грамоты в Польшу с просьбами к «Дмитрию»: ехать побыстрее. Чтобы с повстанцами был хоть один представитель «царского корени», Григорий Шаховской обратился за помощью к «царевичу Петру», который после смерти Лжедмитрия I увел своих казаков в Монастыревский городок под Азовом. Шаховской писал «Петру», что «царь Дмитрий» жив и скоро будет с большим войском в Путивле. Армия «Петра» прибыла в город к концу ноября. Правда, попытки мятежников зазвать в поход на Москву Войско Донское закончились неудачей. Зато в начале 1607 года к «царевичу» присоединились многочисленные отряды запорожцев. Казак Илейка Коровин, принявший имя «Петра», никогда не существовавшего сына Федора Иоанновича и Ирины Годуновой, происходил из небогатых посадских людей. В отличие от Лжедмитрия I двор он не видел даже издали. Язык и манеры «царевича» безошибочно указывали всем, кто бывал в Кремле, что они присутствуют на грубом маскараде. При таких условиях привлечь в ряды мятежной армии широкие массы провинциального дворянства — нечего было и думать. А потому отряды «Петра Федоровича» по своему составу до самого конца оставались почти исключительно казацкими.

Итак, появление «царевича» не дало нужного эффекта. Тогда Болотников обратился в Самбор к родне «царицы» Марины с просьбой, чтобы кто-нибудь из верных людей принял имя Дмитрия

и немедленно выехал в Россию. В декабре 1606 года на поиски «дядюшки» в район Орши и Могилева по просьбе «главного воеводы» направился «царевич Петр». В окрестных городах и селах начались поиски кандидата в Лжедмитрии. Однако во второй половине декабря до Орши дошли слухи о поражении мятежников под Москвой. «Царевич Петр» тут же вернулся в Путивль. Его армия скорым маршем двинулась на выручку «главному воеводе». А в это время Болотников подновлял обветшавшие укрепления Калуги и готовился к обороне. Благодаря героизму оставленных у Заборья казаков, ему удалось сохранить ядро мятежной армии. Подошедшие к Калуге царские полки попытались поджечь деревянные стены города. К одному из участков они притащили целую гору дров, заготовленных в соседних лесах. Однако болотниковцы сделали подкоп и взорвали «намет». Воеводы оставили свою затею и перешли к планомерной осаде крепости.

А в Москве с начала февраля 1607 года патриарх Гермоген тщательно готовил невиданное доселе религиозное действие. Он планировал разрешить русский народ от клятвопреступлений перед царем Борисом и его сыном Федором. А заодно хотел освободить людей от всех ложных клятв самозванцам. Затея позволяла достичь сразу двух важных целей. Во-первых, прощение таких серьезных грехов снимало тяжесть с души верующих, в людях возрождалось чувство нравственной чистоты, восстанавливалось уважение и доверие друг к другу. А во-вторых, после разрешения от старых грехов Гермоген получал возможность канонично отлучить от церкви будущих нарушителей присяги. Главную роль в церемонии должен был сыграть первый русский патриарх Иов, прибывший в Москву по просьбе Гермогена. 20 февраля москвичи от имени «всенародного множества» стали молить Иова освободить их души от прегрешений. В ответных речах оба патриарха простили народу его клятвопреступления. Затем Гермоген призвал всех русских людей «воспрянуть аки от сна» и прекратить гражданскую войну. Церемония получилась очень волнующей, искренней и трогательной. Никого из присутствующих она не оставила равнодушным.

Обстановка под Калугой меж тем начала меняться. В мае к городу с большим отрядом мятежников прорвался князь Андрей Телятевский. Пытавшиеся его задержать войска Бориса Татеева были разбиты. В осадном лагере началась паника. Когда Болотников пошел на вылазку, полки Шуйского бежали из-под Калуги. Мятежникам досталась вся осадная артиллерия. Несколько отрядов царской армии, включая большую группу немцев-наемников, перешли на сторону повстанцев. Потери могли быть и больше, но отходящий последним полк Скопина отбил атаки болотниковцев и предотвратил катастрофу.

Мятежники продолжали наращивать удар. В районе Тулы к Болотникову подошли отряды «царевича Петра». Вскоре их объединенная армия двинулась на Москву. Стремясь переломить обстановку, прекратить панику и сплотить общество, патриарх проклял Болотникова и его главных соумышленников. Светские власти начал отписывать земли у дворян-перебежчиков. Суровые меры применялись и к нетчикам, уклоняющимся от государственной службы. Объявив сбор нового дворянского ополчения, Дума поставила Шуйского перед выбором: или он лично ведет армию в бой, или отрекается, чтобы бояре могли выбрать более решительного царя.

21 мая новые войска выступили из Москвы к Серпухову. Здесь Шуйский соединился с отрядами, отступившими из-под Калуги. Часть правительственных сил расположилась в Брянске и Кашире. Пользуясь пассивностью Шуйского, армия Болотникова атаковала под Каширой отряд Андрея Голицына. На рассвете 5 июня 1607 года казаки переправились через разделявшую противников речку Восму и закрепились в глубоком овраге. Голицын направил против них рязанских дворян. Те несколько раз атаковали врага, но вынуждены были отходить под градом пуль. А тем временем ратники Голицына с трудом отбивали натиск главных сил Болотникова. Воеводам приходилось несладко, «начати воры московских людей осиливати»*. В решающий момент боя Прокопий Ляпунов само-

* *Скрынников Р.Г.* Царь Василий Шуйский. М., 2002. С. 243.

вольно снялся с позиций и всеми силами обрушился на теснивших Голицына мятежников. Те не выдержали внезапного удара тяжелой конницы и обратились в бегство. Тридцать верст гнали неприятеля царские войска. А затем они вернулись и добились укрепившихся в овраге казаков.

После победы на Восме полки Голицына и Скопина перешли в наступление на Тулу. Болотников попробовал их задержать на реке Вороньей. Его войска потерпели поражение и укрылись в крепости. 12 июня 1607 года Скопин подступил к стенам города. Сюда же, взяв по дороге Алексин, 30 июня подошли полки Василия Шуйского. Началась осада Тулы. 35—40 тысячам обложивших город ратников противостояло от 15 до 20 тысяч засевших в крепости повстанцев. Взять ее было непросто. Тула с давних пор считалась ключевым пунктом обороны южных границ. Помимо мощного каменного кремля ее окружал внешний пояс укреплений — дубовый острог. Город был хорошо подготовлен к обороне.

Однако вожди мятежа понимали, что кардинально изменить ситуацию может только деблокирующий удар. Когда вокруг Тулы замкнулось кольцо царских войск, они отправили в Стародуб атамана Ивана Заруцкого. Там еще с 12 июня проживал кандидат в самозванцы, приехавший из Литвы под именем Андрея Нагого. Считается, что это был шкловский учитель, в котором паны Меховецкий и Зенович «узнали» спасшегося царя.

Сейчас Маховецкий появился в Стародубе практически одновременно с Заруцким и привел из Литвы отряд в 700 шляхтичей. Эти двое хорошо знали друг друга по первому московскому походу. Довольно быстро они столкнулись с предводителем местных повстанцев Гаврилой Вережкиным. И вскоре эта троица организовала для горожан трогательный спектакль под названием «Возвращение царя народу».

Якобы власти Путивля, наслышанные от «провозвестников» о том, что «Дмитрий» недавно прибыл в Стародуб, прислали туда посольство из нескольких дворян и детей боярских. Те, явившись в город, узнали от жителей, что здесь о «царе» никто не слышал. Тогда они решили допросить одного из «провозвестников», Алешку

Рукина, который стал отнекиваться и упираться. Однако когда его поволокли к пытке, Рукин указал на Лженагова и завопил, что это и есть «государь». Народ, естественно, тут же признал «Дмитрия», повалился царю в ноги, и по всему городу ударили в колокола. Новый самозванец не обладал ни мужеством, ни волей, ни практическим опытом, чтобы самостоятельно вести дело. С первого и до последнего дня он старался как можно реже появляться на людях. Письма к «подданным» от имени «царя» составляли помощники. Насколько можно судить по его поведению, Лжедмитрий II не имел четких политических взглядов. Он был только знаменем повстанцев, и от прочих казацких «царевичей» этого периода отличался лишь энергичными соратниками да польской подмогой.

ГЛАВА 18

ВОЙСКА ЛЖЕДМИТРИЯ II ОСАЖДАЮТ МОСКВУ. ДОЖДАВШИСЬ МАКСИМАЛЬНОГО ОСЛАБЛЕНИЯ РОССИИ, В ВОЙНУ ВСТУПАЕТ СИГИЗМУНД III

При всех выдающихся качествах Тульской крепости был у нее один существенный изъян. Город стоял в низине, и при определенных условиях его можно было затопить, перекрыв реку. Работами по созданию искусственного озера руководили дьяки Разрядного приказа, согнавшие на строительство свыше 60 тысяч «посошных» мужиков. Сначала на правом — пологом и болотистом — берегу Упы соорудили дамбу длиной в полверсты, чтобы перегородить всю речную пойму, затем перекрыли плотиной саму Упу и стали ждать осеннего паводка. Осажденные пытались мешать работам: «С Тулы вылазки были на все стороны на всякий день по трижды и по четырежды, а все выходили пешие люди с вогненным боем и многих московских людей ранили и побивали»*. Однако Шуй-

* *Скрынников Р.Г.* Царь Василий Шуйский. М., 2002. С. 246.

скому удалось завершить строительство до конца лета. И теперь оставалось только ждать, что случится раньше: осенний паводок принудит гарнизон к капитуляции или объявившийся в Стародубе «Дмитрий» приведет под Тулу новую армию.

Самозванец перебрался через границу еще в мае 1607 года, но объявился в Стародубе лишь к середине июля. К этому времени Сигизмунд III нанес сокрушительное поражение рокошанам. В Речи Посполитой появилось много «свободных» ратников, готовых продать свои услуги любому, согласному за них платить. Но даже в этих условиях сбор войск шел медленно. Местные дворяне под знамена мятежников вставать не спешили. Многие покидали усадьбы и поодиночке тайно пробирались в Москву. Понять их нетрудно. После того как Ляпунов и Пашков покинули лагерь Болотникова, казачьи отряды «царевича Петра» устроили на Северщине настоящую «охоту на дворян». Казни в Путивле шли непрерывно. Те, кого сразу тащили к плахе с топором, могли считать, что легко отделались... Князей и дворян резали по суставам, травили голодными медведями, сбрасывали с крепостных стен. Людей заживо сжигали на кострах, обваривали крутым кипятком, сажали на кол.

Окружение стародубского «вора» постаралось ускорить мобилизацию. Приглашая наемников из Речи Посполитой, Лжедмитрий II обещал платить вдвое и втрое больше европейских окладов. Принуждая северских дворян к службе, «вор» угрожал нетчикам лишением поместий. Так, по свидетельству Конрада Буссова, «Дмитрий приказал объявить повсюду, где были владения князей и бояр, перешедших к Шуйскому, чтобы холопы перешли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ, а если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему»*. Этими призывами он пытался не только решить проблему набора в свою армию. Вбивая клин между помещиками и их вооруженной холопской свитой, Лжедмитрий II хотел развалить дворянское ополчение Шуйского.

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 363.

10 сентября, собрав чуть больше тысячи наемников и несколько тысяч русских, в основном «гулящего люда», самозванец двинулся из Стародуба в Почеп. Население встречало его с той же радостью, что и Лжедмитрия I. Люди толпами выходили к дороге, приветствуя «истинного царя». Но и затруднения у Лжедмитрия II были точь-в-точь такими же, что и у предшественника: в казне вечно недоставало денег для оплаты наемников. Уже 26 сентября поляки взбунтовались и, забрав свое оружие, ночью ушли прочь. К утру самозванец догнал их и долго уговаривал вернуться. Наконец наемники согласились продолжить поход. К этому времени осажденные в Туле повстанцы дошли до последней крайности. Затопление города привело к тому, что запасы соли смыло водой, а зерно на складах подмокло и испортилось. От голода люди с трудом держались на ногах. «Царевичу Петру» и «воеводе» Болотникову пришлось вступить в переговоры с Шуйским. Они соглашались капитулировать при условии, что победители сохраняют жизнь всем участникам мятежа. Вожди восстания не знали, что Лжедмитрий II в это время уже подходит к Козельску.

Сведения об успехах самозванца вызвали брожение в царских войсках. Царь Василий вынужден был поклясться на кресте, обещая «ворам всем дать выход, кто куда захочет, а воеводам их, вору Ивашке и иным, ничего не будет»*. 10 октября 1607 года Тула капитулировала. Большинству повстанцев Шуйский сохранил жизнь и свободу. Однако вожди мятежа не вошли в число амнистированных. «Воеводу» Ивана Болотникова сослали в Каргополь. «Боярин» Григорий Шаховской отправился в монастырь «на Каменное». Атаман Федор Нагиба и другие уехали под конвоем в «Поморские города». Несколько позже, когда Лжедмитрий II подошел к Москве, Болотникова и других вождей мятежа тайно убили. Но хуже всего пришлось «царевичу Петру». Приставы повезли его в столицу, на пыточный двор. В январе 1608 года измученного палачами «вора Петрушку» публично повесили у Сер-

* *Заичкин И.А., Почкаев И.Н.* Русская история. Популярный очерк IX – середина XVIII в. М., 1992. С. 404.

пуховской заставы. О клятве Шуйского было известно многим, и циничное нарушение царского слова, подтвержденного крестным целованием, произвело плохое впечатление на жителей страны.

Но это случилось позже, а в октябре 1607 года известие о сдаче Тулы вызвало панику в армии Лжедмитрия II. Оставив недавно занятый Козельск, она спешно отступила к Карачеву. Тут самозванца покинул отряд запорожских казаков. Наемники разделили взятую в Козельске добычу и заявили, что уходят домой. Армия рассыпалась на глазах. Лжедмитрий с верными людьми бежал в Комарицкую волость. Здесь его нашли прибывшие из Польши подкрепления: несколько сотен жолкнеров пана Тышкевича. В ноябре подошел трехтысячный отряд донцов под командованием еще одного самозваного царевича, «Федора Федоровича». Вскоре прибыли казаки атамана Юрия Беззубцева, сдавшиеся в плен при падении Тулы. Свои частные армии в лагерь самозванца привели из Польши пан Лисовский, князь Адам Вишневецкий и другие.

Между тем Шуйский после Тулы посчитал войну законченной. Он распустил армию и вернулся в Москву. Гневу Гермогена не было предела. Однако царь Василий решил, что власть его отныне незыблема, а значит, пришла пора поставить на место «вздорного старика». Вместо активизации боевых действий, на чем настаивал патриарх, Шуйский проявил совсем иную активность. В целях продолжения царского рода 56-летний монарх решил жениться на молодой княжне Марии Буйносовой. «Новый летописец» отмечает, что «патриарх его молил от сочетания браком». Вскоре выяснилось, что Гермоген не зря бил тревогу. Передышка дала мятежникам собраться с силами. К началу декабря под знаменами Лжедмитрия II было уже больше 10 тысяч ратников. Повстанцы попытались осадить Брянск, но в город вовремя прорвались отряды князей Куракина и Литвина-Мосальского. Они доставили обоз с продовольствием и воинскими припасами. Шансы на удачный штурм сразу опустились до нуля. Самозванец не стал упорствовать и отступил на зимовку в Орел. Сюда в апреле 1608 года привел четырехтысячную армию князь Роман Ружинский. Вскоре наем-

ники провели новое «коло». Должность гетмана перешла на нем от Маховецкого к Ружинскому.

С этого времени казаки-болотниковцы все больше и больше уступали власть польским наемникам. Ружинский был очень энергичным человеком. С его прибытием в мятежном лагере все активизировалось. Одно за другим полетели письма: к Мнишеку с просьбой воздействовать на короля, к агентам в Польшу, чтобы те ускорили сбор и отправку подкреплений, к русским боярам — бывшим любимцам первого самозванца — с убеждениями в истинности «спасшегося царя». Вскоре под руководством нового гетмана армия двинулась в поход на Москву. В районе города Болхова ее встретили полки Дмитрия Шуйского и Василия Голицына. В распоряжении воевод было около 35 тысяч человек, на несколько тысяч больше, чем у самозванца. 30 апреля конные польские роты с ходу атаковали русские позиции. Весь день сражение шло с переменным успехом. Ночью Дмитрий Шуйский решил отвести армию к Болхову и занять оборону по засечной черте. Ружинский тоже не стремился возобновить сражение. Вчера он начал бой «с марша», удобное место для стоянки нашел только утром 1 мая. Пользуясь затишьем на фронте, гетман решил превести войсковые обозы через реку — на поляну, выбранную для обустройства лагеря.

Русские ратники к этому время сняли пушки с позиций и отвели их в тыл. Тронувшись с места, польские повозки подняли за спиной у жолкнеров тучи пыли. Царские воеводы приняли это движение обоза за концентрацию сил для удара по оголенному флангу. В полках началась паника. С известием об этом к Ружинскому явилось несколько перебежчиков. Они подсказали полякам, куда лучше нанести удар. Гетман бросил в наступление все наличные силы. Царские войска в беспорядке бежали с поля боя. Армия самозванца захватила много пушек и большой обоз с продовольствием.

Вина за это поражение лежит не только на бездарном царском брате. В гражданской войне огромное значение имеет моральный фактор. А на пропагандистском фронте царь к этому времени разрушил все, чего с таким трудом удалось добиться патриарху. Наступление Лжедмитрия II началось сразу после того, как по стране

разнеслась весть о циничном нарушении Шуйским крестного целования. В стремительном продвижении мятежников русские ратники видели «кару Господню». По армии ползли слухи о том, что каждому, оставшемуся в лагере Шуйского, придется отвечать перед Богом за клятвopепреступление своего царя. Число перебежчиков стремительно росло.

После Болхова движение армии Лжедмитрия напоминало триумфальное шествие. Козельск, Калуга, Можайск и Звенигород встречали его хлебом-солью и колокольным звоном. Простые люди искренне радовались возвращению «добрoго царя». Они не знали, что на одной из стоянок Ружинский добился от самозванца коренного пересмотра условий «найма». Под давлением алчных панов Лжедмитрий II согласился разделить между ними царскую сокровищницу, которая ждет его в Москве. Таким образом, новые отношения Ружинского с «Дмитрием» даже отдаленно перестали походить на договоренность между монархом и его гетманом. Подобные «соглашения» Фернандо Кортес и Франсиско Писарро заключали с Монтесумой и Атауальпой — правителями ацтеков и инков.

Лжедмитрий II подошел к Москве 1 июня 1608 года. Через несколько дней его ратники разбили лагерь в селе Тушино. Видя, сколько иноземных войск пришло с мятежниками, царь Василий поспешил заключить соглашение с Польшей. По его условиям в обмен на освобождение наемников, захваченных в Москве во время переворота, Сигизмунд III обязался немедленно отозвать из России все свои силы, сражавшиеся на стороне Лжедмитрия II. Договор этот выполнила только русская сторона. Поляки на «пустую бумажку» не обратили внимания. Все ратники Ружинского остались в Тушине. А в день, когда послы Сигизмунда ставили подпись под соглашением, в Россию вторглось войско Яна Сапеги. Мнишеки в Польшу не поехали. По дороге они отделились от посольского каравана и отправились в Тушино, где 6 сентября 1608 года Марина встретилась с «супругом». Они с Лжедмитрием II принялись изображать перед народом счастливую пару, воссоединившуюся после долгой разлуки. Понятно, что никого из посвященных дешевый маскарад обмануть не мог, но простой народ принимал все за чистую монету.

Сапега привел в тушинский лагерь свыше 1700 жолкнеров. Вскоре им удалось договориться о равенстве своих прав на добычу с теми, кто начинал поход. После этого подкрепления из-за границы хлынули рекой. К осени 1608 года в лагере Лжедмитрия II, по свидетельству самих наемников, собралось «18 000 польской конницы и 2000 хорошей пехоты»*. Кроме этого самозванцу служили многие тысячи запорожских и донских казаков. По разным данным, общая численность казачьих войск в армии Лжедмитрия II составляла от 35 до 65 тысяч человек. Очевидно, как и в случае с поляками, речь идет обо всех отрядах, действовавших от имени самозванца. В лагере одновременно находилось не более половины от этого числа.

Как только самозванец укрепился в Тушине, это село превратилось в столицу мятежной России. Вскоре власть Лжедмитрия II признали Псков и Астрахань, Переславль-Залесский и Ярославль, Кострома и Вологда. Под контроль Тушинского вора перешла добрая половина страны. Со всех концов России в Тушино под конвоем везли князей и воевод, захваченных в плен восставшим народом. Из тех, кто соглашался ему служить, Лжедмитрий II формировал свою «воровскую» Думу. Со временем в нее вошли Иван Годунов, Дмитрий Черкасский, Алексей Сицкий, Дмитрий Трубецкой и прочие. Но ключевыми фигурами там были боярин Михаил Салтыков и атаман Иван Заруцкий. Влияние этой парочки держалось на том, что они беспрекословно выполняли все распоряжения Ружинского.

Был в Тушине и свой «освященный собор» из захваченных «ворами» иерархов. Лжедмитрий II «восстановил» в должности патриарха «разжалованного» Шуйским Филарета Романова. Будучи ростовским митрополитом, тот активно участвовал в обороне города от отрядов Яна Сапеги. 11 октября 1608 года тушинцы штурмом взяли Ростов, и Филарета вместе с городским воеводой привезли в лагерь самозванца. Воеводу Лжедмитрий II казнил, а Романову предложил стать «воровским» патриархом. У митрополита практически не было выбора. Со строптивцами в Тушине не

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 379.

церемонились, а умирать «за царя-батюшку Василия Шуйского» обиженный им Романов не желал.

Историки часто спорят, чье влияние преобладало в «воровской» Думе того периода: Салтыкова, Трубецкого или Филарета. Рассуждения эти лишены смысла, поскольку сама Дума была «опереточной». Ни с ней, ни с «царем» иностранные наемники не считались. Главной властью в Тушине стал их глава — гетман Ружинский. Второй по значению силой в лагере самозванца были казаки. При этом запорожцы по численности намного превосходили донцов. Глава Казачьего приказа «боярин» Иван Заруцкий ежедневно расставлял стражу на валах и воротах и высылал сторожевые разъезды на дороги. Он был очень полезен Ружинскому тем, что сумел обуздать казачью вольницу и заставил ее служить интересам оккупантов.

Осада Москвы, начатая летом 1608 года, продолжалась свыше полутора лет. Все это время рос долг «царя» перед наемниками. После очередной ссоры из-за денег поляки на войсковом «коло» избрали специальную комиссию из десяти представителей — «децемвиров» — для контроля над доходами и расходами самозванца. «Самодержца» они фактически взяли под домашний арест. Произвол «децемвиров» свел на нет и прежде небольшие полномочия «воровской» Думы, приказов и уездных тушинских воевод. Эти структуры окончательно превратились в декорации, маскирующие кровавую власть иноземных завоевателей.

Не имея возможности расплатиться с долгами, самозванец раздавал полякам грамоты на кормление и сбор налогов. Гетман Ружинский и его ротмистры распоряжались во «владениях» Лжедмитрия, как в завоеванной стране. Они забирали у крестьян скот, подчистую выгребали из амбаров зерно и фураж. Произвол, насилия и убийства носили повсеместный характер. Народ на опыте убеждался, что поляки и их прислужники, тушинские воеводы, несут ему большие утеснения, чем старая власть. Не находя у «царя» управы на оккупантов, жители сами начали братья за оружие. Восставшие очистили от тушинцев Вологду, Галич и Кострому. Вскоре владычество «вора» рухнуло в Двине и Поморье.

К весне городские ополчения освободили от оккупантов Поволжье, а в апреле—мае 1609 года отбросили от Ярославля отряды пана Лисовского.

В осажденной «ворами» Москве жизнь народа тоже была не сладкой. Тушинские отряды препятствовали подвозу продовольствия. Цены на продукты росли. Популярность правительства падала. В феврале 1609 года группа дворян во главе с князем Романом Гагариным ворвалась в Думу, требуя отрешить Шуйского от власти. Не получив поддержки у бояр, заговорщики отправились к Успенскому собору. Они захватили Гермогена и вывели его на Лобное место, где сообщники собрали к этому времени большую толпу москвичей. Здесь князь Гагарин принародно объявил патриарху: они восстали против Шуйского потому, что тот готовит тайные казни своих противников. К тому же подданные имеют право его свергнуть. Ведь это «неправильный царь», выбранный без участия «Всей Земли».

Патриарх принялся возражать мятежникам. Вначале ему удалось убедить народ, что царь Василий не собирается никого казнить. В споре же о законности избрания Шуйского Гермоген умело сыграл на московском патриотизме посадских жителей. Он заявил Гагарину, что царем Василия выбрала столица, которую всегда «государства Русской земли слушали». Эти лестные слова патриарха успокоили москвичей. Когда на площадь прибыли войска, Шуйский тоже вышел к народу и объявил, что скоро наступит конец бедствиям. На выручку столице спешат полки Скопина и Шереметева — они снимут блокаду и приведут обозы с хлебом. Толпа успокоилась и разошлась.

Для тех, кто знаком со взглядами Гермогена, его поведение на площади в момент мятежа выглядит довольно странным. Ведь если у патриарха и были какие-то иллюзии насчет Шуйского, то после «тульских событий» они наверняка исчезли. Политическая программа Гагарина была по сути своей изложением взглядов патриарха: если уж выбирать царя, то «Всей Землей». За эту идею Гермоген «получил на орехи» еще от Бориса Годунова. Так в чем же дело? Думаю, тут могли сыграть роль сразу три важных обстоя-

тельства. Во-первых, Гермоген — человек слова. Царь, которому он присягал, оказался клятвопреступником, бездарностью, мелким и трусливым интриганом. Но это не отменяло самого факта присяги и не давало права на предательство. Во-вторых, патриарх понимал, что провести нормальные выборы в осажденной врагами крепости все равно не получится: и депутатов от городов не созовешь, и дебатов нормальных не устроишь. В-третьих, как мне кажется, на тот момент у Гермогена еще не было подходящей кандидатуры в цари. И несмотря на всю значимость двух первых обстоятельств, решающим практически наверняка стал именно этот фактор.

Показательна дальнейшая судьба Гагарина: сразу после событий на площади князь со своими сторонниками бежал в Тушино, но вскоре они вернулись в Москву с повинной. И во время следующих волнений, 5 мая 1609 года, Гагарин уже агитировал горожан не поддаваться на «дьявольскую прелесть» и держать оборону против «вора». Бывший мятежник разъяснял москвичам, что за спиной Лжедмитрия стоит главный виновник всех российских бед, Сигизмунд III. А его целью является захват страны и уничтожение в ней православия. Таким образом, не все «тушинские перелеты» были беспринципными мерзавцами. Встречались среди них те, кто мучительно искал правду, но не находил ее ни у Шуйского, ни в лагере «вора».

Разорвать кольцо блокады изнутри царская армия не могла. Чтобы организовать деблокирующий удар извне, в Новгород еще в 1608 году выехали наиболее энергичные и талантливые сторонники Василия Шуйского: воевода Татищев и царский племянник Скопин. Всем было известно, что они недолюбливают друг друга. Очевидно, царь рассчитывал использовать это обстоятельство, чтобы держать в узде обоих. Однако Шуйский недооценил племянника — в хитрости и коварстве он не уступал дяде. Когда к Новгороду подступили тушинские отряды, Татищев вызвался возглавить борьбу против них. До этого воевода энергично боролся с агитаторами «воров» внутри Новгорода, а потому успел навлечь на себя ненависть городских низов. И тут Скопину донесли, будто Татищев «идет для того, что хочет царю Василию изменить»*.

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 391.

Князь Михаил тут же использовал этот предлог для расправы над «предателем». Не обременяя себя судом и следствием, он выдал коллегу на расправу толпе. Посадские растерзали Татищева, а труп бросили в Волхов.

Известие о казни произвело неприятное впечатление в Кремле. Ближайшие советники Шуйского не верили, что царский племянник действовал по собственной инициативе. В новгородском убийстве бояре увидели сигнал: в следующий раз жертвой может стать любой из них. Ждать такого развития событий царедворцы не хотели. Во главе заговора встал дворецкий Иван Крюк Колычев. Два десятка лет он был самым верным сторонником Шуйского. Переворот запланировали на Вербное воскресенье — 9 апреля 1609 года. В этот день царь должен был вести «ослять» под въезжающим в Кремль патриархом. Колычев рассчитывал, что в сутолоке его люди смогут оттеснить стражу и убить Шуйского. Но сохранить замысел в тайне не удалось — чашник Василий Батурлин донес на дворецкого. Заговорщиков арестовили. Шуйский не пожалел прежнего любимца. Колычева казнили на Пожаре. Польские агенты Сигизмунда III докладывали королю, что главным сообщником дворецкого был Василий Голицын, которого заговорщики планировали возвести на престол. По-видимому, шпионы короля не ошиблись. Ведь, если верить Р.Г. Скрынникову, во время бунта Гагарина Василий Голицын тоже был на площади, в толпе зрителей.

Пока столицу лихорадили заговоры, на севере Скопин завершил переговоры с Карлом IX. 23 февраля в Выборге стороны подписали соглашение, в соответствии с которым Швеция присылала в помощь Москве наемное войско — три тысячи пехоты и две тысячи конницы. Стоила эта услуга недешево, более 100 тысяч рублей ежемесячно. Кроме того, Шуйский отказывался в пользу Швеции от всех претензий на Ливонию и обещал уступить Карлу IX город Корелу с уездом. 10 мая 1609 года совместная русско-шведская армия под командованием Михаила Скопина и Якоба Делагарди выступила в поход на Москву. Она состояла из трех тысяч русских ратников и пятитысячного шведского корпуса. По дороге к армии приставали отряды ополченцев. Совместно со шведами они одер-

жали под Тверью победу над десятитысячным польско-тушинским войском пана Зборовского. Опираясь на стойкую оборону шведской пехоты, Скопин и Делагарди измотали и в середине второго дня разгромили противника. По мере продвижения к Москве число русских бойцов в армии возрастало. Еще в Торжке к союзному войску присоединилась трехтысячная смоленская рать. Подошли отряды из Ярославля, Костромы и поморских городов. Общая численность армии увеличилась до 15 тысяч человек. Ее полки заняли Переславль-Залесский, вошли в Муром, штурмом овладели Касимовом.

Но вскоре ситуация изменилась. В 130 верстах от Москвы шведские наемники отказались идти вперед. Солдаты требовали уплаты обещанного жалованья, а Делагарди упирал на то, что по договору русские уже должны были вывести войска из Корелы. Не добившись уступок, шведский корпус снялся с лагеря и двинулся к границе. Василия Шуйский отправил в Новгород приказ: передать Карлу IX Корелу. Местные власти его не выполнили. Но положительную роль это письмо сыграло. Узнав об уступке Шуйского, отряд Делагарди остановился в Валдае и перекрыл полякам дорогу на Новгород. Соблюдая собственные интересы, шведы фактически помогали Скопину. А он, лишенный стойких иноземных полков, был вынужден отступить в Калязин, чтобы прикрыться Волгой от возможных ударов Зборовского. Перед тем как возобновить наступление, русскому воеводе требовалось «обустроить» свою армию. Из наемников с царскими войсками остался только отряд во главе с Христиером Зомме, примерно около тысячи человек. С ними Скопин заключил особое соглашение, по которому шведы обязались не только воевать, но и обучать «иноземным премудростям» русских ополченцев.

Уход Делагарди стал лишь началом череды неприятностей... Перед самым свержением Лжедмитрий I успел объявить войну Крыму. После вступления на престол Василий Шуйский направил к хану послов, чтобы возобновить мирные отношения. Но мятежники перехватили их и казнили в Путивле. Прождав год известий из России, правитель Крыма решил, что пришла пора действовать.

В июне 1609 года многотысячная орда царевича Джанибека вторглась в русские пределы. Татары продвигались к Москве не спеша. По дороге они грабили и сжигали села, брали штурмом города, забирали в полон население. Разгромив Тарусу, крымская армия перешла Оку. Отряды татар появились у Серпухова, Коломны и Боровска.

Таким образом, к концу лета ситуация под Москвой осложнилась до предела. Ружинский с Лжедмитрием II стояли на ее западных окраинах, Ян Сапега удерживал позиции на севере, ведя осаду Троице-Сергиева монастыря. А с юга наступали крымские татары. Скопин-Шуйский ничем не мог помочь столице. Используя укрепления заранее выстроенного острога, его армия в двухдневном сражении 18–19 августа отбила наступление 20-тысячной польско-тушинской рати на Калязин. Но к полевым сражениям с панцирной кавалерией русская пехота была еще не готова, а Делагарди по-прежнему стоял у Валдая. В этой ситуации Сигизмунд III решил выйти из тени. Тем более что повод для разрыва перемирия долго искать не пришлось: договор Василия Шуйского с Карлом IX затрагивал интересы не только Речи Посполитой, но и ее монарха, претендовавшего на шведскую корону.

19 сентября 1609 года отряды литовского канцлера Льва Сапегги подошли к стенам Смоленска. Через несколько дней к ним присоединился польский король. Гарнизон русской крепости был невелик. По разным сведениям, он составлял от 1400 до двух тысяч человек. Большую часть смоленских ратников воевода Михаил Шеин еще весной отправил к Скопину. Королевская же армия насчитывала свыше 12 тысяч бойцов. Кроме нее в осаде участвовало более 10 тысяч малороссийских казаков и литовских татар. Еще от границы король прислал жителям Смоленска универсал, где сообщал, что он идет по просьбе самих же русских – навести порядок в их государстве. Сигизмунд III рассчитывал на легкую прогулку. К осаде первоклассной крепости он свои войска не готовил. В армии было намного больше кавалерии, чем пехоты. А артиллерийский парк состоял всего из полутора десятков орудий.

Смоленск недаром считался ключевым пунктом русской обороны на западе. Его каменные стены, возведенные в 1597—1602 годах Федором Конем, местами достигали высоты 14 метров, а толщиной были до 5,1 метра. Протяженность каменных укреплений, включающих в себя 38 башен, составляла шесть верст. Крепостная артиллерия насчитывала около 300 пушек и размещалась в башнях в три яруса. Возглавлявший гарнизон Михаил Шеин был смел, решителен и считался в военных кругах большим мастером обороны. С началом боевых действий он призвал к оружию посадских жителей, доведя численность своих войск до пяти тысяч человек. В городе имелись большие запасы продовольствия и воинских припасов.

Подойдя к Смоленску, Сигизмунд III потребовал от гарнизона сложить оружие. Жители ответили, что скорее погибнут, чем покорятся врагу. 12 октября начался первый штурм города. Королевские инженеры взорвали мину у Авраамиевских ворот. Польские колонны ворвались в пролом. Но дальше продвинуться не удалось. Смелой контратакой русские ликвидировали прорыв. Поняв, что с наскока город взять не удастся, король перешел к планомерной осаде. Его тяжелая артиллерия осталась в Риге. С учетом состояния дорог подвезти пушки должны были только через несколько месяцев. Ожидая осадные орудия, поляки рыли многочисленные тоннели. Они пытались заложить мины под стены и башни. С помощью слуховых ходов и встречных подкопов смоляне всякий раз ликвидировали угрозу. Русские ратники постоянно ходили на вылазки. В одном из налетов отряду смельчаков удалось захватить даже королевское знамя.

Вторжение Сигизмунда III увеличило раздоры в лагере самозванца. Если Ружинский и его соратники поклялись друг другу держаться прежней линии, то осаждавший Троице-Сергиев монастырь Петр Сапега не хотел ссориться с родичем, канцлером Яном Сапегой, и потому занял нейтральную позицию. Еще одним следствием осады Смоленска стало укрепление союза России и Швеции. Карлу IX было выгоднее вести войну с Сигизмундом под Москвой и на русские деньги, чем одному и в Эстляндии.

Получив приказ короля, Яков Делагарди со своими людьми 26 сентября прибыл в Калязин. Скопин встретил их с радостью и тут же выдал наемникам жалованье. Устранив недоразумения, объединенная армия двинулась вперед и уже 6 октября вступила в Переславль. Через три дня ее передовые отряды закрепились в Александровской слободе, куда вскоре прибыли и основные силы. Следом с востока подошли воевавшие в Поволжье и под Владимиром войска Шереметева. Теперь у Скопина собралось свыше 25 тысяч ратников. С такой армией можно было дать противнику генеральное сражение. Однако русские войска не могли еще на равных биться с интервентами. Тактика Скопина в течение всей кампании заключалась в том, что его пехота занимала укрепленные позиции, которые вынуждена была раз за разом атаковать польская конница. И только после того, как она из-за высоких потерь лишилась наступательных возможностей, завершающий удар по врагу наносила свежая и отдохнувшая русская кавалерия.

Чтобы сохранить этот рисунок боя, Скопин высылал впереди армии сильный отряд, который подбирал позицию и строил укрепления, позволявшие отбить внезапную атаку врага. Только после этого отряд догоняли главные силы. Так было и в Александровской слободе. Первыми 9 октября к крепости подошли части Семена Головина и Григория Валуева, а также шведский отряд полковника Иоганна Мира. Оставленные гетманом Сапегой польские роты потерпели поражение и бежали с поля боя. Передовые русские части сразу же принялись подновлять крепостные стены, ставить «острог», возводить полевые укрепления: рогатки, надолбы, засеки. И лишь когда они закончили работы, позиции заняли полки Скопина.

После этого ситуация изменилась кардинально. Из Александровской слободы армия Скопина угрожала и лагерю под Троицей, и «воровской столице» в Тушине. Даже понимая, что их заманивают в ловушку, поляки вынуждены были атаковать русско-шведские укрепления. 28 октября конница Сапеги опрокинула передовые заслоны и прорвалась к позициям пехоты. Перед надолбами она остановилась и сразу попала под убийственный огонь стрельцов. Вслед отходящим полякам бросились конные дворяне, вырубил

отставших и вновь укрылись за надолбами. Весь день бой шел по этому сценарию. Ночью Сапега отступил к Троице-Сергиеву монастырю, а Ружинский увел полки в Тушино. Москва ликовала. Там были уверены, что блокада рухнет в считанные дни.

ГЛАВА 19

РАСПАД ТУШИНСКОГО ЛАГЕРЯ. СМЕРТЬ МИХАИЛА СКОПИНА. ПОРАЖЕНИЕ ПОД КЛУШИНОМ

Из высшего руководства страны только Скопину успех не вскружил голову. Он прекрасно видел, что польская кавалерия в последнем сражении не исчерпала своих возможностей. Отступление носило тактический характер. Ружинский и Сапега решили выманить русские полки с укрепленных позиций. На Москву идти было нельзя, но и бездействовать — тоже. Тогда Скопин перешел к тактике малой войны. Основные его силы продолжали удерживать позиции в Александровской слободе, но одновременно с этим во все стороны пошли отряды дворянской конницы, лыжники и пешие дружины. Они выбивали тушинцев и поляков из городов и деревень, строили острожки, закрепляя освобожденные от оккупантов земли.

Еще 16 октября в Троице-Сергиев монастырь прорвался посланный Скопиным отряд из 300 всадников. В начале ноября русские воины закрепились в селах Константинове, Заболотье, Низиново, Сарапово и Болотово. Как только они построили укрепления, за передовыми частями на позиции выдвинулись «большие полки». Болотово находилось недалеко от Троице-Сергиева монастыря. Его заняла рать Семена Головина, насчитывавшая несколько тысяч человек. Сапега был вынужден выставить перед селом сильные сторожевые заставы. Жолкнерам быстро надоело мерзнуть в поле, и они потребовали решительных действий. Гетман вынужден был уступить, хотя и понимал, что наступать придется в крайне невы-

годных условиях. 15 ноября конные полки Рожинского, Микулинского и Стравинского атаковали русские позиции. Попытка выбить из острожков русскую пехоту закончилась плачевно. Поляков отбросили от деревни с большими для них потерями. 20 ноября к Сапеге пришло подкрепление, полк пана Загорского. Однако повторная атака привела лишь к новым жертвам.

Тогда гетман сменил тактику. В тылу армии Скопина тушинские отряды продолжали удерживать важные опорные пункты: Суздаль, Юрьев-Польский, Ипатьевский монастырь под Костромой, Ростов, Старицу, Ржев, Белую и многие другие. Сапега принялся посылать конные рати, чтобы расширить оккупированные территории. Поляки больше не прикрывались тушинским «цариком» и сказками о наведении порядка в России. Бесчинства разъяренной неудачами солдатни достигли пика. Вот как описывает это историк А. Петрушевский: «Не было в них ни милости, ни жалости: пленных они топили, расстреливали; на глазах родителей жгли детей, головы их носили на копьях, грудных младенцев разбивали о камень»*.

Естественно, Скопину пришлось принимать срочные меры для защиты мирного населения. Воевода Давид Желябов, занимавший передовые позиции под Александровской слободой, получил приказ устраивать частые вылазки, чтобы сковать ими армию Сапег. Одновременно с этим рати князей Хованского и Бярятинского направились в районы Кашина и Ростова. Воевода Корнила Чеглоков совершил кавалерийский рейд на север, в район Бежецкого Верха. Здесь, в сражении у Задубровской слободы, он разбил большой отряд поляков и тушинцев. К январю 1610 года Хованскому удалось выбить интервентов из Ржева и Старицы, но гарнизон Белой оказал ожесточенное сопротивление. Шведские наемники, устрешенные большими потерями, отказались продолжать штурм. Хованскому пришлось отступить.

В то время как Скопин очищал от оккупантов северные территории, царь послал на Коломенскую дорогу рать князя Мосальского.

* *Петрушевский А.* Рассказы про старое время на Руси от начала Русской земли до Петра Великого. М., 1900. С. 242.

Польско-тушинские отряды разбили ее у села Борщева, а затем внезапной ночной атакой попытались прорвать внешний пояс московских укреплений. И хотя штурм удалось отбить, авторитет Шуйского продолжал падать. Однако его «сопернику» в Тушине приходилось еще хуже. Поляки обращались с самозванцем как с ненужным хламом. 10 декабря 1609 года, когда послы Сигизмунда не удостоили Лжедмитрия даже визитом вежливости, он попытался покинуть лагерь. Поляки догнали сопровождавший «царя» отряд донцов и принудили к возвращению. После этого «Дмитрию» запретили прогулки и перестали давать лошадей. Но 27 декабря «самодержец» все-таки бежал из лагеря, спрятавшись на дне груженой телеги.

После исчезновения «царя» между поляками начались стычки. Группа шляхтичей обвинила Ружинского во всех бедах «воинства». Отряд пана Тышкевича открыл огонь по палаткам гетмана. Вскоре зазвучали ответные выстрелы. Часть наемников в поисках Лжедмитрия бросилась обыскивать посольские повозки, кто-то под шумок попытался захватить войсковой обоз... В конце концов все поняли, что теперь у них нет иного выхода, кроме соглашения с королем. Русским тушинцам пришлось подчиниться мнению жолкнеров. А что им оставалось делать? Двинуться следом за «цариком» — поляки не пустят. Да и шансов на успех у самозванца в тот момент не просматривалось. Бежать к Шуйскому? В прежние времена, когда «Дмитрий» был в силе, в Москве охотно принимали «тушинских перелетов». Но мало кто сомневался, что в новых условиях мстительный царь Василий начнет казнить перебежчиков. А потому на всеобщем «коло», куда поляки пригласили тушинских вождей, те дружно согласились признать власть Сигизмунда III и отдаться под его покровительство.

Однако это не означало, что тушинская «Дума» решила перейти в польское подданство. Во-первых, «воровской патриарх» Филарет и «бояре» Лжедмитрия заявили королевским послам, что они не вправе призвать на трон Сигизмунда или кого-либо из его потомства. Это может сделать лишь «Совет всей Земли». Во-вторых, они напомнили королю, что Россия признает лишь православного

царя. Вскоре тушинцы отправили Сигизмунду проект соглашения об избрании на русский трон королевича Владислава. Тот должен был креститься в православную веру, клятвенно обещать, что станет править в согласии с Боярской думой и Освященным собором. По самым важным вопросам царь должен будет советоваться со «Всея Землей». Таким образом, в проект заложили возможность укрепления института Земских соборов. Сигизмунд согласился с основными статьями договора, но ни слова не сказал о гарантиях его выполнения. Польский король старался использовать Смоленское соглашение, чтобы облегчить себе завоевание России. Таким образом, ситуация в стране запуталась окончательно. Рядом с двумя царями — Шуйским в Москве и Лжедмитрием в Калуге — появился еще и третий — Владислав Сигизмундович. Король тут же принялся рассылать от имени сына грамоты и жаловать тушинцам земли, ему не принадлежащие.

Меж тем Михаил Скопин продолжал наращивать наступление. Ночью 9 января 1610 года в Троице-Сергиев монастырь прорвался отряд из 500 бойцов под командой Григория Валуева. Наутро совместно с руководившим обороной Давидом Жеребцовым они устроили вылазку. Русские ратники перебили польские заставы и ворвались в лагерь противника. Бои на Клементьевом поле, у Келарева пруда, в районах гор Волокуша и Красная продолжались несколько часов. Сражение не принесло успеха ни одной из сторон. Вечером гетман увел свои войска в лагерь, а защитники Троицы укрылись за монастырскими стенами. Однако эти бои нельзя считать безрезультатным. Когда 12 января разведка сообщила Сапеге о выступлении русских полков из Александровской слободы, он поспешно отошел к Дмитрову. Блокада Москвы закончилась. В столицу двинулись многочисленные обозы с военными припасами и продовольствием.

Меж тем бежавший из Тушина «царек» обосновался в Калуге. Здесь он пожаловался на измену Ружинского и на то, что наемники переметнулись к Сигизмунду. «Вор» клялся, что не отдаст полякам ни пяди Русской земли, но вместе со всем народом умрет за православную веру. Сторонники Лжедмитрия II, брошенные им в

Тушине, попытались уйти к «царю» в Калугу. Две тысячи донцов и пять сотен служилых татар с развернутыми знаменами покинули лагерь. Заруцкий попытался их задержать. Но донцы не стали его слушать. Тогда атаман сообщил обо всем Ружинскому. В чистом поле тяжелая конница догнала пеших казаков. Дорога от Тушина до Калуги была усеяна трупами. Особенно отличились в этой битве жолкнеры пана Млоцкого. Но то была лишь первая битва между бывшими соратниками по «воровскому» лагерю. Несколько дней спустя казаки атамана Юрия Беззубцева уничтожили в Серпухове отряд Млоцкого. Вслед за этим на сторону Лжедмитрия II перешли еще несколько подконтрольных Ружинскому городов. Почувствовав поддержку населения, самозванец попытался «воссоединить семью». Однако посланный за Мариной отряд из трех тысяч казаков поляки встретили в поле и разбили наголову.

Когда же 13 февраля «царице» удалось бежать от Ружинского, направилась она не в Калугу к «мужу», а в Дмитров к Сапеге. Гетмана к этому времени с трех сторон обложили летучие отряды лыжников. Снежной зимой по бездорожью они передвигались быстрее, чем конница оккупантов. Все попытки поляков навязать противнику большое сражение неизменно заканчивались неудачей. Русские отступали в леса, не переставая осыпать врага градом пуль. С запада подходы к городу ратники Скопина демонстративно не блокировали. Так они давали знать полякам, что беспрепятственно пропустят их к границе.

Однако Сапега намеков не понял. Тогда на помощь лыжникам подошли пищальники Григория Валуева, воины сторожевого полка князя Лыкова и роты иноземных наемников. Общее число царских ратников под Дмитровом достигло 12 тысяч человек. У Сапеги войск был не меньше, однако в городе, за крепостными стенами, он разместил лишь польские роты. Казаки, составлявшие больше половины армии, расположились в выстроенном неподалеку остроге. Вскоре гетману пришлось пожалеть об этом решении. 20 февраля неожиданным ударом русские войска прорвали укрепления острога. Бросив пушки и обоз, казаки в панике бежали к городским стенам. По дороге они смешали и расстроили

ряды вышедшей из ворот польской конницы. Потери сапежцев были ужасны. В один день гетман лишился большей части армии. Оставшиеся еще могли оборонять городские стены, но для активных боевых действий не годились.

Скопин не стал добивать противника. Выделив для трехсторонней блокады Дмитрова несколько сотен лыжников и конных дворян, он занялся другими проблемами. Русские ратники окружили в районе Суздаля отряды пана Лисовского, выбили поляков из Можайска. 27 февраля Сапега сжег Дмитров и отступил к Смоленску. Ушли к границе польско-казацкие отряды, грабившие уезды на Верхней Волге. 6 марта армия Ружинского уничтожила тушинский лагерь и отошла к Волоколамску. Часть русских «воров» бежала в Калугу к «царику». Многие «тушинские бояре» поехали к царю Василию, каясь. Другие же, во главе с «патриархом» Филаретом, двинулись с Ружинским к Сигизмунду III.

12 марта 1610 года полки Михаила Скопина-Шуйского торжественно вступили в столицу. Простой народ встречал юного победителя с энтузиазмом. Совсем иное отношение к нему было в высших кругах. Успехи царского племянника в боярской среде вызывали зависть и будили ненависть. Сам Скопин тоже не горел желанием встречаться с царедворцами. Если верить Р.Г. Скрынникову*, воевода хотел из Александровской слободы скорым маршем идти к Смоленску. И лишь категорический приказ Шуйского вынудил Скопина привести полки в Москву.

Впрочем, внешне все выглядело пристойно. Вожди Думы наперебой давали торжественные пиры в честь победителя, царь всячески демонстрировал ему свою благодарность и любовь. Из всех «больших бояр» только недалекий и завистливый Дмитрий Шуйский проявлял истинные чувства к племяннику. Неудивительно, что именно царского брата молва обвинила в отравлении Скопина, когда после одного из пиров тот внезапно разболелся и умер. Был ли князь Михаил на самом деле отравлен? Вероятнее всего, да. Опоила ли его ядовитым вином жена Дмитрия Шуйского

* Скрынников Р.Г. Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 413.

Екатерина, дочь известного опричника Малюты Скуратова? Вполне возможно. Семья Бельских* знала толк в лекарствах и ядах.

Но нельзя исключать и другие варианты...

Когда армия Скопина стояла в Александровской слободе, к нему приезжали посланники от Прокопия Ляпунова. Вождь рязанских дворян предлагал князю Михаилу принять участие в заговоре против Шуйского. Многие историки трактуют это как попытку добиться добровольной передачи власти от дяди к племяннику. Они забывают, что братья Ляпуновы почти всегда действовали заодно с другим претендентом на трон, Василием Васильевичем Голицыным. Не исключено, что и на сей раз старые друзья были в одной политической «упряжке». Странники этой группировки всеми силами пытались «выбить» трон из-под суздальской династии. Им шла на пользу любая рознь в клане Шуйских. Однако идеальным вариантом для Голицыных была такая смерть популярного и талантливого Скопина, в которой молва обвинила бы царя Василия и его семью. Но это, подчеркну, лишь один из возможных вариантов. В том змеином гнезде, каким стал Кремлевский дворец при Шуйском, «ужалить» удачливого соперника мог практически любой вельможа.

Из крупных группировок вне подозрений, пожалуй, только старомосковское боярство. Их лидер, Филарет Романов, в это время сидел с поляками в Волоколамске. Весенняя распутица надолго заперла их в Иосифовом монастыре. От безделья паны быстро перессорились. Во время потасовки Ружинский неудачно упал раненым боком на каменные ступени. 4 апреля он скончался. После смерти гетмана большая часть армии во главе со Зборовским ушла к Смоленску, а отряды Руцкого и Мархоцкого остались на месте. 21 мая 1610 года монастырь взяли штурмом войска Валуева. Из полутора тысяч поляков и «русских воров» в живых остолось меньше трехсот, в том числе Филарет Романов. В Москву «тушинский патриарх» попал уже в июне. И отправился он не в тюрьму или на дыбу, как ожидали многие, а в родовые хоромы Китай-города.

* Полная фамилия Малюты – Скуратов-Бельский.

Неизвестно, что собирался делать с одним из «главных лиходеев» царь Василий, но за Романова горячо вступился Гермоген. Он публично объявил Филарета жертвой «зловредного вора» и вернул ему сан ростовского митрополита.

Заметим два важных момента в поступке Гермогена. Это было первое значимое действие патриарха с января 1608 года. Тогда, после женитьбы Василия Шуйского на Марии Буйносовой, Гермоген словно воды в рот набрал. Но что еще более важно, подобное благодушие к вчерашнему врагу для него совершенно нетипично. По мнению большинства современников, Гермоген был «нравом груб», «прикрут в словесех и воззрениях*». Еще интереснее, что вскоре, по мнению Р.Г. Скрынникова, ростовский митрополит завладел «большой властью над патриархом**». Странности в поведении Гермогена можно объяснить той позицией, которую занял Филарет в момент распада тушинского лагеря. Предложенные Романовым статьи Смоленского договора, где от Владислава требовался обязательный переход в православие, а политика его ставилась в зависимость от «Всей Земли», произвели благоприятное впечатление на Гермогена. Он почувствовал в Филарете единомышленника, который точно так же болеет за судьбу России. Переход на службу к врагам Шуйского патриарх уже не мог ставить кому-либо в вину. Царь Василий неоднократно предавал всех и вся, цинично нарушал священные клятвы, а потому не заслуживал верности подданных. Однако, понимая и прощая других, для себя Гермоген считал невозможным нарушить единожды данную присягу. Филарет был более гибок в политическом плане. Когда ситуация изменилась, он быстро нашел общий язык с теми, кто готовил свержение Шуйского.

А перемены уже буквально стучались в дверь. Вместо умершего Скопина царь назначил командующим своего брата Дмитрия. При первой же встрече с польскими войсками тот нарушил все принципы ведения боя, которых держался его победоносный предшественник. Начал Дмитрий Шуйский с того, что разделил войска.

* Русская историческая библиотека. Т. XIII. С. 124—125.

** Скрынников Р.Г. Крест и корона. СПб., 2000. С. 351.

Далеко впереди от основной армии действовал пятитысячный авангард Григория Валуева. 14 июня в районе Царева Займища к его укрепленным позициям подошли полки коронного гетмана Жолкевского. В их составе было не менее двух тысяч жолкнеров, чуть больше тысячи польских пехотинцев и около трех тысяч казаков.

Штурмовать острог Валуева Жолкевский не стал. Лучший полководец Сигизмунда III никогда не действовал по шаблону. На счету 63-летнего ветерана числилось к этому времени немало громких побед: и над шведами в Лифляндии, и над казаками Наливайко, и над войсками польских рокошан. Валуев еще 14 июня послал к Дмитрию Шуйскому гонца с сообщением о встрече с противником, но царский брат медлил... А тем временем к врагу подошли подкрепления во главе с паном Зборовским. Присоединились к Жолкевскому и тушинские казаки Заруцкого. Таким образом, численность королевского войска перед битвой возросла почти вдвое. Однако гетман и теперь не пошел на штурм позиций Валуева. Вместо этого Жолкевский разбил вокруг острожка лагерь и, оставив в нем отряд из 700 пехотинцев, с главными силами в ночь с 23 на 24 июня вышел навстречу Шуйскому.

В русско-шведской армии было, по разным данным, от 16 до 30 тысяч бойцов. Это как минимум в полтора раза больше, чем у Жолкевского. Но гетман знал, с кем имеет дело, и рассчитывал на фактор внезапности. Интуиция не обманула поляка. Полки Дмитрия Шуйского остановились на краю большого поля близ деревни Клушино, в 20 километрах севернее Гжатска. В принципе, место для ночевки они выбрали неплохое. С трех сторон лагерь окружали леса. Достаточно было прикрыть четвертую крепкой деревоземляной стеной, и это укрепление остановило бы польскую кавалерию. Но царский брат ограничился плетнем из хвороста, к которому не выставил ночью даже сторожевые заставы. Сам лагерь вместо рва и вала он окружил лишь кольцом из обозных телег.

На рассвете 24 июня 1610 года королевская армия развернулась для атаки. В первой линии стояли лучшие конные полки Зборовского и Струся, во второй — остальная кавалерия и пешие роты. За левым флангом, напротив палаток Делгарди, спрятались в

кустах несколько казацких сотен. Передовые отряды пехотинцев скрытно подошли к неохраняемому плетню и начали рубить в нем проходы для конницы. Стук топоров разбудил русских стрельцов и мушкетеров Делагарди. Они успели добежать до остатков плетня и открыли огонь до того, как гусарские хорутви начали атаку. Пока шел огневой бой, союзные полки построились для битвы. Но если Делагарди впереди расположил пехотный строй, а кавалерию поставил сзади, то Василий Шуйский сделал все наоборот.

Жолкевский не замедлил воспользоваться ошибкой русского командующего. Пятитысячная лавина панцирной конницы, выставив вперед длинные пики, обрушилась на «детей боярских» и опрокинула их ряды. Отступая, кавалеристы смяли и расстроили собственную пехоту. Вскоре беспорядочные толпы русских ратников побежали к лагерю, чтобы укрыться за повозками. Поляки их не преследовали. Они развернули ряды и обрушили тот же конный вал на пехоту Делагарди. Раз за разом армия Жолкевского атаковала плотную шведскую фалангу. Безуспешно. В это время Шуйский имел сказочную возможность для удара во фланг наступающим полякам. При всех потерях у царского брата оставалось не менее пяти тысяч ратников. В обозе имелось 18 пушек, которые также можно было пустить в дело.

Однако Шуйский лишь безучастно наблюдал за тем, как на помощь гусарам подходит королевская пехота. Под ее ударами начали разбегаться наименее стойкие отряды наемников. Однако Делагарди избежал разгрома. Более трех тысяч его солдат заняли удобную позицию на опушке леса, за лагерем, и приготовились к дальнейшей битве. Возможно, даже сейчас у Шуйского еще был шанс победить. На какое-то время польские ратники увлеклись грабежом шведского лагеря, и внезапный удар с тыла мог застать их врасплох. Делагарди наверняка поддержал бы русскую атаку. Однако царский брат упустил и эту возможность переломить ход битвы.

Жолкевского всегда отличали хорошая разведка и умение пользоваться ее плодами. Он знал, что наемники еще в Москве требовали выплаты задержанного жалованья. Царь частично погасил долг, а остальное обещал отдать в ближайшее время. Нака-

нуне сражения иностранцы напомнили об этом своим командирам. Деньги в войсковой казне были и немалые. Но Дмитрий Шуйский придержал их в надежде, что после битвы придется платить меньше. Когда в сражении возникла пауза, гетман послал к наемникам своего племянника. От имени короля тот предложил солдатам перейти на сторону победителей, пообещав хорошую награду «за труды». Отряды шотландцев, французов и немцев тут же «передались» полякам. После этого Делагарди и полутора тысячам оставшихся шведов пришлось принять предложенное Жолкевским сепаратное перемирие.

Покончив с правым флангом союзной армии, поляки начали готовиться к штурму русского лагеря. К этому времени Дмитрий Шуйский уже отдал приказ об отходе, который под ударами противника превратился в паническое бегство. От полного истребления русских спасли лишь густые леса. Победителям достались армейский обоз, артиллерия и даже войсковая казна, которую прижимистый «полководец» вынужден был бросить, чтобы спасти жизнь. Из-под Клушина Жолкевский возвратился в Царево Займище и сообщил Валуеву о своей победе. Тот не поверил гетману. Ведь Дмитрий Шуйский в начале сражения не сообразил послать гонца к авангарду. А не забудь царский брат это сделать, Валуев легко мог сбить оставленные Жолкевским заслоны. В этом случае шеститысячная русская рать успевала подойти к Клушину раньше, чем рухнула оборона наемной пехоты.

Чтобы доказать правоту своих слов, гетман продемонстрировал Валуеву трофеи и знатных пленников. Объяснив таким образом, что помощи ждать неоткуда, гетман стал убеждать осажденных в том, что Сигизмунд уже не ведет войну против России. Ведь бояре согласились избрать на трон королевича Владислава. А он, Жолкевский, движется к Москве как воевода нового царя. И цель польской армии — помочь русским в борьбе против Тушинского вора. Неизвестно, поверил ли Валуев гетману, но он заставил Жолкевского поклясться, что Владислав будет чтить православную веру, а король очистит Смоленскую землю от своих войск. Лишь на этих условиях русские ратники целовали крест новому царю и присоединились к армии Жолкевского. Вскоре примеру Валуева последовали гарнизоны Можайска, Борисова, Боровска,

Иосифова монастыря под Волоколамском, Ржева и Погорелого Городища. Таким образом, после Клушина гетман удвоил свою армию, присоединив к ней большую часть наемников Делагарди и почти 10 тысяч русских бойцов. Вскоре Жолкевскому удалось занять Вязьму.

В это время неожиданную поддержку получил Тушинский вор. К его трехтысячной армии присоединились войска Петра Сапеги. Перед этим они вели долгие переговоры с Жолкевским и Сигизмундом. Большинство историков считает, что король отказал «сапежцам» в жалованье, а «царек», наоборот, прельстил высокими окладами. Возможно, это и так. Но не исключен вариант, что Сапега ушел к Лжедмитрию II по договоренности с Жолкевским. Два польских гетмана решили взять русскую столицу в своеобразную политическую «вилку». Жолкевский в этой «связке» играл роль доброго защитника Москвы от «воров». А Сапега должен был обеспечить этим «ворам» ударную силу. Вскоре с помощью жолкнеров Лжедмитрий II овладел Боровским Пафнутьевым монастырем. После этого на сторону самозванца перешли Серпухов, Кашира и Коломна. Сторонники «вора» пытались овладеть Зарайском, но воевода Дмитрий Пожарский отстоял город. Вскоре он выбил отряды самозванца из Коломны. Однако это был лишь локальный успех. Армия Лжедмитрия II приближалась к Москве с юга. Главную силу в ней составляли польские кавалеристы Петра Сапеги.

Василий Шуйский совершил очередную ошибку. Его ратники не хотели сражаться за «несчастливую» династию. И когда с юга к Туле подошла десятитысячная крымская орда мурзы Кантемира, царь обратился за помощью к татарам. Кантемир взял деньги, но всерьез воевать за интересы Шуйского не стал. После нескольких стычек с войсками Лжедмитрия II татары разграбили окрестности и двинулись в обратный путь с богатой добычей. Противостоявшие самозванцу отряды Воротынского и Лыкова после ухода крымских «союзников» отступили к Москве. Там уже назревал взрыв. Полгода назад Скопин освободил столицу от «воровской» блокады. А теперь все снова катилось в тартарары. Москвичи требовали объяснений. Они были возмущены действиями царя и его без-

дарного брата. Стронники Голицыных решили, что настало время действовать. Впрочем, сам князь Василий Васильевич, как обычно, постарался остаться в тени. Зато активную роль в событиях играл его давний союзник, Захар Ляпунов. Вторым заводилой мятежа стал бывший «глава воровской Думы», а ныне активный проводник интересов Владислава, Михаил Глебович Салтыков.

Смоленский договор с Сигизмундом, рожденный в недрах «тушинской Думы», с каждый днем приобретал все больше сторонников в Москве. Кандидатура Владислава многим казалась привлекательной. Вскоре приверженцев королевича возглавил руководитель Думы Федор Милославский. Впрочем, во всем, что касалось свержения Шуйского, оппозиционные силы договорились без труда. Разногласия ждали их на следующем этапе. Однако каждая из партий надеялась, что сможет после отречения Шуйского перетянуть на свою сторону Москву и армию. Вскоре заговорщики получили еще один толчок извне. «Бояре» Лжедмитрия II предложили им «нулевой» вариант: москвичи свергают Шуйского, а «тушинская Дума» во главе с Трубецким устраняет самозванца. После этого они совместно организуют выборы нового царя.

Не стоит думать, что Трубецкой действовал самостоятельно. В лагере Лжедмитрия II все решали поляки. Еще 10 июля 1610 года наемное войско Сапеги добилось от самозванца, чтобы тот официально признал над собой власть Сигизмунда III*. По поводу будущих выборов предложенные наемниками «артикулы» предусматривали два варианта. Коли Москва призовет на трон короля, «царика» в награду за «труды» ждет удел в Речи Посполитой. Если же русские изберут «Дмитрия», тот признает верховную власть Сигизмунда III и станет его вассалом. Из чего можно сделать вывод, что если Сапега и не состоял в стоворе с Жолкевским, то действовали они оба в пользу одного и того же лица. Таким образом, железная рука интервентов все сильнее сжимала горло России. Казалось, хуже уже не может быть. Однако через несколько месяцев действительность опровергла это предположение.

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 435.

ГЛАВА 20.
СВЕРЖЕНИЕ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО.
ПЕРЕХОД ВЛАСТИ К СЕМИБОЯРЩИНЕ.
ГИБЕЛЬ ЛЖЕДМИТРИЯ II

16 июля 1610 года войска Лжедмитрия II подступили к стенам столицы. На следующий день в Москве начались волнения. Шуйский еще сидел в своем Кремлевском дворце, но народ толпами собирался под его окнами и кричал: «Ты нам больше не царь!» Трудно сказать, что стало главной причиной возмущения: приход самозванца в Коломенское, наступление Жолкевского или пересылка польскими агентами в Москву договорной записи между гетманом и Валуевым. Однако заговорщики во главе с Захаром Ляпуновым четко уловили настроение посада и своего шанса не упустили. Понимая, что не стоит вести безоружных людей на штурм царского дворца, мятежники ворвались на патриарший двор и захватили Гермогена. Затем вместе с патриархом они двинулись к Серпуховским воротам, где стояли полки, оборонявшие Москву от Лжедмитрия II.

Заговорщики надеялись, что обозленные неудачами ратники поддержат их призыв к низложению Шуйского. Так и случилось. Возглавлявшие войско бояре сразу же приняли сторону Ляпунова, а если какая-то часть дворян была против, то их голоса утонули в общем одобрительном хоре. Вскоре, несмотря на протесты Гермогена, толпа постановила, что Шуйского надо лишить трона, поскольку он «не по правде, не по выбору всей земли русской сел на престол и был несчастен на царстве»*. Позднее многие историки представляли дело так, будто Шуйского низложил «правильный» Земский собор. Это утверждение сомнительно. Собирище мятежников у Серпуховской заставы, после того как к нему присоединилась большая часть армии, стало единственной организованной силой в столице. Здесь собрались люди разных чинов. Было много бояр и

* *Заичкин И.А., Почкаев И.Н.* Русская история. Популярный очерк IX – середина XVIII в. М., 1992. С. 412.

дворян, жителей посада и церковных иерархов. Однако делегатами их никто не выбирал. А бессвязные выкрики возбужденной толпы мало напоминали дискуссию на Земском соборе.

Тем не менее глава Думы Федор Мстиславский утвердил приговор «собрания». Бояре решили «послати от себя из обозу из-за Москвы-реки к царю Василью Ивановичу всеа Русии боярина князя Ивана Михайловича Воротынского, чтобы он, государь царь Василей Иванович всеа Русии... государство Московское отказал и посох царьский отдал для [из-за] пролития междуусобные крови христианской»*. В ответ на добровольный уход от власти мятежники обещали оставить ему в удел Нижний Новгород. Шуйский переехал на свое старое боярское подворье. Однако он продолжал плести интриги: собирал приверженцев, вел переговоры с неустойчивыми, пытался подкупить стрельцов. Это заставило заговорщиков пойти на крайние меры. 19 июля Захар Ляпунов со своими сторонниками явился к бывшему царю в сопровождении чудовских монахов. Василия и Марию Шуйских насильно заставили принять постриг. Затем обоих развезли по кельям: «инок Варлаам» отправился в Чудов монастырь Кремля, а его бывшую жену определили в Ивановскую обитель. Чтобы окончательно устранить возможность реставрации, Дума вскоре передала братьев Шуйских в руки Жолкевского. Гетман отослал их под Смоленск к Сигизмунду III.

Гермоген до конца боролся за нелюбимого царя, которому присягал. Патриарх долго не признавал законности пострижения Василия, объявляя иноком князя Тюфякина, который 19 июля проносил за бывшего самодержца монашеские обеты. Протестовал против решения Думы выдать братьев Шуйских Сигизмунду III. Настаивал, чтобы свергнутого царя направили вместо этого в один из российских монастырей: на Соловки или в Кирилло-Белозерский. Гермоген понимал, что его попытки помочь бывшему самодержцу заведомо обречены на провал. Что поддержка свергнутого Василия может повредить самому заступнику. Однако по-другому

* *Скрынников Р.Г.* Царь Василий Шуйский. М., 2002. С. 368.

поступить патриарх не мог. Вскоре эти качества — упорство в принципиальных вопросах и верность однажды данному слову — сделают Гермогена признанным лидером нации и последней надеждой российских патриотов.

А пока боярам главным казался опустевший трон. Оспаривать право на высшую власть стали многие знатные лица. Первыми заговорили о своем кандидате сторонники Василия Голицына. Этот хитрый интриган давно уже тянул руки к московской короне. В свое время князь Василий Васильевич играл ведущие роли в расправах над Федором Годуновым и Лжедмитрием I. Одну попытку свергнуть Шуйского Голицыну сорвал Гермоген, зато вторая удалась на славу. Правда, дальше дело застопорилось... Еще в первый день переворота, 17 июля, Захар Ляпунов и его сторонники стали «в голос говорить, чтобы князя Василия Голицына на государстве поставить»*. Но агитация не имела успеха. В Думе были и другие Гедиминовичи, претендовавшие на престол. Глава ее, Федор Мстиславский, не соглашался уступить корону Голицыным. Сходной позиции придерживался и князь Воротынский. Чтобы не подпустить к трону никого из конкурентов, эти двое готовы были призвать на царство Владислава. Вскоре в борьбу с Голицыным вступил еще один претендент. Филарет Романов, будучи духовным лицом, не мог рассчитывать на корону, но он выдвинул кандидатом сына Михаила. В глазах многих людей юный Романов имел наибольшие права на трон. Как-никак, а двоюродный племянник Федора Иоанновича, последнего законного царя из династии Калиты.

Таким образом, лидеры определились быстро. Самым перспективным из них сразу же стал Владислав. За интересы юного Сигизмундовича готова была сражаться подходившая к Москве армия Жолкевского. Королевичу присягнули ратники Валуева. Его кандидатуру поддержали лидеры Боярской думы: Мстиславский и Воротынский. Второе-третье место разделили Гедиминович Василий Голицын и сын лидера старомосковского боярства Михаил Романов. Суздальская знать после свержения Шуйских не смогла

* *Скрынников Р.Г.* Царь Василий Шуйский. М., 2002. С. 374.

выдвинуть достойного кандидата, а представители опричных родов дискредитировали себя службой у самозванца.

Избирательная кампания продолжалась недолго. Главной претензией к предыдущему монарху была келейность его избрания. А потому бояре вскоре пришли к выводу, что голосовать за нового царя следует «всем за один всею землею, сослався со всеми городами»*. Вряд ли это стало действительной причиной, по которой Дума отложила выборы. В верхах общества не было единства. Боярские лидеры Мстиславский и Воротынский держали сторону Владислава, в то время как глава Освященного собора Гермоген агитировал за русских кандидатов: Голицына и Романова. В результате сошлись на том, что до проведения «правильных» выборов Дума создаст особую комиссию по управлению страной. Во главе ее встал боярин Федор Мстиславский. Кроме руководителя Думы туда вошли Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков. Так появилась печально знаменитая Семибоярщина, вскоре запятнавшая себя предательством интересов народа.

Активная позиция в начале выборной кампании стала первым по-настоящему самостоятельным политическим актом Гермогена. А потому имеет смысл подробно остановиться на анализе действий патриарха. Зачем он выдвинул сразу двух кандидатов? Кого Гермоген хотел видеть на троне на самом деле? И был ли такой претендент в тройке лидеров? Чтобы ответить на эти вопросы, нам придется внимательно присмотреться к московскому патриарху, ознакомиться с историей его жизни, попытаться понять уровень знаний и систему мотивировок, составить впечатление о деловых и душевных качествах этого незаурядного человека.

О ранних годах жизни Гермогена известно немного. Даже дату рождения мы знаем приблизительно — 1530 год. Поляки считали, что священник Ермолай (так звали его до пострижения в монахи) происходил из донских казаков, русские историки то выводили Гермогена из городского духовенства, то причисляли к роду Шуй-

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 437.

ских или Голицыных. Такое обилие гипотез ясно показывает, что о первых 48 годах жизни одного из виднейших деятелей русской истории мы не знаем практически ничего, кроме его мирского имени. Первое значимое событие в жизни будущего патриарха произошло лишь в 1579 году в Казани. Приходской священник церкви Святого Николая в Гостином дворе участвовал в обретении одной из величайших православных святынь — иконы Казанской Божьей Матери. Если верить легендам, именно будущий патриарх написал тогда же краткий вариант «Сказания о явлении иконы и чудесах ее», отправленный духовенством Ивану Грозному. Многие историки считают, что и сам Ермолай в это время переехал в Москву, где в 1587 году, уже после смерти супруги, принял постриг в Чудовом монастыре. Как это часто бывало с талантливыми приходскими священниками, переход к иноческой жизни привел к резкому взлету карьеры Гермогена. В 1588 году он стал игуменом, а затем архимандритом Спасо-Преображенского монастыря. Но это было лишь началом стремительного возвышения скромного монаха. 13 мая 1589 года патриарх Иов возвел Гермогена в сан епископа и практически сразу же поставил его руководить новоучрежденной Казанской митрополией.

Не побоюсь сказать, что работа, доставшаяся Гермогену, была на тот момент самой сложной и ответственной в Русской церкви. Фактически его назначили на передовой рубеж, где предстояла тяжелая борьба за обращение в христианство множества разноречных племен: мордвы, мари, чувашей, татар и других. Причем русскому митрополиту приходилось решать более сложные задачи, чем его католическим и протестантским собратьям в Америке и Африке. Ведь на востоке России существенно иным был характер взаимодействия христиан с местным населением. Европейцы фактически не признавали «дикарей» людьми и хладнокровно истребляли всех, кто посмел перечить «белым господам». Русские, в отличие от них, считали аборигенов равными себе. А потому даже в мыслях не держали возможности беспощадного уничтожения соседей.

Свою роль сыграло и то, что во многих отношениях уровень развития Казанской и Астраханской земель не уступал московско-

му. Конечно, их жителям было чему поучиться у русских. Новые методы хозяйствования помогали поднимать экономику края. Но и переселенцы обнаруживали у местного населения массу полезных навыков, ремесленных приемов и обычаев, которые не грех было перенять. Такой же взаимный характер носило и религиозное общение. Паства нового митрополита оказалась вкраплена отдельными островками в гущу иноверного служилого и податного населения. Многие новокрещенцы, быстро осознав, что переход в православие не дает им никаких привилегий, принялись отклоняться к прежним обычаям и верованиям.

Не лучше обстояли дела и в русских общинах. Это только в летописях дело представляется так, будто переселенцы больше заботились о душе, чем о брэнном теле. Якобы, придя на новое место, они начинали дело со строительства и освящения храма. На практике же буйные казацьи ватаги в своих скитаниях чаще полагались на сабли и пищали, чем на святой крест. Даже мирные земледельцы, уходя с насиженных мест в леса и степи Поволжья, в Приуралье и за Урал, грузили на телеги серпы и сохи, мешки с домашним скарбом и семенами, но не церковную утварь. В этих условиях митрополиту пришлось начинать работу не с пламенной агитации в иноверческой среде, а с действий охранительных и оборонительных. Понимая, что многие прихожане от старой веры уже отстали, а в новой еще не утвердились, Гермоген на первом этапе сосредоточил основные усилия на поучениях, терпеливо внушая им правила жизни в христианской общине. При этом он действовал исключительно позитивными методами, как бы и не замечая наличия вокруг христиан целого моря иноверцев.

Следующим важным шагом в работе митрополита стало «освящение» новой земли. Гермоген хорошо понимал душу народа, знал, что вера становится сильна только в том случае, если ее подпитывают и незримо поддерживают местные, свои, родные, понятные людям святые заступники. И освоение земли не может быть полным без освящения ее подвигами новых чудотворцев, без обретения собственных икон. По его инициативе были прославлены не только воины, отличившиеся в боях под Казанью,

но и трое мучеников, пострадавших в этом городе за веру. Одновременно будущий патриарх утвердил вечную память казанским просветителям: архиепископам Герману и Гурию. «Жития» обоих святых, написанные емким лаконичным слогом Гермогена в 1596—1597 годах, ярко характеризуют начитанность и литературный талант казанского митрополита. Всячески заботясь о духовной составляющей православия, Гермоген не забывал и о поддерживающих его земных материях. Ускоренными темпами шло при нем строительство храмов и монастырей. Многие признают, что первый казанский митрополит потрудились над обустройством и освящением вверенной ему епархии больше, чем любой из его многочисленных преемников.

Вынужденно сосредоточившись на современных задачах, не забывал Гермоген и об истории. Так, к примеру, он стал одним из горячих сторонников легенды об Андрее Первозванном. Сохранились предания, что тот крестил жителей Великой Скифии за много веков до Владимира Святого. Признание этого события сразу же ставило Русскую землю в число первых, кто принял христианство. Древняя легенда не только льстила формирующемуся национальному самосознанию. Она укрепляла веру русского народа в его особое предназначение, помогала людям пережить беды Смутного времени.

Все это позволяет утверждать, что Гермоген был умен, начитан, деятелен, способен к самостоятельному решению сложных и неоднозначных задач. Многие историки (в частности, Н.И. Костомаров) считали его истовым ревнителем старины и ненавистником всего иноземного. Так ли это? Большую часть своей жизни Гермоген решал задачи, связанные с иноверцами. Это и колонизация новых земель на востоке, и противодействие польско-литовскому вторжению с запада. Но считал ли он другие народы врагами России? Призывал ли к борьбе в первую очередь с ними, а не с внутренними проблемами страны? Ответ на эти вопросы легко найти, сравнивая речи Иова и Гермогена на торжественном молебне у Успенского собора Кремля 20 февраля 1607 года. Там старый и новый патриархи совместно с москвичами просили высшие силы о разрешении

народа от клятвопреступлений, совершенных им за времена прежних царствований. Хорошо заметно, что в речи Гермогена упор сделан на призывах прекратить братоубийственную войну, которая представлена делом внутренним, российским. Иов же острие обвинений направляет не только на самого Лжедмитрия I, но и на его иноземное воинство. Конечно же, дело не в том, что Гермоген пренебрегал опасностью польско-литовского вторжения. Просто он понимал, что бороться с иностранными захватчиками лучше мерами позитивными, укрепляющими единство русского народа. А основной причиной неудач считал внутреннюю слабость своей отчизны, рознь между ее православными жителями.

Показательно и поведение Гермогена в июне 1610 года, когда в Москву привели плененного в Волоколамске Филарета. Не забудем, что на тот момент это — «воровской патриарх»! Враг и соперник Гермогена, контролировавший из Тушина половину российского духовенства. Кто-то увидел бы в этом лишь сказочную возможность для расправы. Нет человека — нет проблемы! Но Гермоген поступил по-другому. Он сумел найти политическую конструкцию, в которой вчерашний враг стал его преданным и верным союзником. Легко догадаться, что основой соглашения не могло стать выдвижение Михаила Романова запасным претендентом на трон. Ведь в вопросе о царском венце Филарета могло устроить лишь первое место! А что, если... Давайте предположим, что два патриарха не только ликвидировали раскол церкви, но и договорились о совместном выдвижении кандидата в цари. Имело ли смысл в таком случае заявлять о его притязаниях на трон в осажденной врагами Москве? В условиях, когда организовать честные выборы практически невозможно?! Да, бесспорно! Претендент должен обсуждаться в народе, быть на слуху. Без публичности выборы не выиграть! Но нужно ли в этих условиях показывать все, стоящие за его спиной, силы и ресурсы?.. Ни в коем случае! Пусть лучше плетется в хвосте — так безопаснее.

Уже потом, когда ничего нельзя было сделать, поляки обвиняли Филарета, что он тайно сговорился с Гермогеном не пускать Владислава на российский трон. Мол, задачей старшего Романова было

сорвать подписание договора с Сигизмундом, а Гермоген «имался всех людей к тому приводить, чтобы сына его Михаила на царство посадить»*. В доказательство королевские прознатчики приводили свидетельство некоего Федора Погожего, который в расспросе на Москве «весь злой завод и совет Филарета выписал»**. Может, это обычная клевета? Желание огульно обвинить старшего Романова? Вряд ли... Скорее можно поверить, что договоренность между патриархами была на самом деле. И что «объединенная церковная партия» не только выдвинула своим кандидатом юного Михаила, но и разработала план по продвижению его в цари. Вероятнее всего, Гермоген с Филаретом обменялись при этом всеми возможными клятвами и гарантиями. Именно тогда старший Романов, основной автор и сторонник «тушинской» идеи о призвании на трон Владислава, вдруг превратился в главного противника Сигизмунда на переговорах. Находясь в лагере врага, Филарет понимал, что недаром рискует жизнью, и верил — Гермоген не подведет.

Конечно, прямых и явных доказательств «сговора двух патриархов» найти, скорее всего, не удастся. Но в русло этой теории хорошо укладываются многие странности следующих трех лет российской истории.* Впрочем, возмущаться закулисной игрой церковных иерархов может лишь тот, кому неизвестно, как вели себя лидеры Семибоярщины. В рядах этого думского правительства преобладала знать литовского происхождения. Бояре, имевшие родственников в Речи Посполитой, невольно сравнивали свое положение с роскошной и беззаботной жизнью, которую вели польские сенаторы. И в глубине души эти русские аристократы были совсем не против подчинения страны Сигизмунду.

Формально Семибоярщина должна была лишь обеспечить честные выборы царя. Распоряжаться троном ей никто не уполномочивал. Однако думскую комиссию это не остановило. Когда 22 июня в предместьях Москвы появились войска Жолкевского, Мстиславский выехал на переговоры с гетманом. Одновременно

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 46.

** Там же.

бояре вели диалог с Сапегой, убеждая его оставить «вора» и возвращаться на родину. «Сапежцам» показали грамоты, в которых Жолкевский утверждал, будто его солдаты пришли защищать Москву от Лжедмитрия II. Однако «воры» не испугались. 2 августа отряды Сапегы начали штурм Серпуховских ворот. Жолкевский сразу объявил о нейтралитете. Приступы шли один за другим. Во время третьей атаки воевода Валуев, наплевав на приказы Жолкевского, атаковал с фланга рвущихся в город поляков. «Сапежцы», не ожидавшие удара, обратились в бегство. После этого переговоры возобновились. 16 августа 1610 года Семибоярщина согласовала с Жолкевским условия избрания Владислава на российский престол. Гермоген в последний момент настоял, чтобы в договор вставили пункт о предварительном крещении королевича в православие.

По требованию патриарха были существенно скорректированы и другие важные условия соглашения. В первоначальном проекте Жолкевского все обещания поляков давались сначала от имени короля, а потом уже от Владислава. Решение спорных вопросов и вовсе откладывалось до той поры, когда Сигизмунд сам «будет на Москве». Вычистив из текста все оговорки об участии короля, Гермоген позаботился о том, чтобы возможность занять московский трон осталась лишь за Владиславом и только после его перехода в православие. Таким образом, в случае соблюдения сторонами договора полностью снималась опасность поглощения России Речью Посполитой. Католик Сигизмунд не мог занять русский трон, а православный Владислав — претендовать на польскую корону.

Таким образом, этот раунд дипломатического поединка остался за Гермогеном. Однако мало вставить в договор выгодные для России условия, гораздо труднее было добиться их утверждения Сигизмундом. Учитывая «шаткость» русской знати, патриарх не без оснований подозревал, что отправленные под Смоленск послы легко могут променять интересы страны на свои личные выгоды. Собственно, на такой вариант указывали все действия Семибоярщины. Не дожидаясь письменного согласия Сигизмунда, не имея никаких гарантий от Жолкевского, боярские правители организовали присягу королевичу. В этих условиях некоторые из верных

Москве городов стали тайно ссылаться с Лжедмитрием II, желая перейти на его сторону. Самозванец их жителям по-прежнему не нравился, но, когда речь зашла о вере, люди предпочли православного «царька» католику Владиславу.

Если раньше армия Лжедмитрия II была нужна Жолкевскому как дополнительная угроза русской столице, то после присяги москвичей королевичу ситуация изменилась. К тому же гетману привезли новые инструкции от Сигизмунда III. Король недвусмысленно требовал, чтобы Россия подчинялась ему, а не сыну. Жолкевский попал в трудное положение. Объявить русским об изменении условий — нечего и думать! Такая весть легко могла объединить московских патриотов с казаками Лжедмитрия. К тому же король не прислал денег для наемников, которые из-за задержек жалованья уже начинали волноваться. Средства на оплату «войска» могла дать только Москва. А потому ссориться с боярским правительством гетман не стал. Вместо этого он решил «задушить Россию в дружеских объятиях».

27 августа войска Жолкевского и Мстиславского окружили стан самозванца. «Сапезцы» перешли на сторону короля, а Лжедмитрий II с Мариной бежали к Калуге в сопровождении атамана Заруцкого и донских казаков. Устранив угрозу столице, гетман стал настаивать на быстрейшей отправке дипломатической миссии к королю. Жолкевский добился, чтобы главным послом Семибоярщина назначила Василия Голицына. Высшим духовным лицом, представляющим интересы церкви, по просьбе гетмана и с согласия Гермогена стал Филарет Романов. Всего в составе посольства выехало пять членов Думы, 42 дворянина из 34 городов, много купцов, священников и других московских «чинов». Жолкевский постарался отправить под Смоленск самых активных российских политиков. Поскольку от новых, еще неизвестных русским требований Сигизмунд отступать не собирался, эти люди должны были стать заложниками, обеспечивающими лояльность оставшихся в Москве родственников.

Не все послы изъявляли готовность спорить с королем за интересы страны. Даже глава миссии, князь Василий Голицын,

однажды прилюдно заявил Гермогену: он и другие бояре станут, конечно же, просить, чтобы Владислав крестился в православную веру, «но если его величество королевич и не согласится на это... волен Бог да государь: если мы ему уже крест целовали, то ему нами и править»*. Однако своеволие дипломатов не было в России чем-то исключительным. И от него в Москве давно уже придумали «противоядие»: подробный наказ, где заранее оговаривались все обсуждаемые вопросы и пределы возможных уступок. Такую инструкцию от имени патриарха, бояр и всех чинов Российского государства получили послы и на этот раз. В первой же статье наказа было написано, что Владислав должен креститься еще под Смоленском, во второй — чтобы королевич там же порвал отношения с римским папой, в третьей — чтобы россияне, пожелавшие перейти из православия в католицизм, казнились смертью. Кроме этого Владислав обязался прийти в Москву с малой свитой, писаться русским царским титулом, жениться на православной девице и так далее...

Характерно, что «спорить о вере» на переговорах послам за-прещалось. Столь же категорично звучал и пункт о территориальных изменениях — говорить на эту тему наказ не позволял. По остальным вопросам уступки были невелики: к примеру, жениться Владиславу разрешались и на иностранке, если удастся согласовать ее кандидатуру с патриархом и Думой. Жолкевский понимал, конечно, что столь жесткие инструкции чреватые серьезным конфликтом в будущем. Но он надеялся, что к тому времени, как возникнет проблема, Кремль уже займут польские войска. И тогда, используя грубую силу, можно будет заставить бояр изменить посольский наказ.

Большинство Семибоярщины во главе с Мстиславским сочувствовало планам Жолкевского. Однако первую попытку захвата Кремля сорвал патриарх. Когда полковник Гонсевский осматривал места расквартирования, по Москве ударили в набат. Гермоген при поддержке двух членов Семибоярщины, Андрея Голицына и Ивана Воротынского, собрал у себя на подворье большую толпу. В числе

* *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 444.

прочих туда пришли и съехавшиеся в Москву члены Земского собора, который по первоначальному плану должен был выбирать царя. После того как людей собралось достаточно много, патриарх вызвал к себе Мстиславского с Жолкевским. Те попытались отговориться занятостью и предложили обсудить все вопросы в Думе. Гермоген пригрозил, что явится туда не один, а с народом...

Лишь после этого Мстиславский с Жолкевским прибыли на импровизированное заседание Земского собора. Патриарх и его сторонники обвиняли Семибоярщину и гетмана в нарушении договоренностей. Жолкевский обещал истребить армию Лжедмитрия, говорили они, а вместо этого готовится к оккупации Кремля. Конечно, Гермоген понимал, что отогнанные к Калуге отряды «царика» большой опасности не представляют. Но ему важно было услать подальше как можно больше польских войск. В этом случае у патриарха появлялся шанс перехватить политическую инициативу и добиться перехода власти к Земскому собору.

Настроение толпы сложно контролировать... Вскоре на патриаршее подворье прибыл вызванный гетманом Гонсевский. Полковник заявил собранию, что он не собирается вводить войска в Москву, а, наоборот, готовит польские хоругви к походу на Калугу. Дворяне и купцы, составлявшие большинство собрания, поверили этим лживым словам и перестали возмущаться. Мстиславский, воспользовавшись паузой, объявил об окончании прений. В заключение он сказал, что патриарху следует смотреть за церковью и не вмешиваться в мирские дела, «ибо никогда такого не бывало, чтобы попы правили государством». Голицын и Воротынский вскоре отступились от Гермогена. За несколько дней Семибоярщина сломила сопротивление союзников патриарха. Одних уговорили, других запугали, третьих заключили под стражу... В ночь с 20 на 21 сентября польские роты вошли в Москву. Часть их вместе с Жолкевским разместилась в Кремле, остальные заняли Китай-город, Белый город и Новодевичий монастырь. Теперь с Мстиславским и его коллегами гетман мог больше не считаться.

Русские послы меж тем медленно двигались к Смоленску. Осенняя распутица не позволяла ехать быстрее. Лишь 7 октября

миссия во главе с Голицыным и Романовым прибыла в королевский лагерь. Первая встреча с польскими дипломатами прошла 10 октября. Послы официально попросили, чтобы Сигизмунд отпустил сына на царство. Поляки от имени короля заявили, что он-де желает спокойствия в Московском государстве, а потому подумает над предложением и назначит время для аудиенции. Предметный разговор начался лишь 15 октября. Там радные паны сказали, что королевич еще очень молод* и потому король хочет вначале навести в России порядок. Послы на это возразили, что покой в стране наступит быстрее, если королевская армия прекратит осаду Смоленска и уйдет восвояси. А для борьбы с «вором» достаточно и тех войск, что пришли к Москве.

Споры продолжались полмесяца. 30 октября в лагерь прибыл гетман Жолкевский. От него послы узнали и о вводе польских войск в Москву, и о том, что главой Стрелецкого приказа стал полковник Гонсевский. Сигизмунд ясно показал, что желает сам править Россией. Указами, в которых его подпись стояла выше подписи сына, король начал жаловать земли и титулы. Федор Мстиславский за содействие в захвате Москвы получил чин царского слуги и конюшего. Ранее этот титул носил лишь Борис Годунов. Михаилу Салтыкову «за услуги» Сигизмунд отдал Важскую землю. Михаил Молчанов, который под видом «царя Дмитрия» отправлял из Самбора атамана Болотникова, стал окольниковым. Царским казначеем Сигизмунд назначил проворовавшегося при Шуйском купца Федора Андропова.

В Москве росло возмущение произволом короля. Для расправы с оппозицией Гонсевский использовал услуги Салтыкова и его людей. Предатели организовали ложные доносы на Гермогена и двух поддержавших его членов Семибоярщины: Андрея Голицына и Ивана Воротынского. Авторами показаний стали некий пленный казак из войска Лжедмитрия, поп Харитон и один из холопов Федора Мстиславского. Доносчики утверждали, что патриарх и два боярина задумали 19 октября совершить государственный переворот. Для этого они якобы вступили в сговор с серпуховским воеводой Федором

* Владиславу было в тот момент 15 лет.

Плещеевым, державшим сторону самозванца. В доносах говорилось, что заговорщики собирались проникнуть в Кремль через тайный подземный ход, захватить Водяные ворота, а затем впустить через них в город «воровские» отряды. Плещеев с казаками должен был ждать сигнала на Пахре. Мятеж планировали начать под звуки набата. Всех «лучших» людей, по утверждению доносчиков, бунтовщики собирались перебить, а их жен и имущество отдать холопам и казакам.

Судилище шло с многочисленными скандалами. Поп Харитон, на пытке подписавший все, что хотел от него Гонсевский, в суде прилюдно заявил, что обвиняемые не виноваты, а он оклеветал их со страху. Гермогена страна знала как самого решительного противника Лжедмитрия II. Всем было ясно, что показания «свидетелей» о том, будто патриарх состоял в переписке с «вором», шиты белыми нитками. Но это не имело значения для суда. Приговор содержал постановление о роспуске служителей патриаршего подворья. Не поздоровилось и Андрею Голицыну. Его фактически изгнали из Думы и до конца дней держали под домашним арестом. Иван Воротынский оказался единственным, кто проявил уступчивость и «покаялся». За это его вскоре «простили» и вернули в Думу.

Разгромив оппозицию, Гонсевский взялся за «реформу» гарнизона. В караулы Кремля и Китай-города вместо русских назначались немцы-наемники. Большинство московских стрельцов разъехалось по стране. Формально — для борьбы с «ворами». Фактически — чтобы ослабить русские силы в столице. Если в сентябре против семи тысяч поляков у Семибоярщины было 15 тысяч ратников, то теперь соотношение изменилось. Свою роль сыграло и приближение зимы. На это время дворяне привычно разъехали по усадьбам. Таким образом, к концу ноября все возможности для вооруженной борьбы с оккупантами внутри Москвы были утрачены. Поляки Гонсевского стали полновластными хозяевами русской столицы.

Сигизмунду III оставалось убраться с пути последнее препятствие — Смоленск. Сначала король попытался использовать дипломатию. По тайной договоренности с Жолкевским бояре еще в начале сентября прислали в Смоленск приказ о капитуляции. Однако Шеин отказался его выполнять. Вместо этого он направил

в королевский лагерь делегацию, включавшую представителей всех сословий. За две недели переговоров смоляне убедились, что имеют дело с циничным и безжалостным завоевателем. «Жители города, — заявили им королевские дипломаты, — с давних пор принадлежали к владениям короны; они были и останутся подданными короля, поэтому им следует просить о помиловании»*. Получив отказ, Сигизмунд попытался надавить на Шеина с помощью московских послов. Однако Голицын и Романов на уступки не пошли. Оба ссылались на полученный в Москве наказ и требовали дословного соблюдения заключенного с Жолкевским договора.

Король обратился к Гонсевскому. Тот без труда получил от Мстиславского новые инструкции послам. Однако преодолеть сопротивление Гермогена у поляков не получилось. Ни уговоры, ни угрозы расправы на патриарха не действовали. А новый наказ, подписанный одними боярами, русские послы признать отказались. «Отправлены мы от патриарха, всего Священного собора, от бояр, от всех чинов и Всей Земли, — сказал полякам Филарет, — а эти грамоты писаны без согласия патриарха и без ведома Всей Земли: как же нам их слушать?»** Тогда Сигизмунд прервал переговоры, а его войска начали штурм Смоленска.

На рассвете 21 ноября в лагере слышали оглушительный грохот. Это взорвалась мина под одной из крепостных башен. В стене образовался 20-метровый пролом. Трижды врывались через него в Смоленск королевские роты, и каждый раз их выбивали оттуда русские ратники. Штурм закончился неудачей. Но осада продолжалась. Тяжелые орудия, доставленные летом из-под Риги, вели круглосуточный обстрел крепости.

Гром пушек разъярил сомневающимся, что Сигизмунд не собирается выполнять условия договора. Поскольку Семибоярщина действовала по указке оккупантов, симпатии провинции снова качнулись в сторону Лжедмитрия II. Ему присягнули не только Казань с Вяткой, но и прежде верная Москве Пермь. Перед сторонниками

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 66.

** Там же. С. 75.

короля встала задача борьбы с «калужским царьком». Роль ударной силы в этой войне отводилась отрядам его прежнего союзника Яна Сапеги. Однако план наступления с треском провалился. Войска Заруцкого упредили оккупантов. В конце ноября они сами напали на «сапежцев» и нанесли им несколько чувствительных поражений. Усилить Сапегу королю было нечем. Его армия прочно увязла под Смоленском. Полки Гонсевского с трудом удерживали под контролем бурлящую Москву. И тогда Сигизмунд решился на крайние меры.

В те времена, когда Лжедмитрий II впервые появился в Подмоскovie, на его сторону перешел служилый касимовский хан Ураз-Мухамед. После развала тушинского лагеря он переметнулся к Сигизмунду III. Но часть татар продолжала служить у «вора». Зачем пытался встретиться с ними Ураз-Мухамед, осталось неизвестным. Но разрешение на поездку он испрашивал у самого короля. В лагере самозванца хану не повезло. Его опознали и схватили. Предводитель отряда «царских» телохранителей Петр Урусов попытался добиться освобождения Ураз-Мухамеда. Это не помогло. После недолгого розыска самозванец казнил хана, а Урусова велел отстегать плетью и бросить в тюрьму. Вскоре «царь» простил телохранителя. Но Урусов оказался не из тех, кто терпит побои. 11 декабря во время «царской» охоты на зайцев отряд татар окружил сани Лжедмитрия. Ратники Урусова оттеснили верных самозванцу дворян и зарубили Тушинского вора.

ГЛАВА 21

ПЕРВОЕ ЗЕМСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ. СОЖЖЕНИЕ МОСКВЫ. ПОЯВЛЕНИЕ ЛЖЕДМИТРИЯ III

Смерть Лжедмитрия II кардинально изменила политическую ситуацию в стране. Теперь единственным претендентом на русский трон остался королевич Владислав. Лишившись самозванца, казаки и жители Калуги встретились с послом Семибоярщины Юрием Тру-

бецким. Выслушав его мирные предложения, калужане отправили в Москву депутацию выборных людей, чтобы ознакомиться с ситуацией в столице. Большинство бывшего тушинского руководства явно склонялось к признанию царем Владислава. Семибоярщина ликовала. Но ее радость оказалась преждевременной.

Вернувшись в Калугу, депутаты поведали «миру», что все грамоты и указы от Владислава приходят из-под Смоленска за подписью короля. В Москве они увидели негодующий народ, готовый в любую минуту броситься на предателей-бояр. Рассказали выборные и об иноземных войсках, распорядившихся в Кремле как у себя дома. Эти вести вызвали взрыв негодования среди простого люда. Собрание твердо решило: не признавать Владислава, пока он не прибудет в Москву, а польские войска не уйдут из России. Так борьба тушинских казаков с «лихими» боярами естественным образом переросла в войну против интервентов и их пособников. Это делало бывших воинов Лжедмитрия естественными союзниками земских отрядов, которые к тому времени уже формировались по всей стране.

Начало освободительному движению положило письмо Проккопия Ляпунова. Узнав о штурме Смоленска, вождь рязанских дворян обратился с посланием к Семибоярщине, где обвинил короля в нарушении договора и призвал всех патриотов к войне против иноземных захватчиков. Боярское правительство отреагировало оперативно. Из Москвы в Рязанскую землю отправилась рать во главе с воеводой Григорием Самбуловым. Вскоре верные Владиславу войска осадили в Пронске отряд Ляпунова. Деревянная крепость была достаточно прочной и надежной, в погребах хранилось много всевозможных припасов, но сил для обороны не хватало. Земских ратников было всего 200 человек. Однако Самбулову не удалось воспользоваться благоприятной возможностью. На выручку Ляпунову поспешил воевода Дмитрий Пожарский. Кроме гарнизона Зарайской крепости он привел с собой отряды из Коломны и Рязани. Самбулов отступил без боя. Вместо того чтобы сражаться с земской армией, он решил захватить оставшийся без гарнизона Зарайск. Однако Пожарский успел вернуться вовремя. На улицах посада перед крепостью завязалась жестокая битва.

Войско Самбулова было разгромлено и бежало из города. Вскоре к Ляпунову присоединились Казань, Муром, Нижний Новгород и другие города. Постепенно создавались условия для похода земских ополченцев на Москву.

А в русской столице к этому времени неизвестные патриоты составили и распространили обширное воззвание, озаглавленное как «Новая повесть о славном Российском царстве, о страданиях святейшего Гермогена и новых изменниках». В ней авторы обещали патриаршее благословение всем, кто поднимется на защиту родины. Однако, призывая народ к оружию, они предупреждали единомышленников, что не следует ожидать от находящегося в Москве первосвященника открытой поддержки восстания. «Что стали, что оплошали? — звучал со страниц повести их гневный вопрос. — Али того ждете, чтобы Вам сам великий тот столп (Гермоген. — *Р.С.*) своими устами повелел дерзнуть на врагов? Сами ведаете, его ли то дело повелевать на кровь дерзнути»*.

Повесть эта широко разошлась по стране. А следом за ней хлынули во все концы страстные письма и грамоты, в которых от имени патриарха патриоты призывали народ к восстанию против оккупантов и их пособников. Многие понимали, что Гермоген не мог лично составить все эти воззвания, ведь к тому времени Семибоярщина лишила его собственной канцелярии. Но ни у кого не возникало сомнений, что московский первосвященник всецело разделяет идеи авторов. Таким образом, октябрьское решение суда о роспуске служителей патриаршего подворья играло теперь против самих оккупантов. У них не было ни единой улики против признанного лидера патриотов. Чтобы исправить ситуацию Гонсевский и Мстиславский окружили Гермогена целой толпой соглядатаев. Они понимали, что хотя бы одну из грамот патриарх должен будет написать сам. И тогда он окажется наконец в их власти...

Вскоре ловушка сработала. Послание к нижегородцам Гермоген составлял в глубокой тайне. В нем он твердо и безоговорочно объявил всем русским людям, что освобождает их от присяги католику

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 77.

Владиславу. «Латинский царь, — написал в этой грамоте Гермоген, — навязан нам силой, он несет гибель стране, надо избрать себе царя свободно от рода русского!»* Патриарх закликает жителей Нижнего Новгорода не жалеть ничего и даже самой жизни для изгнания врагов и защиты веры. Своевременно получив донос, поляки устроили засады на дорогах и перехватили гонца с письмом Гермогена. Гонсевский потребовал от Думы самых суровых мер против «бунтовщиков», включая и их идейного вдохновителя — патриарха. В качестве доказательства были предъявлены листы с призывами к мятежу против Владислава.

Очевидно, полковник всю жизнь имел дело с ловкими интриганами. Принципиальных людей, готовых умереть за свои убеждения, ему в противниках иметь не доводилось. Гонсевский ждал, что Гермоген станет юлить, угодничать и отпираться, спасая жизнь. Но патриарх избрал совершенно иную тактику. Он и не подумал отрицать подлинности предъявленных грамот. Вместо этого Гермоген твердо заявил, что не поддерживает связей с инициаторами восстания против бояр и Владислава. Опровергнуть это утверждение Гонсевский не смог. Ни одной патриаршей грамоты в Рязань к Ляпунову или в Калугу к Заруцкому польские агенты не перехватили. Попытка же объявить изменой освобождение от присяги Владиславу, который и сам грубо нарушил условия Смоленского договора, немедленно натолкнулась на сопротивление думского большинства. Мстиславский и его подельники хорошо понимали, что расправа над патриархом при наличии столь слабых улик окончательно скомпрометирует их в глазах народа. В результате план Гонсевского с треском провалился: бояре приняли решение удовлетвориться объяснениями Гермогена и сохранить за ним пост главы церкви.

На какое-то время все вернулось на круги своя. Из Москвы снова потоком шли «патриаршие» воззвания. Часть их перехватывалась поляками, но привязать эти письма к Гермогену, чья подпись на листах отсутствовала, Гонсевский не мог. Между

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 77.

тем территория, которую контролировали сторонники земского движения, продолжала расширяться. На огромном пространстве от Северщины на юге до Вологды на севере и Казани на востоке русские города заявляли о желании участвовать в освободительном походе. Ляпунов координировал их действия и готовил силы для наступления на Москву. В начале февраля 1611 года калужские и рязанские воеводы согласовали планы общего похода на столицу. Вскоре их войска заняли Коломну и Серпухов.

К концу месяца отряды земского ополчения вышли на ближние подступы к Москве. Однако силы эти были очень разнородны. Слишком много времени уходило у них на всевозможные согласования. Действовать быстро и оперативно в таких условиях земские ратники не могли. Замысел Ляпунова был достаточно прост и логичен. После подхода к Москве главных сил он собирался призвать горожан к восстанию, а затем одновременными ударами снаружи и изнутри захватить крепостные укрепления.

Боярское правительство знало о планах земских воевод. Мстиславский издал указ об изъятии у горожан оружия. Солдаты Гонсевского забирали у москвичей не только пищали и сабли, но даже ножи и топоры. На городских заставах стражники тщательно обыскивали обозы. Это не помогало. Посадские жители деятельно готовились к боям с оккупантами. В город тайными путями доставлялись оружие и боеприпасы, мелкими группами просачивались воинские люди. Среди прочих к середине марта в Москву перенесся и князь Дмитрий Пожарский. Р.Г. Скрынников считает, что Ляпунов поручил ему возглавить выступление посадских жителей. «Если бы атака ополчения была поддержана восстанием внутри города, — пишет историк, — судьба боярского правительства была бы решена»*. К сожалению, это понимали и поляки. Их командиры сделали все, чтобы спровоцировать жителей на преждевременное выступление...

* Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. Хроника Смутного времени. М., 1981. С. 177.

19 марта солдаты Гонсевского начали втаскивать пушки на стены Кремля и Китай-города. Один из ротмистров, руководивший установкой орудий возле Водяных ворот, распорядился привлечь к работам извозчиков, наблюдавших за поляками со стороны. Русские отказались. Возникшая стихийно стычка быстро переросла в общее побоище. Роты наемников в боевом порядке атаковали безоружную толпу. Множество горожан было убито на месте. Но горы трупов не остановили оккупантов. Наступая от центра к окраинам, поляки продолжали беспощадно истреблять мирных жителей. Однако вскоре ситуация стала меняться. Колокольный звон поднял москвичей на борьбу с завоевателями...

На Сретенке главным очагом сопротивления стала Стрелецкая слобода. Здесь патриотов возглавил Дмитрий Пожарский. Он быстро организовал доставку с Пушкарского двора к Сретенским воротам артиллерийских орудий. Наступающих наемников горожане встретили плотным ружейно-пушечным огнем. Ратники Пожарского у Введенской церкви не только остановили наступление врага. Смелой контратакой они отбросили поляков на исходные позиции. Один за другим возникали очаги сопротивления. В районе Ильинских ворот вооруженных горожан возглавил Иван Батурлин. Его отряд встретил наемников на Кулишках и не пропустил к Яузским воротам. Твердо держались баррикады на Тверской улице. Отряд Ивана Колотовского преградил полякам путь в Замоскворечье. После отражения атаки его ратники установили пушки у наплавного моста и принялись обстреливать Кремль.

Таким образом, первая попытка подавить восстание закончилась неудачей. Польские войска вынуждены были оставить Белый город и Замоскворечье. Тогда Гонсевский приказал наемникам поджечь Москву и продвигаться следом за огнем. Над посадами во многих местах поднялись дымовые столбы. Вскоре пожар охватил целые кварталы. Ветер послушно гнал пламя в глубь Белого города. А следом за огненным валом продвигались вперед вражеские солдаты. Лишь на Лубянке полякам не удалось

осуществить свой замысел. Князь Пожарский быстро разобрался в ситуации. Его ратники, не мешкая, атаковали факельщиков Гонсевского и «втоптали» их обратно в Китай-город. Еще один отряд стрельцов, примерно около тысячи человек, укрепился под самыми стенами Кремля, у Чертольских ворот. Всю ночь в городе гудели колокола. Огонь уничтожал одну улицу за другой. Но были и хорошие новости. Посланные 19 марта гонцы ночью вернулись с подмогой. Еще до рассвета передовые сотни ополчения вступили в Замоскворечье. Однако сразу же после них к городу из Можайска подошли польские войска. Теперь у Гонсевского появилась возможность одновременными ударами извне и снаружи прорвать кольцо восставших предместий.

Утром 20 марта из Китай-города к засевавшему на баррикадах народу выехали члены Семибоярщины. Приблизившись к завалам, Федор Мстиславский и Иван Романов принялись упрашивать москвичей сложить оружие и покориться Владиславу. Народ отверг эти призывы. Впрочем, Гонсевский ни на что другое и не рассчитывал. Бояре по его замыслу должны были лишь отвлечь внимание москвичей. За то время, пока они вели переговоры, отряды наемников по льду Москвы-реки зашли в тыл стрельцам, укрепившимся в Чертолье, и подожгли кварталы, примыкавшие к баррикадам. Теснимые стеной огня, стрельцы отступили...

Ликвидировав угрозу у стен Кремля, Гонсевский получил возможность сконцентрировать усилия на Замоскворечье. Здесь наступавший извне полк Струся был остановлен у стен Деревянного города. И вновь поляки призвали на помощь пожар. День выдался ветреным, и это облегчило работу факельщиков. Отступая перед огненным валом, отряды ополченцев вместе с населением покинули Замоскворечье. Теперь, когда силы поляков соединились, а угроза с юга исчезла, Гонсевский смог сосредоточить войска против Белого города. Здесь его полки имели подавляющий перевес в людях. Но противостоящий им отряд Пожарского успел выстроить на Сретенке укрепленный острожек. Целый день отбивались стрельцы

от превосходящих сил противника. Наконец наемники прорвали русскую оборону. Большинство защитников погибло в сражении. Тяжелораненого Пожарского москвичи вынесли с поля боя и переправили в Троице-Сергиев монастырь.

Пожар в Москве бушевал еще несколько дней. Гонсевский стремился окружить Китай-город и Кремль выжженной пустыней, чтобы подходящему с юго-востока земскому ополчению негде было закрепиться. Русские не могли ему помешать. Рязанские отряды Ляпунова прибыли к Москве лишь 23 марта. Заруцкий и Трубецкой с казаками подошли еще позже. 27 марта Гонсевский вывел свои войска из Яузских ворот и попытался навязать русским полевое сражение в районе Симонова монастыря. Польское наступление не имело успеха. Более того, вскоре ополченцы заняли всю территорию Белого города и приступили к осаде Москвы.

В военных действиях наступила длительная пауза. Ляпунов и его сподвижники не имели многочисленного войска, чтобы блокировать город со всех сторон. Не было у них и тяжелой артиллерии, способной разрушить его стены. Весь замысел наступления изначально строился с расчетом на восстание московских жителей. Сожжение столицы разрушило эти планы. Поляки и их прихвостни удержали Москву в своих руках. Однако оккупанты потеряли при этом больше, чем приобрели. После «огненного наступления» наемников на восставшие кварталы народ окончательно отвернулся от «латинского царя» Владислава и верной ему Семибоярщины.

Отбив натиск земских войск, Гонсевский решил, что пришло время покончить с остатками оппозиции внутри города. Его люди жестоко расправились с Андреем Голицыным. Боярин физически не мог участвовать в восстании, все это время он находился под домашним арестом, но такая мелочь не остановила поляков. Патриарха оккупанты арестовали и бросили в темницу. Его не лишили сана, поскольку по закону сделать это мог лишь соборный суд. А как умеет защищаться «хитроречивый» московский первосвященник, всем было хорошо известно. Поэтому Гонсевский поневоле

ограничился заключением Гермогена под стражу. Управление же делами церкви перешло в руки верного Семибоярщине архиепископа Арсения.

Земская власть в воинском лагере под Москвой постепенно набирала силу. В апреле воеводы провели присягу в полках. Русские ратники поклялись стоять всем заодно против короля, королевича и всех, кто с ними сталкивался. Они выразили готовность очистить Московское государство от польских войск, а потом служить государю, который будет избран «Всей Землей». До проведения царских выборов «Совет Всей Земли» сосредоточил власть в руках трех высших воевод: князя Дмитрия Трубецкого, дворянина Проккопия Ляпунова и атамана Ивана Заруцкого.

Когда города снаряжали ополченцев в поход, считалось само собой разумеющимся, что шапку Мономаха следует отдать одному из русских православных кандидатов. Однако за время осады многие из ратников засомневались в правильности такого варианта. Все «великие бояре», среди которых по понятиям того времени только и можно было найти кандидата в цари, сидели в Кремле с Гонсевским и даже не думали переходить на сторону осаждающих. В головы патриотов невольно закрадывалась мысль: да неужели же мы рискуем жизнью ради того, чтобы посадить на трон одного из пособников жестокого врага?

Стоило только «Совету Всей Земли» начать обсуждение конкретных кандидатур, как среди депутатов-дворян вспыхивали яростные разногласия. Чтобы их преодолеть, «Совет» под давлением Ляпунова вынес постановление о возможности избрания на трон шведского королевича. Это успокоило дворянскую часть ополчения, но вызвало бурю негодования среди казаков и московского «черного» люда. Не успели мы избавиться от одного иноверца, говорили они, а дворяне уже готовы навязать нам другого! Многие казаки, служившие под знаменами самозванца, вспомнили о крещенном по православному обряду «царевиче Иване». Вместе со своей матерью, Мариной Мнишек, он проживал в это время в

Коломне. Заруцкий негласно поддерживал эту идею. Будучи любовником вдовой «царицы», он не без основания рассчитывал на пост правителя при малолетнем «воренке». Кроме этого в таборах начали циркулировать слухи, что в Псковской земле появился вот уже трижды спасшийся «царь Дмитрий Иванович». Вскоре этот человек станет известен стране как Лжедмитрий III.

В то время как русский лагерь под Москвой все больше раздирали противоречия, обстановка под Смоленском продолжала ухудшаться. Поняв, что ни на какие уступки русские послы не пойдут, Сигизмунд 12 апреля велел их арестовать и отправить в Польшу. В Смоленске меж тем уже свирепствовала цинга. Силы гарнизона таяли. Обстрелы города из осадных орудий не прекращались ни на день. На рассвете 3 июня 1611 года раздалось несколько мощных взрывов. Рухнула часть стены подле Крышолевской башни. Польские роты вошли в пролом. Начались бои на улицах города. Большинство защитников Смоленска погибло в сражении. Воевода Шеин попал в плен. По приказу короля его пытали, а затем отправили в Литву в железных оковах. Часть жителей заперлась в Богородицкой церкви в центре Смоленска. Когда поляки взломали двери и ворвались в собор, горожане взорвали сложенный в подвале порох. Под обломками каменного здания погибло много польских ратников.

Падение Смоленска стало шоком для всех патриотических сил. В лагере Ляпунова с ужасом ждали, что Сигизмунд III двинет освободившуюся армию к Москве. Однако король вместо этого вернулся в Польшу. У него не было денег, чтобы платить наемникам жалованье. Известие об этом недолго радовало ополченцев. Не прошло и полутора месяцев после падения Смоленска, как его судьбу повторил Великий Новгород. 16 июля 1611 года ратники Карла IX ворвались в город и устроили там кровавую резню. Русские воины отступили в кремль, но тот не был подготовлен к обороне. В подвалах отсутствовали запасы продовольствия и боеприпасов. Волей-неволей пришлось воеводам капитулировать.

По соглашению между городскими верхами и шведским командованием этот захват был оформлен как призвание на «Новгородское государство» шведского принца. Главный пункт договора гласил: «Митрополит Исидор и Священный собор, боярин князь Одоевский, воеводы, князья, бояре, купцы, крестьяне избрали шведского принца в цари и великие князья над Новгородским княжеством, а также над Владимирским и Московским, если последние пожелают присоединиться к Новгородскому княжеству»*.

Действия шведов, союз с которыми так долго пропагандировал Ляпунов, возмутили казачество. Не меньшее раздражение вызывали у атаманов попытки воевод наладить в войске дисциплину и прекратить беззаконие. Дело в том, что централизованное снабжение в земском лагере работало плохо и некоторая часть казаков вынуждена была заниматься реквизициями — а попросту говоря, грабить население, — чтобы не умереть с голоду. Находились среди них и такие, кто в жестокости своей не уступал оккупантам. Воевода Матвей Плещеев поймал за грабежами и убийствами 28 «воровских» казаков и велел их утопить. Подоспевшие товарищи отбили осужденных. Атаманы собрали круг и опротестовали действия Плещеева. В конце концов Ивану Заруцкому удалось замять конфликт. Однако вскоре после этого в лагерь попала поддельная грамота Прокопия Ляпунова. В ней властям земских городов предписывалось пойманных за грабежами «воровских» казаков казнить на месте или отсылать на суд в подмосковный лагерь.

Когда 22 июля атаманы публично зачитали текст письма, в таборах поднялась волна возмущения. Казаки спешно собрали круг и потребовали Ляпунова к ответу. Посланцы поручились, что войско не причинит воеводе вреда. Поверив им, Ляпунов явился на круг. Однако казаки не сдержали слова. Они зарубили не только самого земского воеводу, но и дворянина Ивана Ржевского, который пытался защитить Ляпунова от бессудной расправы. Трубецкой и Заруцкий никак не отреагировали на убийство своего коллеги по

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 92—93.

триумвирату. Вскоре из-под Москвы началось массовое бегство дворян и других служилых людей. Лагерь Первого ополчения все больше становился похожим на табор «воровских» казаков. Эта вольница еще могла блокировать в Китай-городе малочисленный гарнизон Гонсевского, но к полевым сражениям с регулярной армией была абсолютно непригодна.

Таким образом, к началу августа положение России ухудшилось до крайности. Оборона западных и северных рубежей рухнула. Земская армия под Москвой фактически развалилась. Казалось, гибель Русского государства стала неизбежной, и остановить его распад не в силах никто... Но к счастью, так думали не все. 5 августа 1611 года патриарх Гермоген отправил в Нижний Новгород письмо с призывом начать сбор новой земской рати. Через 20 дней эта грамота дошла до адресата. Существует много рассказов о том, кто и как доставлял патриаршее послание. В нескольких источниках приводятся разные имена и фамилии гонцов. Р.Г. Скрынников, к примеру, в одних своих работах называет его Мосеевым*, а в других Моисеевым**. Однако все сходятся в одном: посланец нижегородцев лично проник к Гермогену, а значит, мог привезти от патриарха не только письма, но и устные распоряжения. Это важно, поскольку Нижний Новгород традиционно не имел собственного епископа, а находился в прямом подчинении у московского первосвященника. Гермоген же, всегда глубоко вникавший в дела, скорее всего, знал, кому из горожан можно доверить общественную казну. А поскольку взявшийся за сбор средств на ополчение Кузьма Минин был избран земским старостой на том же сходе 1 сентября 1611 года, где зачитывалось письмо патриарха, можно с большой долей вероятности предположить, что его кандидатуру «миру» рекомендовал именно Гермоген. Этим во многом объясняется то влияние, которое быстро приобрел Минин среди сторонников нового земского движения.

* Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М., 2005. С. 108.

** Скрынников Р.Г. Крест и корона. СПб., 2000. С. 70—71.

Многие историки с некоторым скепсисом воспринимают сведения о встрече Мосеева и Гермогена. Ведь патриарх с апреля 1611 года находился под арестом. Его келью в монастыре охраняли верные Семибоярщине стрельцы и польские приставы. Чтобы развеять эти сомнения, достаточно вспомнить, что 4 августа 1611 года к Москве подошло с большим обозом воинство Петра Сапеги. Прорываясь в Кремль, поляки атаковали казачьи острожки за Яузой. Одновременно с этим навстречу им ударили ратники Гонсевского. Казакам в обоих случаях удалось отбить натиск. На следующий день Сапега повторил попытку прорыва. Только атака шла на этот раз не на Яузские ворота, а на Арбатские и Никитские. И снова Гонсевский ударил навстречу. Поскольку проход в Кремль телег с продовольствием был для оккупантов делом жизни и смерти, в атаку на Белый город они бросили все наличные силы... Надзор за Гермогеном существенно ослаб, чем и воспользовался Мосеев.

Обоз с провиантом 5 августа благополучно прошел в Москву. Воины Сапеги существенно усилили польский гарнизон русской столицы. Но в то же самое время через одну из тайных калиток Кремль покинул никем не замеченный путник. Очень скоро грамотка, полученная им от патриарха, приведет к уничтожению власти оккупантов и верной Владиславу Семибоярщины.

Однако дело, за которое взялись нижегородцы по просьбе Гермогена, было очень непростым. Минин оказался прекрасным организатором, но земской армии нужен был полководец. О том, как избирали и уговаривали Дмитрия Пожарского послы нижегородского посада, написано во всех книгах, посвященных Смутному времени. И при этом практически нигде не акцентируется внимание на трех важнейших обстоятельствах...

Первое: в числе тех, кто предлагал Пожарскому пост главнокомандующего, отсутствуют местные воеводы! Хотя до этого они играли важную роль в жизни города: Репнин вел нижегородскую рать под Москву в составе Первого ополчения, а Алябьев вместе с посадскими людьми рассылал по окрестностям списки с грамот

Гермогена. Второе: приняв предложение, Пожарский появился в Нижнем только 28 октября, причем городские воеводы не посмели оспаривать его первенство. Конечно, князь Дмитрий прибыл туда не один, а в сопровождении нескольких сотен смоленских, дорогобужских и вяземских дворян, но обычно местническим спорам подобные мелочи не мешали. И наконец, третье: в дальнейшем схожие ситуации — когда к войску присоединялись отряды во главе с более знатными воеводами, имевшими местнические преимущества перед «худородным» Пожарским, — повторялись неоднократно, но никто из бояр и окольных даже не попытался поспорить со скромным стольником за власть над земской армией!

Случай, доселе небывалый в истории Московской Руси...

Готовность, с которой гражданские и особенно военные власти признавали полномочия Минина и Пожарского, можно объяснить, предположив, что их обоих рекомендовал на высокие посты Гермоген. Авторитет патриарха, духовного лидера российских патриотов, к тому времени поднялся на недостижимую высоту. О том, что московский первосвященник должен был хорошо знать Кузьму Минина, я уже писал выше. Пожарский тоже был прекрасно известен Гермогену. В отличие от рядовых нижегородцев патриарх знал все подробности о блестящих победах князя Дмитрия: сначала над большим отрядом атамана Салькова на Владимирской дороге, а затем над армией Самбулова под Зарайском. Ну а сретенские подвиги возглавляемого Пожарским отряда стрельцов и посадских жителей Гермоген мог видеть собственными глазами...

Но почему же тогда, скажут скептики, Минин и Пожарский не заявляли о патриарших рекомендациях публично? Это легко объяснить. Гермоген томился в польском плену, и о его роли в создании Второго ополчения широко распространяться не стоило. Вот почему Минин ссылался лишь на вещие сны, в которых Сергей Радонежский призывает его, простого мясника, на великий подвиг. По той же причине и Пожарский в ответ на вопросы — как случилось, что он занял свой пост, обойдя более знатных воевод, — лишь

недоуменно пожимал плечами. Но, сохраняя сдержанность в речах, народные вожди подчеркнули ведущую роль патриарха символической. Главной святыней Второго ополчения весной 1612 года стала икона Казанской Божьей Матери, при обретении которой 32 года назад ключевую роль сыграл Гермоген.

Пока Минин и Пожарский формировали, вооружали и экипировали свои полки, обстановка под Москвой снова осложнилась. Гетману Ходкевичу, который по приказу Сигизмунда III продолжал завоевание России, надоело осаждать Псково-Печорский монастырь. Отведя в Ливонию тяжелую артиллерию, он с большим отрядом двинулся к Москве на выручку Гонсевского. 15 сентября, узнав о приближении Ходкевича, ратники Трубецкого и казаки Заруцкого принялись обстреливать калеными ядрами занятые поляками городские кварталы. Когда в них начался пожар, ополченцы пошли на штурм и ворвались в Китай-город. Однако вскоре их выбили обратно подкрепления, подошедшие из Кремля. В октябре 1611 года Ходкевичу удалось прорваться в Москву. Заменяв пожелавших уйти домой наемников более надежными частями, он пополнил за счет своего воинства московский гарнизон, доведя его численность до двух с половиной тысяч бойцов. С остальными войсками гетман отошел «на зимние квартиры» в район Ржева. Вместе с ними Москву покинул и Александр Гонсевский, передавший полномочия коменданта Кремля полковнику Николаю Струсю.

В осаждавших Москву отрядах Заруцкого и Трубецкого сил к этому времени осталось немного, ориентировочно от четырех до шести тысяч человек. Таким образом, ситуация вокруг русской столицы к началу 1612 года сложилась патовая. Силы сторон истощились до предела. Ополченцы не могли взять Москву, польский гарнизон Кремля не имел возможности прорвать блокаду. Решить исход войны в свою пользу могла лишь свежая сильная армия. Вопрос был только в том, кто соберет ее раньше — Ходкевич или Пожарский.

Все это хорошо понимали в Нижнем Новгороде, но отказывались признавать в лагере Первого ополчения. Вместо того чтобы попытаться объединить усилия с новым земским движением,

казаки затеяли очередную самозванческую интригу. Еще летом 1611 года Псков попросил у вождей Первого ополчения помощи против поляков и шведов. К тому времени до Москвы уже дошли слухи о появлении в Ивангороде человека, называющего себя «царем Дмитрием». Естественно, что с посланными к Пскову отрядами Вельяминова и Хвостова увязались все те казаки, кто поверил в очередное спасение «добротого царя». Их прибытие в город изменило соотношение сил. Если раньше псковичи не желали впускать к себе нового самозванца, то под влиянием казаков «мир» согласился послать за ним делегацию в Ивангород. Лжедмитрий III не заставил себя упрашивать. 4 декабря он торжественно въехал в Псков. Обосновавшись в местном детинце, «царь» отправил в подмосковный лагерь атамана Герасима Попова с воззванием к войскам. Казаки собрали круг и внимательно выслушали «государева» посланца. После долгого обсуждения они решили отправить на север делегацию для опознания «Дмитрия Ивановича».

Пока под Москвой судили и рядили по поводу псковских известий, в январе 1612 года Пожарский объявил, что собранная в Нижнем Новгороде рать пойдет на выручку осажденного поляками Суздаля. В дальнейшем вожди нового движения собирались сделать это древний город местом сбора всех сил Второго ополчения. Было объявлено, что туда же, в Суздаль, съедутся делегаты Земского собора. С их помощью Минин планировал организовать коллективное управление той частью России, которая признает новую власть. Этот план выглядел разумно со всех точек зрения. Во-первых, народ уже довольно много сил и средств вложил в создание новой армии, и ей пора было отрабатывать полученное авансом доверие — начинать борьбу с польскими оккупантами. Во-вторых, идти прямо к Москве в сложившейся ситуации не представлялось возможным. Заруцкий и Трубецкой все глубже погружались в новую самозванческую интригу. Приход в московский лагерь отрядов Пожарского, скорее всего, привел бы к их столкновению с казаками, то есть к возобновлению гражданской войны.

Впрочем, Заруцкий боев со Вторым ополчением не боялся. Узнав, что нижегородские ратники Пожарского собираются идти

к Суздалю, атаман срочно отправил туда казачьи отряды Ивана Просовецкого. Польские войска отступили без боя. Они просто мечтали, чтобы две русские армии обескровили друг друга в братоубийственной войне. Однако Пожарский оказался не только храбрым воеводой, но и мудрым политиком. Он проявил благоразумие и вместо Суздаля развернул передовые отряды к Ярославлю. Стратегически этот город был расположен даже более удобно, чем Суздаль, поскольку позволял контролировать дороги на Русский Север. Трубецкой с Заруцким попытались еще раз опередить нижегородцев. Но посланные ими казаки Андрея Просовецкого наткнулись на заслоны передовых сотен Второго ополчения и вынуждены были отойти. А в это время основные силы Пожарского двигались вдоль Волги от города к городу, присоединяя по дороге отряды местных воевод. Таким образом, казаки тоже не решились первыми начать военные действия против Пожарского, и между двумя земскими лагерями на какое-то время установились внешне мирные, хотя и крайне неприязненные отношения.

Посланцев из-под Москвы Лжедмитрий III принимал по высшему разряду. Допущенные к руке старые казаки шли к трону через толпу вооруженной охраны. Естественно, они сразу поняли, что это совершенно другой человек, несколько не похожий на тушинского «царька». Но обличить «вора» не решились. Более того, под нажимом псковичей послы тут же на месте составили и отправили в лагерь Первого ополчения грамоту с подтверждением истинности «царя Дмитрия». Послание это вызвало в таборах под Москвой бурю восторга. Простой народ ликовал. Их «государь» вновь спасся от гибели! 2 марта 1612 года казачий круг, на котором присутствовало также множество «черного» московского люда, торжественно провозгласил царем очередного самозванца. Вожди Первого ополчения — Заруцкий и Трубецкой — помня о судьбе Ляпунова, подчинились общему решению и поклялись в верности Лжедмитрию III. Однако в немногочисленных дворянских отрядах, стоящих поодаль от таборов, присяга не удалась. Воеводы Погожий и Измайлов со своими сторонниками предпочли бежать из лагеря.

Произведенный казаками переворот в пользу Лжедмитрия III окончательно расколол земское движение. Решение круга поддержали лишь на южных окраинах, раньше служивших опорой калужского лагеря. Зато на востоке и севере страны большинство городов восприняли инициативу казаков негативно. Казань, Нижний Новгород, Ярославль, Кострома заявили решительный протест против такого самовольства. Даже появление Лжедмитрия II большинство здравомыслящих людей воспринимало скептически. В истинность же третьего самозванца верили лишь самые недалекие. И это не замедлило сказаться на положении поддержавших его вождей Первого ополчения. Контролируемая ими территория начала стремительно сокращаться. Дворяне со стрельцами покидали казачьи таборы и уходили к Пожарскому. А в это время «выборный всею землею человек» Кузьма Минин организовывал эффективное управление той части земских территорий, где отказались признать Лжедмитрия III. Постепенно под контроль ярославского правительства переходили все новые и новые города.

ГЛАВА 22

УСПЕХИ ПОЛИТИКИ МИНИНА И ПОЖАРСКОГО. СВЕРЖЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО САМОЗВАНЦА. ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

На землях, признавших власть Минина и Пожарского, устанавливался более или менее четкий порядок. Воины Второго ополчения постепенно вытесняли из окрестных городов и сел отряды «воровских» казаков, а кое-где и вышибали их с боем. Довольно быстро ратники Пожарского смогли взять под контроль все дороги, связывавшие центр страны с еще не разоренным Севером. Наряду с поволжскими городами Поморье стало еще одной базой снабжения Второго ополчения. Налоги были, конечно, высоки. «Пятуо деньгу», как и в Нижнем Новгороде, взыскивали со всех

без исключения. Но фискальная жесткость Минина обходилась жителям дешевле, чем «реквизиции» казаков Заруцкого. По сравнению же с бесчинствами верных Сигизмунду запорожцев и зверствами никому не подчиняющихся банд польских магнатов, вроде тех же «лисовичей»*, новый порядок казался раем... Налаживая управление подконтрольной территорией, Минин возродил работу приказов, организовал регулярное снабжение продовольствием армии и городов, активизировал работу ремесленных мастерских, начал чеканку монеты... Постепенно ярославский «Совет Всей Земли» стал и внутри страны, и за ее рубежами восприниматься как полноценное правительство России. Вскоре с Мининым и Пожарским начали устанавливать контакты не только соседние города, но и зарубежные страны: Швеция и Германская империя.

Инициатор создания Второго ополчения, Гермоген, был к тому времени лишен любых связей с внешним миром. Надзор за патриархом оккупанты ужесточили до крайности. Предельно строгим стал и режим содержания узника. Одинокого старика, которому к тому времени было уже 82 года, охраняло свыше полусотни тюремщиков. Об успехах Минина и Пожарского патриарх мог судить лишь по возрастающей настойчивости, с которой оккупанты требовали от него подписать грамоту о роспуске Второго ополчения. Упрямого узника держали в подземелье Чудова монастыря, морили голодом и жаждой. Но Гермоген не шел ни на какие уступки. 17 февраля 1612 года он умер в заключении, оставив своим сторонникам пример несгибаемой стойкости и непоколебимой верности долгу. После мученической смерти патриарха симпатии уставшей от Смуты страны сосредоточились на его последнем детище — армии Минина и Пожарского.

Заруцкий довольно быстро понял, что с признанием Лжедмитрия III он здорово погорячился, и попытался отыграть назад. Действовал атаман одновременно в двух направлениях. Во-первых, он всеми способами старался усилить в подмосковном войске симпатии к Марине Мнишек и «государю царевичу Всея Руси Ивану

* Так называли разбойничью армию пана Лисовского, которого даже польский король Сигизмунд III считал редкостным бандитом и извергом.

Дмитриевичу». Во-вторых, через Трубецкого и других Заруцкий начал усиленно зондировать почву по поводу соглашения с ярославским правительством. При удачном стечении обстоятельств новая интрига давала атаману двойной выигрыш: он объединял силы обоих ополчений и одновременно повышал шансы на избрание царем выгодного себе кандидата. В этой опасной игре Заруцкий, как уже не раз с ним бывало, легко ставил на кон жизнь... Не свою, естественно, а жизнь Лжедмитрия III.

В апреле 1612 года из подмосковного лагеря выехало на север новое посольство во главе с тушинским «боярином» Иваном Плещеевым. Формально, чтобы еще раз «досмотреть», истинный ли в Пскове государь. На самом деле задачей Плещеева была тайная подготовка ареста Лжедмитрия III. В течение месяца «боярин» разыгрывал из себя преданного слугу «царя», одновременно втягивая в заговор против него жителей Пскова, местных ратников и воевод. А в это время руководство Первого ополчения пыталось найти компромисс с Пожарским.

В начале 1612 года главный очаг агитации за патриотическую идею переместился из кельи, в которой содержали патриарха Гермогена, на подворье Троице-Сергиева монастыря. Оттуда шли по всей стране грамоты, призывающие покончить с польским владычеством и выбрать нового царя из числа русских кандидатов. Как и положено идеологическому центру, архимандрит Дионисий и его старцы стремились проводить сбалансированную политику. Они поддерживали хорошие отношения и с Первым ополчением, и с отрядами Пожарского. Своей главной задачей руководство Троице-Сергиева монастыря считало борьбу за объединение всех патриотических сил.

Минин и Пожарский охотно шли навстречу Дионисию. Они всеми силами старались избегать конфликтов, напрямую не связанных с главной задачей. Формально вожди Второго ополчения не ссорилось с подмосковным «войском». Виновником убийства Ляпунова они объявили лично Заруцкого. Однако никаких ультиматумов, требований или запросов на выдачу преступника в лагерь Первого ополчения Минин и Пожарский не направляли.

Что характерно, даже большинство членов Семибоярщины ярославское правительство не объявляло врагами! «Кремлевских сидельцев», чьи семьи находились в пределах Китай-города, Минин и Пожарский официально считали жертвами оккупационной армии, захватившей в заложники их родных и близких. Всю вину за измену в рассылаемых по стране письмах земские вожди возлагали на бывшего главу «воровской Думы» Михаила Салтыкова «со товарищи».

Эти обстоятельства давали Заруцкому надежду на благоприятный исход будущих переговоров. У него создалось впечатление, что после устранения «псковского вора» отношения с «бесхребетным» Ярославлем удастся восстановить без труда. Достаточно будет лишь согласиться на избрание будущего монарха «Всей Земли»... Атаман не обратил внимания на то, насколько твердо действовали Минин и Пожарский, если считали вопрос по-настоящему важным. Когда ситуация требовала проявить решительность, они не колебались ни минуты. Так, в начале 1612 года земские лидеры с большим скандалом конфисковали «для общенародных нужд» провозимый через Ярославль образ Казанской Божьей Матери.

Икона эта в свое время попала в подмосковный лагерь вместе с поволжскими ратниками, влившимися в войско Ляпунова. И теперь образ возвращался обратно в свою епархию. Но в Ярославле по приказу вождей Второго ополчения с иконы была сделана копия. Она-то и отправилась дальше вместо оригинала. А подлинник Минин с Пожарским торжественно объявили главной святыней Второго ополчения. Из-за самоуправства земских правителей между Казанью и Ярославлем вскоре разгорелся серьезный конфликт. Но хотя отношения оставались напряженными еще многие месяцы, разрыва в конце концов удалось избежать.

Нужно заметить, что так же гибко, но твердо Минин с Пожарским вели и внешнеполитические дела. Переговоры между «Советом Всей Земли» и шведской короной проходили через посредничество «Новгородского государства». Это давало возможность манить северного соседа перспективой избрания на Московское царство принца Карла Филиппа, ничего при этом не обещая наперед.

Вскоре такая взвешенная политика ярославского правительства начала приносить ему один успех за другим. На сторону вождей Второго ополчения перешли Тверь, Ростов, Рязань, Переяславль-Залесский, Кашин, Торжок, Владимир и многие другие города. 18 мая 1612 года произошел переворот в Пскове. Лжедмитрию III удалось бежать, но уже через два дня казаки догнали его и заключили под стражу. Следом за этим в начале июня Совет Первого ополчения постановил считать недействительной свою присягу «псковскому вору». Однако тщетно Заруцкий ждал в ответ на это примирительных заявлений от Минина и Пожарского. Руководители Второго ополчения четко дали понять, что они готовы идти на соглашение с Трубецким, с «войском», с казачьим кругом, но не с человеком, которого заклеямили в свое время как убийцу Ляпунова.

Загнанный в угол атаман подослал лазутчиков с приказом убить Пожарского. Заговорщики собирались зарезать воеводу в то время, когда он будет осматривать новые пушки на центральной площади Ярославля. Однако охрана князя Дмитрия сработала четко. Покушение не удалось. Схваченные на месте преступления казаки во всем признались и указали на заказчика убийства... Как выяснилось, Заруцкий спешил не зря. Ситуация под Москвой начала стремительно обостряться. Конфликты между дворянами и казаками все чаще заканчивались кровавыми столкновениями. Одновременно с запада стали поступать известия, что армия гетмана Ходкевича, собрав большой обоз, начала движение к Москве.

После того как подмосковные таборы сложили с себя присягу самозванцу, Пожарского продолжали держать в Ярославле лишь долгие переговоры со шведами и «Новгородским государством». Армия Делгарди к этому времени взяла штурмом последние пограничные крепости и готовилась перейти к захвату Русского Севера. Сил на то, чтобы воевать одновременно со шведами и поляками, у Пожарского не было. А значит, ему требовалось добиться от молодого Густава Адольфа* обещания сохранять на

* Густав II Адольф, король Швеции с 30 октября 1611 по 6 ноября 1632 года, вступил на престол после смерти своего отца, Карла IX.

время битвы за Москву благожелательный для Второго ополчения нейтралитет. Переговоры шли трудно. Россия в тот момент мало что могла предложить шведам. Густава Адольфа усиленно манили призрачной возможностью посадить на русский престол его брата, Карла Филиппа. Шведский король желал, естественно, получить хоть какие-то гарантии.

26 июля все спорные вопросы были наконец согласованы. Новгородские послы выехали из Ярославля с поручением заключить формальное перемирие со Швецией. Земские представители выразили готовность принять в качестве царя принца Карла Филиппа, притом что он перейдет в православие и прибудет в Россию до конца лета. Выполнить оба условия за оставшийся месяц шведский претендент явно не успевал, так что в целом соглашение об его избрании носило беспредметный характер. Но войны с Густавом Адольфом теперь можно было не опасаться, а именно этого в конечном итоге и добивалось ярославское правительство. Для страховки оно укрепило ставшие пограничными Каргополь, Белозеро, Углич, Устюжну и оставило там небольшие гарнизоны. Обеспечив таким образом нейтралитет и безопасность на северной границе, Пожарский с главными силами без промедления выступил в поход на Москву. Его движение к столице углубило и ускорило разморьку в Первом ополчении. 28 июля Заруцкий призвал «войско» сняться с лагеря и отступить к Коломне. За ним последовало около двух с половиной тысяч казаков. В дальнейшем атаман со своими сторонниками разграбил город и, захватив «царицу Марину с царевичем Иваном», двинулся на юго-восток к Рязани. С Трубецким под Москвой осталось ориентировочно от трех до четырех тысяч ратников.

Полки Пожарского шли к Москве с большим обозом, в котором было все, вплоть до тяжелых пушек. Воевода не исключал, что придется пробивать ядрами крепкие стены Кремля и Китай-города. Естественно, быстро двигаться земская армия не могла. Чтобы прикрыть заслонами дорогу на Смоленск, Пожарский выслал вперед два конных отряда общей численностью 1100 человек. Эти воины заняли позиции на западных подступах между Тверскими

и Никитскими воротами. Их приход усилил блокаду Кремля и Китай-города, которую с юга вот уже больше года обеспечивали казаки Трубецкого.

14 августа главные силы Второго ополчения разбили лагерь под стенами Троице-Сергиева монастыря. Переговоры с Трубецким о создании объединенного командования не дали результатов. В том, что боярин не желал формально подчиняться стольнику, ничего необычного не было. Пожарский этого от Трубецкого и не требовал. Уже в Ярославле глава Второго ополчения подписывал соборные грамоты десятым, уступая первенство боярам и окольным Андрею Куракину, Василию Морозову, Семену Головину и прочим. Но Трубецкой, в отличие от них, желал еще и фактически командовать Пожарским. И вот на это-то глава Второго ополчения никак не мог согласиться, поскольку полководческих талантов у Дмитрия Трубецкого не было и в помине.

Передовые заставы меж тем доносили, что войско Ходкевича уже на подходе. Медлить дальше было невозможно. 18 августа главные силы Пожарского выступили из-под Троицы к Москве и через два дня остановились в районе Арбатских ворот. Его армия насчитывала в тот момент тысячу стрельцов, полторы тысячи казаков, три тысячи конных дворян и наряд с пушкарями. Всего с учетом прибывших ранее передовых отрядов — от семи до восьми тысяч ратников. В то время как в войсках подходившего с запада Ходкевича имелось более 12 тысяч бойцов. Еще от двух до трех тысяч поляков готовились ударить по русским позициям с тыла, со стороны Кремля и Китай-города. Пожарский же надеялся лишь на помощь отрядов Трубецкого, у которого было до четырех тысяч бойцов. Однако твердо рассчитывать на казаков глава Второго ополчения не мог: позиция их руководства до последнего момента оставалась неясной.

Направление главного удара Ходкевича Пожарский определил верно. Он знал, что полякам нужна дорога, максимально удобная для прохода обоза. Учитывал князь Дмитрий и то, что обладавший полуторным превосходством в силах гетман не станет особо мудрить. Ведь раньше в полевых сражениях с русскими ополченцами регулярные польские войска показывали себя с самой лучшей

стороны. Но на сей раз Ходкевичу предстояло столкнуться с неприятными сюрпризами. Ратники Пожарского были отлично вооружены и прекрасно экипированы. В Нижнем Новгороде и Ярославле воевода не жалел времени и сил на их обучение и тренировку.

Сейчас Пожарский считал, что наступление поляков следует ждать со стороны Смоленской дороги. При этом он понимал, что форсировать Москву-реку непосредственно перед Арбатскими воротами Ходкевич не станет. Его войска постараются сделать это где-то в районе Лужников. А потом поляки двинутся по ровному месту, где смогут в полной мере использовать преимущества своей многочисленной конницы. В этом случае удобнее всего Ходкевичу будет идти мимо Новодевичьего монастыря на Чертолье. Здесь излучина реки, в случае чего, прикроет его армию и обоз от фланговых ударов. Чтобы измотать врага на дальних подступах к московским укреплениям, Пожарский выдвинул дворянскую конницу к Новодевичьему монастырю. Пехота же заняла укрепления у Чертольских ворот. Только в самый последний момент Пожарскому удалось убедить Трубецкого придвинуть часть сил к Крымскому броду, чтобы не пропустить по нему поляков в Замоскворечье. Не особо надеясь на казаков, воевода отправил им в помощь пять дворянских сотен.

Сражение началось 22 августа 1612 года. Как и ожидал Пожарский, конница Ходкевича ранним утром форсировала реку возле Новодевичьего монастыря и атаковала русскую кавалерию. Здесь гетман встретился с первым сюрпризом. Несмотря на численное превосходство, его жолкнеры не смогли опрокинуть врага. Лишь после семичасовой жестокой сечи дворяне прервали сражение и отступили за линию укреплений своей пехоты. Скачущих за ними жолкнеров русские стрельцы и пушкари встретили шквалом огня и обратили в бегство. Как только польские кавалеристы покинули поле боя, их сменила наемная немецкая пехота. Она тоже имела полуторное превосходство над стрельцами и казаками, да плюс к этому одновременно в атаку пошли ратники кремлевского гарнизона.

И тут Ходкевича ждал второй сюрприз. Пехоты у Пожарского вдруг стало чуть ли не вдвое больше. Это, сдав коноводам лоша-

дей, за банники и пищали взялись русские кавалеристы. Вылазка московских сидельцев закончилась быстро и безрезультатно, а на внешних валах Земляного города закипела жестокая битва. Польский гетман верил в победу. Его наемники, в отличие от спешенных дворян Пожарского, не были утомлены утренним боем у Новодевичьего монастыря. Казалось, еще одно маленькое усилие — и русская оборона рухнет. Однако нарастить удар Ходкевичу было уже нечем.

А в это время Трубецкой, то ли из зависти к сопернику, то ли по обычной глупости, стоял без движения у Крымского брода. Спесивый боярин удерживал на месте не только своих казаков, но и кавалеристов, присланных ему Пожарским. Наконец те не выдержали. Нарушив запреты начальства, пять дворянских сотен и свыше четырехсот стерегущих брод казаков переправились через Москву-реку и ударили во фланг наступающим поляками. Неожиданная атака свежей конной тысячи ошеломила врага. Ратники Ходкевича попятись. И Пожарский шанса не упустил. Не мешкая ни секунды, его полки дружно атаковали врага. Свое потрепанное воинство гетман смог остановить лишь у Поклонной горы.

Однако Ходкевич был опытным командиром и не считал дело проигранным. Не удалось прорвать оборону Пожарского? Не беда! Можно перейти реку и ударить по позициям Трубецкого...

Русские рубежи в Замоскворечье были укреплены гораздо хуже, чем на Арбате и в Чертолье. Стены Деревянного города сторели до основания во время пожара 1611 года и с тех пор не восстанавливались. Оборона казачьих таборов опиралась лишь на два острожка, один из которых находился ближе к Кремлю у Егорьевской церкви, а второй растянулся от Большой Ордынки до церкви Святого Климента. Наученный вчерашним поражением Ходкевич решил действовать наверняка. Перед самым рассветом 23 августа его гайдуки, проведенные мимо казачьих застав посланцем Семибоярщины Григорием Орловым, атаковали ближний к Кремлю острожек. Одновременно с другой стороны по нему нанесли удар ратники кремлевского гарнизона. Застигнутые врасплох казаки не смогли отбиться от неприятеля.

Ободренный успехом Ходкевич перевел свою армию в Донской монастырь. Трубецкой же за весь день даже не попытался вернуть утраченную утром позицию. Понимая, что самостоятельно удержать Замоскворечье казаки не смогут, Дмитрий Пожарский направил им в помощь полки Туренина и своего брата Лопаты-Пожарского. Еще одну группировку воевода сосредоточил у брода напротив Остоженки. Тем самым он не только прикрыл Чертолье от возможного удара поляков, но и обеспечил переправу для переброски подкреплений в район Замоскворечья.

На рассвете 24 августа Пожарский послал конные отряды к Донскому монастырю. На поле перед Земляным городом развернулось кровопролитное кавалерийское сражение. По плану атаку должна была поддержать и конница Трубецкого. Однако наступала она вяло и не предпринимала решительных действий. Это позволило Ходкевичу сконцентрировать силы против ратников Пожарского. После упорного боя дворянские сотни отступили через Крымский брод на левый берег Москва-реки.

Как только опасность флангового удара миновала, гетман направил все силы на позиции Трубецкого. После упорного сражения отборная венгерская пехота захватила острожек на Ордынке и открыла для польской армии путь в Кремль. Не теряя времени, Ходкевич двинул в прорыв телеги с продовольствием и воинскими припасами. Огромный обоз, включавший более 400 тяжелых возов, заполнил собой всю Ордынку. Трубецкой к этому времени утратил контроль над ситуацией, но казаки сдаваться не собирались. Бой в городских развалинах, когда все решает не строй, не приказ начальства, а личная инициатива каждого воина, был для них привычной стихией. Вскоре на помощь подошли ратники Второго ополчения. И в тот момент, когда поляки уже праздновали победу, из развалин по обе стороны от Ордынки внезапно раздались плотные ружейные залпы. Когда же испуганные выстрелами обозные лошади начали переворачивать телеги и топтать идущих рядом людей, русские кинулись врукопашную. Занявший острожек полк погиб почти полностью, оставшиеся в живых венгры обратились в паническое бегство.

Какое-то время сражение шло с переменным успехом. Дворяне Пожарского, его основная ударная сила, после трех суток маршей и боев (то в конном, то в пешем строю) были измотаны до предела. Наемники Ходкевича еще удерживали многие из захваченных утром позиций, но уже категорически отказывались идти вперед...

Стремясь переломить ситуацию, Пожарский решил нанести удар во фланг и тыл основной группировки противника со стороны Крымского брода. Возглавить атаку вызвался Кузьма Минин. После недолгого смотра он отобрал три дворянские сотни, выглядевшие посвежее прочих. Внезапным ударом эта горстка удалцов смяла охранявшие брод роты наемников и погнала их к польскому лагерю. Воспользовавшись паникой, в наступление перешли все русские силы. Польские войска бежали под защиту стен Донского монастыря. 25 августа остатки армии Ходкевича ушли по Смоленской дороге к Можайску и Вязьме.

Победа была полной. Но сражение за Москву не закончилось. Польский гарнизон сидел за крепкими стенами Китай-города и сдаваться не собирался. Перед уходом к литовскому рубежу Ходкевич смог отправить к Струсию гонца. Гетман клялся, что вернется через три недели со свежей армией и новым обозом. А тем временем в рядах победителей вспыхнули разногласия. Благодаря стараниям Минина Второе ополчение не знало недостатка в одежде и продовольствии. Совсем иным было положение в отрядах Трубецкого. О регулярном снабжении казаки могли лишь мечтать. Деньги и при Заруцком им выдавали нечасто, а после его отъезда вообще перестали платить. Пока стояли жаркие дни, ратники Первого ополчения не обращали внимания, как изнасилась их одежда. Но наступили холодные сентябрьские ночи, и казаки заволновались. Недовольство бойцов постарались использовать «тушинские бояре» — Григорий Шаховской, Иван Плещеев и другие. Именно в их карманы утекали средства, собираемые на Первое ополчение. Подогревая мятеж, тушинцы указывали голодным, замерзающим казакам на соседние полки Пожарского как на виновников бедственного положения таборов.

«Дворяне сыты и одеты, — говорили заводчики мятежа, — потому что все забирают себе! Им платят жалованье, к ним в лагерь

идут обозы с продовольствием, а вам ничего не достается!» Это была наглая ложь. Перед решительной атакой на прорвавшихся к Кремлю наемников, Минин сказал казакам, что воеводы уступят им весь польский обоз, если его удастся захватить. Пожарский выполнил обещание: его воины не взяли себе ни единой телеги, ни одного мешка из этой добычи. В том, что продовольствие и снаряжение не дошли до ратников, виновато было руководство Первого ополчения во главе с Дмитрием Трубецким. Но он и не думал каяться. Вместо этого боярин снова потребовал, чтобы стольник Пожарский признал его верховную власть и уступил командование земской армией.

Конфликт мог погасить лишь «внешний арбитр», решение которого согласятся принять обе стороны. Эх, если бы был жив Гермоген!.. Если бы он находился на свободе!.. Но патриарх к этому времени уже погиб в польском застенке. Вместо него роль переговорщиков взяли на себя троицкие монахи. До этого они неоднократно помогали «воинству» деньгами и припасами. В критический момент, когда у осаждавших Москву казаков закончился порох, иноки отдали весь свой запас, даже вынули заряды из крепостных орудий. Денег, которые таборы требовали за службу, у монастыря не было, поэтому архимандрит Дионисий прислал грамоту с обещанием выплатить в ближайшее время тысячу рублей, а в качестве залога прислал церковное имущество: ризы, стихари, епитрахили и прочее. Расчет старца оказался правильным. Казаки вспомнили, как часто выручал их Троицкий монастырь, сколько сил и средств вложил он в общее дело. Атаманы вернули церковные вещи и дали клятву не отступать от Москвы до полной победы над врагом.

Покончив с мятежом в таборах, Дионисий обратился с обширным посланием к Трубецкому и Пожарскому. «О благочестивые князи Дмитрие Тимофеевич и Дмитрие Михайлович! — писал воеводам архимандрит. — Сотворите любви над всею Русскою землею, призовите в любовь к себе всех любовию своею»*. Переговоры между представителями Второго ополчения и казачьих

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 128.

таборов при посредничестве троицких монахов продолжались несколько дней. В результате Трубецкому пришлось умерить аппетиты. Соглашение о совместном командовании предписывало воеводам основать новую ставку — у Неглинной на Трубе. Там вскоре был выстроен объединенный Разрядный приказ. Формально главнокомандующим теперь считался Трубецкой, но реально его влияние заметно уменьшилось. Все основные вопросы решал триумвират: Трубецкой, Пожарский и Минин. Однако была в этом соглашении и привлекательная для боярина сторона: ему больше не приходилось думать о снабжении воинства. Эту задачу взял на себя Кузьма Минин.

Объединение отрядов Первого и Второго ополчений покончило с влиянием на казаков «тушинских бояр» — Григория Шаховского и Ивана Плещеева. В последних числах сентября Трубецкой и Пожарский известили земские города о том, что объединили свои усилия, подчиняясь приговору соборных представителей. «Ныне, — писали воеводы, — меж себя мы, Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарский, укрепились, что нам да выборному человеку Кузьме Минину Московского государства достигать»*.

Пожарский использовал слияние двух ополчений для активизации осадных работ. В районе Пушечного двора, в Егорьевском монастыре и у церкви Всех Святых на Кулишках земские ратники оборудовали батареи, немедленно открывшие огонь по Кремлю и Китай-городу. Каленые ядра и мортирные бомбы теперь круглосуточно сыпались на головы оккупантов. Одновременно с этим решено было перегородить Замоскворечье глубоким рвом и палисадом. Укрепленная позиция позволяла исключить возможность прорыва к Кремлю деблокирующих отрядов. Пожарский и Трубецкой попеременно следили за ходом земляных работ.

В осажденных кварталах наступил жуткий голод. Цены на продукты поднялись неслыханно. Хлеб пропал из продажи. Воловью шкуру продавали за три рубля, лепешку с лебедой — за рубль. В городе исчезли кошки и собаки. Даже мыши теперь считались

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 128.

чуть ли не деликатесом. Из поляков первыми стали умирать солдаты, оставленные Ходкевичем. Они прибыли без запасов продовольствия и почти без денег. К тому времени, как голод добрался до остального гарнизона, новая пехота погибла практически вся.

Позже, рассказывая о своем житье в осажденной русской столице, наемники всячески напирали на эпизоды их мучительной смерти. Описанием того, как один гайдук съел своего брата, а другой — сына, пестрит вся историческая литература. Однако трудно представить себе, что голодные польские ратники все время бездумно кидались друг на друга, вместо того чтобы объединиться и есть безоружных русских. Собственно, так чаще всего и происходило. Бояр и их семьи оккупанты, конечно, не трогали. Но остальные жители Китай-города уже с начала октября не могли чувствовать себя в безопасности. Польское командование не только не пресекало в гарнизоне людоедство, но и фактически узаконило его. Так, в частности, по приказу полковников Струся и Будилы «на прокорм» гайдукам были отданы заключенные московских тюрем.

Поляки понимали, что выхода у них нет. Но наемникам было жаль расставаться с награбленными богатствами. 21 октября начались переговоры о капитуляции. Однако в этот день достичь соглашения не удалось. Представлявший «рыцарство» полковник Будила настаивал на почетной сдаче, чтобы уйти за кордон с оружием и добычей. Пожарский соглашался лишь на безоговорочную капитуляцию. И неизвестно, как бы решился этот спор, но в него «вмешались» казаки. 22 октября они внезапно бросились на штурм Китайгородской стены. Поляки не ожидали атаки. Их оборона рухнула в считанные часы. Остатки гарнизона в панике бежали в Кремль. Этот бой сбил с гонористых панов последние остатки спеси. Теперь на переговоры с Трубецким и Пожарским выехали главные действующие лица: командующий гарнизоном полковник Струсь и глава Семибоярщины Федор Мстиславский.

Потеряв Китай-город, поляки согласились на все условия русской стороны. 26 октября через Троицкие ворота Кремля оккупанты выпустили «сидевших в плену» бояр. А на следующее утро земские воеводы приняли капитуляцию вражеского гарнизона.

Полк Струся вышел в Китай-город, в расположение отрядов Трубецкого. Полк Будилы сдался Пожарскому. Как только пленных поляков разоружили и взяли под стражу, войска Трубецкого и Пожарского торжественно вступили в Китай-город. Впереди обеих ратей шли представители духовенства с крестами и иконами. В тот момент, когда русские полки встретились у Спасских ворот, створки их торжественно растворились и из Кремля со святыми образами вышли те церковные иерархи, что сидели в осаде с Семибоярщиной. По замыслу руководителей ополчения это действие должно было символизировать, что отныне все русские люди объединяются против оккупантов и берутся за нелегкий труд по возрождению истерзанной смутой родины.

А в это время Сигизмунд III собрал наконец войска для спасения московского гарнизона и двинулся с ними в Россию. Его армия выступила в поход из Смоленска и в конце октября соединилась в районе Вязьмы с отрядами Ходкевича. Вместе у них было, по разным данным, от 10 до 12 тысяч ратников. Едва переступив границу, король объявил, что идет усадить сына на московский трон. Россиянам в своих воззваниях он обещал умиротворение и благоденствие. В армейском обозе ехал низложенный еще при Шуйском патриарх Игнатий. По замыслу Сигизмунда он должен был короновать Владислава в Успенском соборе Кремля. Ради возвращения на должность Игнатий признал Брестскую унию и согласился подчинить Русскую церковь римскому папе. Предусмотрительность эта оказалось излишней. Войска Сигизмунда III преследовали неудачи. Сначала поляки несколько дней безуспешно атаковали Погорелое Городище. После очередного штурма местный воевода в шутку посоветовал Сигизмунду: «Пойди под Москву, будет Москва с тобой, и мы готовы быть твои»*. Король не знал о капитуляции кремлевского гарнизона. Он спешил на выручку к Струсию, а потому не стал связываться с русским «нахалом».

Для земских воевод появление Сигизмунда оказалось неожиданным. Продовольствия в Москве было мало, и большую часть

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 137.

дворян Пожарский распустил зимовать по поместьям. Однако о каких-либо переговорах с поляками народ не желал даже слышать. Подойдя к столичным предместьям, королевские войска попытались с наскока прорваться в Белый город. Этот штурм был легко отбит. Узнав о сдаче Кремля, Ходкевич посоветовал не искать генерального сражения, а отойти на зимние квартиры в село Федоровское, где он провел предыдущую зиму. По дороге король решил взять хотя бы Волоколамск. Однако его гарнизон отбил все приступы. А после третьего штурма русские ратники пошли на вылазку и захватили нескольких королевских пушек.

Наступили ранние морозы с сильными снегопадами. Окрестное население попрятало хлеб и скрылось в лесах. В осадном лагере начались проблемы со снабжением. 27 ноября Сигизмунд отдал приказ об общем отступлении. Переход к Смоленску оказался на редкость тяжелым. Холода несколько раз сменялись оттепелями, снегопады — проливными дождями. В лесах появились партизаны. Реки и ручьи вздулись от осеннего паводка. Болота стали непроходимыми. Королевская армия бежала из России, теряя людей, повозки и снаряжение. Так закончились мечты Сигизмунда III о создании обширной и могучей империи, которая включала бы в себя земли Речи Посполитой, России и Швеции. Всего год назад королю казалось, что планы эти уже близки к завершению. И вот теперь остатки его радужных надежд тонули в непролазной русской грязи.

ГЛАВА 23

ЦАРСКИЕ ВЫБОРЫ 1613 ГОДА.

ПРИЧИНЫ ПОБЕДЫ МИХАИЛА РОМАНОВА

Очищенный от поляков Кремль видом своим ужаснул освободителей. Церкви его оказались разграблены и загажены. Большинство деревянных построек оккупанты разобрали на дрова и сожгли. В подвалах ополченцы нашли большие чаны с разделанными и засоленными трупами людей. Царская сокровищница исчезла.

А между тем казаки ждали от правительства обещанного Трубецким расчета. Но еще важнее было отыскать царские регалии. Ведь без венца, скипетра и державы, без пышных тронных одежд коронацию провести невозможно.

Руководящий триумвират предпринял экстренные меры для обнаружения пропавшей казны. Под арест взяли чиновников Семибоярщины, вышедших из Кремля вместе с поляками: Федора Андропова, Ивана Безобразова и нескольких дьяков. С предателями не церемонились. Трое дьяков умерли под пытками. Ночью Федору Андропову оставшиеся на воле подельники помогли бежать из-под стражи. Но далеко он не ушел. Власти подняли на ноги всю Москву и вернули в тюрьму прислужника оккупантов. Вторично оказавшись на дыбе, Андронов указал тайники с царскими сокровищами. Таким образом, та часть ценностей, что при разделе досталась полкам Струся и Будилы, вернулась в казну. Сокровища, вывезенные в Польшу отрядом Гонсевского, оказались потеряны безвозвратно.

Если казаки хотели от правительства кормов и денежного жалованья, то дворян в первую очередь интересовал поместный вопрос. Смута невероятно запутала земельные отношения. Воюющие между собой правительства щедро награждали отличившихся ратников вотчинами и поместьями. К моменту освобождения Москвы многие земельные участки имели по два-три номинальных хозяина. Решить проблему был призван составленный в конце 1612 — начале 1613 года Земельный список. В нем содержались сведения о чинах и землевладениях членов Думы, стольников и московских дворян. При составлении списка земские власти полностью аннулировали все титулы и пожалования, полученные от Сигизмунда III. Потери, понесенные прислужниками короля, ничем не компенсировались.

Одновременно с этим были рассмотрены так называемые «незаконные дачи» — земельные пожалования самозванцев. В Первом ополчении служило много бывших тушинцев, получивших от «Дмитрия» грамоты на обширные территории. Лишь единицам из них удалось сохранить часть этих владений. И только глава «воровской Думы» Дмитрий Трубецкой не лишился полученных

от самозванца поместий и вотчин. Более того, за «московское взятие» боярин получил от земского правительства в наследственное владение Важскую землю. Бывшие товарищи по тушинскому лагерю восприняли это пожалование как плату за предательство их интересов.

Дарственная грамота на Вагу была составлена как соборный приговор. Документ символизировал собой то высокое положение верховного правителя России, которое номинально занял Трубецкого сразу после освобождения Москвы. В свитке были слова о том, что бояре собрались вокруг Трубецкого и «за разум и премудрость, и за дородство, и за храбрость, и за правду и за ревнительность по святым Божиим церквей... по великородству его в Московском государстве правителем избрали»*. Духовенство и земские воеводы торжественно вручили Трубецкому эту грамоту в Успенском соборе подле главных московских святынь.

Украшенный золотыми прописями свиток символизировал то самое влияние, большую часть которого боярин утратил при его получении, лишившись поддержки «тушинских дворян». Грамота о даровании Ваги многозначительно начиналась словами о том, что прежде этой землей владел царь Борис... Трубецкой ошибочно принял цветастый оборот речи за всеобщую готовность признать его право на трон. Недалекий князь заблуждался. Символическое вручение ему всей полноты власти коллеги по триумvirату, не стесняясь, использовали против Трубецкого. Отныне каждый неполученный со склада мешок муки и каждый невыплаченный из казны рубль казаки заносили на персональный счет главы правительства. И его влияние в таборах начало стремительно падать.

В свое время Трубецкой обещал озолотить соратников за «московское взятие». Многие казаки начинали службу в Тушине и были наслышаны о миллионах, доставшихся иностранным наемникам. Им же самим казна заплатила лишь по восемь рублей на человека, да и то не всем. Жалованье было выдано только «старым» казакам. Остальным правительство разрешило «построиться в

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 142.

Москве и других городах, не платя два года налогов и долгов»*. Полученные деньги и льготы не соответствовали ожиданиям таборов. Казаки невольно сравнивали эти жалкие крохи с тем жирным куском, который Трубецкой взял для себя. «Войско», полтора года воевавшее с правительством Мстиславского, все больше проникалось мыслью: их предводитель оказался на поверку тем же «злым боярином», что и все прочие... Да еще и лгуном в придачу.

Это имело большое значение, поскольку за время Смуты казачество стало основным военным классом России. Шведские и польские агенты в своих донесениях оценивали общую численность земской рати в 17—20 тысяч человек, две трети из которых составляли казаки. Еще более важным стало то обстоятельство, что по своему социальному статусу, образу жизни и мировосприятию казаки были ближе, чем все прочие ратники, к посадским жителям. То есть к той самой «черни», которая составляла большинство столичного населения. В условиях, когда упали авторитет и влияние Боярской думы, а большинство дворян разъехалось на зиму по поместьям, мнению казачьих таборов и московских посадов суждено было оказать решающее влияние на царские выборы.

Первое заседание Земского собора было запланировано на 6 декабря 1612 года, но к этому времени собрались лишь немногие его представители. Сказывались плохие дороги и дальние расстояния. Из-за этого открытие Собора пришлось отложить на месяц, но агитация за кандидатов началась намного раньше. Попавший в плен к полякам в ноябре 1612 года дворянин Философов рассказывал королевским чиновникам, что казаки в Москве на трон «примеривают Филаретова сына и воровского калужского», в то время как бояре «говорят, чтобы обратить на господарство чужеземца»**.

Схожей была позиция Думы в 1610 году, когда московская знать призвала на царство Владислава. Это решение принесло стране лишь беды и страдания, а потому о польском королевиче народ не хотел даже слышать. Будучи в Ярославле, Пожарский старался

* Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М., 2005. С. 142.

** Там же. С. 147.

убедить Густава Адольфа, что максимальные шансы на трон имеет его брат, Карл Филипп. Кандидатура принца обсуждалась среди соборных представителей. Шведские агенты доносили королю, что все бояре готовы проголосовать за их кандидата. Однако то был лишь миф, созданный земским руководством в дипломатических целях. Характерно, что условие о крещении Карла Филиппа к январю 1613 года исчезло из переписки дьяков с Густавом Адольфом. А это значит, что кандидатуру шведского принца в России больше никто не рассматривал всерьез.

Закрывая список зарубежных кандидатов, нужно вспомнить о недавних переговорах Пожарского с австрийцами. В середине июня 1612 года из Персии через Ярославль проезжало посольство императора Рудольфа II. Вождь Второго ополчения пообещал тогда российский трон эрцгерцогу Максимилиану, если Австрия поможет земскому правительству займами, а также окажет военное и дипломатическое давление на Польшу. Однако Рудольф II интереса к проекту не проявил, а потому вопрос об австрийском кандидате на Соборе даже не обсуждался.

Таким образом, уже к концу декабря земским лидерам стало ясно, что у Думы нет конструктивных предложений по царской кандидатуре. Тайной мечтой Семибоярщины оставалось возвращение в число претендентов Владислава, а потому Минин с Пожарским сочли за лучшее убрать из Москвы Мстиславского «со товарищи» до тех пор, пока остальные не договорятся о едином русском кандидате. Трубецкой не стал возражать. В каждом боярине он видел лишь конкурента за голоса выборщиков. Официально народу сообщили, будто члены Думы отправились из Москвы на богомолье. Примечательно, что выехали они все в Ярославль, недавнюю столицу Второго ополчения. Здесь членам и сторонникам Семибоярщины можно было обеспечить не только охрану от «воровских» казаков, но и круглосуточный надзор.

Официально заседания Собора начались в январе 1613 года. Первые же недели показали, что выборы грозят затянуться до бесконечности. На трон претендовало множество знатных лиц, и ни один из них не был готов уступить другому. Ситуация зашла

в тупик. В этом хаосе сохранилась лишь одна организованная сила — казачий круг. Он последовательно предлагал Собору три кандидатуры: Дмитрия Трубецкого, Михаила Романова и Дмитрия Черкасского. Но ни один из них не получил большинства голосов. Вообще, единственное, чего на первом этапе удалось достичь Минину и Пожарскому, стало решение Собора об отказе от иностранных претендентов.

Это был решительный шаг. Он вел страну к войне на два фронта: против Польши и Швеции. Теперь выборы царя требовалось заканчивать без проволочек. И Минин с Пожарским знали, как можно ускорить процесс. Разрядный приказ издал распоряжение об отправке армии в поход на Заруцкого. «Войско» ответило отказом. Земский собор так писал об этом казанцам: «А без государя (до избрания монарха) ратные люди — дворяне, и дети боярские, и атаманы, и казаки, и всякие ратные люди, на черкас и на Ивашка Заруцкого идти не хотели»*. Для ускорения выборов казаки на круге постановили: решительно поддержать того кандидата, у которого будут наибольшие шансы занять трон.

И им сразу подсказали имя. На всех предыдущих царских выборах важную роль играл московский первосвященник. И хотя после кончины Гермогена престол опустел, никто еще не забыл, как в 1610 году патриарх предлагал избрать на царство Василия Голицына или Михаила Романова. Князь Василий Васильевич томился в польском плену, но Михаил был в России и мог сесть на престол в кратчайшие сроки. В решающий момент роль «коллективного патриарха» взял на себя Троице-Сергиев монастырь. Иноки не только поддержали сторонников Романова, но и предоставили для их собрания свое подворье в Китай-городе. Правда, архимандрит Дионисий на сходе отсутствовал. Как видно, он решил перестраховаться. Зато ведущую роль играл его ближайший помощник, келарь Авраамий Палицын, и другие монахи. На собрании присутствовали дворяне, купцы, атаманы, представители слобод и полков. Они постановили добиваться избрания на трон Михаила

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 156.

Романова, напирая на то, что его отец был родным племянником царицы Анастасии, жены Ивана Грозного*.

7 февраля, на следующем заседании Собора, выборные от казаков вторично предложили кандидатуру Романова. Их тут же поддержали другие участники совещания на Троицком подворье. По свидетельству присутствовавшего на заседании Авраамия Палицына, речи сторонников Михаила «не обретется ни в едином слове разньствия»**. Очевидно, не надеясь на красноречие выборных чинов, монастырские служители снабдили их копиями-шпаргалками с одной и той же грамоты.

Выступления сторонников Романова поначалу не произвели впечатления на руководящего заседанием Трубецкого. Он сказал, что лучше подождать с этим вопросом до приезда претендента в столицу. Однако соборным представителям к тому времени уже надоели бесконечные проволочки. Келарь Авраамий Палицын предложил вынести обсуждение за стены дворца и узнать, что думает о Михаиле народ. Инока горячо поддержали другие участники встречи на Троицком подворье. Видя, как много людей требует избрания Романова, на его сторону перешли боярин Василий Морозов, рязанский архиепископ Феодорит и архимандрит Новоспасского монастыря Иосаф. Эта троица, вместе с инициатором идеи, Авраамием Палицыным, вышла из дворца на Лобное место, где Морозов обратился к народу с речью. Толпа отозвалась шумом одобрения. Но избрание царя без участия Думы не входило в планы Минина и Пожарского. Поэтому руководители Собора предложили перенести решение вопроса о кандидатуре Михаила на две недели, а за это время вернуть в Москву Мстиславского и прочих бояр, чтобы выслушать их мнение.

Вряд ли Думу можно было заманить на формальное голосование по уже принятому решению. Еще менее вероятно, чтобы Мстиславский и прочие заранее согласились отдать корону «худородным» Романовым. Скорее всего, боярам предложили какой-то

* См.: Сказание Авраамия Палицына. С. 227.

** Там же. С. 232.

компромисс. Вот что пишет по этому поводу Р.Г. Скрынников: «Некоторые говорили, что надо усердно помолиться Богу и затем бросить жребий между тремя лицами — князем Дмитрием Трубецким, князем Иваном Голицыным и Михаилом Романовым»*. Фактически Собору предлагалось избрать царя по той же схеме, что и первого патриарха. Трубецкой в этой троице представлял земское движение, Голицын — Семибоярщину, Романов выдвинул народ.

Предложение о трех кандидатах было отвергнуто Думой. Ее руководители не желали давать Михаилу шанс. Взамен они внесли на обсуждение альтернативный список из семи человек. В него вошли: Мстиславский, Воротынский, Трубецкой, Иван Романов, Федор Шереметев, Иван Черкасский и Дмитрий Пожарский. Однако этот вариант не удовлетворил участников собрания на Троицком подворье, к которым уже успело присоединиться большинство казаков и московских жителей. Все эти люди дружно требовали возврата к обсуждению кандидатуры Михаила.

Бояре попытались воздействовать на толпу через дядю популярного кандидата. Иван Романов указал народу на юный возраст племянника: «Тот князь Михайло Федорович еще млад, и не в полном разуме, кому державствовать?»** Однако это возражение сторонники «народного претендента» легко отвергли. Ты стар, заявили они Ивану Никитичу, «в полном разуме» и «ему крепкий подпор будешь»***.

Пока желавший получить корону дядя агитировал людей против Михаила, члены Думы пытались убедить Собор вернуться к вопросу об иностранных принцах. Узнав об этом, большая толпа казаков и посадских жителей ворвалась во дворец и принялась бранить бояр. «Мы выдержали осаду Москвы и освободили ее, — кричали горожане и ратники, — а теперь должны терпеть нужду и совершенно погибать, мы хотим немедленно присягнуть царю, чтобы знать, кому мы служим и кто должен вознаграждать нас за

* Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М., 2005. С. 160.

** Там же. С. 162.

*** Там же. С. 163.

службу!»* Толпа не слушала возражений и не желала расходиться, пока соборные чины не проголосовали за избрание Михаила Романова.

Но и на этом для бояр еще ничего не кончилось. Их принудили тут же во дворце целовать крест Михаилу, после чего присяга была перенесена на площадь. Там поставили шесть крестов, к которым протянулись длинные очереди из простого люда. Приказные наспех составили крестоцеловальную запись. Членам Думы и Собора ничего не оставалось, как ее утвердить. Присяга требовала от подданных верной службы Михаилу, его будущей царице и их возможным детям. Каждый клявшийся обязался не передавать трон ни литовским, ни шведским королям либо королевичам, ни боярам «из русских родов», ни Маринке и ее сыну**.

Избрание Михаила на царство отечественные историки обычно изображают либо как цепь случайных событий, либо как результат давления на Собор мятежных казаков. Мне же представляется, что победа юного Романова стала результатом согласованных действий земских лидеров и троицких монахов. В январе, на предварительном этапе выборов, наибольшую активность проявили казаки. Одного за другим круг выдвинул троих кандидатов: Трубецкого, Романова и Черкасского. Собор последовательно отверг их, одного за другим. Однако многие историки отмечают, что кандидатура Романова получила наименьшее противодействие выборщиков. Фактически он не устраивал лишь Боярскую думу.

Во время предыдущих выборов и переворотов аристократы традиционно собирали вокруг себя дворянские партии. Затем для массовости в них вовлекались купцы и представители московского посада. По этой схеме братья Шуйские организовали восстание против Лжедмитрия I. Похожие сценарии неоднократно разыгрывал из-за кулис Василий Голицын, пытаясь свергнуть самого Шуйского. И теперь, чтобы помешать боярским кланам вести агитацию среди дворян и столичных жителей, Минин и Пожарский

* Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 94.

** *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 165.

предприняли два важнейших шага. Во-первых, они в ускоренном темпе разработали и утвердили Земельный список. После этого большинство дворян потеряло интерес к выборам. Они разъехались по поместьям, чтобы за зиму решить личные проблемы. Ведь каждый понимал: война не кончилась! И кто бы ни стал царем, весной армию ждут новые битвы.

Во-вторых, вожди земского движения сослали в Ярославль Мстиславского и других руководителей Думы. Тем самым они лишили бояр возможности активно влиять на события. Следует отметить, что Минина с Пожарским в обоих случаях активно поддержал Трубецкой. Номинальный глава правительства видел, что благодаря действиям его коллег по триумvirату главной силой в столице становятся казачьи таборы. Иными словами, тот самый круг, что выдвинул Трубецкого первым кандидатом на трон. Надо ли говорить, что вкус победы боярин уже буквально чувствовал на губах. Ведь перед этим он полтора месяца поил и кормил на своем дворе атаманов, «моля их, чтобы были ему на Росии царем»*. Гости в глаза хвалили Трубецкого, обещали поддержку на выборах. А за спиной смеялись над недалеким боярином.

Считая, что голоса казаков ему обеспечены, глава правительства поддержал и инициативу Разрядного приказа с походом на Заруцкого. Боярин ошибочно полагал, что ускорение процесса выборов ведет его к верной победе. Решение круга о повторном выдвижении Романова стало для Трубецкого шоком. Казаков срочно надо было кем-то уравновесить! И потому он с удовольствием уцепился за предложенную коллегами возможность — вернуть из Ярославля лидеров Думы... Трубецкой и представить себе не мог, что за Михаила Романова уже давно ведут агитацию троицкие монахи. Что на сторону юного соперника они перетянули большинство столичного посада. В результате бояре вернулись из Ярославля лишь «к шапочному разбору». Партия отсутствующего на выборах Романова к этому времени не только одержала победу на площадях Москвы и в казачьих таборах, она сагитировала большинство рядовых членов

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 154.

Собора. Если бы руководство Думы объединилось, борьба за трон могла продолжиться. Но бояре не смогли выдвинуть кандидата из своей среды, об иностранном же принце московский люд не желал даже слушать.

Таким образом, 21 февраля 1612 года стало днем молниеносной победы романовской партии. Еще утром на Соборе обсуждали список из семи претендентов, в котором имя Михаила даже не упоминалось, а уже к вечеру на площадях шла присяга на верность новому царю. Трубецкой, до последней минуты не терявший надежды на успех, был безутешен. Неудача едва не свела в могилу главу земского правительства. Если верить «Повести о Земском соборе», на которую ссылается Р.Г. Скрынников, после выборов Трубецкой серьезно заболел: «Лицо у него ту с кручины почерне, паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего»*.

Была ли победа Романова случайностью, результатом казацкого мятежа или хорошо спланированной акцией романовской партии? Это не имеет большого значения. Для истории важнее другое... Его избрание было лучшим из возможных вариантов. Чтобы в этом убедиться, рассмотрим реальные альтернативы: иностранный принц, представитель династии Рюриковичей или Гедиминовичей. Нового самозванца, как показал недавний пример Лжедмитрия III, страна бы не приняла.

Начнем с зарубежных кандидатов. Австрийский двор интереса к выборам не проявил, а значит, имелись лишь польский и шведский претенденты. Владислав к этому времени уже успел походить в русских царях. Ничего хорошего это стране не принесло. Был ли Карл Филипп лучше? Ситуация с его «избраением» на новгородский престол позволяет утверждать обратное. В Россию «великий князь» так и не прибыл, в православную веру не перешел. А значит, не только Пожарский морочил голову Густаву Адольфу, обещая его брату московскую корону. Шведские дипломаты отвечали русским той же монетой. Король использовал переговоры об из-

* Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М., 2005. С. 167.

брании Карла Филиппа лишь для того, чтобы в это время надежно закрепить за собой захваченные у России земли.

Что же касается князей Рюриковичей и Гедиминовичей, то основным их минусом была многочисленность этих разветвленных династий. Любой кандидат в случае избрания его на трон вместе с короной получал сотни, а то и тысячи потенциальных соперников. Княжеские родословные к тому времени уже настолько переплелись, что стабильной власть такого царя не могла стать по определению. Если даже самые старшие из Рюриковичей, Шуйские, при первых успехах Скопина вынуждены были прибегнуть к яду, чтобы удержать за собой корону, то скольких пришлось бы потравить тому же Трубецкому, попади он волею случая на московский престол?

При избрании Михаила Романова Собор фактически узаконил принцип, по которому кровное родство с последним царем стало считаться более важным, чем принадлежность к великокняжеской семье. Это положение резко сужало число кандидатов на трон и выбивало почву из-под ног любителей переворотов. Страна получила возможность сплотиться вокруг новой династии. А значит, царь Михаил Федорович мог править милостиво, не устраивая, подобно Василию Шуйскому, массовых опал и тайных казней. Еще одним важным преимуществом нового царя был, как ни странно это звучит, его юный возраст. За время Смуты многие политики переходили из одного лагеря в другой, нарушали клятвы, врали и подличали. Романовы не были исключением. Отец Михаила, Филарет, долгое время служил у Лжедмитрия II «воровским патриархом». Дядя, Иван Никитич, был одним из лидеров Семибоярщины. Новоизбранный царь тоже присягал Владиславу и сидел в Кремле с поляками. Но его это, по молодости лет, совсем не компрометировало. Ведь, как и положено отроку, Михаил лишь выполнял волю старшего родственника. И наконец, что тоже немаловажно, юный Романов отсутствовал на Земском соборе. Во время избирательной кампании он никому ничего не обещал и теперь мог вести свою политику разумно и целесообразно. Исходя в ней только из интересов страны и ни из чего больше.

Однако все эти политические козыри новому царю еще нужно было разыграть. Задача на первый взгляд казалась неподъемной. Ведь никакого опыта в управлении страной у Михаила не было. Да что там опыта! Репрессии Годунова обрушились на романовскую семью, когда мальчику исполнилось четыре года. Отец и мать его поневоле приняли постриг, а Михаила вместе с сестрой Татьяной судьи услали в тюрьму на Белоозеро. Там, по данным летописей, дети находились «немалое время»*. Годы заключения совпали по времени с жесточайшим голодом, что не лучшим образом сказалось на здоровье будущего царя. Михаил вырос типичным «заморенным ребенком». С тех пор и до конца дней он оставался слабым и болезненным.

Еще хуже тюрьма и ссылка отразились на образовании будущего самодержца. Лишь в возрасте десяти лет, уже при Лжедмитрии I, Михаил избавился от надзора приставов и попал в столицу, где впервые получил возможность хоть чему-то научиться. Однако время было безнадежно упущено. Но главное, в характере будущего царя надолго закрепились черты тюремного сидельца: уступчивость, осторожность, склонность к послушанию, боязнь проявить хоть какую-то самостоятельность. А потому сразу же возник вопрос: кто станет править страной от имени Михаила? Лучшей кандидатурой был, естественно, Филарет. Но его еще предстояло вызволить из польского плена. А пока суд да дело, роль руководителя взяла на себя мать юного царя. Надо сказать, что дамой она была волевой, энергичной и неглупой. Ведь недаром же Борис Годунов из всех женщин семьи Романовых только ее, Ксению Шестову, повелел постричь в монахини. Более того, инокиню Марфу после этого не отправили в монастырь, а заточили на пустынном погосте в Заонежье. Если верить свидетельству Исаака Массы, суровое наказание было связано с тем, что Борис Годунов считал честолюбивую Ксению «душой заговора»**.

В начале марта делегация Земского собора, возглавляемая близким родственником Романовых, боярином Федором Шере-

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 22.

** Там же. С. 21.

метевым, выехала из Москвы на поиски новоизбранного царя. Где находится Михаил, никто точно не знал, а потому послы отправились в Ярославль и далее «туда, где он, государь, будет»*. От руководства Думы, кроме Шереметева, на поиски поехали князь Владимир Бахтеяров-Ростовский и окольный Федор Головин. От духовенства — рязанский архиепископ Феодорит, троицкий келарь Авраамий Палицын, другие соборные старцы. 13 марта делегация прибыла в село Новоселки под Костромой. Утром следующего дня, вместе с местными воеводами, посадскими жителями и представителями костромского духовенства, послы крестным ходом двинулись к стенам Ипатьевского монастыря, где их поджидали Марфа и Михаил.

Сцена переговоров была разыграна как по нотам. Старший из духовных пастырей, архиепископ Феодорит, подал скромной старице грамоту от Земского собора об избрании ее сына на московский трон. То, что Марфа на первый раз откажется благословить Михаила, было вполне предсказуемо. В России тех лет сразу соглашаться на что-либо считалось дурным тоном. Однако, вместо глупых отговорок, инокиня начала приводить в обоснование вполне земные резоны. Тем самым послы от имени отправившего их Собора вынуждены были в рамках формального вроде бы торга давать клятвенные обещания по самым важным вопросам текущей политики. Причем именно по тем, где интересы царской династии сталкивались с их собственными сословными интересами.

Вначале старица «с великим плачем»** указала послам на молодость сына и его неопытность, на ненадежность подданных, которые «...в крестном целовании стали несостоятельны», «...дав свои души прежним государям, не прямо служили». Бояре поклялись, что Михаилу теперь все станут служить честно, а затем согласились на любую кару для изменников. Государство вконец разорено, продолжала причитать Марфа. Из-за отсутствия денег в казне царь не может ни ратных людей по заслугам жаловать, ни с

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 170.

** Там же. С. 171.

польскими войсками сражаться. Да что там — воевать, даже на обеспечение царской семьи и то небось припасов в Москве нет! Ну, что ты, матушка, отвечали послы... Мы да за-ради такого дела... Всем миром соберем! Нет, что хотите, а не благословлю, запрашивает очередную уступку Марфа, ведь король-то Сигизмунд... Он как только узнает, что Михаил на московский трон уселся, так тут же отца его, который в плену мается, лютою смертью расказнит! Не посмеет, матушка, отвечают послы... Мы ему в обмен на Филарета польских пленников отдадим — кого захочет и сколько захочет! Короче... На что угодно пойдем, лишь бы царского батюшку у супостата выкупить!

Так на первом же свидании мать выторговала для Михаила Романова право на бессудные опалы против нерадивых подданных. Он получил возможность в любой момент ввести чрезвычайные военные налоги. Кроме того, на будущих российско-польских переговорах ему заранее разрешали поставить интересы семьи выше государственных нужд. Теперь, когда она вытрясла из бояр все возможные уступки, Марфа согласилась отпустить сына на царство. Получив ее благословение, Михаил отправился с Феодоритом и прочими духовными лицами в Троицкий собор Ипатьевского монастыря, где его торжественно нарекли российским царем. В знак обретения высшей власти юный монарх получил от посольских старцев «государев посох». Все остальные обряды были отложены до прибытия в Москву.

Известие о наречении Михаила на царство в столице получили 24 марта 1613 года. Народ ждал его прибытия в Кремль со дня на день. Однако царь в Москву не торопился. Вместо этого он почти на месяц задержался в Ярославле. Здесь вокруг Михаила и Марфы начал складываться правительственный круг, который в ближайшие годы будет руководить страной от имени юного монарха. Ядром нового правительства стали ближайшие родственники царя: Шереметевы, Морозовы и Салтыковы. Сановники Романова хорошо понимали, что он не может въехать в Москву без сильной армии и хоть какой-то казны. Сразу после наречения Михаила боярин Шереметев отправил Мстиславскому государев указ с

требованием немедленно прислать царскую печать и «боярский список», поскольку «...у нас, господа, за государевой печатью многие государевы грамоты стали»*.

Думцы попытались заволокитить дело. Составляя Земельный список, они «по боярскому приговору» раздали много казенной земли и теперь боялись пересмотра этих пожалований. Однако Шереметев продолжал слать указ за указом, неустанно требуя списка и печати. В конце концов, Думе пришлось уступить. Так важнейший из рычагов влияния на дворянство перешел в руки царя. Тем временем в Ярославль к нему стали стекаться служилые люди. Одни надеялись на разрешение земельных споров, другие — на новые пожалования. Михаил быстро дал почувствовать дворянам, что все «боярские дачи» носят предварительный характер. Он смело отменял наиболее одиозные думские пожалования и щедро раздавал поместья и вотчины участникам своего «московского похода».

Вскоре новый царь вызвал к себе членов Государева двора: стольников, стряпчих, жильцов. Когда стало ясно, что все желающие приехали, правительство Романова 25 апреля 1613 года устроило генеральный смотр дворянского ополчения в селе Люблиове. Тех, кто туда не явился, ждала суровая кара. Михаил Романов приказал отписать в казну их поместья и вотчины. Собственности лишилась не только служилая мелкота. В списке согнанных с земель нетчиков числятся такие известные фамилии, как Бутурлин, Колычев, Головин и Гагарин. Теперь, когда в руках у нового царя была дворянская армия, его позиции в борьбе с Думой значительно усилились. Одновременно с этим в столице стало падать влияние войскового круга. Верные правительству отряды один за другим отправлялись на окраины. Только 19 марта на литовскую границу убыло свыше 2300 казаков. Еще несколько сотен вскоре усилили гарнизон Пскова. Буйная же воровская вольница потихоньку разбегалась сама. Ведь жить грабежом и разбоем в центре страны становилось все опаснее. В то время как на ее окраинах еще можно было неплохо пожить.

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 174.

Наконец ситуация улучшилась настолько, что царь и его правительство могли без опаски въехать в столицу. 2 мая 1613 года Михаил торжественно прибыл в Москву. У ворот его встречали Освященный собор «с крестами», Дума, войска гарнизона и посадские жители. Большая часть сожженного поляками города еще лежала в руинах. Колокола звучали лишь с немногих уцелевших звонниц. Мало кто из бояр верил, что Романову удастся усидеть на троне. Слишком тяжелой была ситуация в стране. Никто и представить не мог, что уже через несколько лет новая династия добьется такой власти над Думой, которой не было даже у Ивана Грозного. Правящие именем Михаила сановники ловко используют вражду между боярскими кланами, дворянством и казаками, не позволив ни одному из военных сословий сколько-нибудь существенно ограничить власть государя.

Глава 24

КОРОНАЦИЯ ЦАРЯ МИХАИЛА. ВОЙНА С ПОЛЬШЕЙ, ШВЕЦИЕЙ И ОТПАВШИМИ ОКРАИНАМИ. ДЕУЛИНСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ 1618 ГОДА

Коронация Михаила проходила, как бы сейчас сказали, в рабочем порядке. Церемония состоялась 11 июля 1613 года в Успенском соборе Кремля. За неимением патриарха руководил ею Казанский митрополит Ефрем. Шапку Мономаха перед юным царем нес его дядя, Иван Никитьевич. Земские воеводы Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарский подавали государю скипетр и державу. Глава Думы Федор Мстиславский осыпал Михаила золотыми монетами.

В Москве все внимательно присматривались к первым решениям коронованного самодержца, пытаясь определить по ним новый курс государства. Михаил не заставил себя ждать. Тотчас после коронации он получил донос о серьезном проступке одного из подданных, за который по закону полагалось суровое наказание.

Царедворцы гадали, что выберет новый государь: заключение или казнь? Но Романов с детских лет намучался в «тюремных сидельцах». Он решил обратиться все в шутку... «Вы разве не знаете, — сказал царь сановникам, — что наши московские медведи в первый год на зверя не нападают, а начинают охотиться лишь с летами?»* Так молодой самодержец дал понять, что не намерен прибегать к репрессиям без острой необходимости. Впрочем, стоит отметить, что его милости доставались не только виновным...

Удачливые полководцы доромановской России не могли похвастаться долголетием. Иван Грозный казнил главного героя «казанского взятия» боярина Александра Горбатого. Воевода Иван Шуйский, остановивший у стен Пскова вторжение Стефана Батория, был тайно умерщвлен по приказу правителя Бориса Годунова. За два года до подвига Минина и Пожарского братья Шуйские, если верить народной молве, отравили своего спасителя — князя Михаила Скопина. Новый царь стал «нарушителем традиций». Он не только наградил героев «московского взятия», но и сохранил благосклонное отношение к ним на всю жизнь. Стольник Дмитрий Пожарский получил боярство в день коронации Михаила. Одновременно с ним в думные дворяне был произведен Кузьма Минин. Оба земских вождя после этого неоднократно занимали высокие государственные посты. В отличие от многих других сановников Пожарский и Минин ни разу не попадали в опалу. Чины и вотчины остались за ними до самой смерти.

Однако сразу после воцарения Михаила оба вождя ополчения на время отошли в тень. Государь и его окружение стремились проводить взвешенную политику, не делая особой разницы между земскими воеводами и их противниками. Так одновременно с Дмитрием Пожарским в бояре был произведен Иван Черкасский. Прославился он тем, что помогал полякам подавлять то самое восстание москвичей, которое в марте 1611 года возглавил князь Пожарский... Правда, позже Иван Черкасский перешел на сторону патриотов и честно воевал против польского короля. Попытка Ми-

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 189.

хаила Романова примирить между собой вчерашних врагов была вызвана жестокой необходимостью. России предстояла война на многих фронтах сразу, а потому для страны важны были сейчас каждая сабля, каждое копьё, каждый ружейный ствол... На юге казаки Заруцкого угрожали Туле, на востоке фактически отложились Казань и Астрахань, на севере шведы продолжали удерживать Новгородскую землю, а с запада наступали поляки. Одновременно с этим по стране бродило множество «воров». Они грабили мирное население, жгли города и никому не желали подчиняться.

Минин и Пожарский, воюя с несколькими противниками, каждый раз концентрировали отборные войска на решающем участке фронта и за счет этого неизменно добивались успеха. Той же тактики старались придерживаться их преемники в правительстве Михаила Романова. И постепенно ситуация в стране начала налаживаться. Еще весной в Свияжске был арестован предводитель «суверенного Казанского царства» дьяк Шульгин. Вскоре он отправился в сибирскую ссылку, а Казань возвратилась под власть Москвы. В конце июня 1613 года в степях под Воронежем московские ратники Ивана Одоевского встретились с казачьей армией Заруцкого. Сражение шло несколько дней и имело, насколько можно судить, неопределенный исход. Потери у казаков были намного выше, однако перед отходом в степи им удалось захватить и сжечь город Воронеж.

Но, несмотря на это, Заруцкий не смог сохранить единство армии. Дон и Терек вскоре отказали ему в поддержке. После отступления из-под Воронежа большая часть казаков отстала от атамана. Основная масса разбрелась по станицам, а свыше 2200 человек перешло на сторону московского правительства. Царь Михаил принял их на службу и отправил под Смоленск против Сигизмунда III. Заруцкий с Мариной, «воренком» и горсткой ближайших сторонников бежали от войск Одоевского в «суверенную» Астрахань. Здесь атаман снова развил бурную деятельность. Вначале он объявил местным жителям, что «бутто литва завладела»* Москвой.

* *Скрынников Р.Г. Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 469.*

Поверив нехитрой уловке, «меньшие люди» и стрельцы Астрахани с честью встретили «воренка». С разных сторон к Заруцкому стекался беглый люд. Атаман заручился союзом с ногайским ханом Иштереком, завел сношения с персидским шахом Аббасом, перетянул на свою сторону Терский городок. Его агитаторы с осени 1613 года пытались поднять в поход на Москву донские станицы. Астраханские гонцы выехали также в Замосковский край и на Белоозеро. Они сумели склонить большую часть действовавших там «воровских» казаков на сторону Заруцкого.

Таким образом, в короткий срок образовалась новая казачья коалиция, готовая к лету двинуть против Москвы огромные силы с нескольких сторон сразу. Но не дремали и царские воеводы. Правительство Михаила правильно определило главную угрозу и первым нанесло удар. Уже в марте 1614 года воевода Петр Головин вернул под руку Михаила Терский городок. Оттуда он направил к Астрахани отряд стрелецкого головы Хохлова. Тот сумел на подходе к городу сагитировать на сторону Москвы степных союзников Заруцкого. Ногайская Орда присягнула на верность Михаилу. Узнав, что Россией правит избранный на Соборе царь, против атамана восстали ратники астраханского гарнизона. Дворяне и стрельцы заняли острог, Заруцкий же с верными людьми затворился в кремле. Теперь у него оставалось не более 800 сторонников. Надежды на победу не было никакой, поскольку с севера на Астрахань уже наступала армия князя Одоевского.

Заруцкий понял, что пора бежать. Не дожидаясь подхода царских ратников, 22 мая атаман с Мариной и «воренком» погрузились на струги и ушли вверх по реке. Очевидно, они надеялись проскочить в Замосковский край на соединение с союзниками. Однако дорога на север оказалась перекрыта. Заруцкому пришлось возвращаться. В тот момент, когда его отряд проплывал мимо Астрахани, стрельцы напали на казачьи струги. Лишь небольшому числу судов удалось прорвать заслон. Выйдя с ними к морю, Заруцкий перешел с Волги на Яик. Там казаки выстроили острожек на Медвежьем острове и подготовили его к обороне. Атаману уже не раз приходилось отступать и начинать все заново, а потому поражения его

не разочаровывали. Однако Михаил Романов не оставил в покое «тушинского боярина». Судовая рать нагнала мятежников на Яике. Казакам Заруцкого надоела бесконечная война. После первых неудачных стычек они согласились выдать воеводам главарей, а сами присягнули на верность царю.

16 июля 1614 года пленников доставили в Астрахань. Оттуда под сильным конвоем их отправили в Москву. Суд был недолгим. Заруцкого посадил на кол, и он умер в страшных мучениях. Трехлетнего «царевича Ивана Дмитриевича» приговорили к казни через повешение. В условиях продолжающейся войны советники Михаила посчитали невозможным оставить «воренка» в живых. Тем более что его мать уже выпускали из тюрьмы во времена Шуйского. Тогда Марина обещала вернуться в Польшу и забыть о России навеки, однако слова своего не сдержала и продолжила борьбу за власть. Сейчас она получила пожизненное заключение. Весной 1615 года узница умерла «с тоски» в подземелье Тульского кремля.

Проблемы на востоке и юге страны к лету 1614 года были в первом приближении решены, и правительство Романова приступило к борьбе за возвращение захваченных иноземцами земель. Активизировались действия на севере против Швеции и на западе против Польши. Историки часто упрекают русское правительство в ошибочном решении вести войну на два фронта. Однако его вины в этом нет. Война против Польши длилась уже более века, а Швеция в 1614 году сама перешла в наступление. Правда, по утверждению Густава Адольфа, случилось это лишь после того, как бродившие по Русскому Северу «воровские» казаки напали на территорию Финляндии. К тому моменту, как шведская армия двинулась вперед, русские войска князя Дмитрия Черкасского прочно застряли под Смоленском. Они осадили город, но поляки прорывали блокаду, доставляя в крепость обозы с продовольствием. С западного фронта войска снять было нельзя, и царю пришлось посылать против шведов новую армию. Возглавил ее Дмитрий Трубецкой, с которым ушли из-под Москвы последние отряды земской рати, которая осаждала в ней польский гарнизон.

14 июля 1614 года войска Якова Делагарди у села Бронницы, в 30 километрах от Новгорода, разбили пятитысячную армию Трубецкого. После этого воевода отдал приказ об общем отступлении. Но он забыл прикрыть отход арьергардными отрядами. И шведы шанса не упустили. С каждым днем они все активнее преследовали Трубецкого. Вскоре отступление превратилось в паническое бегство. Отряды казаков больше не верили в своего воеводу. Многие покидали строй и разбредались «воровать» по округе. Некоторые, сохраняя верность присяге, на свой страх и риск шли в рейды по вражеским тылам. А были и такие, кто переходил на службу к Сигизмунду или Густаву Адольфу. Осенью 1614 года шведские полки взяли Гдов. Развивая успех, Густав Адольф с 16-тысячной армией в июне 1615 года осадил Псков. Три месяца его войска пытались взять город. Но гарнизон крепости во главе с Василием Морозовым и Федором Бутурлиным отбил все приступы. Шведский король не стал упорствовать. 6 декабря 1615 года он подписал перемирие с Россией. И хотя мирный договор был заключен лишь в феврале 1617 года, боевые действия на Севере больше не возобновлялись.

В 1614–1615 годах сейм не давал королю Сигизмунду III воевать с Россией. И потому тот лишь призывал подданных, в первую очередь малороссийских казаков, сражаться за интересы Речи Посполитой. Отряды запорожцев громили тылы осаждавших Смоленск русских полков. Многие черкасы объединялись с частными армиями польских магнатов и русскими «ворами» для глубоких рейдов по территории Московского царства. Наиболее крупной казачьей армией этого периода принято считать рать мятежного атамана Михаила Баловня, летом 1615 года осадившего Москву. В этом сбродном войске было, по разным данным, от пяти до восьми тысяч казаков. Баловень и его старшины требовали от царя дополнительного «жалованья», а в случае отказа угрожали соединиться с паном Лисовским и перейти на службу к Сигизмунду. В то время московский гарнизон был сильно ослаблен и не выдержал бы столкновения с казачьей армией. Переговоры с «ворами» ни к чему не привели. Возникла критическая ситуация.

Однако в этот момент из Ярославля подошли войска князя Бориса Лыкова, а вскоре прибыл и отряд окольного Артемия Измайлова. Теперь в распоряжении правительства были верные полки. Царские воеводы отбили наступление мятежников и отбросили их от стен столицы. Однако на этом для Баловня дело не кончилось. Вскоре войско Лыкова нагнало «воров» под Малоярославцем и принудило их к капитуляции. По данным Р.Г. Скрынникова*, воевода доставил в столицу 3256 казаков, сдавшихся ему «за крестным целованием». В Москве всех их привели к повторной присяге на верность царю Михаилу и приняли на службу. Заводчиков же мятежа, атамана Баловня и 35 старшин, по приговору суда повесили.

Если из действовавших против русского правительства казачьих атаманов бесспорное первенство принадлежит Баловню, то среди польских магнатов на общем фоне выделялся пан Лисовский. После отступления из-под стен Троице-Сергиева монастыря его отряд четыре года опустошал окрестности Пскова. Но весной 1615 года, когда с севера над этим районом нависла угроза шведского вторжения, Лисовский помирился с королем Сигизмундом. В последний раз ограбив псковские предместья, «лисовичи» обошли по дуге осадившие Смоленск полки Черкасского и внезапным ударом захватили Карачев.

Таким образом, отряды Лисовского нависли над коммуникациями Смоленской армии. Требовалась срочно помощь Черкасскому, а войск для этого не было. Положение мог спасти полководец, который соберет армию на месте, компенсируя недостаток средств силой своего таланта и авторитета. Царя вызвал Дмитрий Пожарского. Разрядный приказ составил «ропись» полкам. В соответствии с ней прославленный воевода должен был получить свыше семи тысяч ратников. Однако когда 29 июня «армия» Пожарского выступила из Москвы, в ней было лишь около тысячи дворян, стрельцов и казаков. А потому еще до прибытия в Боровск воевода разослал по округе сборщиков с наказом приглашать отовсюду

* Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М., 2005. С. 205.

служилых людей. Войско росло на марше. В Белеве князя Дмитрия нагнала большая группа казаков, ушедших от Баловня. Многие из них служили прежде в земских ополчениях и теперь готовы были снова поступить под команду прославленного полководца. Позже к Пожарскому пришли две тысячи служилых татар, которых он тоже включил в свою армию. Конечно, в открытом бою толку от легкой кавалерии было немного, но для маневренных сражений на большой территории степная конница подходила как нельзя лучше.

Пан Лисовский, несмотря на численный перевес своей армии, не стал дожидаться Пожарского в Карачеве. Фирменным приемом польского полководца были стремительные конные рейды. Узнав о приближении русских отрядов, «лисовичи» быстро отошли к Орлу. Но Пожарский не зря включил в состав армии татарскую кавалерию. Оторваться от преследования у поляков не получилось. 30 августа 1615 года передовой конный отряд под командованием Ивана Пушкина неожиданно ворвался в польский лагерь. К тому времени, как «лисовичи» вооружились и построились для сражения, русские успели перебить много шляхтичей. Но Лисовскому удалось прекратить панику и восстановить управление армией. Подоспевшие полки Пожарского поляки встретили уже в сомкнутом строю.

Несколько часов шло ожесточенное встречное сражение. И с каждым часом на его ход все больше влияло численное превосходство поляков. Наконец Лисовскому удалось собрать в кулак всю тяжелую конницу и нанести удар по самому слабому звену русской обороны, по легкоконному полку Исленьева. Удара панцирной кавалерии татары выдержать не смогли. Они вначале попытались, а затем бежали с поля боя. Ратники Лисовского меж тем развивали успех, опрокидывая один русский полк за другим. Но самого Пожарского поляки одолеть не смогли. Сборный отряд из дворян, стрельцов и казаков под командованием воеводы отбивался с такой яростью, что Лисовский вынужден был прекратить атаки. Польский командующий надеялся, что уцелевшая горстка бойцов сама признает поражение и покинет поле боя. Но не тут-то было... Князь Дмитрий быстро укрепился в обозе, окружив свой отряд несколькими рядами телег. У него осталось не более 600 человек,

вдесятеро меньше, чем у противника. Но отойти к Волхову, как советовали соратники, Пожарский наотрез отказался. «Лучше погибнуть всем на месте, — заявил он, — чем уступить поле боя врагу!»*

Это не было глупым упрямством. Воевода лучше других чувствовал обстановку, понимал ритм сражения и логику действий противника. Тяжелые потери, понесенные в ходе многочасовой битвы, произвели гнетущее впечатление на воинов Лисовского. Штурм укрепленных позиций Пожарского был невозможен без большой крови. И проливать ее предстояло наемникам, которые не рвались умирать за интересы польского короля. К тому же день подходил к концу, а начинать атаку в сумерках было не в обычаях Лисовского. Имелось еще одно важное обстоятельство, помогавшее Пожарскому держать оборону. Он верил в свои войска и ждал, что бежавшие ратники ночью вернуться в лагерь. Расчет оправдался. Поляки не стали упорствовать. Их армия отошла на две версты и расположилась на ночлег. До самого утра к русскому стану, на свет горящих костров, собирались прятавшиеся по лесам воины. Погибших оказалось сравнительно немного. К рассвету лагерь Пожарского обороняло уже около пяти тысяч человек. Теперь у Лисовского не было шансов взломать русскую оборону.

Три дня простояли друг против друга изготовившиеся к бою армии. И каждый час передышки играл на руку Пожарскому. Во-первых, он ждал подкреплений, которые уже вышли из Москвы, а Лисовскому надеяться было не на кого. Во-вторых, иноземные наемники не отличались верностью своему знамени и, при известной ловкости их можно было элементарно перекупить. Для этой цели русский воевода использовал «немцев», которые служили в его армии. По поручению Пожарского шотландский капитан Яков Шоу связался с соотечественниками и предложил им поступить на царскую службу. Английские и шотландские наемники, видя, что удача изменила их вожаку, начали переходить в русский лагерь. Войско Лисовского таяло на глазах...

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 208.

Тогда польский командующий решил перехитрить судьбу. Тихо покинув место стоянки, он с остатками армии двинулся в район Кром, а затем внезапно повернул на север к Волхову и стремительно поскакал к Калуге. Лисовский рассчитывал, что ему удастся внезапным ударом захватить этот богатый город и тем восстановить пошатнувшуюся репутацию в войсках. Совершив стремительный 150-километровый марш, поляки заняли Перемышль и изготовились к броску на Калугу. Однако им не удалось перехитрить Пожарского. Воевода разгадал маневр Лисовского и послал конные сотни напрямик к Калуге. Остальные силы князь Дмитрий сконцентрировал у Тихвина, угрожая польской армии с фланга.

К самому же Перемышлю уже спешили подкрепления, собранные для Пожарского русским правительством в Казанской земле: от шести до семи тысяч татар, чувашей и черемисов. Лисовский не стал ждать развязки. Он сжег захваченный город и отошел к Вязьме, а оттуда — к Ржеву. В отступающей польской армии осталось меньше половины от ее первоначальной численности. Опасность, угрожавшая Москве с калужского направления, была ликвидирована. Однако огромное напряжение сил не прошло для Пожарского бесследно. Раны, полученные во время московского восстания 1611 года, все чаще давали о себе знать. Вскоре «припадок падучей» надолго приковал воеводу к постели. В Калуге он вынужден был сдать командование брату, Лопате-Пожарскому. Но тот не смог удержать армию под контролем. Вскоре после отхода Лисовского Лопата-Пожарский доложил в Москву, что «казанские люди все побегоша в Казань»*.

Находившийся в Ржеве боярин Федор Шереметев имел достаточно сил, чтобы попытаться добить Лисовского, но предпочел не рисковать, а отсидеться за крепостными стенами. Отсутствие погони и робость ржевского гарнизона ободрили польских ратников. «Лисовичи» развернулись и двинулись на восток к Угличу. Сил после боев с Пожарским оставалось немного, и потому отряд

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 209—210.

Лисовского шел проселками, обходя крупные города. Поляки разорили окрестности Ярославля, Суздаля, Мурома, Рязани и Тулы. Русские воеводы не смогли помешать стремительному рейду польской кавалерии. Только войско князя Куракина на время догнало Лисовского, когда тот, замкнув круг, вышел к Калуге с востока. Но русский командующий действовал нерешительно, и поляки без особых потерь оторвались от преследования.

Борьба с «лисовичами» очень ясно показывает, почему не сложилась военная карьера Пожарского после 1613 года. Опалы или забвения не было и в помине. Царь неоднократно предлагал своему лучшему воеводе высшие посты в армии. Иногда князь Дмитрий соглашался их занять. Но всякий раз старая болезнь валила его с ног, не позволяя довести до конца блестяще начатую кампанию. И потому Пожарский все чаще вынужден был отказываться от военных назначений. Зато после 1615 года успешно развивалась его гражданская карьера.

Весь 1616 год Россия и Польша провели, готовясь к новому решающему столкновению. Финансирование армии требовало чрезвычайных усилий. На Земском соборе в Москве выборные от городов и волостей согласились на сбор «пятой деньги» по всей стране. Однако чрезвычайный налог они были готовы платить при условии, что во главе этого дела встанет человек, пользующийся безусловным доверием общества. Таким, по их мнению, был князь Дмитрий Пожарский. В помощники ему Собор назначил дьяка Семена Головина и трех монахов.

Кроме финансовой подготовки к новой военной кампании перед Россией стояла еще одна важная задача. Перемирие со Швецией, действовавшее с декабря 1615 года, нужно было превратить в выгодный для страны мир. И здесь Пожарский тоже не остался в стороне. Используя близкое знакомство с Джоном Мериком, взявшим на себя функцию посредника между Москвой и Стокгольмом, князь Дмитрий неустанно убеждал Густава Адольфа в необходимости союза между Швецией и Россией. В результате заключенный 27 февраля 1617 года Столбовский мир оказался максимально выгодным для нашей страны, насколько это было возможно

в тех условиях. По нему Швеция возвратила России большую часть «Новгородского государства», включая Новгород Великий, Старую Руссу, Ладогу и другие города. В оправдание этих уступок шведский король сказал своим приближенным, что «...Россия не подозревает о собственном могуществе, а иначе благодаря своим огромным средствам и неизмеримым пределам она наводнила бы Балтийское море своими кораблями»*.

«Вечный» мир с Густавом Адольфом был подписан исключительно вовремя. В Польше завершались последние приготовления к походу на Москву. В королевских землях ввели специальные налоги для оплаты наемников. Благодаря этому Сигизмунд III собрал 11-тысячную коронную армию. Его посланцы заручились поддержкой запорожских казаков гетмана Сагайдачного. В ноябре 1616 года на службу к польскому королю перешли некоторые из «воровских» атаманов, орудовавших в западных регионах России. В этих условиях для царского правительства крайне важно было обеспечить северный фланг своей армии.

В апреле 1617 года польские войска во главе с гетманом Ходкевичем и «московским царем» Владиславом торжественно выступили из Варшавы. Но тут, к счастью для России, в дело вмешался «южный» фактор. Оказалось, что запорожцы не могут принять участие в походе, поскольку на них внезапно напали турецкие войска. Пришлось Сигизмунду возвращать армию в Варшаву, а часть войск посылать на юг в распоряжение Жолкевского. Лишь во второй половине лета поляки смогли возобновить наступление на восток. В августе армия Владислава подошла к Смоленску. Русские войска еще раньше сняли осаду и отступили в свои пределы.

Поляки продвигались вперед осторожно. Только в конце сентября их главная армия подошла к Дорогобужу. Местный воевода Иван Адагуров, бывший постельничий Василия Шуйского, с казаками и дворянами перешел на сторону Владислава. Узнав об измене дорогобужского гарнизона, вяземские воеводы с частью стрельцов бежали в Москву. Ходкевич, не теряя времени, занял

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 211.

оставленный ими город. 18 октября 1617 года в Вязьму торжественно вступил Владислав. Главные силы польской армии остановились здесь на зимние квартиры. Однако Ходкевич не ограничился одним оперативным направлением. Полку Опалинского и отрядам недавно погибшего Лисовского он велел наступать с юго-запада на Калугу. Расчет был на то, чтобы заставить русских расплыть силы. К тому же юго-западные районы меньше пострадали от войны, и, в случае успеха, там легче было снабжать продовольствием наступающую армию.

Однако важность этого района понимали не только в ставке Владислава. Армии для защиты Калуги царь выделить не мог. А потому направил туда человека, который во время предыдущей кампании доказал, что может найти войска на месте. Во второй половине октября князь Дмитрий Пожарский прибыл в город в сопровождении двух десятков московских дворян и трех сотен стрельцов. К тому времени в Калуге собралось уже около 800 ратных людей. Этих сил было, конечно же, недостаточно. А потому еще с дороги воевода послал грамоту к атаманам на Угрю. Пожарский писал, что готов принять в свой полк тысячу человек с жалованьем, равным окладу дворянского «новика». Вскоре в город прибыло свыше двух тысяч казаков. Атаманы понимали, что привезенных Пожарским денег на всех не хватит, но князю Дмитрию они готовы были верить на слово. Вскоре свою роль сыграл и «южный» фактор: с наступлением осени угроза татарского вторжения ослабла, и Пожарскому позволили вызвать в Калугу больше тысячи дворян, стрельцов и казаков из пограничных крепостей. Кроме того, земский воевода призвал на защиту города все мужское население посада. Что дало ему еще около тысячи бойцов...

Эта импровизированная армия далеко не сразу стала боевым организмом. Первую стычку с поляками ратники Пожарского проиграли. 13 декабря 1617 года жолкнеры Опалинского наскочили из засады на один из сторожевых отрядов и сильно его потрепали. Русские в этом бою потеряли около ста человек убитыми и свыше пятидесяти пленными. В числе прочих поляки захватили племянника Пожарского. Успех воодушевил оккупантов. Десять дней спустя глубокой ночью они пошли на штурм калужских

укреплений. Пожарский пропустил врагов за надолбы, дал им вжаться в крепость... А затем русские всеми силами обрушились на поляков. Те бежали из города, оставив на поле боя сотни убитых и раненых. Опалинский хорошо усвоил урок. Его ратники больше не пытались штурмовать Калугу. Поляки устроили лагерь в селе Товаркове, в 15 верстах от города. Всю зиму продолжались вязкие позиционные бои.

Результатом их стал отказ польского командования от наступления на Калугу. В начале лета Опалинский ушел к Можайску на соединение с Ходкевичем. Таким образом, королевские войска вынуждены были двигаться по Смоленской дороге, на которой сосредоточились основные силы русской армии. Наступление шло не очень удачно. Гетман начал его со штурма Борисова Городища. Так Ходкевич рассчитывал выманить армию Лыкова из Можайска и навязать ей полевое сражение. Но план не сработал. Во-первых, гарнизон Борисова Городища отбил оба штурма. А во-вторых, русская армия не поддавалась на провокацию. Тогда Ходкевич сменил тактику. Он придвинул полки к Можайску, установил осадные батареи и начал систематический обстрел крепости.

Гетман знал, что делает. В городе скопилось слишком много войск. Они несли большие потери. Продовольствие и фураж заканчивались. На выручку Лыкову царское командование направило отряд Дмитрия Черкасского с большим обозом. По плану эти ратники должны были закрепиться на позициях возле Лужецкого монастыря, чтобы обеспечить свободный проход в Можайск и из него. Однако не успели воины Черкасского поставить острог у монастырских стен, как Ходкевич атаковал их крупными силами и вынудил отступить в крепость. Обоз достался врагу.

Польская артиллерия меж тем усилила обстрелы. Положение в Можайске ухудшалось с каждым днем. Полки теряли много людей, не соприкасаясь с противником. У них заканчивались запасы продовольствия. Теперь вся надежда была только на Пожарского. Тот не обманул ожиданий и быстро перешел из Калуги к Боровску. Здесь, у стен Пафнутьева монастыря, русские ратники поставили острог и принялись тревожить набегамы лагерь поляков. Сил у

Пожарского было мало, а потому он избегал столкновений с крупными отрядами противника, зато непрерывно громил его разъезды, нападал на транспорты, захватывал пленных. Царь меж тем слал к Боровску все подкрепления, которые удавалось наскрести. Сначала прибыл отряд астраханских стрельцов, затем подошли служилые татары мурзы Кармаша, а вскоре к ним прибавился дворянский отряд окольного Григория Волконского. Теперь у Пожарского было достаточно сил для того, что он задумал. Дождавшись непогоды, князь Дмитрий выслал конницу в окрестности Можайска. А ночью предупрежденные Пожарским полки Лыкова незаметно отошли к Боровску. В городе остался лишь небольшой отряд пехоты во главе с осадным воеводой Федором Волинским.

Из Можайска войска Лыкова вырвались вовремя. С юга к Москве уже двигалась десятитысячная рать гетмана Сагайдачного. Запорожцы взяли Ливны, Елец и приближались к Оке. Чтобы остановить их, к переправам «берега» выступила семитысячная армия Дмитрия Пожарского. Однако по дороге в Серпухов земского воеводу свалил с ног очередной приступ «черной немочи». По приказу царя разболевшегося Пожарского на телеге отправили в Москву, а командование армией принял Григорий Волконский. Остановить запорожцев у него не получилось. После двухдневного боя русские войска отступили от Серпухова к Коломне. Здесь армия начала распадаться. Очередная ссора казаков с дворянами закончилась тем, что атаманы отказались подчиняться Волконскому и увели таборы к Владимиру. Очевидно, разногласия были связаны с платой за службу, поскольку казаки остановились в вотчине главы Думы Мстиславского и принялись демонстративно «собирать корм» в его владениях и на землях прочих бояр.

На то, что самовольные реквизиции не были обычным «воровством», указывает любопытное решение казачьего схода, о котором вскоре стало известно московскому правительству. «В Вязниках у казаков на кругу, — доносили царю посланные во Владимир гонцы, — приговорено, что им боярина князя Дмитрия Пожарского в вотчины в села и в деревни не въезжати и крестьян не жечь и не

ломать и не грабить»*. Характерно, что бояре и дьяки на переговорах не грозили казакам карами, а лишь упрашивали их вернуться в Москву. Атаманы отвечали на это, что служить готовы, но лишь под командой Пожарского.

Армия Ходкевича меж тем взяла Можайск и Звенигород, а отряды Сагайдачного вошли в Бронницу. 20 сентября 1618 года польская армия и запорожские войска соединились у стен Донского монастыря. В Думе царило замешательство. Тайные приверженцы Владислава старались посеять панику среди населения. Патриоты требовали вооружить всех столичных жителей и биться до последнего. В критический момент Михаил Романов без колебаний принял сторону последних. По решению царя и Земского собора к обороне Москвы наряду с воинскими людьми привлекалось все население столицы. Разрядный приказ расписал по стенам и воротам вооруженных посадских жителей. В конце сентября, как только лекари разрешили Пожарскому встать с постели, царь пригласил его во дворец и наградил за оборону Калуги и спасение армии Лыкова. Воеводе торжественно вручили золоченый кубок и соболью шубу. После того как дьяки перечислили все заслуги князя Дмитрия, Михаил Романов пригласил его к царскому столу.

Ходкевича меж тем поджимало время. Сейм согласился финансировать войну лишь до конца года. «Правильная» осада Москвы грозила затянуться надолго. Гетман попытался взять город внезапным штурмом. В ночь на 1 октября 1618 года его войска под командой пана Новодворского без единого выстрела подошли к Земляному городу. Взорвав ворота деревянного острога, поляки ворвались на территорию столицы. По безлюдным улицам они быстро прошли к Арбатским и Тверским воротам Белого города, но дальше продвинуться не смогли. Все попытки саперов Новодворского установить заряд у Арбатских ворот закончились неудачей. И неудивительно! Ведь здесь оборону возглавил князь Пожарский, чье подворье находилось

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 218.

неподалеку. Защитники ворот осыпали врага таким градом пуль, который быстро заставил поляков прекратить атаки. А на рассвете русские сами перешли в наступление. Новодворскому пришлось отойти. Не лучше обстояли дела и у отряда, пытавшегося ворваться в город со стороны Тверских ворот.

Огромные потери, понесенные во время ночного штурма, остудили пыл королевской армии. Ходкевич понял, что дальнейшие попытки приведут лишь к новым жертвам. Его армия сняла осаду и отошла к стенам Троице-Сергиева монастыря. Владислав послал к инокам парламентаров с требованием капитуляции. В ответ раздались залпы крепостных орудий. Так и не решившись на штурм монастырских стен, польская армия разделилась. Ходкевич с Владиславом отступили на 12 верст и разбили лагерь у села Рогачева. Сагайдачный отошел на юг к Серпухову, а затем еще дальше — к Калуге. До самого заключения перемирия запорожцы простояли под стенами этой крепости, но так и не смогли ее взять. Ходкевич попытался отправить по окрестностям отряды фуражиров, но их начали перехватывать и уничтожать ратники князя Тюфякина. Надежных путей сообщения с Польшей у гетмана не было. Уверенности в том, что сейм продолжит финансирование безнадежной войны, — тоже. Ходкевич начал переговоры о мире.

В результате 1 декабря 1618 года в селе Деулине, неподалеку от Троице-Сергиева монастыря, было заключено очередное перемирие между Россией и Польшей сроком на 14 с половиной лет. По его условиям, под власть Сигизмунда III переходили Смоленская и Черниговская земля. Царь Михаил лишился титулов «князя Ливонского, Смоленского и Черниговского», передавая права на них королю Польши. Взамен Сигизмунд отказывался от титула «царя Руси», а равно и «великого князя Русского». В феврале 1619 года, после передачи в руки польского правительства ряда пограничных крепостей, стороны планировали произвести обмен пленными.

Условия перемирия были унижительными и тяжелыми. Наряду с захваченными польской армией городами Москва отдавала ряд

крепостей, успешно отразивших атаки противника. Новая граница проходила неподалеку от Вязьмы, Ржева и Калуги. Однако перемирие было необходимо России как воздух. Это хорошо понимали не только в Москве, но и в Польше. Король на четыре с половиной месяца затянул обмен пленными. Раз за разом он откладывал передачу Филарета, выторговывая все новые и новые уступки. Наконец 1 июня 1619 года старший Романов, Михаил Шеин и другие вернулись на родину. По дороге в Москву Филарета встречали со всеми почестями. В пути его приветствовали князь Пожарский, боярин Морозов и князь Трубецкой, на Ходынке встречал Мстиславский с думцами, на Пресне — царь Михаил. Отец и сын поклонились друг другу до земли. Дальше царь с боярами двинулся пешком, а Филарет поехал на санях.

Что характерно, после окончания церемонии освобожденный из плена митрополит отправился не в Кремль к сыну, а на подворье Троице-Сергиева монастыря. Действия старшего Романова не были ни случайностью, ни капризом. К тому времени все российские политики понимали, что страна нуждается в серьезной перестройке государственных и общественных институтов. Одной из самых назревших была церковная реформа. Часть решений в этой сфере стали настолько неотложными, что их начали проводить в жизнь еще до возвращения Филарета из плена. И теперь глава романовской партии хотел лично ознакомиться с состоянием церковных дел. Будучи опытным политиком, он хорошо понимал, что ошибки, если они обнаружатся, следует исправлять как можно быстрее.

24 июня 1619 года, через неделю после приезда в Москву, Филарета торжественно нарекли в патриархи. К этому званию он вскоре добавил титул «великого государя». Сравнявшись «чинами» с сыном, старший Романов продемонстрировал всему народу, что готов взять на себя управление страной. Отныне российское правительство приобрело бесспорного лидера, который был способен провести все необходимые реформы и имел четкий план действий на многие годы вперед.

Глава 25
**РЕФОРМЫ ПАТРИАРХА ФИЛАРЕТА.
ПОДГОТОВКА К НОВОМУ ПОХОДУ
НА СМОЛЕНСК**

Филарет вынужден был включиться в политическую борьбу сразу после возвращения из плена. Конфликт, расколовший к тому времени иноков Троицко-Сергиева монастыря, требовал немедленного вмешательства лидера церкви. Дело в том, что за время Смуты пожары уничтожили в России огромное число религиозных книг. В 1615—1616 годах Печатный двор приступил к подготовке издания Третьяка и некоторых других богослужебных изданий. Естественно, появилась необходимость исправить ошибки, допущенные писцами при многократном копировании. По поручению царя корректировкой текста занимался архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий, которому помогали монах Арсений Глухой и священник Иван Наседка. За дело они взялись с большим усердием. Для внесения правок была использована лучшая по тому времени система филологической критики, разработанная Максимом Греком. Работу удалось выполнить в положенный срок, однако дальше дело застопорилось...

Как это часто бывает в подобных случаях, предложенные Дионисием исправления понравились далеко не всем. Ревнителю «святой русской старины» уже тогда воспринимали в штыки любое изменение в религиозных книгах, вне зависимости от мотивов корректировки. Партию недовольных монахов возглавил троицкий головщик* Логин. Он обладал весьма скудными познаниями в «божественной философии», зато хорошо умел плести интриги и знал, куда и кому следует пожаловаться, чтобы делу дали нужный ход. Получив донос Логина, власти арестовали Дионисия и его коллег. Троицкого архимандрита допрашивали вначале на Патриаршем подворье у митрополита Ионы, а затем и в келье инокини

* Головщик — ведущий певец и руководитель монастырского хора.

Марфы в Вознесенском монастыре. Исправления она посчитала еретическими, и вскоре Священный собор 1618 года подтвердил мнение державной монахини. Дионисия решили заточить в Кирилло-Белозерской обители, но, поскольку в стране было неспокойно, его временно поместили в московском Новоспасском монастыре.

В таком состоянии застал это дело вернувшийся из Польши Филарет и сразу вмешался в ситуацию. Для старшего Романова троицкий архимандрит не был рядовым служителем церкви. Филарет хорошо помнил, когда и с какой целью назначал на этот пост Дионисия Гермоген. В те дни расхождения по политическим вопросам между Патриаршим двором и Семибоярщиной успели проявиться в полную силу, а потому должность троицкого архимандрита приобрела особое значение для партии патриотов.

Гермогену и Филарету в тот момент, как воздух, нужен был внесословный агитационный центр, возглавляемый умным и верным соратником. Надо признать, Дионисий блестяще оправдал надежды лидеров партии. Руководимый им монастырь после ареста Гермогена и пленения Филарета стал главным источником патриотической пропаганды. Троицкие монахи оказали неоценимую помощь освободительному движению. Полтора года они были его организаторами и финансистами. В это время Дионисий неустанно боролся за объединение всех патриотических групп. Именно ему удалось в самый решительный момент помирить вождей двух земских ополчений, склонить их к созданию того самого триумvirата Трубецкой—Минин—Пожарский, который в 1612 году привел объединенную армию к окончательной победе в битве за Кремль и Китай-город. Затем, в январе—феврале 1613 года, подворье Троицкого монастыря стало координационным центром романовской партии. Именно там сторонники Михаила приняли решение о повторном выдвижении его кандидатуры в цари.

Филарет не имел обыкновения предавать верных союзников. Едва ознакомившись с делами, он созвал новый Священный собор. Много часов шли прения. Кроме русских иерархов в них выступал иерусалимский патриарх Феофан, приехавший в Москву поучаствовать в наречении Филарета. Он безоговорочно поддержал Дионисия,

объявив, что в доводах и исправлениях троицкого архимандрита нет ничего ошибочного или еретического. Чтобы подкрепить эти слова Феофана, Филарет попросил того по возвращении в Иерусалим «держать совет со вселенскими патриархами» и «выписать из греческих книг древних переводов, как там написано»*. Феофан исполнил просьбу Романова и вскоре прислал нужную справку.

Характерно, что после оправдания Дионисия Филарет не начал преследовать его противников, а продолжал вести церковную реформу, что называется, «без резких движений». Наступление на ревнителей московской старины шло медленно и аккуратно почти 14 лет, и лишь в 1633 году патриарх повелел конфисковать Уставы, выпущенные при Василии Шуйском. Причина — их издавал «вор и бражник» Логин, который многие «статьи напечатал не по апостольскому и не по отеческому преданию, а своим самовольством»**. Таким образом, Филарет не только провел через Священный собор решения, по направлению и новизне сопоставимые со знаменитой реформой Никона, но и сумел избежать при этом даже малейших намеков на раскол.

Еще важнее была начата патриархом реформа государственного управления. В июле 1619 года руководство Освященного собора явилось во дворец к царю, чтобы обсудить состояние дел в России. Сразу после этой встречи Филарет разослал по городам грамоты, в которых возложил вину за неполадки в стране на «сильных людей». Он предложил обсудить ситуацию с боярским произволом на Земском соборе. В своих речах перед делегатами Михаил и Филарет обещали «о Московском государстве промышляти, чтобы во всем поправить, чтобы все люди нашего государства, по Божией милости и нашим царским призрением жили в покое и радости»***. Земский собор 1619 года утвердил предложение патриарха об организации Сысского приказа, работникам которого «на сильных людей во всяких обидах велели сыскивати...». Программа борьбы

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 301.

** Там же. С. 298.

*** Там же. С. 228.

со злоупотреблениями властью получила исключительную популярность в народе.

Во главе Сыскного приказа Филарет поставил одного из своих ближайших родственников, князя Ивана Черкасского. Вскоре тот приобрел в народе ту же репутацию справедливого и неподкупного судьи, которая была при Грозном у Алексея Адашева. Новое ведомство не ограничивалось пассивным ожиданием жалоб на бояр и дьяков. По собственной инициативе оно вызывало из провинций выборных представителей, «которые бы умели рассказать обиды»*. Начав борьбу против злоупотреблений, Филарет постепенно подвигал российскую знать к мысли, что закон един для всех и отныне его нарушителей станут преследовать, невзирая на лица. В первой половине 1620-х годов патриарх отнял у аристократов незаконно присвоенные казенные земли. В числе «пострадавших» оказались и близкие к династии фамилии. Так, у племянника инокини Марфы, дворецкого Бориса Салтыкова, Филарет отобрал вологодское поместье в 800 четвертей.

Однако это стало лишь началом коренных перемен. Чтобы лучше понять истинную цель реформ патриарха, рассмотрим вкратце историю доромановского развития российской аристократии. При первых потомках Даниила** всеми делами в государстве заправляло нетитулованное боярство. После подчинения Москвой княжеств Северо-Восточной Руси потомки местных династий — князья Суздальские, Ярославские, Ростовские и Стародубские — пополнили Боярскую думу и стали управлять страной совместно со своей близкой родней, великими князьями из династии Калиты. Наконец в XV веке на московской службе появились члены знатных литовских фамилий: Патрикеевы, Щенятевы, Голицыны, Куракины и другие. Иван III был первым великим князем, поставившим во главе своей Думы представителя Гедиминовичей. С этого момента окончательно сложился тот «трехслойный аристократический пирог», который стал одной из

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 228.

** Даниил Александрович, младший сын Александра Невского, первый из Московских князей.

причин возникновения Русской Смуты. В центре его находилась боярская группировка, которую Иван IV считал самой опасной противницей своей власти, — суздальская знать.

Ее представители ощущали себя «братией» московских царей, а не их слугами. А потому князья Рюриковичи сильнее других сопротивлялись установлению самодержавных порядков. Именно против суздальской знати были в первую очередь направлены репрессии Грозного. Однако даже опричные казни не смогли сломить могущества Рюриковичей. Борис Годунов подошел к проблеме с другой стороны. За время правления страной он уничтожил главную привилегию суздальской знати — службу по княжеским спискам. Эта мера дала нужный эффект — она привела к разобщению уцелевших Рюриковичей. Однако у каждой медали есть обратная сторона. К тому времени, как падение династии Шуйских поставило страну перед необходимостью выбрать себе монарха, ведущие позиции в Думе заняли выходцы из Литвы — князья Гедиминовичи, без колебаний ступившие на путь предательства интересов России. Имея устойчивое большинство в Семибоярщине, они стали основными виновниками приглашения на царство королевича Владислава.

Затеянная реформа управления не была личной прихотью Филарета. После возвращения из плена старший Романов встал во главе партии патриотов, созданной им еще в 1610 году совместно с тогдашним патриархом Гермогеном. У этой партии за последнее десятилетие накопилась масса претензий к лидерам Думы. И то, что партийные интересы совпали в данном случае с династическими, а на все это наложились еще и личные антипатии Филарета, стало лишь дополнительным стимулом для решительных действий. В свое время Мстиславский «со товарищи» помогли Борису Годунову расправиться с родом Романовых. Затем они отказали в помощи Большому посольству и тем обрекли Филарета на многолетний плен. С согласия возглавивших Семибоярщину Гедиминовичей поляки бросили в тюрьму и замучили тогдашнего главу патриотов, патриарха Гермогена. Естественно, Филарет не мог оставить эти действия безнаказанными.

Однако вел он себя осторожно и шел к цели постепенно. Будучи опытным политиком, старший Романов понимал, к каким катастрофическим последствиям может привести раздор с могущественной аристократией. Прошло почти три года, прежде чем Филарет завершил подготовку ко второй части операции и принялся проводить в жизнь меры, направленные на ограничение власти Гедиминовичей. Сигналом к наступлению на литовскую знать стала кончина главы Думы Федора Мстиславского, случившаяся в 1622 году. Князь Федор умер бездетным, и потому его удельное княжество было ликвидировано. Кремлевское подворье Мстиславского не перешло к новому лидеру Думы, как обычно случалось ранее. Вместо этого царь и патриарх отдали эту землю Пушкарскому приказу. Вскоре там появился склад артиллерийских орудий.

На место Мстиславского Филарет назначил вернувшегося в 1620 году из польского плена Ивана Пуговку Шуйского. Последний в своем роду, князь Иван не зря носил такое несерьезное прозвище. Личностью он был бесцветной, инициативы не проявлял. Неудивительно, что под его руководством Дума вскоре потеряла влияние на государственные дела. Вырвав из рук Гедиминовичей главный боярский пост, Филарет завершил разгром их клана без особых помех. В 1624 году после неудачной попытки местнического спора с Пуговкой Шуйским попал в немилость видный член Семибоярщины Иван Голицын. С подачи отца-патриарха царь приказал у этого князя «...за его непослушание и измену поместья и вотчины отписать на себя, государя, и поместья в роздачу роздать, а вотчины ведать во Дворце; а за ним оставить в Арзамасе из вотчины его одно село, которое поменши, а его и его жену сослать с приставом в Пермь»*. Еще один лидер литовской знати, Дмитрий Трубецкой, в январе 1625 года отправился на воеводство в Тобольск, что, по сути, мало отличалось от опалы. Однако в этом городе бывший глава правительства прожил всего около месяца. После смерти князя ему на смену прибыл двоюродный брат, Алексей Трубецкой, остававшийся в Сибири до 1630 года. Лучший воевода Семибоярщины князь Иван Куракин попал в опалу еще в 1615 году, до

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 235.

возвращения Филарета из плена. Несмотря на дефицит опытных военных кадров, патриарх о нем не вспомнил и на службу не вернул. Куракин умер в ссылке в 1632 году.

Влияние Думы на дела после 1622 года неуклонно снижалось. В государственных указах все реже встречалась формула «царь указал и бояре приговорили», ее заменила другая — «царь и патриарх указали». Много реже можно было увидеть «царь указал» или «патриарх указал». Документы же, изданные «по боярскому приговору», в 1623—1632 годы практически исчезают из оборота. С падением роли Думы центр управления страной все больше перемещался в приказы. Из кого же состоял чиновный люд раннего романовского периода? Многие историки отмечают, что важнейшую роль в приказах при Филарете играли дьяки, сделавшие карьеру в Тушине. Обычно это объясняют так: основная масса московских чиновников при Семибоярщине служила полякам. После освобождения Москвы эти деятели разбежались из города, боясь мести казаков. На их должности заступили те тушинские дьяки, что служили в земском правительстве Ляпунова, а затем — при триумвирате Трубецкого, Пожарского и Минина. Иногда звучит и другой довод: Филарет Романов сам долгое время был «воровским патриархом», а потому протаскивал в приказы друзей и соратников.

Думаю, причина успешной карьеры тушинцев в другом... Петр Третьяков, Федор Шушерин, Иван Грамотин, Семей Заборовский, Нехороший Лопухин, Федор Апраксин и другие дьяки, сделавшие карьеру при первом Романове, пришли на службу к Лжедмитрию II из идейных соображений. Все они были врагами аристократии. Каждый явился в тушинский лагерь, желая бороться против «злых бояр». Именно такие люди были нужны Филарету, чтобы обуздать родовую знать, заставить ее служить интересам страны и династии.

В результате проводимых патриархом реформ власть сосредоточилась в руках новой группы служилой аристократии, основу которой составили близкие к династии фамилии. В первых рядах правящего круга были родственники Романовых: Черкасские, Салтыковы, Морозовы, Шереметевы, Одоевские, Львовы и

Стрешневы. Существенную долю составляли герои освободительного движения: Пожарские, Шеины и другие. Влияние новых аристократов было связано не с думскими постами, а с работой в приказах. Самые важные из них, Приказ Большой казны и Стрелецкий приказ, долгое время возглавлял Иван Черкасский. В его руках находился также Аптекарский приказ, который заботился о здоровье и безопасности членов царской фамилии. Высшие приказные должности занимали и другие сановники Михаила: Ямской приказ долгое время возглавлял Борис Лыков, Дмитрий Пожарский больше семи лет ведал Разбойным приказом, Федор Шереметев — Посольским.

Показателем особой близости к династии было участие в семейных мероприятиях Романовых, на которых боярам предписывалось вести себя «без чинов». Важнейшим из таких событий явилось венчание царя Михаила и Марии Долгорукой, состоявшееся в сентябре 1623 года. Принадлежность к иноческому чину не позволяла Филарету сидеть на царской свадьбе «в отца место», и патриарх уступил свое кресло брату. Роль тысяцкого досталась Ивану Черкасскому. В дружках у жениха были Дмитрий Черкасский и Дмитрий Пожарский, у невесты — Михаил Шеин и Роман Пожарский. Главными свахами у царя подвизались жена Дмитрия Черкасского и жена Данилы Долгорукова, со стороны невесты — жена Михаила Шеина и жена Романа Пожарского. Семейная жизнь Михаила с первой женой так и не успела наладиться. Мария Долгорукая занемогла еще во время венчания. В январе 1624 года она скончалась. На второй царской свадьбе, прошедшей в феврале 1626 года, новой была только невеста, Евдокия Стрешнева. Остальные — практически те же: Черкасские, Пожарские и Шеины. У Евдокии и Михаила родилось десять детей. Из троих сыновей до зрелого возраста дожил один только Алексей, из семи дочерей — три: Ирина, Анна и Татьяна.

Пока Михаил с помощью браков и деторождения укреплял положение династии, его отец развернул новый этап реформ. Теперь в сферу интересов Филарета попали торговля, промышленность и военное дело. С каждым годом патриарх все глубже втягивал в эту

работу своего царственного сына. Михаил предпочитал держаться в тени отца, но незаметно для окружающих с каждым годом все лучше усваивал науку управления страной.

Еще с 1587 года английские купцы из Московской торговой компании получили право на беспошлинную торговлю в России. Однако касалось оно только оптовых операций и распространялось лишь на агентов Московской компании. При этом российские товары английские купцы имели право закупать только в царской казне, а все приобретенное в других странах тоже обязались продавать в казну. За время Смуты права англичан расширились, а ограничения — сузились.

Правительство Романовых сохранило за Московской компанией данные ранее привилегии, запретив только ввоз на территорию России табака и вывоз за границу шелка. Особо оговаривалось, что англичане должны поставлять в царскую казну ткани и прочие товары по тем же ценам, по которым они продаются в стране изготовления. Взамен купцам было разрешено свободно работать на внутреннем рынке оптовой торговли. Однако здесь англичан ждал неприятный сюрприз. Те же самые права получили и другие иностранные купцы. В результате очень скоро Московская компания вынуждена была делить русский оптовый рынок с голландцами и французами. Причем те откровенно теснили англичан, проникая во все новые ниши российской экономики. Такое обострение конкуренции в оптовой торговле вскоре привело к двум важным следствиям.

Во-первых, крупным рыночным игрокам пришлось конкурировать за каждого оптового покупателя, создавать привлекательные для него условия сотрудничества. Это благотворно сказалось на положении мелких и средних российских купцов, а равно и ремесленников. Таким образом, в выигрыше от решений правительства оказалось большинство жителей городского посада. Во-вторых, заграничный капитал вытеснял крупных российских торговцев в те районы страны, где иностранцам работать запрещалось, — в Сибирь и на Дальний Восток. В результате освоение этих территорий резко ускорилося. Одно за другим на новых землях возво-

дильсь русские поселения: Красноярск (в 1628 году), Братский острог (в 1631 году), Якутск (в 1632 году). В 1643 году, еще при жизни Михаила Романова, первопроходцы вышли к устью Амура и Охотскому морю.

Если же задуматься о причинах, побудивших патриарха создать благоприятные для иностранцев условия работы в России... Скорее всего, их тоже две. Во-первых, при прежних царях крупными торговыми операциями активно занималась боярская верхушка. В ее обогащении Филарет заинтересован не был. Во-вторых, еще недавно купцы-патриоты львиную долю капиталов отдавали на нужды ополчения, а потом — на оборону страны от поляков. Большие деньги сохранились в основном у шкурников и предателей. Прижимая на европейской территории страны крупный отечественный капитал, патриарх создавал условия для восстановления хозяйств купцов-патриотов. Богачей же он вынуждал рисковать, вкладывая деньги в нарождающиеся мануфактуры или занимаясь освоением Сибири.

О том, что привилегии иностранцам не были мерами по удушению всего крупного капитала России, можно судить по льготам, которые при первом Романове получили верхи московского купечества. Гостиная и Суконная сотни, активно участвовавшие в выдвижении кандидатуры Михаила на Земском соборе 1613 года, были освобождены от посадского тягла, от уплаты мыта на внутренних границах и от побора за переезд мостов. Романовы разрешили им владеть вотчинами и ездить по торговым делам за рубеж. Судить московских купцов могли теперь только царь и казначеи, но никак не воеводы и приказные судьи.

Везде, где возникала такая возможность, Филарет старался достичь максимально эффективного сочетания рыночных механизмов и государственного регулирования. Яркая иллюстрация тому — преобразование в конце 1620-х годов хлебного рынка России. В обстановке Тридцатилетней войны цены на зерно в Европе резко повысились. Швеция, а затем и другие страны изъявили желание закупать русский хлеб. В 1628 году начались продажи крупных партий зерна в Европу. Внутри России закупки

осуществляла казна. Затем хлеб свозили в Архангельск, где от царского имени заключали сделки с иноземными купцами, преимущественно с голландцами. Благодаря устойчивому спросу за границей землевладельцы получили стимул к росту производства. Посевные площади в стране существенно расширились. А в случае неурожая вывоз зерна, естественно, запрещался. Таким образом, правительству удавалось избегать массового голода даже в «тощие» годы.

В отличие от многих других государственных дел вопросами промышленного развития страны Михаил занимался с удовольствием, и потому начатые при Филарете работы по поиску различных руд, а также по строительству мануфактур и заводов были не только продолжены, но и существенно усилены после его смерти. Особенно активно в России пытались найти золотую и серебряную руду. Все годы Смуты шел интенсивный отток денег за рубеж, и теперь недостаток монеты сильно затруднял развитие российской экономики. В 1626 году власти пригласили в страну английского горного инженера Бульмерра, про которого было известно, что он «своим ремеслом и разумом знает и умеет находить руду золотую и серебряную и медную и дорогое камень, места такие знает достаточно»*. Два года спустя из Вены в Россию приехали еще два рудознатца — Фриче и Герольд. Экспедиции во главе с иноземцами обследовали обширные территории: от Соликамска до Северной Двины, Мезени, Печоры, Канина Носа, Югорского Шара и Енисейска.

Чтобы можно было снабжать армию новым оружием, государство поощряло и субсидировало отечественную металлургию. В конце 1620-х годов голландец Андрей Виниус нашел железную руду в районе Тулы и тут же получил от Михаила Романова жалованную грамоту, освобождающую строящиеся предприятия от любых оброков и платежей в казну сроком на десять лет. Помимо этого царское правительство выделяло Виниусу ежегодную субсидию три тысячи рублей в счет будущих поставок. Это дало

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 290.

ему возможность построить большие доменные печи по лучшим европейским образцам. На железоделательных предприятиях трудились иностранные мастера и русские рабочие. Через четыре года тульские заводы поставили в казну первые 144 пуда железа. Спустя некоторое время излишки продукции стали поступать на свободный рынок.

За границу по указу царя Михаила выезжали люди, нанимавшие иностранцев для устройства медеплавильных предприятий. Российские представители заверяли мастеров из Саксонии и Брауншвейга, что «им меди делать в Московском государстве много»*. Вскоре вблизи месторождения в районе Соли Камской с помощью иностранцев был построен Пыскорский завод, ставший первым медеплавильным предприятием в России. Приглашая мастеров из-за рубежа, царь вменял им в обязанность подготовку русских учеников, посвященных во все секреты профессии. Поначалу звали в основном специалистов по горному делу, металлургов и пушкарей. Однако вскоре в Москву стали приезжать мастера бархатного и часового дела, каменщики, живописцы, всякого рода ремесленники. Русские находили себе учителей в самых различных областях и сферах производства. В последние годы царствования Михаила служилых иноземцев в Москве проживало уже больше тысячи. В это время они основали ту самую Немецкую слободу на Кукуе, в которую позже любил ездить молодой Петр I.

После окончания Смуты Россия была крайне ослаблена в военном отношении. Поместное землевладение оказалось разоренным, большинство дворян не имело возможности выходить на службу «конно и оружно». Городская экономика лежала в руинах, и посадским жителям не из чего было платить тягло. Торговля тоже находилась в упадке. Основной военный налог, «стрелецкие деньги», собирался с большим трудом... Но по мере того, как улучшалось положение в экономике, руководство страны все чаще задумывалось о реформе армии. Близился срок окончания Деулинского перемирия, пришла пора готовиться к борьбе за возвращение утра-

* *Скрябинников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 291.

ченных земель. А между тем, по состоянию на 1628 год, в стране числилось лишь 59 тысяч ратников. Из них «полевая часть» армии, та, которую можно было вывести в поход, не превышала 20 тысяч человек. Примерно половину из них требовалось держать на южной границе для отражения крымских набегов. Чтобы отвоевать у Польши Смоленск, необходимо было увеличить общую численность войск как минимум до 90 тысяч человек.

Требовались русской армии и структурные изменения. Европейские страны к этому времени уже перешли от феодальных ополчений к регулярным войскам, состоящим из профессионалов-наемников. Главной боевой силой армии стала пехота, вооруженная современным холодным и огнестрельным оружием, умеющая держать строй и маневрировать на поле боя. Правительство учло требования времени. Во второй половине 1620-х годов было принято решение о создании по иноземному образцу солдатских, рейтарских и драгунских полков. Трудностей было много... Не хватало современного оружия — правительство с 1627 года организовало его закупки в Англии, Дании, Голландии и Швеции. Пушки за границей почти не покупали, делали свои. Зато наняли голландского мастера, владеющего современной техникой литья железных ядер.

Для обучения войск новой тактике боя нужны были знающие офицеры — царь и патриарх пригласили на службу иностранцев. Как обычно бывает в подобных случаях, новое дело продвигалось медленно. К формированию двух первых солдатских полков власти смогли приступить лишь в начале 1630 года. Сразу возникли сложности с набором рядового состава. Согласно разосланным по городам грамотам, в солдатскую службу воеводам полагалось принимать беспоместных «детей боярских», которые были бы «собой добры и молоды и в службу годились»*. Однако за полгода, с апреля по сентябрь 1630 года, их записалось всего 60 человек.

Процесс тормозил один важный психологический момент. Когда «дети боярские» являлись на смотр «с пищалью», они все же формально оставались в составе дворянского ополчения.

* *Каргалов В.В.* Русские воеводы XVI—XVII вв. М.: Вече, 2005. С. 194.

А переход в солдаты был для них серьезной потерей статуса. Ведь служба в «пешцах» традиционно считалась уделом «черного люда». Ситуация с набором быстро наладилась, когда власти объявили о найме в солдаты казаков и иных «вольных охочих людей». Для них условия оплаты (пять рублей в год плюс один алтын в день кормовых) оказались приемлемыми. Вакансии в обоих полках довольно быстро заполнились. Но поскольку время поджимало, в Швецию и Голландию в начале 1631 года выехали полковники русской службы Индрик ван Дам и Александр Лесли с приказом нанять четыре полка солдат из иностранных наемников. Миссия закончилась успешно.

Таким образом, к началу Смоленского похода 1632—1634 годов в распоряжении царских воевод было шесть полков иноземного строя. В стадии формирования находился еще один — рейтарский. С его комплектованием проблем не возникло. В тяжелую кавалерию «дети боярские» шли охотно, ведь в их представлении это был «традиционно дворянский» род войск. В рейтарском полку по штату состояло две тысячи конных бойцов. Он делился на 12 рот во главе с ротмистрами. Рейтары были хорошо вооружены. Бойцу выдавали из казны шашку, карабин, два пистолета и латы. Каждый из пехотных полков имел 1600 солдат. В нем было 8 рот по 200 человек, в том числе 120 мушкетеров и 80 пикинеров. Затем, уже в ходе войны, из русских новобранцев сформировали еще два солдатских и один драгунский полк. Драгуны могли сражаться как в пешем, так и в конном строю. Их численность была определена в 1600 человек при 12 малых пушках. Таким образом, перед самой войной и в ходе ее были сформированы десять полков иноземного строя, общей численностью около 17 тысяч человек.

В общем, к моменту окончания Деулинского перемирия русское правительство смогло создать достаточно сильную и неплохо вооруженную полевую армию, способную к «стройному» бою. Однако у новых полков было несколько существенных недостатков, которые в дальнейшем оказали негативное влияние на ход и исход военного столкновения с войсками Речи Посполитой. Во-первых, большинство солдат, драгун и рейтар не прошло достаточного

военного обучения. Они не имели опыта ведения войны в линейном строю. Во-вторых, в армии имелись проблемы с командным составом: роты и полки возглавляли иностранцы, больше заинтересованные в жалованье и добыче, чем в победе царя над королем. Русские солдаты офицерам не доверяли. Слишком свежо было воспоминание об измене иностранцев под Клушином. Высший командный состав не имел навыков ведения войны «по-европейски», воеводы не представляли, как можно совместить линейную тактику пехоты с боевыми приемами дворянской конницы. Советоваться с европейскими офицерами многие считали зазорным и даже опасным. А ну как изменит иноземец? Расплачивайся потом головой за его подсказки...

Нельзя утверждать, чтобы правительство Романовых не понимало этих проблем. Чтобы сгладить противоречия, оно выдвинуло на военные посты, связанные с подготовкой армии и изучением театра боевых действий, именно тех полководцев, которых планировало задействовать в Смоленском походе. Так, князь Дмитрий Пожарский в 1628 году стал воеводой в Великом Новгороде, а боярин Михаил Шеин в это же время возглавил Пушкарский приказ. Подготовкой новых полков вместе с иноземными офицерами занимались Дмитрий Черкасский и Борис Лыков. Последние двое первоначально планировались на посты главных воевод.

Еще большее внимание царь и патриарх уделяли дипломатическому обеспечению войны. Россия готовилась нанести удар в тот момент, когда Европа была расколота надвое Тридцатилетней войной. Союзу католических стран противостояла коалиция Франции, Швеции, Дании и нескольких германских княжеств. У России имелся тайный договор со Швецией о совместных действиях против Польши. Турция в это время была связана тяжелой войной с Ираном, и Романовы рассчитывали на ее дружественный нейтралитет. Были у них основания надеяться и на то, что существенную часть вражеской армии свяжут боями войска Крымского ханства.

И поначалу все шло даже лучше, чем ожидали царь и патриарх. Срок Деулинского перемирия истек 1 июня 1632 года, и именно на это время Москва планировала начало кампании. Подготовка

шла полным ходом. Войска на «литовском рубеже» начали сосредотачиваться еще предшествующим летом. В июне 1631 года Михаил Романов назначил главных воевод: Дмитрия Черкасского и Бориса Лыкова. В общем, к тому моменту, когда в апреле 1632 года скончался Сигизмунд III, для похода все было готово. Однако войска к Смоленску не выступили. Князь Лыков затеял местнический спор с Черкасским, заявив царю, что служит 40 лет и «лет с тридцати ходит своим набатом*», а не за чужим набатом и не в товарищах**», а потому вторым воеводой в поход отправляться не хочет.

Романовы не поощряли местничества. Царь не принял челобитной Лыкова. Со строптивца «за бесчестие» главного воеводы взыскали штраф 1200 рублей. Но и Черкасского царь с патриархом от командования отстранили. Романовы посчитали его виновным в том, что скрывал конфликт до последнего, а не доложил о нем царю. Итак, «первый комплект» командиров отправился в отставку еще до начала похода. Вместо них 23 апреля 1632 года на ведущие армейские должности были назначены Михаил Шеин и Дмитрий Пожарский.

Однако эта пара не зря была запасной. У каждого имелся существенный изъян, который мог стать причиной провала. Шеин прославился лишь стойкой обороной, он был типичным «генералом Ни-Шагу-Назад». Существовала вероятность, что крупные наступательные операции окажутся ему не по зубам. Пожарского же с каждым годом все чаще валила с ног «черная немочь». Трезво оценив возраст и самочувствие, князь Дмитрий отказался от назначения по состоянию здоровья. Воевода не перестраховывался. Еще до того, как армия выступила в поход, очередной приступ болезни надолго уложил Пожарского в постель. Вместо него в товарищи Шеину назначили Артемия Измайлова. Оба получили наказ собираться с полками в Можайске и Вязьме, затем занять Дорогобуж и уже оттуда идти к Смоленску.

Но тут вмешалось еще одно обстоятельство. В южные пределы России вторглась 20-тысячная Крымская орда. Причем, вопреки довоенным расчетам, в походе кроме татар и ногайцев участвовали

* «Ходит своим набатом» — является первым воеводой в полку.

** *Каргалов В.В.* Русские воеводы XVI—XVII вв. М.: Вече, 2005. С. 196.

турецкие янычары с «огненным боем». Все лето в южных уездах шли сражения. В целом их ход был благоприятен для России. Но никто не мог поручиться, что хан не введет в бой свежие силы. Лишь к концу августа в Москву сообщили, что «большие орды» отошли в степи. Однако, несмотря на упущенное время, правительство считало, что шансы на победу еще не утрачены. В стане врага по-прежнему царило «бескорольевье». Союзник России, Густав Адольф, вел успешные бои в Германии, вынуждая поляков держать крупные силы на северных и западных границах. В этих условиях 10 сентября 1632 года русские войска получили приказ начать боевые действия против Речи Посполитой.

ГЛАВА 26

ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ 1632—1634 ГОДОВ. КАПИТУЛЯЦИЯ АРМИИ ШЕЙНА. УСЛОВИЯ ПОЛЯНОВСКОГО МИРА

В целом план кампании был сравнительно неплохим. По нему из района Можайска на Смоленск наступала центральная армия во главе с Михаилом Шеиным и Артемием Измайловым. В ее составе было свыше шести тысяч конных дворян и детей боярских, более полутора тысяч казаков, примерно около трех тысяч служилых татар, свыше девяти тысяч солдат в полках нового строя, а также более полутора тысяч стрельцов, всего 21 тысяча ратников. Южнее, из района Калуги, двигались конные отряды Бориса Науго численностью около двух тысяч человек. На северном фланге, из района Ржева, наступали полки Семена Прозоровского, в которых было примерно пять тысяч бойцов. Еще один сильный отряд во главе с Иваном Еропкиным и Баимом Болтиным, численностью свыше полутора тысяч воинов, должен был действовать в районе Северной Украины. Однако угроза со стороны Крымского ханства заставила правительство перенацелить его на южное направление. Взамен летом 1633 года Шеину отправили тысячу московских стрельцов.

Главная армия, обремененная огромным орудийным парком, продвигалась по осенним дорогам с большим трудом. В условиях распутицы даже легкие полковые пушки постоянно вязли в грязи. Примерно полсотни «больших пищалей», в числе которых было 19 осадных и четыре верховых орудия, Шеину пришлось оставить в Вязьме. 18 октября войска взяли Дорогобуж, где воевода почти месяц ждал отставшие отряды. За это время русские ратники оборудовали в городе склады, превратив его в главную тыловую базу. К Смоленску Шеин выступил лишь после 20 ноября, и только 17 декабря главные русские силы обложили город.

К этому времени фланговые армии достигли больших успехов. Конные полки на юге захватили Серпейск, Рославль, Батурин, Почеп, Трубчевск, Новгород-Северский, Сурож, а также несколько более мелких городов и острогов. Летучие отряды «охочих людей» прошли по окрестностям Карачева и Стародуба, совершили набеги на Гомель и Чернигов. За первые два месяца войска Бориса Нагого на своем направлении освободили почти всю территорию, утраченную по условиям Деулинского перемирия. На северном фланге полки Прозоровского и Белосельского к середине ноября 1632 года смогли захватить две наиболее мощные крепости — Белую и Невель. Всего к началу декабря русские войска освободили 23 города.

Казалось, все идет хорошо. Но это был лишь промежуточный успех. К тому времени, как Шеин осадил Смоленск, международная ситуация существенно изменилась. Вопреки обыкновению, безвластие в Польше продлилось недолго. Уже 13 ноября 1632 года Варшавский элекционный сейм провозгласил Владислава IV новым королем. Антирусская пропаганда, которую всю жизнь вел его отец, называвший нашу страну не иначе как «наследственным врагом Речи Посполитой»*, после смерти Сигизмунда III дошла до сенаторских душ. Никаких споров, сенок,

* *Скрынников Р.Г.* Царь Василий Шуйский. М., 2002. С. 157.

а тем более попыток рокоша в стане врага не наблюдалось. А значит, вскоре на театре военных действий должна была появиться полнокровная королевская армия, усиленная многочисленными отрядами польских магнатов.

Вторым неприятным для России сюрпризом стала гибель 16 ноября 1632 года в битве под Лютценом ее главного союзника — короля Густава II Адольфа. После его смерти шведский трон унаследовала шестилетняя дочь Кристина. Регенты, правившие страной от ее имени, были озабочены лишь внутренними проблемами. О совместной с Россией борьбе против Польши они даже не помышляли. А значит, король Владислав IV мог снять войска с северных границ и направить их под Смоленск против Шеина.

Главный воевода меж тем продолжал действовать по утвержденному в Москве плану. Руководителям фланговых группировок он велел двигаться к городу, что Прозоровский с Нагим и выполнили, приведя свои полки под Смоленск 30 января и 2 февраля 1633 года соответственно. Теперь в распоряжении Шеина было свыше 26 тысяч человек. Смоленский гарнизон насчитывал 2100 ратников. Кроме них польское командование могло рассчитывать на 2400 вооруженных горожан. В принципе такого числа воинов было вполне достаточно для обороны крепости от войск, не имеющих тяжелой артиллерии. В осаде гарнизон мог сидеть долго, поскольку из-за медленного движения армии Шеина поляки успели запасти много продовольствия.

Однако у обороняющейся стороны имелись и слабые места. Во-первых, в городе было в избытке зерна и круп, но мало фуража. Из-за чего в кавалерии вскоре осталось только 150 лошадей, остальные пали. В спешке поляки совершенно забыли про дрова. И потому печки теперь топили, разбирая избы и клетки. Подновив за время перемирия стены и башни, оккупанты не подумали о колодцах, из-за чего в городе наблюдался дефицит «хорошей» воды. Ее хватало только гарнизону. Остальные вынуждены были

пить «плохую» воду, от которой многие болели и даже умирали. Понятно, в такой обстановке далеко не все горожане испытывали симпатии к Владиславу IV и его солдатам. Еще одним минусом в подготовке смоленской обороны стали сравнительно небольшие запасы пороха.

Итак, рассмотрим, какие возможности имелись у Шеина с учетом сложившейся обстановки. Во-первых, он мог попробовать еще до подхода «большого наряда» взять крепость внезапной атакой. Такая попытка была предпринята в канун Рождества. Ровно в полночь русские войска без единого выстрела пошли на штурм одной из башен, но были отбиты. Помимо этого, можно было попробовать обстрелами и штурмами измотать польский гарнизон. Во время осады ему неоткуда было пополнить убыль в людях и боеприпасах. А значит, при умелом руководстве эта тактика могла принести успех. Конечно, многочисленные штурмы чреваты большими потерями. Но взятие Смоленска их вполне искупало, поскольку с его переходом под власть царя решались все военно-политические задачи кампании.

Шеин не пошел на риск. Он ждал, когда из Вязьмы придут пушки «большого наряда». Однако раньше к городу подошли первые полки польской армии. К середине февраля 1633 года у села Красное, что в 40 верстах к юго-западу от Смоленска, встали войска воеводы Гонсевского и гетмана Радзивилла. Численность их отрядов историки оценивают в пять-шесть тысяч человек. Здесь поляки соорудили крепкий острог и с помощью конных гонцов наладили связь со Смоленском. В конце февраля они дважды смогли организовать прорыв блокады, проведя в город свыше 900 свежих ратников и небольшой обоз. Таким образом, пассивная тактика Шеина начала приносить свои горькие плоды. Гарнизон крепости получил необходимые подкрепления людьми и воинскими припасами.

5 марта 1633 года под Смоленск прибыл «большой наряд». Через 10 дней пушки встали на позиции и начали обстрел крепостных стен. 12 суток грохотали тяжелые «именные пищали». Однако

разрушить стены и башни города у них не получилось. После недельного перерыва, вызванного перебоями в снабжении порохом, обстрел возобновился. С 4 по 10 апреля пушкарям Шеина удалось разрушить три башни и пробить проломы в стенах. Пока шел обстрел, русские саперы копали минную галерею. Воевода Шеин планировал взорвать стену перед решающим штурмом. Однако атаку снова пришлось отложить, и опять из-за недостатка пороха. К 23 апреля, когда порох подвезли, выяснилось, что поляки успели соорудить позади проломов земляные валы. И русским войскам все пришлось начинать сначала: бомбардировку стен и валов, снаряжение порохом подкопа. 26 мая 1633 года мину наконец-то взорвали. 250 пудов «зелья» оказали нужное действие. Рухнул большой участок стены. Солдаты Шеина бросились к пролomu. Но их встретил ураган огня. За пыльной грудой обломков высился земляной вал, занятый польскими ратниками.

В русский лагерь стали приходиться тревожные вести с южной границы. Крымские татары и ногайцы с апреля 1633 года начали разорять русские «украины». Турция и Крым действовали против собственных интересов. Через год они это поймут и переменят фронт. Но сейчас хан исходил из довоенных расчетов, стараясь поддержать «слабую» Польшу в ее борьбе с могучей русско-шведской коалицией. Надежды Шеина на подкрепления из Москвы таяли с каждым днем. А с запада к Смоленску приближалась 23-тысячная армия короля Владислава IV. В этой обстановке Шеин лихорадочно готовил последний штурм города. 10 июня 1633 года под стеной взорвалась еще одна мина. Но пролом получился неширокий, поляки быстро повезли к нему пушки и засыпали наступающих картечью. Понеся большие потери, русская армия откатилась на исходные позиции.

Через пять дней в польский лагерь у села Красное подошли войска Владислава. Несколько раз они пытались взять приступом острог на Покровской горе, защищаемый полком Матисона. За полтора месяца было предпринято 14 штурмов. Шеину стало ясно, что Смоленск взять не удастся. Его армия сама оказалась на грани блокады. Расположившись в нескольких укрепленных

острогах вокруг города, русские полки были связаны осадной артиллерией и не могли маневрировать. Надо признать, что войска Шеина несли потери не только от пуль и ядер, но и от массового дезертирства. До лагеря дошли сведения, что в начале лета 30-тысячная орда царевича Мубарек-Гирея прошла через пограничные заставы. Татары прорвали укрепления «берега», опустошили многие южные районы. Отдельные их отряды доходили даже до Московского уезда. Узнав об этом, дворяне начали самовольно покидать полки. Они бежали на юг, чтобы попытаться спасти свои семьи и поместья.

У Шеина еще оставался шанс на победу. Он мог стянуть войска в один лагерь, а затем вывести армию в поле для генерального сражения. Правда, соотношение сил было уже в пользу врага. С учетом отрядов, которые требовалось оставить для охраны лагеря, Шеин мог выставить «в поле» не более 20—22 тысяч человек. Но полякам нужно было защищать крепость и королевский стан, а значит, полевые войска Владислава IV составили бы не более 24—26 тысяч ратников. При этом русские полки «иноземного» строя имели более мощное стрелковое вооружение, что компенсировало недостаток в живой силе. Преимущество армии Шеина в полковой артиллерии, при умелом ее использовании, давало дополнительные возможности для успеха. В этих условиях русские ратники вполне могли одолеть армию Владислава IV.

Но Шеин не пошел на риск. Он все еще надеялся на прибытие подкреплений и потому предпочел оборонительную тактику. Поначалу казалось, что дела идут неплохо. 28 августа 1633 года королевские войска предприняли штурм острожков Матисона и Прозоровского, расположенных у Покровской горы. Русская армия отбила атаки. Однако Шеин не учел один важный момент: если крымские татары всеми силами навалились на юг России, то польские окраины они оставили в покое. А значит, к королю вскоре должны подойти войска с южных границ. Они не заставили себя ждать. 3 сентября в польский лагерь прибыло свыше 15 тысяч запорожских казаков. Теперь численное превосходство врага стало почти двукратным.

Кроме того, королевские войска имели позиционное преимущество. Русские полки были рассредоточены по 14 отдельным острожкам, и враг мог последовательно концентрировать против них многократно превосходящие силы. Теперь избежать уничтожения армии Шеин мог, лишь собрав всех в один лагерь. Однако решился он на это не сразу. При срочном отступлении на позициях нужно было бросить часть «наряда». А потеря пушек в Московском царстве считалась большим позором. Но очаговая оборона не имела шансов на успех. После двухдневного сражения 11–12 сентября поляки захватили острожек Матисона на Покровской горе. 18 сентября они пошли на штурм лагеря полковника ван Дама. Весь день у его частокола шел тяжелый бой. Обе стороны несли большие потери. Ночью русские покинули разбитый снарядами острожек и отступили к позициям Прозоровского.

Только после этого Шеин приказал всем отходить в основной лагерь. Надо отдать воеводам должное, отступление войск было проведено искусно и скрытно. Владислав IV не смог ему помешать. Однако этот частный успех Шеина не отменял его главной неудачи. К 20 сентября 1633 года король окончательно прорвал блокаду Смоленска. И теперь перед русским командованием встал вопрос: что делать дальше? Самым логичным в этой ситуации было отходить к Вязьме, пока дорогу на Дорогобуж перекрывала лишь тонкая завеса из кавалерийских заслонов. Но Шеин медлил... Его удерживали у Смоленска два важных обстоятельства. Во-первых, в последней царской грамоте содержался четкий приказ: не отступать. Михаил Романов обещал прислать помощь и сообщал, что для этого под Можайском формируется новая армия. Во-вторых, Шеина привязывал к лагерю «большой наряд». Добровольно отдать врагу дорогие осадные пушки было не просто позорно. В Московской Руси это считалось воинским преступлением.

Впрочем, путь к отступлению вскоре перекрыли. Уже через несколько дней большая часть королевских войск перешла от Покровской горы к селу Жаворонки на Московской дороге. Высланные вперед отряды Казановского и Гонсевского общей

численностью свыше восьми тысяч человек заняли Дорогобуж, обеспечив заслон против деблокирующих ударов. Таким образом, полки Шеина оказались в окружении. 2 и 3 октября запорожские казаки пытались штурмовать русский лагерь, но были отбиты. Тогда Владислав IV велел установить батареи на Жаворонковой горе. Высота эта господствовала над местностью, и лагерь Шеина с нее был виден как на ладони. Польские пушкарки могли вести прицельный огонь по выбранным целям. Русская артиллерия отвечала фактически «вслепую», и ее выстрелы не давали нужного эффекта.

Только теперь Шеин попытался дать полевое сражение. Однако и сейчас его войска не пошли на прорыв, а принялись 9 октября штурмовать укрепления на Жаворонковой горе. Битва длилась до ночи. Гору Шеину занять не удалось. На следующий день обстрел русского лагеря возобновился. Положение царских войск с каждым днем становилось все хуже. В начале ноября обнаружился недостаток продовольствия и фуража. Опустела войсковая казна, и чтобы заплатить наемникам, Шеин вынужден был занимать деньги у собственных офицеров. В декабре наступили холода. Русских ратников косили голод и болезни. Меж тем Владислав IV предложил Шеину перемирие на достаточно выгодных условиях: после размена пленными оба войска отходили в свои пределы.

Многие историки упрекают воеводу в том, что он не согласился сразу, а отправил в Москву гонца за разрешением. Однако они забывают, что посланец поехал в русскую столицу тайком, потому что поляки никого из лагеря Шеина не выпускали. Более того, вражеские разъезды вскоре перехватили нескольких царских гонцов, которые везли грамоты с согласием на условия короля. А значит, Владиславу IV нужен был не мир, а лишь разговоры о нем. Поляки тянули время, ожидая, когда войска Шеина дойдут до последней крайности. А что же Михаил Романов? Ему в тот момент было не до Смоленска. 1 октября 1633 года умер Филарет. Царю волей-неволей пришлось сконцентрироваться на внутренних проблемах. Ему требовалось проконтролировать выборы

нового патриарха и перенастроить госаппарат на принципах единоначалия. А потому решение о сборе новой армии, которая должна была идти на выручку Шеина, Михаил Романов принял только 18 ноября 1633 года.

Командовать войсками на главном, вяземском, направлении назначили Дмитрия Черкасского и Дмитрия Пожарского. В их распоряжение должны были поступить свыше 21 тысячи ратников. Для фланговой поддержки начали формировать еще две армии. Одну возглавили Одоевский и Шаховской, другую — Куракин и Волконский. Каждая из этих группировок должна была иметь около трех с половиной тысяч воинов. Все три армии очень грозно смотрелись на бумаге... Где, если уж говорить честно, они в основном и находились. Расчет царя был прост и изыщен. Базировался он на информации об оперативных возможностях вражеской разведки. Стоило только Черкасскому с Пожарским «доложить в Москву о готовности армии к походу», а Михаилу Романову «отправить в Можайск и Калугу приказы о начале наступления», как польские шпионы донесли эти сведения до короля. В результате уже через пять дней Владислав IV подписал с Шеиным соглашение о перемирии, по которому истощенная боями русская армия получила право покинуть смоленский лагерь и уйти домой.

На самом же деле Разрядному приказу удалось к этому времени собрать меньше 10 тысяч человек. Их едва хватило, чтобы прикрыть западные рубежи России от возможных ударов Владислава IV. Ни о каком походе к Смоленску с такими малыми силами не могло быть и речи...

Тем не менее 16 февраля 1634 года Владислав IV заключил с Михаилом Шеиным перемирие на Жаворонковой горе. Условия его были благоприятны для царской армии, находящейся в тот момент буквально на грани уничтожения. «Все русские ратные люди могли свободно отступить от Смоленска, сохранив холод-

ное оружие и мушкеты с зарядами»*. Все больные, кто не мог сразу покинуть лагерь, получали право вернуться домой после выздоровления. Немаловажным было и то, что перемирие распространялось лишь на уходящие из лагеря войска. Они обязались в течение четырех месяцев не участвовать в войне против короля. Остальные русские армии сохраняли полную свободу действий. Таким образом, уже через месяц-другой правительство могло перебросить на юг выведенные из-под Смоленска полки, а взамен направить «в поле» свежие части.

Но все равно это было поражение. Михаилу Шеину пришлось оставить в лагере весь осадный «наряд», а значит, царскому правительству приходилось надолго забыть о возвращении Смоленска. Из полковой артиллерии русские имели право забрать с собой 12 орудий с зарядами. Однако лошадей осталось мало, и Шеин вместо пушек предпочел вывезти максимальное число раненых и больных. В общей сложности лагерь покинули около восьми тысяч человек, половина из них ехала на телегах. Еще три с половиной тысячи больных остались в лагере. В Москве о перемирии узнали в начале марта. Царь послал навстречу Шеину Моисея Глебова. Тот должен был расспросить воеводу об условиях договора и передать ободряющие слова вышедшим из окружения войскам: «Служба их и радение, и нужда, и крепкостоятельство против польского короля, и против польских и литовских людей, и что с ними бились, не щадя голов своих, государю и всему Московскому государству ведомо»**.

Из этого можно сделать вывод, что Михаил Романов высоко оценил действия Смоленской армии. В таком случае воевод должны были ждать в Москве знатные пожалования. Однако прием оказался нерадостным. Еще до возвращения Шеина по его «делу» царем была назначена следственная комиссия. Возглавил ее боярин Иван Пуговка Шуйский, который, помимо Думы, руководил еще и

* Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 475.

** Каргалов В.В. Русские воеводы XVI—XVII вв. М.: Вече, 2005. С. 216.

Судным приказом. В состав комиссии вошли князь Андрей Хилков, окольничий Василий Стрешнев, дьяки Тихон Бормосов и Дмитрий Прокофьев. Что же произошло за то время, пока Смоленская армия добиралась до Москвы? Если верить Хронографу, бояре начали клеветать на Шеина, о чем воеводе стало известно. Оправдываясь, он принялся «грубо отписывать на Москву», оттуда отвечали «с осуждением и опалой»*. Иными словами, между руководством страны и воеводой Шеиным началась склока, в которой стороны не стеснялись в выражениях.

Чем же мог воевода так сильно рассердить царя Михаила? Отправляясь на войну с поляками, Шеин не только гордо хвалился прежними заслугами, но и сравнивал свою героическую оборону Смоленска с поведением «иных», которые «...за печью сидели, и сыскать их было нельзя, и поносил всю свою братию перед государем с большой укоризною, по службе и отечеству никого себе сверстником не поставил»**. Судя по всему, это была любимая речь Шеина, которую он повторял уже не раз. Царь тогда промолчал. Михаил Шеин после возвращения из польского плена ходил в любимчиках у патриарха. А таким во все времена позволялось многое... Пока Филарет был жив, сын ни в чем не противоречил отцу. Однако внутри это был давно уже не тот слабый и наивный мальчик, который в 1613 году взошел на российский престол. Незаметно для окружающих к 37 годам Михаил Романов превратился в цепкого и мудрого политика. За 15 лет работы бок о бок с отцом-патриархом он многому успел научиться. И пусть на больных ногах царь ходил по-прежнему с трудом, зато силой воли и остротой ума мог поспорить с любым из своих подданных.

Из собственных воспоминаний и по рассказам старших Михаил знал, что терпевшие поражение войска неоднократно поднимали мятежи при Борисе Годунове и Василии Шуйском. А потому его прознатчики внимательно прислушивались к речам возвращающихся из-под Смоленска ратников. О том, какие настроения

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 274.

** Там же. С. 246.

царили в ближайшем окружении Шеина, свидетельствуют «вины», зачитанные перед казнью Василию и Семену Измайловым, сыновьям второго воеводы. Василию судьи напомнили, что он «...будучи под Смоленском и из-под Смоленска пришедши в Можайск, хвалил литовского короля, говорил: “Как против такого великого государя монарха нашему московскому плюгавству биться? Каков был царь Иван, и тот против литовского короля сабли своей не вынимал и с литовским королем не бивался”»*. В конце Ливонской войны действительно был период, когда Иван Грозный отдал воеводам приказ избегать генеральных сражений со Стефаном Баторием. Однако то было временное решение, вызванное недостатком сил. А за разговоры о «плюгавстве» правящего монарха в некоторых странах можно поплатиться головой даже сейчас.

Карьера Шеиных и Измайловых во многом базировалась на благосклонности к ним старшего Романова. Однако «золотую молодежь» всегда отличали неблагодарность и цинизм. «Да ты же, Василий, — звучало со следующей страницы обвинения, — услыша о смерти великого государя патриарха Филарета Никитича, говорил много воровских непригожих слов, чего и написать нельзя»**. Второму сыну Измайлова, Семену, вменили в вину те же «непригожие слова», только сказанные в общении с «литовскими людьми». Вместе с Шеиным и тремя Измайловыми судили также воевод, не сумевших защитить передовые позиции на Покровской горе. Князей Семена Прозоровского и Михаила Белосельского приговорили к смерти. Но по ходатайству ратников из их полка, заверивших царя, что эти воеводы «радели по службе», казнь им была заменена на ссылку в Сибирь. Характерно, что за Шеина и Измайлова полковые дворяне не вступились.

И это «бессердечие» не случайно. Шеин был человеком крутого нрава. Целей своих он добивался, не считаясь ни с потерями в войсках, ни с интересами других людей. Во время одного из приступов воевода велел пушкарям продолжать обстрел стен

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 275.

** Там же. С. 275.

Смоленска, невзирая на потери в рядах штурмующих. После того как в осадном лагере начались трудности с провиантом, Шеин выделил себе для сбора кормов самые богатые волости, а когда фуражиры попытались взять там продовольствие для рядовых ратников, велел их сечь плетью за самовольство. Как полководец, он был виноват в пассивном ведении войны. Как боярин — в неподобающих высказываниях о личности монарха. Как командир — в том, что позволил подчиненным распустить языки. Но в приговор из этого мало что вошло.

Боярская комиссия вменила воеводам Михаилу Шеину и Артемию Измайлову совсем другие проступки. Во-первых, их признали виновными в слишком медленном движении армии к Смоленску, в результате чего противник успел подготовиться к осаде. Отчасти упрек был справедливым. Но у задержки существовали и объективные причины, которые Шеин своей властью устранить не мог. Взять, к примеру, местнический спор Лыкова с Черкасским или нападение на «украины» крымских татар. Во-вторых, воевод обвинили в том, что они небрежно и неумело действовали против польских войск. И здесь в чем-то можно согласиться с комиссией: когда осаду 26-тысячной армии дважды подряд прорывает пяти-тысячный вражеский корпус — это не самый лучший показатель плотности осады и качества руководства войсками. Однако на смертную казнь подобная оплошность явно не тянет. Максимум на отстранение от должности.

В-третьих, Шеина и Измайлова упрекнули в трусости. Они не атаковали большими силами отряды Гонсевского и Радзивилла после того, как те встали лагерем в Красном. А затем, когда к Смоленску подошла армия Владислава IV, «над литовскими людьми и над литовским королем промыслу своего никакого не показали и с литовским королем и с литовскими людьми не бились»*. Трудно полностью согласиться с этим выводом комиссии. Шеин, бесспорно, виноват в пассивности, но не в уклонении от сражений. С польской армией он бился. И неплохо. Другое дело, что результат

* *Каргалов В.В.* Русские воеводы XVI—XVII вв. М.: Вече, 2005. С. 217.

боев мог быть иным, прояви русский воевода больше решительности и инициативы.

В следующих пунктах бояре вспоминают, что во время плена Шеин целовал крест Владиславу как своему царю. После этого якобы воевода полякам все время «радел и добра хотел, а государю изменил»*. Сигизмунд III действительно требовал от знатных русских пленников, чтобы те целовали крест ему и королевичу Владиславу. Через это унижение пришлось пройти всем, включая Филарета Романова и Ивана Пуговку Шуйского, который возглавлял судную комиссию против Шеина. Позже патриарх Филарет снял со всех русских пленников грех за то крестное целование и освободил от неискренней клятвы. Пожалуй, единственным неопровержимым пунктом обвинения была сдача королю тех 12 легких пушек, которые по условию договора Шеин имел право забрать с собой. Потеря «наряда» в условиях, когда имелась реальная возможность его сохранить, в те суровые времена тянула на смертный приговор. Шеин резонно возражал, что этот поступок был призван дезинформировать короля. Оставленные орудия наглядно демонстрировали врагу, что пушек у России еще много. Но судная комиссия не приняла этих доводов во внимание.

18 апреля 1634 года Михаил Шеин, Артемий Измайлов и его сын Василий были приговорены к смертной казни. Через десять дней им отрубили головы «на Пожаре». Второй сын Измайлова, Семен, отправился в сибирскую ссылку. Туда же уехали проходившие по этому делу Семен Прозоровский и Михаил Белосельский. Брат воеводы Измайлова Тимофей, служивший в Москве в одном из приказов, был сослан в Казань. Сын Михаила Шеина, который тоже проходил по этому делу, избежал казни благодаря заступничеству царицы. Из нетитулованных особ под суд попал Любим Ананьев, дворянин, служивший у Шеина. Любима обвинили в том, что он злонамеренно ссорил своего боярина с прочими знатными лицами. За это Ананьева били кнутом и отправили в тюрьму.

* *Каргалов В.В.* Русские воеводы XVI—XVII вв. М.: Вече, 2005. С. 217.

После капитуляции Шеина война не закончилась. Король Владислав IV, имевший преувеличенное представление о численности армии Черкасского и Пожарского, на Можайск наступать не решился. Вместо этого он во второй половине марта всеми силами окружил крепость Белую. Небольшой русский гарнизон, насчитывавший около тысячи ратников, капитулировать отказался. Король попробовал взять крепость с наскока, но был отбит. Через два дня польская армия повторила атаку. И снова неудача... К этому времени королевские дипломаты уже начали переговоры о мире. Владислав IV надеялся, что не сегодня завтра война закончится, и потому постоянно откладывал штурм. Наконец в начале мая ему надоело ждать. Молодой король решил удачной атакой на крепость подтолкнуть Москву к миру. Однако тут выяснилось, что его минеры ошиблись в расчетах. От взрыва в подкопе погибла часть пехотной колонны, выстроившейся для атаки. Крепость же не пострадала. Польские войска в ужасе бежали от городских стен.

К этому времени русские отряды «охочих людей» обложили королевскую армию, мешая ей добывать фураж и провиант. В польском лагере стал ощущаться недостаток продовольствия. Голод и болезни косили солдат. Начали приходить тревожные вести с южной границы. Турция и Крым в очередной раз сменили фронт и готовили удар по Речи Посполитой. В этой ситуации Владислав IV вынужден был согласиться на условия Москвы. С польской стороны переговоры вели коронный канцлер Задзик и литовский гетман Радзивилл. С российской — попеременно Федор и Иван Шереметевы. По просьбе царя Михаила присутствовал на встречах и Дмитрий Пожарский. Воевода в это время страдал от приступа болезни, а потому на переговорах больше отмалчивался. Но его участие русские дипломаты использовали как мощный фактор давления на противника. Для поляков Пожарский был живым воплощением той неодолимой силы, что похоронила их надежды на покорение России.

4 июня 1634 года в селе Семлеве на реке Поляновке* был подписан договор о «вечном» мире между Московским царством и Речью

* На тот момент пограничная река между Россией и Речью Посполитой, находится между городами Вязьма и Дорогобуж.

Посполитой. По его условиям стороны в целом сохранили позиции, на которых они находились после Деулинского перемирия. Граница существенно изменилась лишь в одном месте: к России отошел город Серпейск с уездом. Кроме того, Владислав IV отказался от титула «Московского царя» и претензий на русский трон. Он обязался вернуть выданную Семибоярщиной утвержденную грамоту. Взамен Россия выплачивала королю тайную контрибуцию в размере 20 тысяч рублей.

Польские послы предложили на месте заключения Поляновского договора насыпать два больших кургана и поставить на них каменные обелиски. На что московские дипломаты заявили, что в их государстве «таких обычаев не повелось и делать этого не для чего»*. Затем они простились и отправились восвояси...

* *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 272.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Война 1512—1634 годов не была началом борьбы наших предков с польско-литовским союзом, и Поляновский мир не стал ее окончанием. Однако именно за эти 122 года был окончательно решен вопрос о суверенитете России. Все дальнейшие бои шли лишь за спорные территории. Подчинить восточного соседа польские короли больше не пытались. Впрочем, шансов на это у них и не было. Если при Василии III в войну за «киевское наследство» вступило на скорую руку сколоченное объединение удельных и зависимых княжеств, то вышло из нее централизованное государство. Оно было до предела измотано Смутой, разорено интервентами и «ворами», но зато спаяно верой в свое особое предназначение. Выразившая эту веру формула «Москва — Третий Рим» стала тем стержнем, вокруг которого сформировалась новая Россия. Вера в великое будущее своей страны и основанная на ней воля к победе еще не раз помогали нашему народу выстоять и победить там, где не многим удалось бы выжить.

Война принесла страшные беды, породила бесчисленное множество злодеев, эгоистов и предателей. Однако вместе с тем она побудила к действию великих героев, готовых на любые жертвы, лишь бы спасти отечество. Многие из них прославлены в веках. Народ заслуженно чтит память Михаила Скопина и Прокопия Ляпунова, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Однако до сих пор незаслуженно забытым остается главный организатор и вдохновитель освободительной борьбы, человек, придумавший план спасения России и долгое время руководивший его осуществлением — патриарх Гермоген. А ведь именно вокруг его мощной и неординарной личности в самый тяжелый для страны час сплотились силы патриотов, именно он направлял и координировал политику народного ополчения. Страстный голос Московского

патриарха неустанно призывал русских людей к прекращению Смуты и поднимал на борьбу с оккупантами.

В одном известном фантастическом сериале старый учитель напутствует героя словами: «Иди по жизни своей дорогой: если ты достаточно мудр, силен и тверд в своем выборе — Вселенная присоединится к тебе!» Мне кажется, эти слова очень подходят Гермогену. Еще со времен Бориса Годунова, будучи казанским митрополитом, он придерживался твердой и недвусмысленной позиции: стране нужен русский царь, избранный «Всей Землей». Только в этом случае народ сможет объединиться вокруг личности монарха и прекратить междоусобицы. За годы Смуты счастье не раз улыбалось узурпаторам, самозванцам и иноземцам. Царский венец покупали* и захватывали силой. Перед выборами 1613 года бояре предлагали трон принцам трех соседних стран: Польши, Швеции и Германской империи. Но в итоге история пошла по пути, указанном ей Гермогеном! Лидеры патриотов, уже после его мученической смерти, помогли взойти на трон юноше, которого патриарх предлагал избрать царем еще в 1610 году.

Почему Гермоген считал Михаила наиболее подходящим претендентом на трон? Зачем пошел ради него на верную смерть? В условиях Смуты, когда интересы политически активных слоев общества — боярства, духовенства, дворянства, купечества и казацких таборов — разошлись в разные стороны, нужен был кандидат, который одинаково приемлем для всех и ни у кого не вызывает отторжения. Михаил Романов устраивал большинство бояр, поскольку был сыном лидера самого многочисленного из их кланов. Подавляющей массе дворян и купцов, при прочих равных условиях, выгоднее было возвести на трон представителя нетитулованной старомосковской знати, лучше прочих понимавшей интересы «воинства» и посадов. Духовенству больше подходил «высокоморальный» кандидат, не замешанный, в отличие от остальных, в изменах и клятвопреступлениях времен Смуты. Казаки с удовольствием

* Имеются в виду щедрые «серпуховские пожалования» Бориса Годунова.

проголосовали за сына «тушинского патриарха» Филарета, одного из самых популярных лидеров «воровского» лагеря.

Однако в России XVII века «наиболее подходящий кандидат» еще не означало «проходной». В выборах великого князя или царя ведущую роль традиционно играла Дума, а среди «больших бояр» у Романовых было много недоброжелателей. Выскородные Рюриковичи и Гедиминовичи не желали пропускать Михаила к вершинам власти. Похоже, Гермоген предвидел такой вариант развития событий. Понимая, что сам он вряд ли доживет до царских выборов, патриарх заранее подобрал команду единомышленников, способных довести его план до логического конца. Минин, Пожарский и Дионисий построили выборную кампанию так, что Дума вступила в дело лишь на заключительном этапе, когда соборное большинство было уже на стороне Романовых. Чтобы лишить бояр последних шансов на успешное сопротивление, в ход был пущен «кровный» аргумент: с подсказки троицких монахов казаки потребовали, чтобы Михаила избрали царем как ближайшего родственника угасшей династии Калиты. Думе трудно было возразить против принципа, который она уже однажды узаконила, возведя на трон Бориса Годунова. К тому же казаки и жители московских посадов недвусмысленно показали, насколько решительно они настроены... В этой ситуации бояре сочли за лучшее присоединиться к мнению соборного большинства.

Существует предание, что сторонник и родственник будущего царя Федор Шереметев во время работы Собора писал Василию Голицыну: «Выберем Мишку Романова, он ножками слаб и умом не дошел, нам при нем будет повадно». Это, конечно, легенда. Шереметеву не требовалось убеждать находящегося в польском плену боярина, который никак не мог повлиять на решения Собора. Да Голицына и невозможно было ни в чем убедить — он сам мечтал взойти на российский престол. Но о том, что при юном Романове им «будет повадно», втайне думал каждый из голосующих за него бояр. Аристократы жестоко заблуждались. Уже через 20 лет Михаил и его отец Филарет добились того, чего не удалось достичь ни опричникам Ивана Грозного, ни Сыскному приказу

Бориса Годунова, ни наемным гвардейцам Лжедмитрия, ни тайным соглядатаям Василия Шуйского. Романовы коренным образом реформировали систему государственного управления и резко снизили влияние Боярской думы.

Результаты политической реформы благотворно сказались на судьбе страны. Во второй половине XVII века при «тишайшем» сыне Михаила Алексее Россия отвоевала потерянный Смоленск, а заодно забрала у поверженной Речи Посполитой все левобережье Украины вместе со столицей Древней Руси, городом Киевом. При внуке Михаила Петре, еще при жизни прозванном Великим, Москва не только сделала Польшу своим фактическим протекторатом, но и сокрушила в Северной войне одну из сильнейших европейских держав того времени, Швецию. Таким образом, уже через три поколения Россия оправилась от Смуты и превратилась в могучую мировую империю.

Вопреки расхожему мнению, новые властители страны не забыли о тех, кто помогал им в борьбе за престол. Вожди Второго ополчения до конца своих дней занимали высокие посты в правительстве Романовых. Дмитрий Пожарский получил чин боярина и в дальнейшем еще не раз водил в бой русскую армию. Минин умер через три года после коронации Михаила. Но и его не обошли высокие должности — когда весной 1615 года царь отъезжал из Москвы на богомолье, его обязанности исполняла особая комиссия. В состав ее Михаил назначил четырех бояр и думного дворянина Кузьму Минина...

Преследованиям при первом Романове подвергся только Дионисий, но это лишь потому, что о его роли в осуществлении тайного плана Гермогена не знал никто, кроме Филарета. Когда тот вернулся из плена, все обвинения с троцкого архимандрита были сняты. Впрочем, как и в случае с письмом Шереметева, легенда «о неблагодарных Романовых» имеет под собой серьезное основание. Подвиги погибшего за Родину и веру патриарха Гермогена до сих пор неизвестны широкой публике. В первые годы Михаилу и Филарету было не до замученного оккупантами героя — дай бог разобраться с текущими проблемами. Затем, при Алексее Михай-

ловиче и патриархе Никоне, тело Гермогена с почестями перенесли из Чудова монастыря в Успенский собор Московского Кремля. Однако вскоре глава церкви рассорился с царем из-за власти, и им обоим стало не до Гермогена.

Император Петр Алексеевич пост первосвященника упразднил, передав церковь под управление государственно-бюрократической коллегии — Священного Синода. В свете принятых решений ему было не с руки прославлять кого-либо из ранее живших патриархов. Вот так и получилось, что о Гермогене вспомнили лишь на 300-летие дома Романовых. В 1913 году Русская православная церковь причислила его к лику святых. Вскоре после этого началась Первая мировая война, затем революция... И всем снова стало не до героя-патриарха. Прошло еще сто лет. В 2013 году на Манежной площади у стен Московского Кремля открыли памятник Гермогену. Однако вокруг его подвига по-прежнему царит информационный вакуум: ни пьес, ни кинофильмов, ни романов, ни обширных исторических исследований. Данная книга восполняет этот пробел, но лишь отчасти...

Надеюсь, в будущем ситуация изменится.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

А нужно ли нам это: переписывать историю? И какая, в сущности, разница — одну войну вела Россия в 1512—1634 годах или несколько?! Может, проще оставить все как есть?.. Найдется ли в новом знании что-то такое, что позволит нам лучше понять окружающий мир или извлечь из него дополнительную пользу в будущем?

Если внимательно присмотреться к важнейшим политическим событиям России XVII—XXI веков, в них можно найти много общих черт с историей Франции. Покончив со своими Столетними войнами, обе наши страны уверенно двинулись по пути развития абсолютизма. Что характерно, «наиболее самовластный» из французских королей — Людовик XIV — взошел на трон в 1643 году, спустя 190 лет с момента окончания войны 1337—1453 годов. У нас в стране через 191 год после Поляновского мира императорскую

корону надел Николай I, при котором максимального развития достигло уже российское самодержавие.

Затем, спустя какое-то время после кончины «самого абсолютного из монархов», в обеих странах произошли великие (и очень кровавые) социальные революции. Во Франции это случилось через 74 года после смерти Людовика XIV. Однако тут надо отметить, что большинство активных революционеров перед этим восемь лет сражались по другую сторону океана за независимость США. Естественным союзником американцев против Англии все это время была французская корона, борьбу против которой будущие «мараты» и «робеспьеры» на это время, естественно, отложили. Россия до революции 1917 года «дозрела» уже через 62 года после кончины Николая I. Но это «ускорение» легко объясняется хроническими неудачами царской армии в боях 1914–1917 годов, а также подрывной деятельностью многочисленных иностранных агентов, заинтересованных в досрочном выходе России из Первой мировой войны.

В обеих странах вскоре после великих революций наступила фактическая реставрация монархии под новым названием. Во Франции в 1799 году Наполеон Бонапарт провозгласил себя первым консулом, а вскоре и императором. В России после репрессий 1937–1938 годов установилась единоличная диктатура генсека ЦК Иосифа Сталина. Произошли эти два события спустя 84 года после смерти Людовика XIV и через 83 года после ухода из жизни Николая I соответственно.

И наконец, последнее: обе «вторичные монархии» оказались не особенно устойчивы... Во Франции правление Наполеона I в 1815 году завершилось реставрацией Бурбонов. Затем, в результате переворота 1830 года, власть на 18 лет перешла к королю из династии Орлеанидов — Луи Филиппу. После революции 1848 года в стране ненадолго установилась республика. В 1851 году ее президент Луи Бонапарт совершил государственный переворот и стал диктатором. Год спустя он объявил себя новым императором Наполеоном III. Однако в 1870 году, после поражения в войне против Пруссии, последний из монархов потерял престол. С тех пор во Франции установилось прочное республиканское правление.

Неустойчивой оказалась и власть генсеков в России. После смерти Сталина в 1953 году его соратники по Политбюро вступили в смертельную схватку за кресло вождя. В результате долгих интриг и череды переворотов победу одержал Хрущев, пообещавший своим сторонникам «восстановление ленинских принципов демократии» и «коллективное руководство» страной. На какое-то время в государстве установилась оттепель: из тюрем и лагерей вышли репрессированные, управление на всех уровнях стало более демократичным, часть полномочий перешла от руководителя партии к Политбюро и ЦК. Однако вскоре этому наступил конец. В 1964 году после очередного переворота к власти пришел Брежнев. К 1966 году он восстановил власть генсека «в сталинском объеме». На 25 лет управление страной сосредоточилось в руках ее единоличного правителя. И лишь в 1991 году, уже при Горбачеве, власть генсека рухнула окончательно.

Таким образом, в нашей стране «вторичная монархия» прекратила свое существование через 74 года после Великой Октябрьской революции, в то время как во Франции между началом Великой буржуазной революции и свержением Наполеона III прошел 81 год. Однако нужно учесть, что падение власти генсеков ускорила изнурительная холодная война, а международное положение Франции вплоть до 1870 года складывалось для Наполеона III на редкость благоприятно.

Возможно, эти совпадения случайны... Но не исключено также, что мы имеем дело с двумя схожими историческими ситуациями, в которых одни и те же причины постоянно приводят Россию и Францию к очень близким следствиям. Если эти причины как-то связаны со Столетними войнами, то у нас есть чуть больше 120 лет французской истории, которые имеет смысл внимательно изучить. А после — попытаться понять: какие перспективы могут ждать Россию в ближайшем будущем. Не исключено, что в результате подобных исследований у нас появится инструмент, дающий возможность в определенных политических ситуациях повысить шансы на успех или сгладить последствия грядущих неудач...

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Смоленские походы Василия III	11
Глава 2. Детские годы Ивана IV. Война Елены Глинской. Боярское правление	23
Глава 3. Юность государя. Падение Глинских. Появление Избранной рады	36
Глава 4. Реформы Ивана IV. Покорение Казани и Астрахани.....	48
Глава 5. Начало Ливонской войны. Падение правительства Избранной рады	62
Глава 6. Появление опричнины. Образование Речи Посполитой.....	75
Глава 7. Южный натиск на Россию 1569—1572 годов. Смерть Сигизмунда II и выборы нового короля Речи Посполитой.....	86
Глава 8. Частная война Ивана Грозного. Стефан Баторий собирает силы и идет на Русь	100
Глава 9. Героическая оборона Пскова. Ям-Запольский договор 1582 года	112
Глава 10. Московский диспут папского легата. Окончание Ливонской войны. Смерть Ивана Грозного	124
Глава 11. Борьба за власть после смерти Ивана IV. Сигизмунд III — новый король Речи Посполитой. Успехи Годунова во внутренней и внешней политике.....	139
Глава 12. Религиозная война в Речи Посполитой. Смерть Федора Иоанновича и ее последствия	153
Глава 13. Коронация царя Бориса. Сигизмунд III предлагает России дружбу. Зерна Смуты — внешние и внутренние	164

Глава 14. Польские скитания самозванца. Начало Смутного времени. Юг России переходит на сторону Лжедмитрия I.....	178
Глава 15. Смерть царя Бориса. Крушение династии Годуновых.....	191
Глава 16. Самозванец на русском троне. Свадьба и смерть Лжедмитрия I.....	205
Глава 17. Коронация Василия Шуйского. Армия Болотникова идет на столицу. Появление Лжедмитрия II....	217
Глава 18. Войска Лжедмитрия II осаждают Москву. Дождавшись максимального ослабления России, в войну вступает Сигизмунд III	233
Глава 19. Распад тушинского лагеря. Смерть Михаила Скопина. Поражение под Клушином	248
Глава 20. Свержение Василия Шуйского. Переход власти к Семибоярщине. Гибель Лжедмитрия II	261
Глава 21. Первое земское ополчение. Сожжение Москвы. Появление Лжедмитрия III.....	277
Глава 22. Успехи политики Минина и Пожарского. Свержение последнего самозванца. Освобождение Москвы....	294
Глава 23. Царские выборы 1613 года. Причины победы Михаила Романова.....	309
Глава 24. Коронация царя Михаила. Война с Польшей, Швецией и отпавшими окраинами. Деулинское перемирие 1618 года	325
Глава 25. Реформы патриарха Филарета. Подготовка к новому походу на Смоленск	343
Глава 26. Военная кампания 1632—1634 годов. Капитуляция армии Шеина. Условия Поляновского мира	359
Заключение.....	375
Послесловие	379

Научно-популярное издание

От Руси к империи

Путятин Александр Юрьевич

**ОГНЕМ И МЕЧОМ
РОССИЯ МЕЖДУ «ПОЛЬСКИМ ОРЛОМ»
И «ШВЕДСКИМ ЛЬВОМ». 1512–1634 гг.**

Выпускающий редактор *А.А. Скороход*

Корректор *О.Б. Бубликова*

Верстка *А.Ю. Киселев*

Художественное оформление *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 31.03.2014. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура «PetersburgС». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 12. Тираж 1500 экз. Заказ № 2219.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

В книге «Огнем и мечом. Россия между
"польским орлом" и "шведским львом".
1512–1634 гг.» Александр Путятин описывает
события судьбоносного для нашей страны
периода, который на века определил её место
в мировой истории.

Смоленские походы Василия III, Ливонская
война Ивана Грозного, борьба русского народа
против польско-литовских оккупантов
во времена Смуты, неудачный поход Михаила
Шеина предстают перед читателями в форме
единого вооружённого конфликта, длившегося
более века великой войны, в которой Россия
отстояла свою независимость и навсегда
покончила с мечтами польско-литовского союза
о гегемонии в Восточной Европе.

ISBN 978-5-4444-2128-4

9 785444 421284

